

ВЕСТНИК Академии МВД Республики Беларусь

Научно-практический журнал
№ 2 (36), 2018

Издается с января 2001 г.

Выходит 2 раза в год

Учредитель и издатель –
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»

Главный редактор *И.И. Басецкий*
Редактор *И.В. Ничипор*
Технический редактор *Ю.С. Романюк*
Корректор *А.С. Мигно*

Адрес редакции:
пр-т Машерова, 6, 220005, Беларусь, Минск.
Тел. 289 23 19.
E-mail: vestnik@amia.unibel.by

Индексы издания:
74923 – для индивидуальной подписки;
749232 – для ведомственной подписки

Свидетельство о государственной регистрации
средства массовой информации
от 07.05.2010 № 1352, выданное
Министерством информации Республики Беларусь

Журнал «Вестник Академии МВД
Республики Беларусь» включен приказом ВАК
Республики Беларусь от 04.07.2005 № 201
(в редакции приказа ВАК Республики Беларусь
от 02.02.2011 № 26) в Перечень научных изданий
Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
и в Российский индекс научного цитирования
(лицензионный договор от 13.03.2015 № 14-03/2015)

Подписано в печать 18.12.2018. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 31,16. Уч.-изд. л. 27,65.
Тираж 110 экз. Заказ 397.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
ЛИ № 02330/447 от 18.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск

Редакционная коллегия:

В.А. Ананич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор;
И.И. Басецкий, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь;
А.Ф. Вишнеvский, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;
В.Ф. Ермолович, доктор юридических наук, профессор;
Т.В. Казак, доктор психологических наук, профессор;
А.Н. Пастушeня, доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;
А.С. Рубис, доктор юридических наук, профессор;
А.Л. Савeнок, доктор юридических наук, доцент;
В.Г. Стуканов, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент;
В.М. Хомич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь;
В.Б. Шабанов, доктор юридических наук, профессор;
А.В. Башан, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Республики Беларусь;
В.С. Гайдельцов, кандидат юридических наук, доцент;
А.А. Подупейко, кандидат юридических наук, доцент;
А.В. Яскевич, кандидат юридических наук, доцент

© УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ADMINISTRATIVE LAW AND MANAGEMENT BODIES OF THE INTERIOR

- Борейко Н.Н., Ермолович В.Ф.** Об ответственности за нарушения порядка использования беспилотных летательных аппаратов на Государственной границе Республики Беларусь и приграничной территории 5
- Гиммельрейх О.В.** Административно-правовой институт ротации руководящих кадров в системе органов внутренних дел 9
- Дегонский С.Ю.** О совершенствовании организации деятельности органов внутренних дел 15
- Егоров Д.А.** Метод убеждения в деятельности субъектов обеспечения безопасности объектов использования атомной энергии: отдельные направления совершенствования 21
- Касьянчик С.С.** «Уличные» обязанности сотрудников органов внутренних дел: от вопросов регламентации к проблемам реализации 25
- Климченя В.С.** Угрозы общественному порядку и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий: понятие и критерии классификации 32
- Левшук О.И.** Пути совершенствования института возмещения вреда, причиненного административным правонарушением 36
- Носкевич И.Д.** Формы реализации государственной кадровой политики в органах предварительного следствия 42
- Семенюк Д.П.** Противодействие современной таможенной преступности: основные направления 48
- Сиваков Ю.Л.** Об актуализации вопроса обособления управленческих наук 53
- Федорович А.Л.** Контрольная закупка: перспективы использования в деятельности органов внутренних дел по противодействию административным правонарушениям 58
- Шабан А.А.** Административно-правовые формы и методы деятельности ГАИ 63

- Borejko N.N., Ermolovich V.F.** About some issues of responsibility for violations of the use of battle fighting machines on the state border of the Republic of Belarus and the border territory 5
- Gimmelreikh O.V.** Administrative and legal institute of rotation of the managerial personnel in system law-enforcement bodies 9
- Degonsky S.J.** Improvement of the organization of the activity of the bodies of internal affairs 15
- Egorov D.A.** Method of conviction in the activities of the subjects responsible for the safety of nuclear facilities: some directions for improvement 21
- Kasyanchik S.S.** "Street" duties of employees bodies of internal affairs: from the issues of regulation to the problems of implementation 25
- Klimchenya V.S.** Threats to the public order and safety during mass events: the concept and criteria of classification 32
- Levshuk O.I.** Ways of perfection of institute of compensation of harm caused by an administrative offence 36
- Noskevich I.D.** Forms of Implementation of the State Personnel Policy in Preliminary Investigation Agencies 42
- Semeniuk D.P.** Contradiction of contemporary customs crime: main directions 48
- Sivakov Y.L.** About updating of the question of isolation of administrative sciences 53
- Fedarovich A.L.** Control purchase: prospects for use in the operation of the internal affairs bodies to counter administrative offences 58
- Shaban A.A.** Administrative and legal forms and methods of the state inspection of the road police 63

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

CRIMINALISTICS, FORENSIC EXPERT ACTIVITY, OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITY

- Басецкий И.И., Тукало А.Н.** Парадигма научного творчества коллективов кафедры оперативно-розыскной деятельности, научно-педагогической школы в области юриспруденции «теория и практика противодействия преступности с применением оперативно-розыскных сил, средств и методов» 68
- Борисова Ж.А.** Вопросы квалификации хищения электронно-цифровых (виртуальных) объектов путем использования компьютерной техники 71
- Веремеенко В.М.** Дача взятки как коррупционное преступление 76
- Ковальчук А.А.** Особенности применения специальных знаний при выявлении хищений, совершаемых с использованием реквизитов банковских платежных карточек, и установлении лиц, их совершивших 82
- Толочко А.Н.** Теория оперативно-розыскной деятельности: место, роль, значение в системе юридических наук криминального цикла 86
- Цынкевич В.Н.** Некоторые способы совершения хищений в текстильной и швейной отраслях легкой промышленности 91

- Basetsky I.I., Tukalo A.N.** Scientific researches of the Department of Detective Activity, scientific-pedagogical school in the field of "theory and practice of detective activity, which receive approval, support and prospects of development" 68
- Borisova Z.A.** Issues of qualification of thefts of electronic-digital (virtual) objects by the use of computer technology 71
- Veremeenko V.M.** Giving the branch as a corruption crime 76
- Kovalchuk A.A.** Application of special knowledge in detection of thefts committed with details of bank payment cards, and identification of the persons who committed them 82
- Tolochko A.N.** The Theory of Detective Activities: its place, role, importance in the system of Legal Sciences of the criminal cycle 86
- Tsynkevich V.N.** Certain methods of committing thefts in textile and clothing branches of light industry 91

<i>Юбко Ю.М., Михневич В.Н.</i> Организация проверки органом дознания по заявлениям (сообщениям) о совершении хищения должностным лицом жилищно-коммунального хозяйства	96	<i>Yubko Y.M., Mikhnevich V.N.</i> The organization of verification by the body of inquiry upon the claims on embezzlement committed by an official of the housing sector	96
<i>Янчик В.Д.</i> Экспертно-криминалистическое обеспечение стадии возбуждения уголовного дела и первоначальный этап расследования преступлений против жизни и здоровья человека	102	<i>Yanchyk V.D.</i> The fundamentals of forensic support investigation of the stage of institution of criminal proceedings and the first stage of investigation of crimes against human life and health	102
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС		CRIMINAL PROCESS	
<i>Мытник П.В.</i> Суды, не входящие в судебную систему Республики Беларусь (через призму процессуальной экономики) (Часть 1)	105	<i>Mytnik P.V.</i> Courts outside the Judicial System of the Republic of Belarus (in terms of procedural economy) (Part 1)	105
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ		ECONOMIC SECURITY	
<i>Вакульчик М.А.</i> Диалектика закономерностей теоретико-правового обеспечения взаимодействия оперативных подразделений правоохранительных органов в защите экономической безопасности в Республике Беларусь	111	<i>Vakulchik M.A.</i> The dialectic of the laws of theoretical and legal support interaction of operational law enforcement units in protection of economic security in the Republic of Belarus	111
<i>Кравцова М.А., Гаркуша Ю.Н.</i> О правонарушениях в сфере оборота подакцизных товаров	114	<i>Kravtsova M.A., Garkusha Y.N.</i> About offenses in the field of excise duty turnover of goods	114
КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО		CRIMINOLOGY, CRIMINAL LAW, PENAL LAW	
<i>Алексина Я.П.</i> Институт прекращения производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности: история становления и развития	118	<i>Aleksina Y.P.</i> Institution of termination of criminal proceedings with the discharge from criminal liability: history and development	118
<i>Гайкович С.Л.</i> Изменение условий отбывания наказания как способ дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы	122	<i>Gaikovich S.L.</i> Changing the penalties of denying punishment as a method of differentiation of execution of punishment as a depreciation of freedom	122
<i>Жук А.А.</i> Исполнение лишения свободы в следственных изоляторах и тюрьмах в отношении осужденных, оставленных для хозяйственного обслуживания	126	<i>Zhuk A.A.</i> Execution of deprivation of liberty in pre-trial detention centers and prisons in relation to convicts left for economic service	126
<i>Зайцев В.П.</i> Генезис наложения ареста на имущество в белорусском уголовном процессе	130	<i>Zaitsev V.P.</i> The genesis of sending arrest on property in the belarusian criminal process	130
<i>Катцова Т.М.</i> Международный проект «Образование открывает двери»: особенности реализации и основные достижения	135	<i>Kattsova T.M.</i> International project "Education opens doors": contents and main achievements	135
<i>Кашинский М.Ю.</i> Роль личностных детерминант в генезе преступности и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами	139	<i>Kashinsky M.Y.</i> The role of personal determinants in the genesis of crime and deviant behavior of persons with mental disorders	139
<i>Кийко Н.В., Реент Я.Ю.</i> Деятельность общественных советов как форма участия граждан в работе пенитенциарной службы (российский опыт)	145	<i>Kiyko N.V., Reent Y.Y.</i> Activities of public advice, as the form of participation of citizens in the work of the penitentiary service (russian experience)	145
<i>Лежкий А.О.</i> Характеристика пенитенциарной преступности	148	<i>Legkiy A.O.</i> The characteristic of penitentiary crime	148
<i>Савенок А.Л.</i> Причинение вреда беспилотным автомобилем: проблемы квалификации	153	<i>Savenok A.L.</i> Causing harm by a self-driving car: qualification problems	153
<i>Стальбовский В.В.</i> Отличительные признаки педофилов (сленг, символика, среда особой активности)	156	<i>Stalbovsky V.V.</i> Distinctive features of pedophiles (slang, symbolic, medium of special activity)	156
<i>Терещенко Т.Г.</i> Этизация государственной службы: вопросы принятия стандартов поведения	162	<i>Tereshchenko T.G.</i> Ethnization of state service: issues of adoption of standards of conduct	162
ГРАЖДАНСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО		CIVIL AND LABOR LAW, CONSTITUTIONAL AND INTERNATIONAL LAW	
<i>Березнёв Р.Ю.</i> Неправомерное использование маркетинговых технологий: гражданско-правовые способы защиты	168	<i>Bereznoyv R.Y.</i> Civil measures of protection against illegal marketing technologies	168
<i>Боровая Е.В.</i> Дисциплинарная ответственность как особый вид юридической ответственности	171	<i>Borovaya A.V.</i> Disciplinary liability as a special kind of legal liability	171
<i>Бородич А.И.</i> Международное сотрудничество по противодействию коррупции	174	<i>Borodich A.I.</i> International cooperation on counteraction to corruption	174
<i>Волков В.А.</i> Понятие и виды актов Конституционного Суда Республики Беларусь	179	<i>Volkov V.A.</i> Concept and types of acts of the Constitutional Court of the Republic of Belarus	179

<i>Григорьева Е.Н.</i> Основные тенденции развития прав ребенка в новом тысячелетии	183	<i>Grigorieva E.N.</i> Main trends in the development of child rights in the new millennium	
<i>Ермоленко Е.В.</i> Нотариат в системе органов гражданской юрисдикции Республики Беларусь	187	<i>Ermolenko E.V.</i> Notariate in the system of bodies of civil jurisdiction of the Republic of Belarus	
<i>Колбасин Д.А.</i> Теоретико-правовая характеристика определенности и защиты чести, достоинства, деловой репутации физических и юридических лиц	190	<i>Kolbasin D.A.</i> Theoretical and legal characteristics of the definition and protection of honor, dignity, business reputation of physical and legal persons	
<i>Пенкрат В.И.</i> Правовая защита семьи в Республике Беларусь	195	<i>Penkrat V.I.</i> Legal protection of the family in the Republic of Belarus	
<i>Подупейко А.А.</i> Право на неприкосновенность личности и информационно-коммуникационные технологии	200	<i>Podupeyko A.A.</i> The right to personal integrity and information and communication technologies	
<i>Серёда Р.А.</i> Правоохранение и правоограничение в деятельности органов внутренних дел: вопросы соотношения и обусловленности (Часть 2)	204	<i>Sereda R.A.</i> Law-enforcement and legal restriction in activities of internal affairs agencies: questions of correlations and causality (Part 2)	
<i>Чигилейчик А.В.</i> Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации при распространении порочащих сведений в средствах массовой информации	207	<i>Chigileychik A.V.</i> Civil protection of honour, dignity and business reputation at dissemination of the damaging evidence in mass media	

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Вишневецкий А.Ф., Григорьев А.В.</i> Соотношение понятий «полиция» и «милиция» в юридической доктрине: проблемы научного осмысления	213
<i>Григорьев А.В.</i> Проблема элементарного состава правовой нормы в теоретической юридической науке и отраслях белорусского права (Часть 1)	218
<i>Козел А.А.</i> Религиозные истоки римского права в контексте современной юриспруденции	222
<i>Лапанович С.Ф.</i> Деятельность Минской школы милиции имени М.В. Фрунзе (вторая половина 20–30-х гг. XX в.) (Часть 2)	227
<i>Сувалаў А.М.</i> Ідэалагічная складаючая ў вызначэнні этнічнай прыналежнасці беларусаў у навуцы 20–30-х гг. XX ст.	232

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

<i>Пастушеня А.Н.</i> Проблемные вопросы и идеи для развивающейся психологической теории управления органами внутренних дел	236
<i>Стуканов В.Г.</i> Деформации правосознания личности: психологические аспекты	241
<i>Стульба С.А.</i> Психологическая характеристика профессионального стресса в управленческой деятельности руководителей органов внутренних дел	245
<i>Урбанович А.А.</i> Представления о методах воздействия на подчиненных как элементе индивидуальной управленческой концепции руководителя	249

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Басецкий И.И.</i> О возможностях сближения оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства	253
---	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

<i>Ескендиоров А.А.</i> Институт ювенальной юстиции в странах Центральной Азии	257
<i>Осяк А.Н., Капранова Ю.В., Овсепян Г.М.</i> Приоритетные направления борьбы с коррупцией в контексте измерения коррупционных проявлений	260
<i>Поникаров В.А., Павлова Л.В., Мацуков Н.Н.</i> Усовершенствование классификации функций управления в административно-правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы России	264

Требования к оформлению статьи в журнал «Вестник Академии МВД Республики Беларусь»	268
---	-----

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

<i>Vishnevsky A.F., Grigoriev A.V.</i> Problems of scientific thinking the ratio of the concepts “police” and “militia” in legal doctrine	
<i>Grigoriev A.V.</i> The problem of elemental composition of legal norms in the theoretical legal science and branches of belarusian right (Part 1)	
<i>Kozel A.A.</i> Religious origins of Roman law in the context of modern jurisprudence	
<i>Lapanovich S.F.</i> The activities of Minsk school of militia named after M.V. Frunze (second half of the 20’s and 30’s of the XX-th century) (Part 2)	
<i>Suvalau A.M.</i> The ideological component in determining the ethnic affiliation of the belarusians in science of the 20’s –30’s of the XX century	

JURIDICAL PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

<i>Pastushenya A.N.</i> The problematic issues and ideas for the developing psychological theory of managing the internal affairs bodies	
<i>Stukanov V.G.</i> Psychological approach to research of the deformations of the legal consciousness of personality	
<i>Stulba S.A.</i> Psychological characteristics of professional stress in the management activity of the heads of the internal affairs bodies	
<i>Urbanovich A.A.</i> Understanding of methods of influence on subordinates as an element of individual managerial concepts of the head	

DISCUSSION ORDER

<i>Basetsky I.I.</i> About the rapprochement of the detective activity and criminal procedural legislation	
--	--

INTERNATIONAL COOPERATION

<i>Yeskendirov A.A.</i> Institute of Juvenile Justice in Central Asia	
<i>Osyak A.N., Kapranova Y.V., Ovsepyan G.M.</i> The priority directions of fight against corruption in the context of measuring corruption	
<i>Ponikarov V.A., Pavlova L.V., Macukow N.N.</i> Improvement of classification of management functions in administrative law enforcement activities of the criminal-executive system of Russia	

The requirements of article of the journal „Bulletin of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus“	
---	--

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

УДК 342.9:343.3

Н.Н. Борейко, заместитель начальника главного управления – начальник управления предварительного расследования и правового обеспечения оперативной деятельности Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, соискатель адъюнктуры Института национальной безопасности

(e-mail: nn_borejko@mail.ru);

В.Ф. Ермолович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail: v.ermolovich@mitso.by)

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ПОРЯДКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ПРИГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Проанализировано действующее законодательство, регламентирующее порядок использования беспилотных летательных аппаратов и ответственность за нарушения в этой сфере на Государственной границе Республики Беларусь. На основании анализа правоприменительной практики, прогнозирования проблем обеспечения национальной безопасности высказаны конкретные предложения по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: административная ответственность, уголовная ответственность, беспилотные летательные аппараты, пограничный режим, органы пограничной службы, Государственная граница Республики Беларусь.

С начала 90-х гг. XX в. в мире отмечается устойчивый интерес к комплексам с беспилотными летательными аппаратами (БЛА). Кроме использования в качестве вооружений они широко внедряются в иные сферы деятельности: оказание услуг, научные исследования, почтовые отправления и т. п. В условиях активного развития информационных технологий, снижения стоимости комплектующих, создания массового производства и доступности в приобретении расширяются масштабы использования БЛА, в том числе незаконного.

Свидетельством этому выступают и результаты служебной деятельности Государственного пограничного комитета Республики Беларусь по противодействию нарушениям законодательства на Государственной границе Республики Беларусь и приграничной территории. Так, с 2014 г. отмечается значительное увеличение случаев применения в противоправной деятельности различных высокотехнологичных способов, в том числе использования летательных аппаратов. Например, в июле 2017 г. выявлен случай применения парадельтапланов для незаконного перемещения в страны Европейского Союза табачных изделий [1]. В том же году органами пограничной службы зафиксировано 79 случаев обнаружения малоразмерных летающих объектов в районе Государственной границы и в пределах пограничной зоны (полосы). Из них пять объектов были идентифицированы как БЛА [2]. Подобные негативные факты отмечены и в текущем году: были выявлены еще пять случаев применения БЛА, связанных с перемещением табачных изделий через границу, а также с осуществлением фото- и видеосъемки объектов, расположенных в пограничной зоне, без уведомления должностных лиц органов пограничной службы [3].

В Республике Беларусь создана и эффективно функционирует нормативная правовая база, регулирующая вопросы использования БЛА. Ее основу составляет Воздушный кодекс Республики Беларусь, в котором даются определения БЛА и оператора БЛА. Ими соответственно являются воздушное судно, предназначенное для выполнения полета без экипажа на борту, и лицо нелетного авиационного персонала, осуществляющее управление БЛА с помощью технических средств.

Кроме того, правовое обеспечение применения БЛА урегулировано рядом иных нормативных правовых актов. К основным из них относятся:

Правила использования воздушного пространства Республики Беларусь, утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 ноября 2006 г. № 1471;

Авиационные правила полетов в воздушном пространстве Республики Беларусь, утвержденные постановлением Государственного комитета по авиации Республики Беларусь и Министерством обороны Республики Беларусь от 1 июня 2004 г. № 7/30;

Авиационные правила организации и выполнения полетов государственных беспилотных летательных аппаратов Республики Беларусь, утвержденные постановлением Минобороны от 4 декабря 2009 г. № 72, и др.

В свою очередь, Указом Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2016 г. № 81 и постановлением Совмина от 16 августа 2016 г. № 636 отдельно регламентирован порядок использования такого вида БЛА, как авиационная модель.

Нарушение порядка, установленного вышеуказанными и иными нормативными правовыми актами, касающимися правил использования воздушного пространства либо авиамodelей в Республике Беларусь, влечет ответственность по ст. 18.41 КоАП.

Что касается обеспечения пограничной безопасности, то использование БЛА на Государственной границе и в пределах пограничной зоны (полосы) имеет особый правовой режим. Он основан на положениях ст. 39 Закона Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 419-З «О Государственной границе Республики Беларусь» (далее – Закон о Государственной границе) и регулируется постановлением Минобороны от 15 июня 2015 г. № 13 «О правилах содержания и использования в пограничной зоне и пограничной полосе летательных аппаратов» (далее – постановление № 13). При этом за нарушение порядка содержания и использования в пограничной зоне (полосе) летательных аппаратов, в том числе БЛА, предусмотрена ответственность по ст. 23.30 КоАП, которая наступает за совершение следующих деяний:

пользование и (или) владение БЛА в пограничной полосе;

пользование и (или) владение в пределах пограничной зоны БЛА, подлежащими государственной регистрации и не зарегистрированными в установленном порядке в соответствующем государственном реестре воздушных судов;

неисполнение лицами, содержащими в пограничной зоне БЛА, а также осуществляющими полеты, обязанности по уведомлению об этом дежурного по ближайшему территориальному органу пограничной службы до начала и после окончания пользования и (или) владения БЛА массой более 1 кг;

оставление БЛА вне населенных пунктов, расположенных в пограничной зоне, без уведомления дежурного по ближайшему подразделению территориального органа пограничной службы.

Таким образом, вопросы правового регулирования использования БЛА как на территории Республики Беларусь, так и в пределах пограничной зоны (полосы), а также на Государственной границе в целом урегулированы.

Однако несмотря на актуальность и значимость рассматриваемой проблемы вопросы обеспечения пограничной безопасности недостаточно изучены. Публикации по данной тематике недостаточно распространены. Среди них можно отметить выступления С.С. Семикина [4, с. 48–54], А.М. Анохина [5, с. 21–26], научно-практический комментарий к ст. 39 Закона о Государственной границе [6]. Вопросы ответственности за правонарушения в этой сфере изучались С.П. Бондаровичем [7], Н.Н. Борейко [8], авторским коллективом научно-практического комментария к КоАП [9] и др.

Анализ служебной деятельности органов пограничной службы, а также прогнозируемые риски, вызовы и угрозы пограничной и национальной безопасности указывают на необходимость корректировки действующей нормативной правовой базы.

Так, видится необходимым изменить подп. 1.2 п. 1 постановления № 13, обязывающий уведомлять ближайший территориальный орган пограничной службы о содержании и осуществлении запуска БЛА в пограничной зоне только в случае, если его масса составляет более 1 кг.

В феврале 2017 г. от ответственности по ч. 1 ст. 23.30 КоАП в части, касающейся применения БЛА, освобожден С., использовавший в пограничной зоне без уведомления сотрудников Сморгонской пограничной группы квадрокоптер марки SYMA X 8HW с видеокамерой и картой памяти объемом 4 Gb. Общий вес изделия составил 0,6 кг [10]. Из этого следует, что БЛА массой меньше 1 кг также способны нести полезную нагрузку, в том числе осуществлять фотосъемку и видеозапись. Таким образом, общественная опасность названных действий не должна зависеть от массы устройства.

Необходимость указанного изменения также вытекает из положений абз. 5 ч. 1 п. 5 Правил использования авиамodelей в Республике Беларусь, утвержденных постановлением Совмина от 16 августа 2016 г. № 636, запрещающего использовать без маркировки авиамodelь общей массой более 0,5 кг.

Для справки, в Российской Федерации решается вопрос об обязательной регистрации всех БЛА весом от 0,25 кг.

Представляется целесообразным внести изменения и дополнения в Закон о Государственной границе и расширить действие правил содержания и использования летательных аппаратов в пограничной зоне (полосе) на всю приграничную территорию. Актуальность представленных мер вызвана строительством в ее пределах Островецкой АЭС и полномочиями органов пограничной службы по выставлению пограничных нарядов в пределах приграничной территории, в том числе на участке российско-белорусской границы, где пограничная зона (полоса) не обозначена.

Уголовный кодекс Республики Беларусь не предусматривает ответственность за незаконное использование БЛА. Вопросы уголовной ответственности в воздушном пространстве регламентированы ст. 315 УК (ответственность за нарушение правил международных полетов), а также ч. 1 ст. 371 УК (ответственность в случае нарушения физическим лицом Государственной границы с использованием воздушного судна с двигателем).

Тем не менее очевидно, что применение БЛА на Государственной границе в целом негативно влияет на национальную безопасность Республики Беларусь. И здесь видится, что административная ответственность за нарушения порядка использования летательных аппаратов, предусмотренная ст. 23.30 КоАП, не в полной мере отражает степень общественной опасности данных деяний.

В связи с этим предлагается дополнить УК ст. 315¹, предусматривающей ответственность за нарушение правил использования летательных аппаратов в пределах пограничной полосы, включив соответствующий квалифицирующий признак из ч. 1 ст. 23.30 КоАП.

Показательным при этом можно назвать опыт Республики Узбекистан, где с июня 2017 г. за повторное незаконное использование БЛА на любом участке территории государства предусмотрена уголовная ответственность.

Достаточно интересным и требующим научного осмысления и дальнейшей реализации в нормотворческой деятельности представляется вопрос об ответственности оператора БЛА, в результате управления которого БЛА умышленно нарушил Государственную границу, вылетев из Республики Беларусь в сопредельное государство или наоборот.

Действующая редакция ст. 371 УК не предусматривает ответственность оператора БЛА, так как он фактически не пересек линию Государственной границы и не покушался на подобные действия. Согласно определению, данному в ч. 1 ст. 33 Закона о Государственной границе, под нарушителями признаются физические лица и транспортные средства, пересекшие или пытающиеся пересечь Государственную границу вне установленных мест ее пересечения или с нарушением установленных правил пересечения Государственной границы и (или) пропуска через Государственную границу.

С другой стороны, очевидно, что в указанном случае имеет место незаконное пересечение Государственной границы с использованием воздушного судна с двигателем. Подобные действия оказывают негативное влияние на состояние национальной безопасности. Задержание БЛА в сопредельных государствах подрывает международный авторитет Республики Беларусь как суверенного государства, способного обеспечить надлежащий режим Государственной границы.

В связи с этим обоснованным видится внести соответствующие изменения в ст. 33 Закона о Государственной границе, а также дополнить примечанием ст. 371 УК, распространив действие

ее ч. 1 на деятельность оператора, осуществляющего управление БЛА, незаконно пересекающим Государственную границу.

По результатам изложенного можно сделать следующие выводы.

Вопросы правового регулирования использования БЛА в целях обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь являются актуальными и требуют дальнейшего научного изучения и осмысления.

Увеличение количества БЛА, расширение спектра их применения и усовершенствование технических характеристик и возможностей в случае использования в незаконных целях способно оказывать негативное влияние на пограничную и в целом на национальную безопасность.

Расширение правил содержания и использования летательных аппаратов в пограничной зоне (полосе) на всю приграничную территорию Республики Беларусь позволит упорядочить данную деятельность на всем участке Государственной границы.

Неправомерные действия, связанные с применением БЛА на Государственной границе и в пределах пограничной полосы, несут повышенную общественную опасность, в связи с чем требуется решение вопроса об их криминализации путем корректировки Закона о Государственной границе и внесения дополнения в УК. Предлагаемые меры направлены на профилактику более тяжких преступлений, в том числе против интересов государства, а также связанных с контрабандой, незаконным перемещением наркотических средств, психотропных, ядовитых, отравляющих веществ, радиоактивных материалов, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и т. п.

Список использованных источников

1. Информационный портал Государственного пограничного комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gpk.gov.by/news/gpk/27974/?sphrase_id=11095987. – Дата доступа: 27.04.2018.
2. Рапорта оперативно-служебной деятельности оперативного дежурного Государственного пограничного комитета Республики Беларусь. – 2017. – Дело № 4-2.
3. Рапорта оперативно-служебной деятельности оперативного дежурного Государственного пограничного комитета Республики Беларусь. – 2018. – Дело № 4-2.
4. Семикин, С.С. Правовые основы применения и борьбы с БЛА. Учет норм международного и гуманитарного права при планировании и применении БЛА / С.С. Семикин // Противодействие ударным беспилотным летательным аппаратам : материалы круглого стола ВВС и войск ПВО / под ред. А.А. Кобрусева. – Минск, 2018. – 163 с.
5. Анохин, А.М. О нормативной правовой базе разработки, производства и эксплуатации БЛА / А.М. Анохин // 7-я Международная научная конференция по военно-техническим проблемам, проблемам обороны и безопасности, использованию технологий двойного применения, Минск, 20–22 мая 2017 г. : сб. науч. ст. : в 3 ч. / Гос. воен.-пром. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – Ч. 1. – 404 с.
6. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь от 21 июля 2008 года (в редакции закона Республики Беларусь от 10 января 2015 г.) «О Государственной границе Республики Беларусь» / под общ. ред. Л.С. Мальцева. – Минск : Белорус. дом печати, 2016. – 280 с.
7. Бондарович, С.П. Постатейный комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях. Особенная часть. Глава 18. Административные правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Статья 18.41. Нарушение правил использования воздушного пространства Республики Беларусь [Электронный ресурс] / С.П. Бондарович // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
8. Борейко, Н.Н. Административная ответственность за нарушения пограничного режима с учетом изменений в законодательстве Республики Беларусь о Государственной границе Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Н.Н. Борейко // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
9. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / Г.А. Василевич [и др.] ; под науч. ред. Г.А. Василевича, Л.М. Рябцева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2017. – 1084 с.
10. Архив Сморгонской пограничной группы за 2017 г. – Дело об административном правонарушении № 17055150122.
11. Куликов, В. Посадка на взлет [Электронный ресурс] / В. Куликов // Рос. газ. – 2017. – № 7433. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/11/23/za-nelegalnoe-ispolzovanie-bespilotnikov-predlozhili-vvesti-sankcii>. – Дата доступа: 11.06.2018.

Дата поступления в редакцию: 27.06.18

N.N. Borejko, Deputy Chief of the Head Department – Head of the Department of Preliminary Investigation and Legal Support of the Operational Activity of the State Border Committee of the Republic of Belarus; V.F. Ermolovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Department of Criminology of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

ABOUT SOME ISSUES OF RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF THE USE OF BATTLE FLIGHTING MACHINES ON THE STATE BORDER OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE BORDER TERRITORY

The article analyzes current legislation regulating the use of unmanned aerial vehicles and responsibility for violations in this area on the State Border of the Republic of Belarus. Based on the analysis of law enforcement practice, forecasting problems in ensuring national security, specific proposals have been made to improve legislation in this area.

Keywords: administrative responsibility, criminal responsibility, unmanned aerial vehicles, border regime, border service bodies, the State Border of the Republic of Belarus.

УДК 342.9

О.В. Гиммельрейх, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: gimmelreikh@mail.ru)

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ РОТАЦИИ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Исследуются понятие, правовая природа, цели, задачи и признаки ротации руководящих кадров как составного элемента теории управления персоналом и государственной службы. Анализируется современное состояние, рассматриваются перспективы развития данного административно-правового института в системе органов внутренних дел.

По результатам сравнительно-правового анализа нормативного установления института ротации на законодательном уровне в государствах – участниках СНГ (Россия, Казахстан, Таджикистан) выделяются типичные критерии, являющиеся основой построения механизма закрепления и реализации института ротации в правоохранительной службе. Предлагаются конкретные меры административно-правового характера, направленные на нормативное закрепление и использование института ротации кадров в системе органов внутренних дел.

Ключевые слова: органы внутренних дел; кадровый резерв; ротация руководящих кадров; управление персоналом; виды и сроки ротации; факторы, сопутствующие ротации; дифференциация должностей.

Сегодня ротация (лат. rotation – кругообразное движение, вращение) руководящих кадров в системе государственной службы – необходимый элемент технологии управления персоналом, который не только служит инструментом повышения профессионального уровня управленческого кадрового корпуса, но и является эффективным механизмом противодействия коррупции, стимулирования антикоррупционного поведения государственных служащих.

Именно на актуальность и значимость применения указанного административно-правового института в системе государственного управления обращалось внимание главы белорусского государства: «...Ротация управленческих кадров, укрепление центрального и региональных звеньев вертикали власти – это важнейшие вопросы... По мере развития государства должен идти нормальный и естественный процесс становления и совершенствования кадрового потенциала страны, застой здесь неприемлем... ибо он приведет... к стагнации¹, регрессу и откату назад» [1].

Так, проведение ротационных мероприятий преследует несколько целей: стимулирование мотивации к службе; профессиональное развитие сотрудника через перемещение или существенное изменение его должностных обязанностей; предупреждение профессионального выгорания; активизацию служебно-профессионального продвижения; стимулирование мобильности кадров; подготовку новой генерации руководящих кадров и оптимизацию их расстановки; обеспечение взаимозаменяемости людей и т. д. [2, с. 108].

С учетом сказанного логично говорить о ротации кадров как об объективно востребованном развитием общественных отношений организационно-правовом средстве, обладающем необхо-

¹ Stagnatio – неподвижность (лат.).

димым регулирующим потенциалом, способным обеспечить оптимальный баланс целей и интересов государства, общества и непосредственно государственных служащих.

Анализ специальной литературы по вопросам управления персоналом дает основание рассматривать ротацию многоаспектно: как инструмент развития организации и повышения качества управления ее кадровым потенциалом [3, с. 139–143; 4]; технологию кадрового менеджмента [5, с. 62–90; 6, с. 31–38; 7, с. 126–128]; средство противодействия коррупции [8, с. 15–24; 9, с. 47]; механизм повышения эффективности правоохранительной службы [10; 11, с. 39–43]; форму профессионального развития и элемент системы управления деловой карьерой [12, с. 16–24; 13, с. 25–29]; способ формирования кадрового состава (резерва) [14; 15, с. 94–100].

В зависимости от цели проведения ротация государственных служащих может осуществляться двояко: в обязательном порядке или по соглашению сторон (по желанию государственного служащего).

Здесь необходимо отметить имеющее место в научной литературе разногласие по поводу отнесения добровольного перевода служащего к ротации или к иным механизмам должностной мобильности. Так, например, существует мнение, что лишь обязательный, то есть не связанный с волеизъявлением государственного служащего переход на иную должность может рассматриваться в качестве ротации [16, с. 25–27]. Однако в международной практике суть и разновидности данной кадровой технологии рассматриваются не только в качестве антикоррупционного механизма, но и в качестве метода, обеспечивающего профессиональное развитие государственного служащего [17, с. 55–62]. Последний подход представляется наиболее обоснованным, так как более полно отражает суть содержания ротации. В данной связи автором предлагается выделение двух основных разновидностей ротации: осуществляемой в обязательном порядке или по желанию государственного служащего.

В национальном законодательстве институт ротации легально закреплен в гл. 4 Положения о дипломатической службе Республики Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 15 мая 2008 г. № 276, и Инструкции об организации работы с кадрами в центральном аппарате Министерства юстиции Республики Беларусь и подчиненных ему органах, организациях системы, судах, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 8 апреля 2005 г. № 15. В обоих документах подчеркивается плановый характер ротации, наличие временного интервала, по истечении которого осуществляется ротация, а в Положении о дипломатической службе – еще и наличие конкурсного отбора, проводимого комиссией по конкурсному отбору и ротации работников системы органов дипломатической службы.

Что касается применения института ротации в системе ОВД Республики Беларусь, то вопросы правового закрепления и практики его использования не становились предметом отдельного научного поиска, что требует дальнейших теоретико-прикладных разработок и научных обобщений. Это относится прежде всего к проблемам совершенствования организационно-правового механизма ротации кадров в системе ОВД, оценки возможности использования потенциала ротации в целях повышения профессионального уровня руководящего состава ОВД, обеспечения эффективности функционирования системы государственной правоохранительной службы и повышения качества государственного управления в правоохранительной сфере в целом.

В системе ОВД Республики Беларусь нормативного определения понятия «ротация кадров» нет. Положение о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 133, оперирует категориями «перевод» и «перемещение» и закрепляет перечень условий, при которых они применяются (гл. 5).

Попытка закрепить институт ротации кадров в ОВД суверенной Беларуси на нормативном уровне была предпринята в 2004 г. В частности, приказом МВД Республики Беларусь от 22 января 2004 г. № 10 «О совершенствовании работы по отбору и расстановке руководящих кадров органов внутренних дел» (утратил силу) в целях развития профессиональных возможностей вводилось перемещение по службе (ротация) начальников управлений, отделов внутренних дел в городах, районах, районах в городах, прослуживших в занимаемых должностях не менее трех лет, а в исключительных случаях – четырех лет. Так, п. 3.2 названного приказа предполагалось разработать проект Указа Президента Республики Беларусь, предусматривающего регламентацию вопросов, связанных с ротацией руководящих кадров ОВД Республики Беларусь. Однако на

таким высоким правовом уровне должного развития указанный административно-правовой институт не получил.

Отсутствие востребованности управленческой практикой ротационных правовых норм видится в следующем. Наряду с нормативным закреплением института ротации, типовым определением категорий руководящего состава (только начальники ОВД и их заместители), подлежащего перемещению (переводу) в порядке ротации, а также закреплением минимального срока нахождения в занимаемой должности, необходимого для проведения ротационных мероприятий, объективно требовалась необходимая система организационных мер их реализации, которая разработана не была.

В качестве предпосылки к формированию и дальнейшему развитию института ротации в практике государственного управления Республики Беларусь следует выделить организацию работы с резервом руководящих кадров. Порядок работы с названной категорией сотрудников регламентирован Инструкцией о порядке организации работы с резервом руководящих кадров в ОВД Республики Беларусь, утвержденной приказом МВД Республики Беларусь от 28 апреля 2018 г. № 133. Несмотря на то, что непосредственно резерв руководящих кадров не раскрывает сути и содержания ротации в полном объеме, он наряду с другими организационными компонентами выступает в качестве неотъемлемого элемента (основы) проведения ротационных мероприятий.

В названном документе содержится определение понятия «руководящие кадры». В данном случае имеются в виду сотрудники, состоящие на должностях от начальника (командира) отделения и выше, имеющие подчиненных сотрудников и (или) лиц из числа гражданского персонала.

Отсутствие собственного организационно-правового механизма реализации ротации руководящих кадров в системе ОВД Республики Беларусь дает основание обратиться к изучению и анализу законодательства государств – участников СНГ, где закреплены административно-правовой институт ротации и механизмы его реализации.

Так, нормативное закрепление института ротации применительно к службе в ОВД в последнее десятилетие была реализовано в Российской Федерации, Республике Казахстан и Республике Таджикистан.

В Российской Федерации механизм ротации регламентирован нормами Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты России» (ст. 30).

Например, одним из оснований для перевода сотрудника ОВД на равнозначную должность является необходимость замещения другой должности в интересах службы либо в порядке ротации. Сотрудник ОВД, непрерывно замещающий одну и ту же должность руководителя территориального органа в сфере внутренних дел в течение шести лет, может быть переведен в порядке ротации по решению Президента Российской Федерации, руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя на иную равнозначную должность в той же местности, а при невозможности такого перевода – на иную равнозначную должность в другую местность. В случае отказа без уважительных причин от перевода в порядке ротации сотрудник с его согласия может быть переведен на нижестоящую должность в той же местности, а в случае отказа – уволен со службы в ОВД [18, с. 98–101].

Рассматривая практику реализации указанных норм, некоторые авторы подвергают обоснованной критике закрепленный в них срок. В частности, Н.И. Разуваевой предложен дифференцированный подход к установлению сроков нахождения в должности в зависимости от уровня коррупциогенности таковых [19, с. 145]. Данное замечание обоснованно и логично, так как характер и содержание выполняемых служебных обязанностей различными функциональными группами с точки зрения влияния коррупционных рисков неодинаковы.

Относительно имеющихся научных подходов к исчислению срока ротации следует отметить, что в теории управления утвердилась позиция, согласно которой оптимальный период для занятия одной должности руководителем составляет 5 лет, для специалиста – 3–5 лет. Однако нельзя устанавливать общий срок для всех однородных должностей. В каждом конкретном случае следует учитывать обстоятельства, влияющие на период занятия работником должности. Так, при определении оптимального срока пребывания сотрудника в одной должности основными являются следующие факторы: период времени, необходимый для получения знаний, навыков

на новой должности; период адаптации, зависящий от сложности работы; продолжительность и интенсивность умственных операций; степень монотонности (рутинности) работы; степень стрессовости, подверженности должности конфликтам; продолжительность ручных операций и степень физической нагрузки на каждый орган (для рабочих); степень вредности и опасности работы для здоровья; индивидуальные особенности характера человека (темперамент, пол, возраст и т. п.); цели ротации; культурные, психологические, социологические особенности коллектива самой организации; учет допущенных ошибок; выявление возможных препятствий.

Приказом МВД Российской Федерации от 20 мая 2015 г. № 614 утвержден Перечень должностей в территориальных органах МВД России, по которым предусматривается ротация федеральных государственных гражданских служащих. К ним относятся: начальник управления на транспорте по федеральному округу и его заместитель; заместитель Министра внутренних дел по республике; заместитель начальника Главного управления, заместитель начальника управления по субъекту Российской Федерации; начальник управления в МВД по республике и иные категории должностей.

В Республике Казахстан ротация в силовых структурах, в том числе в ОВД, закреплена в Законе Республики Казахстан от 6 января 2011 г. № 380-IV ЗРК «О правоохранительной службе», согласно которому названная кадровая технология используется в целях обеспечения более эффективного использования профессионального потенциала сотрудников (ст. 31). Ротация осуществляется по решению руководителя правоохранительного органа один раз в пять лет, что отражает ее плановый характер и производится по одной из следующих схем: межуровневая («центр – регион», «регион – центр»); межрегиональная («регион – регион»); межсекторальная («центр – центр»).

Названным Законом (ч. 3 ст. 31) установлены ограничения к проведению ротационных мероприятий. В частности, ротации, связанной с переездом в другую местность, не подлежат должностные лица, имеющие детей-инвалидов, в том числе усыновленных (удочеренных), или на иждивении которых находятся престарелые родители либо члены семьи, постоянно проживающие с ними и имеющие инвалидность I и II группы. При этом указанные обстоятельства должны быть документально подтверждены.

В развитие положений ст. 31 названного Закона Приказом Министра внутренних дел Республики Казахстан от 26 ноября 2015 г. № 966 утверждены Перечень руководящих должностей ОВД, подлежащих ротации, и Правила проведения их перемещения. Конкретно Перечнем закреплены руководящие должности, подлежащие замещению исходя из их дифференциации относительно управленческого уровня. Правилами закреплен плановый порядок ротации руководящих должностей ОВД Республики Казахстан, который заключается в ежегодном формировании списка руководителей согласно вышеуказанному Перечню должностей, подлежащих ротации в предстоящем году, утверждаемого Министром внутренних дел.

Законодательством Республики Таджикистан административно-правовой институт ротации введен с 2012 г. и закреплён в целях не только эффективного использования профессионального потенциала, но и «предупреждения проявления коррупционных деяний, конфликта личных и государственных интересов» (ст. 19¹ Закона «О милиции»). В развитие нормативных положений названной статьи Указом Президента Республики Таджикистан от 14 ноября 2012 г. № 1369 утверждены соответствующие Правила, определяющие организацию и порядок проведения перемещения (ротации) руководящего состава ОВД Республики Таджикистан. Также установлены категории должностей, на которые действие настоящих Правил не распространяется (п. 4), что свидетельствует о дифференцированном подходе к определению перечня руководящих должностей, подлежащих ротации. Закрепляется обязательный и добровольный порядок ротации. Одновременно предусмотрены условия, при которых ротация проводится обязательно: выполнение поручений особой государственной важности; подготовка руководящих кадров; укрепление потенциала органов и их структурных подразделений; предотвращение случаев возможного совершения коррупционных действий, а также конфликта интересов (п. 7). Периодичность планового срока ротации – один раз в пять лет. План проведения перемещения (ротации) доводится до сведения каждого подразделения, где будет проведено перемещение (ротация) сотрудников ОВД, не позднее чем за один месяц до начала перемещения (ротации). Одновременно Правилами закреплены и виды ротации (кольцевая, вертикальная и рокировочная) и составление срочного

трудового договора (контракта). Не подлежат перемещению (ротации) две категории сотрудников: беременные женщины и женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком.

Сравнительно-правовой анализ нормативного правового закрепления и порядка реализации ротации в системе правоохранительной службы на территории рассмотренных государств – участников СНГ (Россия, Казахстан, Таджикистан) свидетельствует о востребованности и активном использовании регулирующего потенциала названного административно-правового института и позволяет выделить ряд критериев, с учетом которых формируются механизмы реализации ротационных мероприятий:

дифференцированный перечень руководящих должностей, подлежащих ротации;

периодичность ротации – установленный заранее промежуток времени для плановой ротации и установленный минимальный промежуток времени для внеплановой ротации, в соответствии с которым осуществляется перемещение (перевод) служащих;

наличие особого нормативно установленного для определенных должностей правоохранительной службы порядка ротации;

предусмотренная контрактом обязанность (принудительный характер) служащих, занимающих определенные должности правоохранительной службы, перемещения на другую должность;

система гарантий, способствующих ротации, а также закрепление условий, при которых ротация не осуществляется.

Опыт указанных стран при осуществлении соответствующих государственно-управленческих мер (правовых, организационных, информационных, материально-технических и иных) может быть учтен и использован при разработке собственной модели административно-правового института ротации руководящих кадров в системе ОВД.

В то же время акты законодательства обозначенных государств не содержат конкретных указаний о закреплении обязательного срока службы должностного лица после назначения на вышестоящую ротлируемую должность в порядке продвижения вне зависимости от состояния здоровья и права на пенсию за выслугу лет. Разработка подобного рода нормы будет направлена на защиту интересов государства.

Изучение и анализ практики нормативного правового закрепления ротации руководящих кадров в отечественном законодательстве и законодательстве рассмотренных государств – участников СНГ, порядка его реализации в системе ОВД Российской Федерации, Республики Казахстан и Республике Таджикистан позволяет сделать определенные выводы и предложить определенные меры административно-правового характера, направленные на использование норм института ротации руководящих кадров в системе ОВД Республики Беларусь.

1. Ротация руководящих кадров в ОВД представляет определенно установленный порядок назначений сотрудников как внутри организации или подразделения, так и в другие в пределах одной системы на новые рабочие места на регулярной и формальной основе. Ее определяют как последовательную смену профессиональных обязанностей, поочередное пребывание в той или иной должности в целях профессионального развития личного состава, повышения уровня государственного управления в правоохранительной сфере, а также противодействия коррупции и злоупотреблению служебным положением.

2. Характерными признаками, отличающими ротацию от перевода или перемещения, являются:

наличие особого нормативно установленного для определенных должностей правоохранительной службы порядка ротации;

предусмотренная контрактом обязанность (принудительный характер) должностных лиц ОВД, занимающих руководящие должности, перемещения на другую должность;

периодичность ротации, т. е. установленный заранее промежуток времени для плановой ротации и минимальный промежуток времени для внепланового перемещения (перевода), в соответствии с которым осуществляется ротация начальствующего состава ОВД.

3. Дальнейшее развитие и совершенствование порядка прохождения правоохранительной службы в системе ОВД посредством использования регулирующего и антикоррупционного потенциала ротации объективно требует разработки комплексного нормативного правового акта, включающего как материальные, так и процессуальные нормы.

В качестве альтернативного варианта можно рассматривать дополнение Инструкции о порядке организации работы с резервом руководящих кадров в органах внутренних дел Респуб-

лики Беларусь, утвержденной приказом МВД Республики Беларусь от 28 апреля 2018 г. № 133, самостоятельным разделом «Ротация руководящих кадров».

Материальные нормы должны содержать собственно закрепление административно-правового института ротации, определяющие его понятие и признаки; назначение, цели, задачи и виды, срок проведения; дифференцированный перечень должностей, подлежащих ротации, а также категории должностных лиц, реализующие ротацию; периодичность отчетности о реализации ротации; условия, при наличии которых перевод (перемещение) в порядке ротации не допускается, и т. п.

Процессуальные нормы должны описывать организационно-правовой механизм реализации ротации, т. е. динамику ротационных мероприятий: подготовку данных о вакантных должностях и список кандидатов; мониторинг, порядок и последовательность выполнения этапов и ротационных процедур; оформление документов на осуществление ротации, исходя из уровня управления и перечня должностей; реализацию прав и обязанностей, гарантий, установленных материальными нормами; оценку результативности ротации и др.

4. В качестве приложения к названному нормативному правовому акту следует разработать перечень (реестр) руководящих должностей ОВД, замещение которых предполагает обязательную ротацию (по горизонтали, вертикали), а также критерии ранжированности по уровню их потенциальной коррупциогенности.

5. В целях защиты государственных интересов, реализации потенциала сотрудника в результате вертикальной ротации требуется дополнить подп. 43.1 Положения о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь «Перевод сотрудника по службе в другой орган внутренних дел либо перемещение по службе может производиться: на высшую должность – в порядке продвижения по службе с согласия сотрудника» абзацем вторым следующего содержания: «После назначения на вышестоящую должность сотрудник обязан отработать на вышестоящей должности в порядке ротации не менее трех лет даже при условии достижения установленного срока выслуги, за исключением случаев его дальнейшего назначения в порядке продвижения. Увольнение по достижении пенсионного возраста в данном случае не допускается».

Список использованных источников

1. Президент Беларуси выступает за ротацию управленческих кадров и подчеркивает недопустимость застоя в этой области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://otdelkadrov.by/news/show/7600/>. – Дата доступа: 30.06.2018.
2. Савченко, И.П. Система ротации кадров как инструмент управления карьерой персонала организации / И.П. Савченко, К.А. Кафян // Новый ун-т. – 2014. – № 4. – С. 107–109.
3. Сороко, А.В. Механизм ротации кадров государственной службы как инструмент повышения качества государственного управления / А.В. Сороко // Вестн. ун-та (Гос. ун-т упр.). – 2012. – № 18. – С. 139–143.
4. Турчинов, А.И. Современные проблемы кадровой политики и управления персоналом в России. Социологический анализ / А.И. Турчинов, К.О. Магомедов. – М. : РАГС, 2009. – 136 с.
5. Степанков, Д.В. Управление ротацией кадров государственной гражданской службы Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Д.В. Степанков ; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – Орел, 2015. – 27 с.
6. Поварина, Е.В. Технологии развития персонала в современном социальном управлении / Е.В. Поварина, А.В. Кириллов // Материалы Афанасьев. чтений. – 2015. – Т. 1, № 11. – С. 31–38.
7. Фатьянов, А.А. Современная кадровая технология ротации кадров / А.А. Фатьянов // Юрид. вестн. ДГУ. Сер. Право. – 2016. – Т. 18, № 2. – С. 126–128.
8. Костенников, М.В. Административно-правовые средства противодействия коррупции в системе государственной службы / М.В. Костенников, А.В. Куракин // Государство и право. – 2009. – № 12. – С. 15–24.
9. Ломакина, Л.А. Ротация государственных гражданских служащих в контексте преодоления коррупции / Л.А. Ломакина // Журн. рос. права. – 2013. – № 4. – С. 43–50.
10. Солодов, В.В. Ротация как механизм повышения эффективности правоохранительной службы Российской Федерации [Электронный ресурс] / В.В. Солодов, Е.В. Михайлова. – Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/vipusk/22_2010.htm. – Дата доступа: 20.06.2018.
11. Корепина, А.В. Ротация сотрудников органов внутренних дел / А.В. Корепина // Акт. вопр. юриспруденции. – 2012. – № 20. – С. 39–43.
12. Ковтков, Д.И. Ротация гражданских служащих / Д.И. Ковтков // Законодательство и экономика: журн. для деловых людей. – 2016. – № 9. – С. 16–24.

13. Шидов, А.Х. Ротация кадров как элемент управления деловой карьерой персонала / А.Х. Шидов, Ж. Дебро // Справ. по упр. персоналом. – 2009. – № 7. – С. 25–29.
14. Антошина, Н.М. Формирование кадрового состава государственной гражданской службы Российской Федерации (административно-правовые проблемы) / Н.М. Антошина. – Н. Новгород : Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2011. – 162 с.
15. Данькова, Е.В. Ротация кадров как механизм формирования кадрового резерва / Е.В. Данькова // Кадровый резерв как фактор развития управленческого потенциала России : материалы науч.-практ. конф. (Москва, 26 марта 2009 г.) / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации ; под общ. ред. А.И. Турчинова. – М., 2009. – С. 94–100.
16. Норкин, Т.И. Ротация государственных служащих как фактор обеспечения безопасности федеральной государственной службы / Т.И. Норкин // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2007. – № 7. – С. 25–27.
17. Бочарников, И.В. Зарубежный опыт противодействия коррупции / И.В. Бочарников // Аналит. вестн. Совета Федерации ФС РФ. – 2008. – № 6. – С. 39–62.
18. Дикажев, И.М. Ротация кадров в органах внутренних дел: проблемы и перспективы / И.М. Дикажев // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2014. – № 2. – С. 98–101.
19. Разуваева, Н.И. Совмещение профессий и ротация в органах внутренних дел: современное состояние и перспективы развития / Н.И. Разуваева // Вестн. ВГУ. Сер. Право. – 2014. – № 4. – С. 139–146.

Дата поступления в редакцию: 16.08.18

O.V. Gimmelreikh, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer of Department of Management of the Internal Affairs of the Faculty of Training and Retraining of managerial personnel of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

ADMINISTRATIVE AND LEGAL INSTITUTE OF ROTATION OF THE MANAGERIAL PERSONNEL IN SYSTEM LAW-ENFORCEMENT BODIES

The concept, the legal nature, the purposes, tasks and signs of rotation of the managerial personnel as component of the theory of human resource management and public service are investigated. The current state and the prospects of development of this administrative and legal institute in the system of law-enforcement bodies are analyzed and considered.

By results of the comparative and legal analysis of standard establishment of institute of rotation at the legislative level in the State Parties of the CIS (Russia, Kazakhstan, Tajikistan) the typical criteria which are a basis of creation of the mechanism of fixing and realization of institute of rotation in law-enforcement service are distinguished.

The concrete measures of administrative and legal character directed to standard fixing and use of institute of turnover of staff in the system of law-enforcement bodies are proposed.

Keywords: law-enforcement bodies; personnel pool; rotation of the managerial personnel; human resource management; types and terms of rotation; the factors accompanying rotation; differentiation of positions.

УДК 351.74

С.Ю. Дегонский, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: degonskii@mail.ru)

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Предпринимается попытка определить место и роль ОВД в обществе. Изучаются пути их взаимодействия на основе расположения Республики Беларусь на стыке западных и восточных векторов развития общества и государства, а также с учетом исторических традиций и особенностей. Анализируются модели построения взаимоотношений ОВД и граждан в странах Европейского Союза, Российской Федерации.

Рассмотрены возможные варианты социализации отечественных ОВД с учетом тенденций развития общества потребления и глобализации. Предлагаются модели функционирования ОВД в современных условиях.

Ключевые слова: органы внутренних дел, полиция, общество, задачи, функции, взаимодействие, гражданско-публичное партнерство, социализация.

Современная концепция демократического правового государства исходит из положения о государстве-гаранте, которое не только декларирует общечеловеческие ценности, права и свободы личности, но и проводит широкий спектр мероприятий по их воплощению в жизнь. ОВД в этом случае выступают одним из основных инструментов (средств) государства в обеспечении подобных гарантий, обладающим масштабными по объему правоохранительными функциями. Уникальность деятельности ОВД заключается в ее распространении на широкий круг общественных отношений в сфере государственного управления. Так, ОВД осуществляют постоянные прямые и наиболее массовые контакты со всеми слоями населения и различными органами.

По мнению А.И. Сухарковой, особенно тесно реализация прав и свобод граждан связана с административным правом, в частности с правовым институтом административного принуждения [1, с. 5]. Данный институт связан с правоохранительной функцией государства, осуществляется в рамках особых охранительных отношений, складывающихся в сфере государственного управления. Главными целями его применения являются обеспечение правопорядка и общественной безопасности, охрана права личности [1, с. 5]. К.С. Бельский также указывал, что особое место в правоохранительной системе занимают надзорно-принудительные или полицейские органы [2, с. 24].

Р. Моль был первым правоведом, поставившим рядом понятия «правовое государство» и «полиция», тем самым обратив внимание на полицейскую деятельность как исключительно на деятельность правительства и его органов. При этом задача полиции считается отрицательной, заключающейся в обеспечении безопасности отдельного человека и его имущества; полицейская деятельность существует не для себя, а для общества и должна быть подчинена закону [3, с. 7–15], т. е. носить публичный характер.

Следует отметить, что сегодня в понимание термина «полицейское государство» многие пытаются вложить исключительно негативное содержание, акцентируя внимание на возможности незаконного ограничения прав и свобод граждан со стороны правоохранительных органов, произвол со стороны последних [4, с. 103]. В этой связи также актуально мнение И.Е. Андриевского. Ученый отмечал, что использование термина «полицейское государство» в большинстве случаев лишено основания: «Такое воззрение вытекает из смешения понятия государственной полицейской деятельности и тех нередко встречаемых в практической жизни насилия и несправедливостей со стороны органов исполнительной полиции, что вовсе не вытекает из существа полицейской деятельности, но, напротив, прямо ему противоречит» [5, с. 52].

Вместе с тем при взгляде на данную проблему в ретроспективе можно увидеть, что ОВД (полиция, милиция на разных исторических этапах развития государства) имели широкое присутствие в обществе ввиду возложения на них значительного по объему перечня несвойственных функций. В частности, полиция осуществляла некоторые судебные функции, сливаясь с нижним земским судом, выполняла многочисленные административно-хозяйственные функции, отвечая за состояние дорог, мостов, противопожарную безопасность, борьбу с эпидемиями и эпизоотиями в уезде. Так, городская полиция, например, следила за чистотой улиц, исправностью городских сооружений, контролировала соблюдение церковных порядков, наблюдала за нравами и развлечениями. Иными словами, государство не только доверяло ОВД реализацию своих важных функций, но и не видело альтернативы ОВД в решении данных социально значимых задач. При этом ОВД практически всегда отличали четкая система построения, особые элементы прохождения службы: строгое соблюдение дисциплины, принцип единоначалия, неукоснительное исполнение приказов и распоряжений начальников, оперативность в принятии и реализации решений.

Возложение на милицию блока некриминальных функций, с точки зрения Ю.П. Соловья, проистекает из организационно-правовых особенностей милиции, обуславливаемых ее социальной сутью, – способностью применять силу. Во-первых, милиция чаще, чем какие-либо другие органы, оказывается в ситуациях, когда кому-то требуется помощь, не терпящая отлагательства, и получить ее, кроме как от милиции, неоткуда по причине отсутствия соответствующих служб или их представителей. Во-вторых, из всех публичных служб милиция находится ближе всех к населению вследствие круглосуточного характера работы, постоянного «уличного» присутствия и «пешеходной доступности». В-третьих, милиция в отличие от других органов имеет более или менее широкие возможности централизованной передачи и получения информации, связи, транспортные воз-

возможности. В-четвертых, именно милицию из всех гражданских служб можно быстро мобилизовать. В-пятых, население оценивает милицию также по готовности прийти на помощь в ситуациях не только криминального, но и беспокойного характера [6, с. 133].

Что же касается деятельности и взаимоотношений полицейских органов и общества стран Европейского Союза, то здесь важно отметить отличия в данных направлениях по сравнению с положением, имеющим место в Республике Беларусь и на территории постсоветских стран.

По мнению П.Н. Астапенко, сущность демократических режимов, установленных в странах ЕС, определяют принципы гражданско-публичного партнерства, в котором все субъекты рассматриваются как равноправные [7, с. 49]. Для государства граждане и общество – клиенты, которым необходимо оказывать качественные услуги, причем конкурентные и востребованные. Государство для граждан и общества – это партнер, нуждающийся в постоянной поддержке и заботе. Происходит значительное сокращение барьеров между государством и гражданином [7, с. 31].

Данная позиция видится логическим следствием процессов глобализации и развития «эпохи потребления», определенную и изученную Э. Фроммом [8]. Как отмечает В.И. Павлов, современное общество – общество потребления, главный смысл которого – потребление не вещей, а знаков и образов, связанных с ними и создающих инструментарий неокapиталистической экономики. В антропологическом смысле потребление есть сконструированный тип жизни, вовлекший сегодня все национальные экономики и социальные системы [9, с. 246]. Составными элементами сознания общества потребления, по мнению В.И. Павлова, выступают комфорт и культивация легкости жизни, неприятие репрессии и иерархий всех типов, технологическое замещение, забвение смерти [9, с. 246]. И здесь названные позиции не являются исключением для социума Республики Беларусь. Ученый утверждает, что «при достижении достаточно благополучного уровня материального достатка начинается необратимая трансформация сознания. Любой опыт лишения граждане в обществе потребления воспринимают как катастрофу, поэтому здоровое общество с хозяйственно-бытовой точки зрения должно уметь упрощаться и терпеть, однако в условиях общества потребления это невозможно. В этом и заключается основное противоречие между обществом потребления и традиционным государством. Государство традиционного типа, закономерно напоминающее о необходимости помнить цену комфорта через интенсивный труд, контроль и репрессию, нарушает идиллию потребления» [9, с. 246].

В данном ключе закономерна позиция И.М. Серебряковой, которая считает, что максимизация свободы индивида становится основной ценностью, доминирующей идеологией эпохи глобализации. Единственной «достойной» целью человека признается только его стремление к успеху (главным образом, в бизнесе и карьере), а для человечества в целом – экономический и технологический прогресс. Глобализация в ее современном виде основана на традиционных для Запада индивидуализме и либерализме [10, с. 118].

Таким образом, становится понятно, почему в течение последних десятилетий органы полиции в странах ЕС являются, по замечанию П.Н. Астапенко, объектом качественных преобразований – социализации (социализация полиции, процессы социализации). Названное явление ученый понимает как процесс поэтапной трансформации полиции из правоохранительного органа, сущностным признаком которого является широкое применение законных мер принуждения в общественно-ориентированный орган и профессиональную службу, оказывающую услуги в сфере обеспечения общественного порядка и безопасности [7, с. 34]. Итогом социализации стало понимание полиции как государственного органа, чья деятельность направлена на оказание всесторонней помощи и услуг законопослушным гражданам в сфере общественной безопасности и порядка. Тем самым акцент с физического противодействия преступности, требующего широкого использования законных мер принуждения, на профилактику преступности, предполагающую тесный контакт с обществом, смещается [7, с. 36]. При этом организация и деятельность полиции на основе гражданско-публичного партнерства, по мнению ученого, подразумевает общественно-ориентированные принципы и идеологию деятельности полиции; сотрудничество полиции с органами государственной власти, общества и гражданами в процессе обеспечения общественной безопасности и порядка; солидарную ответственность полиции, других органов государственной власти, общества и граждан за состояние и уровень обеспечения общественной безопасности и порядка; систему гражданского контроля над полицией [7, с. 45–46].

Ввиду масштабов европейской интеграции процессы социализации правоохранительных органов приобрели универсальный характер для многих европейских стран с демократической организацией общества и государства. По этой причине социализация ОВД свойственна и для Республики Беларусь. В качестве примера такого процесса можно рассматривать несколько позиций: функционирование Общественного совета при МВД Республики Беларусь – консультационного органа в деятельности МВД; мероприятия по изучению общественного мнения о работе ОВД; нормативные правовые акты, регламентирующие работу с обращениями граждан и юридических лиц; Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», называющий субъектами профилактики не только ОВД, но и широкий перечень органов государственного управления; Закон Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 214-З «Об участии граждан в охране правопорядка» и др.

В то же время в Республике Беларусь согласно Закону Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел» ОВД – это государственные правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивающие общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них. Один из отличительных признаков данных органов – использование законных мер принуждения и ориентация на физическое противодействие преступности.

В отличие от ЕС в Республике Беларусь и Российской Федерации отношения между гражданами и государственными органами имеют административно-распорядительный, властный характер и содержание. Государство выступает в качестве главного субъекта, самостоятельно определяя все содержание отношений, субъектами которых наряду с государством являются также общество и граждане.

В этой связи интересна позиция И.М. Серебряковой: исторически сложилось так, что для славян характерно развитие общинных форм организации всех сторон жизни людей. Превалирование коллективизма над индивидуализмом, главенствующее положение обязанности над правом напрямую противоречат сущности либеральной модели, которая проповедует ориентацию на индивидуализм, превалирование материального начала, гипертрофированное восприятие прав [10, с. 118].

Исходя из назначения и осуществляемых функций ОВД должно происходить, в принципе, противопоставление, конфронтация последних и интересов «общества потребления». И периодически негативные отзывы о работе ОВД можно наблюдать в интернете, СМИ. Однако согласно данным независимого социологического исследования почти 80 % граждан высказали уверенность в своей безопасности. Это говорит о том, что народ высоко оценивает работу милиции [11]. Данный факт подчеркивает индивидуальный, отличающийся от западноевропейского путь развития взаимоотношений ОВД Республики Беларусь с обществом.

По утверждению той же И.М. Серебряковой, традиционно высокая роль государства в экономике, характерная практически на протяжении всего существования славянской государственности, в сознании большей части населения находила отражение в невосприятии институтов частной собственности в традиционных для западноевропейской культуры формах, правовом нигилизме, выражающемся в безразличном, недоверчивом или пренебрежительном отношении к праву и государству [10, с. 118]. Из сказанного ученым делается вывод о необходимости уделять больше внимания правовому образованию граждан, работе по ознакомлению их с действующим законодательством, основными направлениями его развития, а также разъяснению проводимой властями правовой политики, что в итоге облегчит взаимодействие и сотрудничество с правоохранительными органами, влияя тем самым на повышение результативности и эффективности деятельности последних [10, с. 119].

Для престижа в социуме необходимо освещение результатов служебной деятельности ОВД по основным направлениям, что будет носить и профилактический характер. И Глава государства подчеркивал не раз, что по результатам работы ОВД граждане оценивают способность власти обеспечить правопорядок в стране, личную безопасность, защиту законных прав и интересов [11].

При использовании зарубежного опыта в развитии взаимоотношений ОВД и общества в Республике Беларусь необходимо учитывать, что шаблонное копирование, стремление перенести западные модели в Беларусь не всегда приведут к положительным результатам. Подтверждени-

ем данной позиции может служить тот факт, что в результате резкого перехода от «закрытого» в информационном плане ведомства, которым на протяжении более 70 лет было МВД, к широкому его присутствию во многих сферах жизнедеятельности общества происходит столкновение «сфер интересов» данных субъектов взаимодействия на фоне, как отмечалось выше, превалирования идей потребления, либерализации. И данное столкновение неслучайно. Для ОВД, военизированного правоохранительного органа государственного управления, характерны определенная консервативность в развитии, приверженность сложившимся в течение не одного десятилетия корпоративным традициям. В результате деятельность ОВД не в полной мере удовлетворяет ожидания современного общества. Налицо классическая «революционная ситуация»: общество не хочет развиваться по старому пути во взаимоотношениях с правоохранительными органами, а ОВД не готово реализовывать свои функции по «новым правилам». Вместе с тем шаги по социализации ОВД, как представляется, должны быть четкими и выверенными, научно и практически обоснованными.

В данном контексте закономерна позиция В.И. Павлова, который считает необходимым использование в государственной стратегии тех же инструментов, выработанных рынком, – корпоративной айдентики (идентичности), или некой модели идентичности, в качестве презентации подаваемой обществу как знак, замещающий саму непосредственную деятельность ОВД и выполняющий роль главного коммуникатора с социумом. Коммуникация милиции и общества в корпоративной айдентике ОВД основывается на определенных дизайнерских решениях, которые делают усвоение сути правоохранительной деятельности доступным и более понятным для общества потребителя и выступают своеобразными каналами связи [9, с. 247].

Вместе с тем обоснованным представляется мнение А.А. Крылова о том, что, рассматривая правоохранительную деятельность в контексте социального управления, не милиция должна управлять, пусть даже косвенно, а значит, заставлять кого-то что-то делать, а государство призвано управлять правоохранительной деятельностью. Никакой инициативы по проведению социально-экономических экспериментов ОВД проявлять не должны. Лишь на высшем уровне управления ОВД могут существовать научно-практические прогнозы и предложения экономического, правового и социального характера для директивных и законодательных органов. Роль ОВД в этой деятельности сводится практически только к информационному обеспечению [12, с. 137–138] (Например 2 октября 2018 г. Главой государства было дано поручение об отмене решения Мингорисполкома о запрете продажи алкоголя в ночное время, инициатором которого выступали и ОВД, так как решение проблемы должно носить комплексный характер с главным упором на меры профилактического и воспитательного характера, формирования моды на здоровый образ жизни, а не запретами).

В рамках рассматриваемого вопроса интересны взгляды Ю.П. Соловья, опровергающего позицию о том, что милиция выполняет обслуживающую функцию населения и даже рассматривается как система «массового обслуживания». Ученый отмечает, «что любая услуга, если это услуга, предполагает свободу выбора клиента, его право отказаться от нее без каких-либо неблагоприятных последствий для себя. Во всех же случаях имеет место не свобода выбора, а выбор несвободы или, иными словами, „принудительная услуга“. Гражданин, желающий приобрести охотничье ружье, получить паспорт или водительское удостоверение, обязан „обслужиться“ в милиции, затратив для этого немало времени, а если он этого не сделает, то за незаконное хранение оружия, проживание без паспорта или управление транспортным средством без документов будет привлечен к административной ответственности» [6, с. 134]. Суть ОВД и решаемые ими задачи характеризуются возможностью в определенных случаях прямо ограничивать права и свободы граждан. По этой причине рассматривать взаимоотношения ОВД и общества с точки зрения западной модели гражданско-публичного партнерства, перенося деятельность по обеспечению общественной безопасности в плоскость оказания услуг, сервисной службы, видится ошибочным. В подтверждение позиции необходимо отметить возросшее количество террористических атак и угроз в странах Европы, что потребовало более жестких и решительных действий правоохранительных органов по обеспечению общественной безопасности с применением мер административного принуждения, в том числе в отношении беженцев. При этом нет однозначного восприятия необходимости указанных ограничений и запретов в обществе с учетом либеральной партнерской модели построения коммуникации с полицейскими органами.

Во взаимодействии общества и иных органов государственного управления, не имеющих функции обеспечения национальной безопасности (общественная безопасность выступает элементом национальной), модель гражданско-публичного партнерства должна иметь развитие.

Решить вопрос о сужении сферы присутствия ОВД в обществе на данном этапе развития общества и государства весьма проблематично. Обозначенному должна предшествовать кропотливая, научно обоснованная работа по совершенствованию структуры и деятельности всего государственного аппарата на основе глубокого анализа происходящих в государстве и обществе процессов социального, политического и экономического характера. При этом необходимо понимать, что вся вышеуказанная деятельность должна быть направлена прежде всего на обеспечение общественной безопасности, защиту прав и законных интересов всех граждан, юридических лиц, а не на удовлетворение узкокорыстных интересов отдельных групп.

Таким образом, можно подчеркнуть, что современное государство должно обладать мощным правоохранительным потенциалом, что предопределено необходимостью давать должный ответ существующим внутренним и внешним вызовам, эффективно обеспечивать защиту существующих общественных отношений от реальных и предполагаемых угроз. При этом государство несет существенные расходы по содержанию армии и органов обеспечения правопорядка и безопасности, что является обязательным условием современного государственного строительства [4, с. 103]. Вместе с тем для получения экономического эффекта, стабильного развития отношений между обществом и правоохранительными органами перед государством в лице законодательных и исполнительных органов стоит задача по своевременной разработке и принятию решений по совершенствованию структуры, решаемых задач, взаимодействия органов государственного управления, в том числе ОВД.

Список использованных источников

1. Сухаркова, А.И. Административно-правовое принуждение как средство борьбы с совершением административных правонарушений. Административная ответственность : лекции / А.И. Сухаркова. – Минск : Акад. МВД, 2011. – 147 с.
2. Бельский, К.С. Полицейское право : лекц. курс / К.С. Бельский ; под. ред. А.В. Куракина. – М. : Дело и Сервис, 2004. – 814 с.
3. Моль, Р. Наука полиции по началам юридического государства / Р. Моль ; пер. Р. Сементковского. – СПб., 1871. – Вып. 1. – 336 с.
4. Вирабов, В.С. Нормативная правовая регламентация деятельности полиции современной России: проблемы демократизации / В.С. Вирабов // Юрид. техника. – 2014. – № 8. – С. 103–112.
5. Андриевский, И.Е. Полицейское право / И.Е. Андриевский // Российское полицейское (административное) право: конец XIX – XX в. : хрестоматия / сост. Ю.Н. Стариков. – Воронеж, 1999. – 624 с.
6. Соловей, Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации: теоретико-прикладное исследование / Ю.П. Соловей ; науч. ред. Л.М. Колодкин ; Акад. внутр. дел Рос. Федерации. – Омск : ВШМ МВД Рос. Федерации, 1993. – 503 с.
7. Астапенко, П.Н. Конституционно-правовые основы деятельности полиции (милиции) стран Европейского союза и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / П.Н. Астапенко. – М., 2009. – 60 с.
8. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм ; пер. с англ. Л.А.Чернышевой. – Минск : В.П. Ильин, 1997. – 415 с.
9. Павлов, В.И. Органы внутренних дел в обществе потребления: от традиционного образа к корпоративной айдентике / В.И. Павлов // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 апр. 2015 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: А.В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2015. – С. 246–247.
10. Серебрякова, И.М. Правовые и организационные проблемы деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь / И.М. Серебрякова. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 244 с.
11. Коллегия МВД по итогам работы органов внутренних дел [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by>. – Дата доступа: 28.01.2018.
12. Крылов, А.А. Противоречивость участия органов внутренних дел в управлении социальными и экономическими процессами / А.А. Крылов // Актуальные проблемы совершенствования организационных и правовых основ деятельности органов внутренних дел : сб. науч. тр. / Акад. упр. МВД России ; сост.: В.П. Горшков [и др.]. – М., 1999. – С. 131–138.

Дата поступления в редакцию: 20.09.18

S.J. Degonsky, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Administrative Activities of the Bodies of Internal Affairs of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

IMPROVEMENT OF THE ORGANIZATION OF THE ACTIVITY OF THE BODIES OF INTERNAL AFFAIRS

An attempt is being made to determine the place and role of BIA in society. Ways of their interaction are studied on the basis of the location of the Republic of Belarus at the junction of the western and eastern vectors of the development of society and the state, as well as historical traditions and peculiarities. The model of building relationships of BIA and citizens in the EU, the Russian Federation is analysed.

The possible options for the socialization of domestic BIA taking into account the trends in the development of a consumer society and globalization are considered. Models of BIA functioning in modern conditions are proposed.

Keywords: law-enforcement agencies, the police, society, tasks, functions, interactions, civil public partnership, socialization.

УДК 342.95

Д.А. Егоров, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: d.a.egorovv@gmail.com)

**МЕТОД УБЕЖДЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ОБЪЕКТОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ:
ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Предпринимается попытка выработки научно обоснованных предложений по совершенствованию форм реализации метода убеждения субъектами обеспечения безопасности объектов использования атомной энергии. Рассматриваются перспективы внедрения в служебно-боевую деятельность соединений и воинских частей внутренних войск по охране особо важных государственных объектов и специальных грузов методики оценки культуры безопасности, предлагается ее примерное содержание.

Ключевые слова: форма, метод, убеждение, принуждение, культура безопасности, безопасность объектов использования атомной энергии, внутренние войска.

Методы деятельности субъектов обеспечения безопасности объектов использования атомной энергии (ОИАЭ) представляют собой обусловленные потребностями объекта управления и способами административно-правового регулирования публично-правовые средства реализации компетенции, применяемые в порядке, установленном в законодательстве, для обеспечения ядерной, радиационной и экологической безопасности.

Особенности таких средств различны, что обусловлено множеством субъектов, комплексностью задач и функций, реализуемых ими в исследуемой сфере. В связи с этим полагается исходить из диалектичности методов управления, что выражается во взаимосвязи и взаимозависимости двух основных способов воздействия на управляемый объект – убеждения и принуждения.

Не вдаваясь в суть научной дискуссии об их взаимосвязи в конкретной сфере государственного управления, подчеркнем, что, находясь на противоположных управленческих «полюсах», убеждение и принуждение выступают необходимыми первичными элементами воздействия на сознание и волю подвластного, комплексно применяемыми в различных управленческих ситуациях. По отношению друг к другу указанные методы носят вспомогательный, взаимозависимый характер, выражающийся в необходимости выработки особого их сочетания применительно к конкретным общественным отношениям. Однако при характеристике убеждения и принуждения часто исходят из того, что убеждение является превалирующим методом воздействия на общество, и это обосновывается повсеместным добровольным исполнением гражданами, организациями правовых предписаний и, соответственно, отсутствием необходимости применения в отношении их средств принудительного воздействия.

Подобный подход представляется дискуссионным, что обусловлено, во-первых, существованием сфер государственного управления, в которых государство в лице его органов сохраняет свои монопольные позиции (армия, транспорт и связь, атомная энергетика, землеустройство и т. п.); во-вторых, формированием сфер государственного управления, функционирование

которых предусматривает использование средств принудительного воздействия, обеспечивающих обязательное исполнение установленных норм и правил (норм и правил в области ядерной и радиационной безопасности, санитарных норм, правил и гигиенических нормативов и пр.); в-третьих, возникновением ситуаций и (или) наступлением событий, при которых невозможно обеспечить надлежащую управляемость и, самое главное, безопасность граждан, общества и государства без применения средств принудительного воздействия (функционирование источников повышенной опасности, создание важного государственного объекта, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, массовые беспорядки и пр.).

Важно также учитывать, что в указанных условиях применение способов принудительного воздействия при всей их обязательности и необходимости не исключает применения средств убеждения, обеспечивающих моральное воздействие на управляемых, направленных на обеспечение должного поведения и формирование правильного отношения к принимаемым принудительным мерам и необходимости добровольного выполнения предъявляемых требований либо воздержания от определенных действий.

Таким образом, воздействие на волю подвластного посредством совокупного применения средств убеждения и мер принудительного характера представляется необходимым подходом при осуществлении государственного управления, последовательное использование которого в деятельности государственно-властных субъектов выступает необходимым условием повышения результативности их управленческого труда.

Применительно к исследуемой сфере следует подчеркнуть, что с учетом формирования в Республике Беларусь атомной энергетики, строительства атомной электростанции, имеющегося негативного опыта по преодолению катастрофы на Чернобыльской АЭС объективно необходимым методом воздействия на управляемых, непосредственно не выполняющих функции по обеспечению безопасности ОИАЭ, выступает метод убеждения.

Так, Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси был проведен социологический мониторинг общественного мнения по вопросам развития ядерной энергетики и восприятия населением строительства АЭС [1], что позволило не только оценить динамику общественного мнения, но и определить основные направления применения методов убеждения, выражающихся в совокупности информационно-разъяснительных, агитационных, пропагандистских, воспитательных аспектов работы с населением по проблемам, связанным с обеспечением безопасности. Использование таких средств убеждения позволяет минимизировать уровень протестных настроений в обществе и оказать корректирующее воздействие на лиц, способных дестабилизировать обстановку в сфере безопасности ОИАЭ.

Таким образом, методы убеждения, связанные с моральным воздействием на лиц, непосредственно не выполняющих функции по обеспечению безопасности ОИАЭ, обладают важным профилактическим потенциалом и направлены на недопущение противоправного поведения в исследуемой сфере.

Следует также иметь в виду, что профилактические возможности метода убеждения должны находить свое выражение и в отношении субъектов, чья деятельность непосредственно связана с обеспечением безопасности ОИАЭ. В данном контексте речь идет о формировании у таких субъектов культуры безопасности.

Термин «культура безопасности» впервые был использован МАГАТЭ в 1986 г. в процессе анализа причин аварии на Чернобыльской АЭС и определен как «набор характеристик и особенностей деятельности организаций и поведения отдельных лиц, который устанавливает, что проблемам безопасности атомных станций, как обладающим высшим приоритетом, уделяется внимание, определяемое их значимостью» [2, с. 5]. Следовательно, данный термин следует относить к обобщенному понятию персональной ответственности субъектов, осуществляющих деятельность по обеспечению безопасности ОИАЭ. Формирование такой культуры предполагает создание условий и воспитание в конкретном работнике внутренней потребности работать безопасно.

В настоящее время в мировой практике накоплен достаточный опыт по внедрению культуры безопасности, существенно повышающий уровень безопасности в обозначенной сфере. Культура безопасности как образ мышления и поведения конкретного субъекта получила распространение на различных критически важных объектах и основывается на высоком качестве

системы управления, формирующей и стимулирующей поведение конкретного сотрудника, соответствующее требованиям безопасности.

При этом важно иметь в виду, что эффективность внедрения требований культуры безопасности зависит прежде всего от способности руководства создать обстановку доверия на всех организационно-правовых уровнях и звеньях организационной структуры, способствовать развитию личной инициативы и ответственности у руководителей и конкретных исполнителей.

Представляется, что формирование культуры безопасности в административно-правовом смысле предполагает преимущественное использование метода убеждения, основанного на следующих составляющих:

демонстрации и личном примере линейных и функциональных руководителей в соблюдении требований, предъявляемых к безопасности;

установлении руководителями атмосферы доверия в коллективе, а также подходов, способствующих укреплению позитивного отношения подчиненных сотрудников к обеспечению безопасности;

формировании системы поощрений, которая стимулирует деятельность подчиненных сотрудников, развивает критический подход к выполнению и оценке своей служебной деятельности, не способствует сокрытию совершенных нарушений и исключает возможность необоснованного привлечения к ответственности;

поощрении сотрудников, деятельность которых направлена на постоянное самосовершенствование, изучение и внедрение перспективного опыта, в том числе зарубежного;

систематической работе с обращениями сотрудников, внимательном и детальном их рассмотрении с последующей реализацией по результатам их рассмотрения корректировочных мероприятий;

подготовке и обучению необходимого количества сотрудников, квалификация которых обеспечит эффективное выполнение функций, связанных с безопасностью.

Подчеркнем, что в условиях становления в Республике Беларусь атомной энергетики и находящейся на стадии формирования системы субъектов (ее отдельных элементов) одним из основополагающих направлений внедрения основных элементов культуры безопасности выступает их развитие на уровне линейных и функциональных руководителей, формирование в их среде приоритета безопасности перед иными аспектами служебной деятельности.

При этом следует иметь в виду, что множественность субъектов обеспечения безопасности ОИАЭ предполагает некоторые различия в подходах к формированию культуры безопасности на отдельных организационных уровнях.

Международной консультативной группой по ядерной безопасности (INSAG) были определены индикаторы уровня культуры безопасности, используемые для проверки и самопроверки ее эффективности на различных уровнях: правительство, органы государственного регулирования безопасности при использовании атомной энергии, эксплуатирующие организации, исследовательские, проектные организации [2, с. 18–24]. В качестве данных индикаторов выступают конкретные вопросы, ответы на которые позволяют руководителю органа государственного управления, субъекту, осуществляющему ведомственный контроль, при необходимости оценить уровень культуры безопасности в подчиненном (подконтрольном) подразделении.

Важно обратить внимание, что использование такой формы реализации метода убеждения не носит предписывающего характера и направлено на побуждение конкретных руководителей к повышению уровня инициативы в принятии управленческих решений, связанных с безопасностью ОИАЭ, в рамках своего направления деятельности, в том числе к саморегулированию и самоконтролю за своими действиями.

Вместе с тем необходимо констатировать, что для отдельных субъектов, непосредственно осуществляющих деятельность по обеспечению безопасности ОИАЭ, такие индикативные показатели на уровне международных рекомендаций не разработаны. Указанный пробел связан с практической невозможностью учета на уровне международных стандартов национальных особенностей, выражающихся прежде всего в различных подходах к формированию системы субъектов, осуществляющих деятельность в обозначенной сфере.

В частности, за пределами разработки остались индикаторы культуры безопасности для государственных военных организаций, на которые возложены задачи по обеспечению охраны атомных электростанций. В Республике Беларусь такие задачи возложены на соединения и во-

инские части внутренних войск по охране особо важных государственных объектов и специальных грузов. Принимая во внимание то обстоятельство, что внутренними войсками практическая реализация данной служебно-боевой задачи будет осуществляться впервые, необходимо заново подойти к решению многих вопросов, в том числе к вопросу формирования среди военнослужащих культуры безопасности.

Целесообразным представляется внедрение самостоятельной методики оценки уровня культуры безопасности в деятельности соединений и воинских частей внутренних войск МВД Республики Беларусь по охране особо важных государственных объектов и специальных грузов, разработанной исходя из особенностей организации служебно-боевой деятельности таких подразделений (потенциальная опасность совершения террористических актов в отношении и с использованием охраняемых объектов; характер и степень их экологической и радиационной опасности; повышенная ответственность за правильную организацию и руководство боевой службой, обучение и воспитание подчиненных, подготовку личного состава к качественному несению боевой службы), с учетом положительного зарубежного опыта использования подобных методик (в качестве примера можно привести приказ Ростехнадзора «Об утверждении Руководства по безопасности при использовании атомной энергии „Методика оценки культуры безопасности на предприятиях ядерного топливного цикла“»). Названная методика должна включать порядок организации оценки культуры безопасности (сроки и основания проведения, субъекты и объекты оценки, методы ее реализации, рекомендации по оформлению результатов); порядок применения результатов оценки; признаки приемлемого уровня культуры безопасности и показатели ее снижения; перечень рекомендуемых мероприятий по формированию и поддержанию культуры безопасности; рекомендуемый перечень вопросов (индикаторов уровня культуры безопасности) для военнослужащих командного состава и иных военнослужащих.

Так, к числу основных индикативных показателей согласно мониторингу командного состава необходимо отнести следующие: 1) подчеркиваются ли важность обеспечения охраны АЭС и ответственность за ее обеспечение каждого военнослужащего на оперативных совещаниях, инструктивных занятиях и инструктажах? 2) осуществляется ли в ходе контроля за несением службы войсковых нарядов проведение индивидуальных бесед с военнослужащими по вопросам обеспечения безопасности? 3) разъясняется ли военнослужащим, что угроза совершения несанкционированных действий в отношении ядерной установки и ядерных материалов реальна? 4) демонстрируется ли в управленческих решениях (приказах) руководителя приоритет безопасности перед иными направлениями служебно-боевой деятельности? 5) поощряются ли военнослужащие за усердие и отличие в несении службы по охране АЭС? 6) позволяет ли в случае, когда подразделение не успевает выполнить возложенные на него задачи в срок, в целях экономии времени не выполнять некоторые «второстепенные» требования инструкций по организации служебно-боевой деятельности? 7) можно ли охарактеризовать требования инструкций по организации служебно-боевой деятельности подразделений, караулов и войсковых нарядов по охране особо важных государственных объектов и специальных грузов как однозначно трактуемые для выполнения? 8) осознают ли военнослужащие потенциальную опасность деятельности по использованию атомной энергии, последствия для себя, граждан и окружающей среды в случае, если требования инструкций по организации служебно-боевой деятельности не будут выполняться? 9) информируют ли военнослужащие руководство о пробелах, противоречиях в инструкциях по организации служебно-боевой деятельности? 10) происходят ли в подразделении случаи нарушений служебной дисциплины? 11) обращаются ли военнослужащие к руководству в случае, если у них возникают сомнения относительно выполнения мероприятий, направленных на обеспечение безопасности? 12) оперативно ли принимаются меры по фактам неисполнения либо ненадлежащего исполнения требований безопасности? 13) привлекаются ли военнослужащие к обсуждению вопросов, связанных с повышением эффективности принимаемых мер по обеспечению безопасности? 14) поощряются ли военнослужащие за внесение предложений, повлекших повышение эффективности деятельности по обеспечению безопасности ОИАЭ? 15) известно ли военнослужащим о том, что руководитель признает только отличные результаты выполнения любых мероприятий, связанных с обеспечением безопасности ОИАЭ? 16) постоянно ли совершенствуется служебно-боевая деятельность подчиненного подразделения? 17) постоянно ли планируется рабочее время руководителя? 18) демонстрируется

ли руководителем профессионализм своим внешним видом и качеством отдаваемых приказов? 19) можно ли охарактеризовать подразделение как постоянно совершенствуемое с учетом личного опыта и ошибок других подразделений? 20) осуществляется ли руководителем деятельность по развитию и совершенствованию своих профессиональных качеств и компетенций посредством повышения квалификации, переподготовки, обмена опытом, участия в конференциях, круглых столах? 21) перерабатываются ли руководителем вышеуказанные вопросы с учетом практического опыта по охране ОИАЭ? 22) составляется ли руководителем на основании предложенной самооценки перечень мероприятий, необходимых для повышения культуры безопасности в подчиненном подразделении?

Приведенный перечень вопросов не является исчерпывающим и может быть конкретизирован применительно к соответствующему подразделению с учетом специфики деятельности по обеспечению безопасности отдельных ОИАЭ.

Использование предложенной методики будет способствовать воспитанию на уровне командного состава, конкретных исполнителей личного стремления к обеспечению безопасности, формированию персональной ответственности и приоритета безопасности ОИАЭ при принятии управленческих решений, самосовершенствованию, созданию в соединениях и воинских частях внутренних войск МВД Республики Беларусь по охране особо важных государственных объектов и специальных грузов условий, при которых обеспечиваются высокий уровень исполнения профессиональных обязанностей и профилактика совершения дисциплинарных проступков.

Список использованных источников

1. Проведение социологического мониторинга общественного мнения по вопросам развития ядерной энергетики в Республике Беларусь и восприятия населением строительства АЭС : отчет о НИР / Нац. акад. наук, Ин-т социологии ; рук. С.А. Шавель. – Минск, 2015. – 266 с. – № ГР 20130589.

2. Культура безопасности : докл. Междунар. консультатив. группы по ядер. безопасности / Междунар. агентство по атом. энергии. – Вена, 1991. – 51 с.

Дата поступления в редакцию: 02.11.17

D.A. Egorov, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Administrative Activities of the Bodies of Internal Affairs of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

METHOD OF CONVICTION IN THE ACTIVITIES OF THE SUBJECTS RESPONSIBLE FOR THE SAFETY OF NUCLEAR FACILITIES: SOME DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT

The purpose of the article is development of scientifically reasonable proposals to improve the forms of implementation of the method of conviction by the subjects responsible for the safety of nuclear facilities. In the main part the prospects of a culture of safety assessment methodology introduction in activity of divisions of the internal troops for the protection of critically important state facilities and special cargoes is discussed; its approximate content is proposed.

Keywords: form, method, conviction, compulsion, safety culture, nuclear facilities safety.

УДК 342.9

С.С. Касьянчик, кандидат юридических наук, доцент кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: kas.sergey@mail.ru)

«УЛИЧНЫЕ» ОБЯЗАННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ОТ ВОПРОСОВ РЕГЛАМЕНТАЦИИ К ПРОБЛЕМАМ РЕАЛИЗАЦИИ

Рассматриваются проблемные аспекты реализации предписаний части второй ст. 23 «Обязанности сотрудников органов внутренних дел» Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь». Обращается внимание на то, что вопросы, не решенные при регламентации данной нормы, заложены в основе проблем, связанных с невозможностью обеспечения ее долж-

ной реализации. Предлагается новая редакция указанной нормы, устраняющая существующую правовую неопределенность на основе анализа использованных в статье формулировок.

Ключевые слова: органы внутренних дел, сотрудник органов внутренних дел, обязанности сотрудника органов внутренних дел, полномочия сотрудника органов внутренних дел.

Сегодня все большую актуальность приобретают вопросы оптимального соотношения известных методов правового регулирования при конструировании правового статуса специальных субъектов права.

Так, часть вторая ст. 23 Закона об ОВД закрепила обязанность каждого сотрудника ОВД, находящегося на территории Республики Беларусь, независимо от занимаемой должности, места нахождения и времени в случае обращения к нему должностных лиц и других граждан с заявлением или сообщением о событиях, угрожающих личной или общественной безопасности, либо в случае непосредственного выявления таковых принимать возможные меры по пресечению преступления, административного правонарушения; спасению граждан; оказанию нуждающимся необходимой помощи, установлению и задержанию лиц, совершивших преступление, административное правонарушение; выявлению очевидцев преступления, административного правонарушения; охране места происшествия, а также сообщать об этом в ближайший орган внутренних дел. В научной литературе такого рода обязанности были именованы уличными, общими, общестатусными [1, с. 85].

Будучи распространенными на сотрудников многих правоохранительных органов как Республики Беларусь, так и ряда зарубежных (преимущественно постсоветских) государств, данные обязанности не подвергались системному анализу, а только поверхностно рассматривались в учебной литературе и научно-практических комментариях. Однако здесь следует считать симптоматичным то обстоятельство, что в данных источниках они рассматривались в качестве абстрактных и примитивных, не требующих какого бы то ни было существенного разъяснения.

Вместе с тем практика применения нормы части второй ст. 23 Закона об ОВД в служебной деятельности ОВД и теоретико-правовой анализ содержащейся в ней терминологии позволяют утверждать, что объективная невозможность качественного и системного исполнения обозначенной обязанности в полном объеме во многих случаях делает сотрудников ОВД заложниками ситуации: неисполнение обязанности может быть истолковано как противоправное бездействие, влекущее применение к сотруднику комплекса мер – от дисциплинарного воздействия до уголовной ответственности. Неисполнение или ненадлежащее исполнение сотрудником ОВД требований ст. 23 Закона об ОВД Дисциплинарным уставом ОВД Республики Беларусь признается дисциплинарным проступком и при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 425 «Бездействие должностного лица» УК Республики Беларусь, влечет за собой применение мер дисциплинарной ответственности в форме наложения дисциплинарного взыскания вплоть до увольнения из ОВД.

Причины существования обозначенных проблем обнаруживаются на стадии исследования данной нормы на предмет ее соответствия принятым стандартам нормотворческой техники, чего требует содержание ст. 9 «Общие требования, предъявляемые к нормативным правовым актам» Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». Сами такие требования преимущественно содержатся в ст. 23 «Общие требования, предъявляемые к нормативному правовому акту» названного закона. В их числе требование о том, что термины и понятия, используемые в тексте нормативного правового акта, должны быть понятными и однозначными. Дополняют и уточняют систему таких требований нормы ст. 31 «Языковые требования, предъявляемые к тексту нормативного правового акта», ст. 32 «Терминология нормативного правового акта» и ст. 33 «Использование специальных обозначений». В соответствии с названными статьями текст нормативного правового акта излагается лаконично, простым и ясным языком, исключая различное толкование норм; терминология нормативного правового акта должна формироваться с использованием общепонятных слов и словосочетаний; при необходимости уточнения терминов и их определений, используемых в нормативном правовом акте, в нем помещается статья (пункт), разъясняющая их значение; специальные обозначения используются в нормативном правовом акте только в том понимании, в каком они употребляются в соответствующей специальной области.

Однако в предложенной белорусским законодателем конструкции данной обязанности есть определенные скрытые технико-юридические нюансы, позволяющие говорить о том, что успешная системная реализация рассматриваемой нормы требует официального разъяснения примененной в ее конструкции терминологии.

Эти нюансы формально можно разграничить исходя из структуры данной нормы, представленной гипотезой и диспозицией.

Гипотеза устанавливает общие условия, при которых норма начинает действовать, и связывает предъявляемые к сотруднику требования с наступлением одного из двух юридических фактов: обращением к нему должностных лиц и других граждан с заявлением или сообщением о событиях, угрожающих личной или общественной безопасности, либо непосредственным выявлением таковых.

При всем сказанном очень важно, значимо и необходимо адекватное реагирование сотрудника ОВД на информацию, содержащуюся в обращенных к нему заявлениях или сообщениях должностных лиц и иных граждан. Однако здесь Закон об ОВД конкретизирует информацию, на которую сотруднику следует реагировать: это должна быть информация о событиях, угрожающих личной или общественной безопасности. Отсюда возникает актуальный вопрос: на всякое ли противоправное деяние обязан реагировать сотрудник?

Решение данного вопроса предполагает обращение внимания на два аспекта.

Во-первых, в гипотезе ст. 23 Закона об ОВД указано на необходимость реагирования на информацию о событиях. Но лексическое значение термина «событие» сводится к тому, что произошло то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни [2, с. 541]. Это приводит к умозаключению, что наиболее близким синонимом слова «событие» выступает вовсе не «действие» или «бездействие», а «происшествие».

Исходя из общепринятого юридического толкования термин «событие» рассматривается в качестве разновидности юридических фактов, которая не зависит от воли человека, но влечет за собой возникновение, изменение или прекращение правоотношений, т. е. субъективных прав и юридических обязанностей (рождение, болезнь или смерть человека, пожары и т. д.) [3, с. 603]. При этом категорией, наиболее уместной для определения ситуаций, требующих вмешательства сотрудника при оговоренных обстоятельствах, здесь очевидно остается совершенно иная часть системы юридических фактов, которую составляют деяния, проявляющиеся в форме действия либо бездействия. Под последними в данном случае понимаются осознанно-волевые акты поведения людей [3, с. 511]. Тем более значимым это обстоятельство становится ввиду того, что в диспозиции данной нормы в первую очередь идет речь не о событиях, а о преступлениях и административных правонарушениях (фактически – деяниях).

Во-вторых, следует заметить, что действие данной нормы в статье связывается только с юридическими фактами, непосредственно угрожающими личной или общественной безопасности. Очевидно, данное уточнение также требует разъяснения.

Как таковая безопасность – явление многогранное и многофакторное, затрагивающее все сферы жизнедеятельности общества, все виды человеческой деятельности.

Так, в толковом словаре С.И. Ожегова понятие «безопасный» трактуется как «не угрожающий опасностью, защищающий от опасности», а термин «безопасность» рассматривается в качестве состояния, «при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [2, с. 47].

Анализ приведенных определений данных однокоренных терминов позволяет сделать следующие выводы: безопасность есть состояние того или иного субъекта (объекта), характеризующееся отсутствием опасности; субъекту (объекту) обеспечения безопасности присущи способность и возможность к ее предотвращению и устранению, локализации источников опасности, защите от деструктивно направленной деятельности. В свою очередь, под опасностью с точки зрения филологии понимается способность причинить какой-нибудь вред, а также угроза жизни и здоровью человека, иным его ценностям.

Так что проблема предотвращения и устранения возникающей или уже возникшей опасности встает тогда, когда появляется потенциальная опасность для объекта, системы. Однако не менее очевидным видится и то, что в зависимости от объекта опасности – личности или общества – именуется и соответствующий вид безопасности – личной или общественной.

Обращение к данному обстоятельству с учетом рассматриваемого объекта исследования делает очевидной необходимость вмешательства сотрудника в ситуации, когда наличествуют непосредственные угрозы личной безопасности отдельных граждан: в этих ситуациях либо лицо само просит о помощи в реализации и защите его прав, либо необходимость вмешательства очевидна (например, избивание лица уличными хулиганами). Исходя из вышесказанного в подавляющем большинстве таких случаев гражданин осознанно обращается за помощью к сотруднику ОВД как к представителю государственной власти.

Не столь однозначно обстоит дело и с общественной безопасностью. Невзирая на активное использование этого термина системой действующих нормативных правовых актов, прямая его законодательная формулировка, как и официальное разъяснение, отсутствуют. Весьма разрозненно разъясняется это понятие и в специальной юридической литературе, рассматривающей его в широком и узком смыслах.

В общем, широком понимании общественную безопасность принято определять в качестве состояния защищенности личности и общества от совокупности угроз противоправного, техногенного, природного, космического, экологического и иного характера различными по своему характеру и значимости мерами. В более узком, специальном значении общественная безопасность определяется как состояние защищенности жизни и здоровья граждан, интересов общества от противоправных посягательств на улицах, стадионах, парках, скверах, всех видах общественного транспорта, в культурных, образовательных, религиозных, учреждениях и иных общественных местах правовыми, организационными, инженерно-техническими, воспитательными, принудительными и иными мерами на законных основаниях [5, с. 37–42; 6, с. 13].

На постсоветском пространстве определение понятия «общественная безопасность» впервые нашло свое юридическое оформление в Модельном законе «О безопасности», принятом постановлением Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан от 15 октября 1999 г. № 9-9 (далее – Модельный закон). Так, в ст. 1 указанного закона общественной безопасностью определяется состояние защищенности жизни, здоровья и благополучия граждан, а также ценностей общества от возможных опасностей и угроз, способных нанести им ущерб.

Единственным нормативным правовым актом, определяющим рассматриваемое понятие в национальном законодательстве Республики Беларусь, является Положение о применении систем безопасности и телевизионных систем видеонаблюдения, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 декабря 2012 г. № 1135 (далее – Положение). Так, в п. 2 Положения понятие «общественная безопасность» характеризуется в качестве урегулированной нормами права системы общественных отношений, целями функционирования которой являются обеспечение личного и имущественного спокойствия, безопасности, создание условий для реализации прав граждан, обеспечения функционирования государственных органов, организаций.

Определенную сложность в уяснении места общественной безопасности в системе известных видов национальной безопасности или по отношению к данной системе представляет и анализ Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 (далее – Концепция). В п. 19 Концепции этот термин употреблен в качестве самостоятельного по отношению к понятию «государственная безопасность». Исходя из этого логично предположить, что общественная безопасность наряду с государственной безопасностью выступает одной из составных частей национальной безопасности. Однако определения общественной безопасности в п. 4 Концепции, разъясняющем используемую в ней терминологию, не содержится.

В то же время важно обратить внимание еще на один термин, содержание которого в отличие от первого все же нашло отражение в Концепции. Это термин «социальная безопасность». Под ней Концепция понимает состояние защищенности жизни, здоровья и благосостояния граждан, духовно-нравственных ценностей общества от внутренних и внешних угроз.

Данное Концепцией определение понятия «социальная безопасность» и понятие «общественная безопасность» ст. 1 Модельного закона фактически идентичны. Учитывая это и принимая во внимание общность этимологической природы понятий «общественный» и «социальный» (лат. *socialis* – общественный), возможно заключить, что общественная безопасность, а равно социальная безопасность, с учетом действующего в Республике Беларусь законода-

тельства являют собой состояние защищенности жизни, здоровья и благосостояния граждан, духовно-нравственных ценностей общества от внутренних и внешних угроз.

Сравнивая приведенную формулировку общественной безопасности с формулировкой, использованной в Положении, следует заметить, что во втором определении общественная безопасность рассматривается в качестве определенных форм отношений, специфических взаимодействий, а значит, деятельности. Во всех иных приведенных определениях, как и в доктрине административного права, общественная безопасность предстает в виде состояния защищенности.

Даже при некоторой противоречивости обозначенных подходов (рассматривающих данное понятие и как состояние защищенности, и как систему общественных отношений) скрупулезный, сущностный взгляд на их содержание приводит к выводу о том, что суть всех приведенных нормативных формулировок предстает фактически единообразно и проявляется в виде цели, которой обобщенно выступает выявление, устранение и предупреждение угроз, способных нанести ущерб общественным интересам, соответствующим общественным отношениям фактически во всех сферах функционирования общества и его институтов.

Исходя из обозначенных выше особенностей формулировок общественной (социальной) безопасности, примененных в действующих нормативных правовых актах, возможно утверждать, что в законодательстве Республики Беларусь применен общий (широкий) подход к определению содержания рассматриваемого термина. В контексте предписаний части второй ст. 23 Закона об ОВД это может свидетельствовать, что в случае выявления практически неограниченного перечня юридических фактов, связанных с нарушением предписаний законодательных актов (не является здесь исключением и гражданское, а равно и хозяйственное, экологическое и иное отраслевое законодательство), сотрудник должен предпринимать активные меры по их предупреждению, пресечению, а также минимизации последствий их совершения. Однако при такой постановке вопроса следует ли вести речь о том, что физически реагирование каждым сотрудником на все нарушения известных норм различного отраслевого законодательства вряд ли следует считать возможным, и о том, готова ли система ОВД при имеющейся численности ее личного состава, непосредственно задействованного в реализации правоохранительных функций, эффективно реагировать на все такие сообщения? При этом подчеркнем, что исходя из приведенного толкования рассматриваемой нормы такого рода обязанности сотрудник должен реализовывать абсолютно всегда и везде (на всей территории Республики Беларусь), на службе и вне ее, вне зависимости от каких-либо субъектно связанных обстоятельств.

В определении механизма эффективной и оптимальной реализации подобного рода норм следует заметить, что действующая редакция нормы части второй ст. 23 Закона об ОВД абсолютно тождественна аналогичной обязанности, закрепленной в части второй ст. 15 утратившего силу Закона Республики Беларусь от 26 февраля 1991 г. № 637-ХІІ «О милиции». Однако стоит ли говорить об объективной оправданности такого дублирования хотя бы потому, что только Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях с момента первого закрепления данной нормы дополнился на 99 статей (с 346 статей в КоАП 1984 г. (по состоянию на 1991 г.) до 445 статей в действующем). Стоит ли с учетом изложенного здесь также говорить о том, что, например, многократно возросло и количество автомобилей на улицах, а соразмерно этому – и число правонарушений, связанных с нарушением правил дорожного движения? Аналогичная ситуация наблюдается и в ином отраслевом законодательстве. Описанную характеристику ситуаций, на которые сотрудники ОВД непрестанно и всегда должны реагировать установленным частью второй ст. 23 Закона об ОВД образом, следует дополнить лишь указанием на то, что исходя из действующей ее формулировки все сотрудники ОВД должны реагировать не только на деяния приведенной категории, но и на события, представляющие угрозу личной безопасности граждан и общественной безопасности.

Обращение к содержанию абзаца первой части второй ст. 23 Закона об ОВД позволяет предположить, что, ведя речь о событиях, угрожающих личной или общественной безопасности граждан, законодатель предполагал реагирование не на все связанные с названным объектом посягательства деяния и события, а только на преступления и административные правонарушения. Однако и здесь исходя из действующей формулировки части второй ст. 23 названного закона нельзя с уверенностью сказать, предполагается ли диспозицией данной статьи реаги-

рование на все преступления и административные правонарушения, или только на те из них, которые посягают на общественную безопасность и личную безопасность граждан.

В настоящее время перечень посягательств на общественную безопасность объективирован в гл. 27 «Преступления против общественной безопасности» УК Республики Беларусь, которая включает 32 статьи.

Однако следует заметить, что часть вторая ст. 23 Закона об ОВД не обязывает буквально сотрудника ОВД реагировать на преступления против общественной безопасности, а определяет его активные действия как меры реагирования на преступления, связанные с посягательством на общественную безопасность. Вместе с тем вряд ли следует доказывать непреложную истину о том, что с учетом примененного в белорусском законодательстве широкого подхода к пониманию общественной безопасности абсолютное большинство (если не все) составы преступлений, включенных в УК, так или иначе связаны с посягательством на общественную безопасность. При этом отнесение к категории посягательств на общественную безопасность деяний, названных в гл. 27 УК, в уголовно-правовой науке также остается дискуссионным ввиду отсутствия четкого определения признаков общественной безопасности. В действующем КоАП Республики Беларусь по признаку посягательства на общественную безопасность статьи вообще не градируются (систематизируются). Вероятнее всего, это связано с тем, что практически все составы включенных в него административных правонарушений так или иначе опосредованы посягательством на личную или общественную безопасность.

Важно принимать во внимание, что «уличные» обязанности исконно свойственны органам и подразделениям, непосредственно реализующим в государстве так называемые полицейские функции и именуемым в национальных законодательных актах полицией или милицией. В этой связи логично предположить, что к системе «уличных» обязанностей сотрудников правоохранительных органов следует относить реагирование не на все события и деяния, так или иначе связанные с правонарушениями и происшествиями, а только на те, которые, вытекая из функционального назначения полиции (милиции), составляют суть, квинтэссенцию ее деятельности. В контексте ст. 2 и ст. 14 Закона об ОВД к таковым следует отнести посягательства на жизнь, здоровье, честь, достоинство, права, свободы и законные интересы граждан, интересы общества и государства.

Наконец, следует обратить внимание еще на один важный момент нормативной регламентации «уличных» обязанностей сотрудника ОВД: при принятии Закона об ОВД отечественный законодатель заменил термин «обнаружение», ранее используемый в соответствующей статье ныне утратившего юридическую силу Закона «О милиции», на термин «выявление».

Несмотря на синонимичность данные термины все же имеют разную смысловую нагрузку. Этимологически глагол «выявить» восходит к словам «явить», «явно», «явь» в значениях «ясно, определенно, открыто» [7, с. 540]; глагол «обнаружить» имеет своим источником «наружу», «ружь». Слово «ружь» обозначает «наружность, внешность, образ; с ружи – снаружи, наружу, наружи, снаружи, обнаружить» [8, с. 104]. Опираясь на приведенные факты, В.И. Павлов и Д.А. Воропаев делают логичный, на наш взгляд, вывод, в соответствии с которым обнаружение является действием, направленным на получение сведений о неких внешних проявлениях предметов и явлений, но не тайных, а явных, не требующих специальных изысканий, доступных невооруженному глазу, имеющее в некоторой степени случайный, вероятностный характер, и тем самым «обнаружить» по значению ближе к «заметить»; выявление, в свою очередь, также есть некое целенаправленное действие, заключающееся в получении сведений о скрытых, неявных предметах и явлениях, требующее определенных усилий, приемов, методов, невозможное в случайном, произвольном порядке [9, с. 128].

В соответствии с указанным подходом к сути подмены термина «обнаружение» понятием «выявление» возможен вывод о том, что сотрудник вправе не применять оговоренные в части второй ст. 23 Закона об ОВД меры по факту обнаружения уголовно или административно наказуемого деяния, происшествия, если находится вне службы (например, по пути домой); но при этом сотрудник должен реагировать только на деяния и события, непосредственно выявленные им в ходе исполнения своих служебных обязанностей, фактически – в служебное время.

Однако необходимо принимать во внимание, что гипотеза данной статьи, определяемая словами «Каждый сотрудник... на всей территории Республики Беларусь независимо от занимаемой должности, места нахождения и времени...», прямо указывает на необходимость принятия соот-

ветствующих мер реагирования независимо от того, служебное это или свободное от службы время. На этот же вывод наталкивают и толковые словари, объясняющие один из приведенных терминов через другой [2, с. 107]. Полагаем, что применительно к рассматриваемой норме ст. 23 Закона об ОВД в своей совокупности данные обстоятельства минимизируют существенность этимологической разницы в понимании терминов «выявить» и «обнаружить», но все же не исключают целесообразность возврата ко второму из них.

Подводя итог, возможно заключить, что для устранения двоякого понимания норм, содержащихся в части второй ст. 23 Закона об ОВД, минимизации последствий от возможности их субъективного понимания и искаженного толкования, целесообразно часть вторую ст. 23 Закона об ОВД изложить в новой редакции, исключающей или минимизирующей приведенные сложности в ее применении. С учетом отдельных положительных аспектов регламентации подобного рода норм за рубежом, вышеприведенных аспектов и подходов, принятых в действующей редакции Закона об ОВД, данная норма может быть изложена в следующей редакции:

«Каждый сотрудник органов внутренних дел независимо от замещаемой должности, места нахождения и времени обязан:

1) оказывать первую помощь гражданам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений или происшествий, а равно гражданам, находящимся в беспомощном состоянии, ином опасном для их жизни и здоровья состоянии;

2) в случае обращения к нему гражданина с заявлением о преступлении, об административном правонарушении или происшествии либо в случае непосредственного обнаружения таковых, если они угрожают жизни или здоровью граждан либо представляют собой существенную угрозу национальной безопасности Республики Беларусь, принять меры по спасению граждан, предотвращению и (или) пресечению такого преступления, административного правонарушения, задержанию лиц, подозреваемых в их совершении, по охране места совершения преступления, административного правонарушения, места происшествия и в случае необходимости сообщить об этом в ближайший территориальный орган внутренних дел».

Список использованных источников

1. Кондрашов, Б.П. Российский закон о милиции / Б.П. Кондрашов, Ю.П. Соловей, В.В. Черников. – М. : Вердикт, 1992. – 174 с.
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
3. Марченко, М.Н. Теория государства и права : учебник / М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Велби, Проспект, 2004. – 640 с.
4. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства : учебник / В.С. Нерсесянц. – М. : Норма : Инфра-М, 2012. – 560 с.
5. Коротких, А.Г. О сути и значении понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» / А.Г. Коротких // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2011. – № 3. – С. 37–42.
6. Ильичев, И.Е. Общественная безопасность и безопасность общества: соотношение понятий / И.Е. Ильичев, Э.В. Богмацера // Проблемы правоохран. деятельности. – 2018. – № 1. – С. 11–19.
7. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / изд. М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М., 2004. – Т. 4.
8. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / изд. М.Фасмер ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М., 2004. – Т. 3.
9. Павлов, В.И. Проблема толкования обязанностей сотрудников правоохранительных органов в контексте теории правоприменительного усмотрения / В.И. Павлов, Д.А. Воропаев // Правовая реформа в современной России: опыт и перспективы : сб. тр. XV Междунар. науч. конф., Москва, 16 апр. 2015 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т ; под ред. Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева, Л.И. Глухаревой. – М., 2015. – 330 с.

Дата поступления в редакцию: 07.10.18

S.S. Kasyanchik, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Internal Affairs of the Faculty of Advanced Training and Retraining of Managers of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus
 “STREET” DUTIES OF EMPLOYEES BODIES OF INTERNAL AFFAIRS: FROM THE ISSUES OF REGULATION TO THE PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

The article discusses the problem aspects of the implementation of the second article. 23 "Obligations of employees of the internal affairs bodies" of the Law of the Republic of Belarus "On the Internal Affairs Bodies of the Republic of Belarus" (hereinafter – the Law on the Department of Internal Affairs) Attention is drawn to the issues that are unresolved in the regulation of this provision, are the basis of the problems associated with the inability to ensure its proper implementation. On the basis of the theoretical and legal analysis of the formulations used in the article, the author proposes a new edition of this rule, eliminating the existing legal uncertainty.

Keywords: internal affairs bodies, an employee of internal affairs bodies, duties of an internal affairs bodies of fiscal, powers of an internal affairs officers.

УДК 351.754.5

В.С. Климчя, кандидат юридических наук, декан факультета права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: vsklim@tut.by)

УГРОЗЫ ОБЩЕСТВЕННОМУ ПОРЯДКУ И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ: ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ

Рассматриваются потенциально и реально существующие социальные, техногенные и природные угрозы общественному порядку и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий. Предлагается определение понятия «угрозы общественному порядку и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий» и критерии их классификации.

Ключевые слова: массовые мероприятия, угрозы, общественный порядок, общественная безопасность.

Исследуя проблемы административно-правового обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и иных массовых акций с большим количеством участников, ученые и практики приходят к выводу, что такое мероприятие по своей сути – сложное, динамично развивающееся социально-правовое явление, проведение которого под воздействием негативных факторов может кардинально изменяться в зависимости от целей и выдвигаемых требований, поведения и направления действий участников, становиться объектом совершения уголовных преступлений, перерастать из мирного мероприятия в групповые нарушения общественного порядка, в том числе массовые беспорядки [1, с. 95]. В этой связи необходимо определение понятия угрозы общественному порядку и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий, выделение потенциально или реально существующего спектра угроз в рассматриваемой сфере, а также критериев их классификации.

Толковые словари русского языка трактуют понятие «угроза» как «запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло; возможную опасность» [2, с. 823]. Специальный словарь-справочник по государственному управлению в сфере национальной безопасности формулирует понятие «угроза» как «событие, процесс, явление и другие факторы, которые создают опасность национальным интересам (препятствуют их реализации) и формируют определенный потенциал (возможность) причинения убытка (вреда) национальным ценностям» [3, с. 435].

В научной литературе, посвященной теоретико-методологическим проблемам безопасности государства и национальной безопасности, угроза трактуется как «совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, обществу и государству» [4, с. 15; 5, с. 9]; «демонстрация действующим объектом желания и (или) возможности причинить вред объекту воздействия» [6, с. 17].

Основа современных вызовов и угроз личности, обществу и государству – социальные конфликты, природные и техногенные катастрофы, а основные характеристики – вероятность их реализации и размер ущерба [6, с. 17; 7, с. 163]. Существенными признаками угрозы являются: наивысшая степень превращения возможного ущерба в действительность; намерение одних субъектов причинить ущерб другим; демонстрация готовности совершать насилие для причинения ущерба; динамически возросшая опасность. Наиболее важными свойствами угрозы выступают: избирательность (нацеленность угрозы на те или иные объекты безопасности), пред-

сказуемость (прогнозирование возможности нанесения вреда конкретным объектам безопасности), вредоносность (нанесения вреда различной тяжести объекту безопасности, который оценивается стоимостью затрат на его предотвращение и ликвидацию) [8, с. 68].

Теоретические подходы ученых в отношении рассматриваемого понятия во многом подтверждаются практической деятельностью. Так, при проведении массовых мероприятий общественный порядок нарушается в результате противоправных посягательств (обычно умышленных), затрагивающих интересы не только конкретной личности, группы людей, но и всего общества. В качестве угроз общественной безопасности выступают чрезвычайные ситуации (происшествия) социального, природного и техногенного характера, причинами возникновения которых могут быть умышленные противоправные посягательства, неосторожные противоправные деяния, стихийные силы природы, источники повышенной опасности при нарушении порядка их использования и неправильном хранении, влекущие опасность здоровью и жизни людей, окружающей среде, нарушение условий жизнедеятельности, прав и свобод граждан, материальный ущерб.

С учетом приведенных мнений ученых, а дискуссионности рассматриваемого вопроса есть основание рассматривать угрозы общественному порядку и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий как потенциально или реально существующую возможность нанесения вреда правам и законным интересам граждан, организаций, государственным или общественным интересам, что может повлечь срыв массового мероприятия, временное нарушение (прекращение) деятельности органов государственного управления, организаций и их должностных лиц либо нарушение (прекращение) движения транспортных средств, гибель людей и (или) причинение им телесных повреждений, а также материального ущерба.

Важным показателем при определении угроз общественному порядку и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий является их прогнозирование, т. е. научно обоснованное определение возможных чрезвычайных ситуаций (происшествий), при котором необходимо учитывать: цели, место и время проведения массового мероприятия; кто является его организатором; заявленное и максимально возможное количество участников; погодные условия; наличие опасных объектов; политические, экономические, психологические, этические проблемы; имеющиеся в обществе противоречия и т. д.

Анализ отечественного и зарубежного опыта проведения массовых мероприятий, статистики происшествий и правонарушений, совершаемых в процессе их проведения, позволяет определить наиболее вероятные угрозы общественному порядку и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий, источником которых являются социальные, природные и техногенные угрозы.

Социальные угрозы в рассматриваемой сфере целесообразно разделить на две группы:

угрозы некриминального характера (организационные). Это низкий уровень подготовки организаторов массовых мероприятий к управлению большими массами участников (зрителей) и оперативному решению возникающих критических ситуаций; отсутствие предварительной профилактической, воспитательной и организационной работы с участниками (зрителями) массовых мероприятий; несоблюдение правил торговли спиртными напитками; неблагоустроенность мест проведения массовых мероприятий (плохая освещенность, антисанитарное состояние) и т. д. Все перечисленное может создавать условия для совершения противоправных деяний, дорожно-транспортных происшествий, приводить к возникновению пожаров и т. п.;

угрозы криминального характера. Это вероятность экстремизма, групповых нарушений общественного порядка, массовых беспорядков, терроризма и других действий, связанных с посягательством на жизнь и здоровье людей; создание препятствий для надлежащего функционирования органов государственного управления, организаций и их должностных лиц.

При проведении массовых мероприятий социальные угрозы криминального характера могут возникать под воздействием внутренних и внешних факторов. К внутренним относятся нарушение конституционных прав и свобод человека, принципа верховенства закона; искусственное нагнетание напряженности и противостояния в обществе и государстве; формирование и распространение идеологии экстремизма, национальной, расовой и религиозной нетерпимости; возникновение либо незаконная деятельность организаций, группировок, отдельных лиц,

придерживающихся и распространяющих указанные взгляды; резкое социальное расслоение населения; низкая культура безопасности жизнедеятельности населения; недостаточный уровень развития гражданского общества и др. Внешние факторы – столкновение геополитических интересов государств (групп государств); деятельность специальных служб, иных организаций и отдельных представителей иностранных государств, направленная на проникновение и распространение идеологии сепаратизма; международный терроризм; незаконный оборот оружия, боеприпасов и других опасных веществ и материалов; расширение масштабов трансграничной преступности; деятельность транснациональных либо зарубежных преступных организаций и группировок, связанная с посягательствами на жизнь, здоровье, свободу и иные права граждан.

О реальном влиянии названных внешних и внутренних факторов на процесс обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий и их последствиях свидетельствуют события последних лет в странах ближнего (Армения, Грузия, Кыргызстан, Россия, Украина и др.) и дальнего зарубежья (Алжир, Германия, Египет, Ливия, Сирия, Турция, Франция, США и др.). Здесь деструктивные силы использовали массовые мероприятия для искусственного нагнетания напряженности и противостояния в обществе и государстве, распространения идеологии экстремизма, сепаратизма, национальной, расовой и религиозной нетерпимости.

К природным источникам угроз общественному порядку и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий относятся различные стихийные явления (ураганы, смерчи, штормы, сопровождаемые обильным и продолжительным выпадением осадков); аномальные температурные показатели воздуха, эпидемии и другие опасные для здоровья и жизни явления, происходящие независимо от воли людей.

Основу техногенных угроз составляет развитая техносфера в местах проведения массовых мероприятий, включая наличие потенциально опасных объектов (пожаровзрывоопасные, химические предприятия и др.), транспортную сеть, высокую плотность населения, жилищного фонда, что обуславливает возможность возникновения аварий и катастроф, вызванных техническими сбоями и нарушением правил эксплуатации и использования источников повышенной опасности, и т. п.

И здесь важно отметить, что игнорирование вероятности возникновения природных и техногенных угроз при проведении массовых мероприятий может привести к причинению существенного вреда правам и законным интересам граждан, организаций либо государственным или общественным интересам, здоровью и жизни людей.

Если все-таки в процессе проведения массовых мероприятий совершаются административно и уголовно наказуемые деяния, то объектами противоправных посягательств обычно становятся жизнь, здоровье, честь, достоинство, неприкосновенность, нравственность, другие права и свободы человека и гражданина, собственность, государственные органы, организации и их должностные лица.

Реализация в процессе проведения массовых мероприятий социальных, природных и техногенных угроз общественному порядку и общественной безопасности может привести к возникновению чрезвычайной ситуации (происшествия), которая будет иметь определенные границы территориального распространения, размер ущерба и определенное количество пострадавших лиц.

Для своевременного выявления, предупреждения и пресечения чрезвычайных ситуаций (происшествий) при проведении массовых мероприятий, расчета сил и средств необходимо путем объективной оценки или научно обоснованного прогнозирования определить реальный или возможный уровень чрезвычайной ситуации (происшествия), который во многом зависит от серии показателей: масштаба проведения массовых мероприятий (городские, районные, областные, республиканские, международные); количества участников; места проведения; социально-политической и экономической обстановки в отдельном регионе и в целом в государстве; наличия потенциально опасных объектов, на которых могут возникнуть чрезвычайные ситуации и распространиться на определенную территорию, захватив в зону поражения места проведения массовых мероприятий, и тем самым увеличить ущерб и количество пострадавших лиц.

С учетом сказанного и подходов, закрепленных в ст. 5 Закона Республики Беларусь «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»,

возможные чрезвычайные ситуации (происшествия) социального (криминального характера), природного и техногенного характера при проведении массовых мероприятий по территориальному распространению, ущербу и количеству пострадавших можно классифицировать по следующим уровням: локальный, местный, региональный, республиканский (государственный) и трансграничный.

По характеру явлений и процессов угрозы общественному порядку и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий могут быть подразделены на три группы:

1) постоянные. Возникают при проведении любых видов массовых мероприятий и связаны с местом (территорией, объектом, помещением) их проведения, включая его обустроенность, вместимость заявленного и реально возможного количества участников, организацию парковки личных транспортных средств граждан, регулировку дорожного движения, необходимого количества общественного транспорта и т. п.; характеризуются осуществлением пропускного режима и личного досмотра граждан и находящихся при них вещей, спецификой поведения людей в толпе, взаимоотношениями между различными категориями граждан исходя из их политических и религиозных взглядов, спортивных, музыкальных и иных предпочтений в зависимости от вида массового мероприятия и т. п.;

2) периодически повторяющиеся. Возникают с определенной периодичностью, например в связи с проводимыми в стране общественно-политическими событиями: выборами депутатов и других лиц, избираемых на государственные должности народом; памятными историческими датами, которые неоднозначно воспринимаются в обществе; спортивными мероприятиями республиканского и международного уровня и т. д.;

3) разовые. Возникают спонтанно, их последствия могут иметь негативный общественный резонанс, что требует от органов государственного управления, участвующих в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности, реальной всесторонней оценки происходящего и соответствующего адекватного реагирования.

Таким образом, угрозы общественному порядку и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий следует рассматривать как потенциально или реально существующую возможность нанесения вреда правам и законным интересам граждан, организаций либо государственным или общественным интересам, которые могут повлечь срыв массового мероприятия, временное нарушение (прекращение) деятельности органов государственного управления, организаций и их должностных лиц либо нарушение (прекращение) движения транспортных средств, гибель людей и (или) причинение им телесных повреждений, а также материального ущерба.

При этом рассматриваемые угрозы можно классифицировать по определенным критериям: источнику возникновения (социальные, техногенные, природные); объекту противоправного посягательства (жизнь, здоровье, честь, достоинство, права и свободы человека и гражданина; общественная нравственность; собственность; порядок управления, включающий нарушение функционирования организаций и деятельности их должностных лиц); территориальному распространению, ущербу и количеству пострадавших (локальные, местные, региональные, республиканские (государственные), трансграничные); характеру явлений и процессов (разовые, периодически повторяющиеся, постоянные).

Классификация угроз в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий по указанным критериям имеет и теоретическую, и практическую значимость. Прогнозирование возможных чрезвычайных ситуаций (происшествий) социального, природного и техногенного характера при проведении конкретного массового мероприятия органами государственного управления, участвующими в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности, позволяет определить масштабы вероятных последствий, спланировать и провести мероприятия профилактической и информационно-разъяснительной работы; устранить причины и условия, способствующие совершению правонарушений; подготовить необходимые силы и средства и организовать их взаимодействие, что будет способствовать своевременному выявлению, предупреждению и пресечению правонарушений, оперативному реагированию на возникающие угрозы, а также минимизации последствий в случае их возникновения.

Список используемых источников

1. Рябцев, Л.М. Конституционно-правовые аспекты обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий / Л.М. Рябцев, В.С. Климченя // Вестн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2015. – № 2. – С. 94–105.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – 4-е изд., доп. – М., 1999. – 944 с.
3. Государственное управление в сфере национальной безопасности : слов.-справ. / сост.: Г.П. Сытник [и др.]. – Киев : НАДУ, 2012. – 496 с.
4. Князев, С.Н. Национальная безопасность Республики Беларусь : курс лекций / С.Н. Князев, А.В. Гулякевич. – 3-е изд., стер. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2007. – 177 с.
5. Трахимёнок, С.А. Безопасность государства: методолого-правовые аспекты / С.А. Трахимёнок. – Минск : Хата, 1997. – 190 с.
6. Атаманов, Г.А. Азбука безопасности. Исходные понятия теории безопасности и их определения / Г.А. Атаманов // Защита информации. Инсайд. – 2012. – № 4. – С. 16–21.
7. Шиенок, В.П. Мировоззренческие и иные проблемы создания новой методологии белорусской юриспруденции / В.П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2011. – № 1. – С. 159–164.
8. Зеленков, М.Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации / М.Ю. Зеленков. – М. : Юрид. ин-т МИИТ, 2013. – 196 с.

Дата поступления в печать: 19.07.18

V.S. Klimchenya, *Candidate of Juridical Sciences, Dean of the Law Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

THREATS TO THE PUBLIC ORDER AND SAFETY DURING MASS EVENTS: THE CONCEPT AND CRITERIA OF CLASSIFICATION

The article deals with potential and actual social, technological and natural threats to the public order and safety during mass events. Also it defines the concept of "threats to the public order and safety during mass events" and criteria of their classification.

Keywords: mass events, threats, public order, public safety.

УДК 342.9

О.И. Левшук, *кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь*
(e-mail: Olga62122@mail.ru)

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ

Рассматриваются понятия «вред» и «ущерб», их этимологическое и юридическое значение. Акцентируется внимание на том, что должностные лица органов, ведущих административный процесс, принимают меры по возмещению вреда, причиненного административным правонарушением, тем самым обеспечивая защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц. Обосновывается позиция, что институт возмещения вреда, причиненного административным правонарушением, не в полной мере функционирует в Республике Беларусь и это обстоятельство является следствием несовершенства действующего законодательства.

Предлагаются пути разрешения насущных проблем, связанных с возмещением вреда, причиненного административным правонарушением, при ведении административного процесса.

Ключевые слова: вред, административный процесс, возмещение, право, административное правонарушение, гражданское судопроизводство, восстановление нарушенных прав, ущерб, потерпевший, законный представитель.

Административным правонарушением причиняется вред охраняемым общественным отношениям. И каким бы ни был вред, физическим, имущественным или моральным, он подлежит стоимостному измерению и возмещению. Статистика показывает, что число административных правонарушений с каждым годом возрастает (в 2017 г. зарегистрировано на 7,6 % больше админи-

стративных правонарушений по сравнению с 2016 г.) [1]. В этой связи актуальным является вопрос об эффективности возмещения вреда, причиненного административным правонарушением.

В юриспруденции термин «вред» неоднозначен и в правоприменительной деятельности часто подменяется «ущербом», что обосновывает необходимость обратиться к их этимологии. Согласно трактовке С.И. Ожегова вред – это ущерб, порча, а ущерб представляет собой потерю, убыток, урон (при этом оговаривается, что вред причиняется здоровью) [2]. Аналогична трактовка и у Д.Н. Ушакова: понятия «вред» и «ущерб» в словаре считаются синонимичными [3]. В этой связи возникает вопрос: каково юридическое значение исследуемых понятий и являются ли они квазисинонимами?

Термин «вред» встречается в различных правовых актах и применяется в разных отраслях права. Например, согласно УПК Республики Беларусь вред представляет собой физический, имущественный или моральный вред, подлежащий денежному измерению, в ГК и ГПК Республики Беларусь термин «вред» встречается, но определения ему законодатель не дает. Однако в теории гражданского права вред рассматривается как умаление имущественных или личных неимущественных благ [4]. ПИКоАП трактует вред как вред жизни или здоровью либо имущественный или моральный вред, подлежащий денежному взысканию.

Подмена исследуемых понятий наблюдается при анализе норм КоАП и ПИКоАП. Так, в ст. 1.3 КоАП говорится, что причинение имущественного, морального и иного вреда правам и законным интересам является вредными последствиями административного правонарушения. Так, одним из условий привлечения к административной ответственности индивидуального предпринимателя является причинение совершенным деянием имущественного вреда в размере свыше сорока базовых величин (ст. 4.8 КоАП). В частности, при наложении административного взыскания учитываются характер и размер причиненного субъектом ответственности вреда. Отдельными материальными нормами Особенной части КоАП предусмотрена ответственность за причинение административным правонарушением ущерба, а не вреда. Так, лицо подлежит ответственности по ст. 10.7 КоАП за причинение ущерба посредством извлечения имущественных выгод в результате обмана, злоупотребления доверием или путем модификации компьютерной информации, а по ст. 10.9 КоАП – за умышленное уничтожение (повреждение) имущества, повлекшее причинение ущерба в незначительном размере.

Вместе с тем одной из задач ПИКоАП является обеспечение прав и законных интересов физических и юридических лиц, которым административным правонарушением причинен вред жизни или здоровью либо имущественный или моральный вред. В случае причинения административным правонарушением имущественного вреда суд, орган, ведущий административный процесс, обязаны принять меры к его возмещению. В то же время в гл. 22 ПИКоАП оговариваются порядок и сроки исполнения постановления в части возмещения имущественного ущерба, а не вреда.

Исходя из изложенного назревает вопрос: административным правонарушением причиняется вред или ущерб? В указанных кодифицированных законах используется разная терминология: «причинение вреда», «причинение ущерба».

В отличие от белорусского законодательства в КоАП РФ, предопределяющем основания, условия и порядок привлечения к административной ответственности, законодатель ведет речь о возмещении имущественного ущерба и морального вреда, причиненных административным правонарушением, тем самым разграничивая понятия «вред» и «ущерб». Иначе говоря, ущерб представляет собой вредные последствия непосредственно для имущества, выражающиеся в его умалении, повреждении, утрате или полном уничтожении в результате внешнего воздействия; вред – условие гражданско-правовой ответственности.

Таким образом, с учетом проведенного анализа видится обоснованным скорректировать отдельные нормы отечественных КоАП и ПИКоАП, обратившись к единообразной терминологии: «причинение имущественного ущерба», «причинение морального вреда», «причинение физического вреда», «возмещение имущественного ущерба», «возмещение (компенсация) морального вреда».

Следует отметить, что институт возмещения морального, физического вреда (имущественного ущерба), причиненного административным правонарушением, является одной из восстановительных мер в административном праве, юридическая природа этих мер кроется в том, что административно-восстановительные меры, являясь разновидностью мер административного

принуждения, применяются для восстановления нарушенного правового состояния путем правомерного воздействия на виновного с целью побудить его к исполнению возложенной на него юридической обязанности. Такая обязанность выражается в возмещении вреда, причиненного административным правонарушением (ст. 7.8 КоАП).

Так, до вступления в законную силу в 2003 г. КоАП в новой редакции и далее с появлением в 2007 г. ПИКоАП институт возмещения вреда не был востребован и урегулирован. Сегодня несмотря на внесенные изменения и дополнения в данные кодифицированные законы, которые оптимизировали национальное законодательство, институт возмещения вреда в административном процессе требует пересмотра, четкой правовой регламентации правил и процедуры его реализации, консолидации таких норм.

Как показало исследование, основной материальной нормой, дающей право на возмещение вреда, причиненного административным деликтом, является ст. 7.8 КоАП. Согласно данной статье физическое лицо, совершившее административное правонарушение, или юридическое лицо, признанное виновным и подлежащее административной ответственности, обязаны возместить вред, причиненный административным правонарушением. Кроме того, ч. 4 ст. 6.1 КоАП гласит, что применение административного взыскания является основанием для взыскания с лица возмещения вреда в порядке, предусмотренном законодательством Республики Беларусь. Это означает, что меры, направленные на восстановление имущественных и личных неимущественных прав потерпевшего, принимаемые судьями, должностными лицами органов, ведущих административный процесс, сводятся к тому, что к моменту вынесения постановления по делу об административном правонарушении, т. е. при рассмотрении дела, разрешается вопрос в части возмещения вреда, причиненного административным правонарушением.

Наложение административного взыскания является одним из оснований для возмещения вреда с физического и юридического лица, но не единственным. Так, следует согласиться с высказанным в научной литературе мнением, что освобождение лица от административной ответственности по определенным нереабилитирующим обстоятельствам не всегда должно влечь освобождение лица от обязанности возместить имущественный вред [5]. Суть данного подхода заключается в том, что разрешение вопроса в части возмещения вреда, причиненного административным правонарушением, не должно зависеть от наложения или неналожения административного взыскания.

Одновременно стоит отметить, что возмещение вреда не является мерой административной ответственности. Однако если административное взыскание прямо предусмотрено санкцией статьи и обязательно к применению в случае привлечения к административной ответственности, то вынесение постановления о наложении административного взыскания далеко не всегда сопровождается возмещением вреда.

В то же время с понятием «вред» напрямую связаны вопросы наложения административного взыскания. Так, согласно ч. 2 ст. 7.1 КоАП характер и размер причиненного вреда учитываются при наложении на физическое и юридическое лицо административного взыскания. Кроме того, предотвращение лицом, совершившим административное правонарушение, вредных последствий такого правонарушения, а также добровольное возмещение или устранение причиненного вреда относятся к числу обстоятельств, смягчающих административную ответственность (п. 2, 3 ч. 1 ст. 7.2 КоАП), и одновременно являются основанием для освобождения лица от административной ответственности (ст. 8.3 КоАП).

Право на возмещение причиненного вреда отнесено законодателем к форме реализации одного из основополагающих принципов административного процесса – обеспечению защиты прав и свобод. Как указывалось ранее, ст. 2.3 ПИКоАП обязывает суды и органы, ведущие административный процесс, принимать меры по возмещению «имущественного вреда», причиненного административным правонарушением. В частности, в ст. 22.1 ПИКоАП оговорены порядок и сроки исполнения постановления в части возмещения «имущественного ущерба». Однако данное положение требует некоторых уточнений. Во-первых, как отмечалось выше, при рассмотрении дела об административном правонарушении судья (должностное лицо органа, ведущего административный процесс) может освободить лицо от административной ответственности по

различным основаниям, предусмотренным законодательством, в то время как из содержания рассматриваемой нормы следует, что возмещение имущественного ущерба возможно только лицом, подвергнутым административному взысканию. Однако, как отмечалось ранее, разрешение вопроса в части возмещения вреда, причиненного административным правонарушением, не должно быть связано с наложением административного взыскания. Во-вторых, некорректно представлена формулировка рассматриваемого положения данной нормы в части, касающейся получения постановления. Согласно ст. 11.11 ПИКоАП копия постановления по делу об административном правонарушении вручается только в двух случаях: 1) в связи с поступившим ходатайством лица, в отношении которого вынесено постановление, его представителя, защитника под расписку; 2) в случае отсутствия лица, в отношении которого вынесено постановление, при рассмотрении дела об административном правонарушении (в течение пяти дней должна быть вручена или выслана заказным письмом копия постановления). С точки зрения логики при отсутствии у лица, в отношении которого ведется административный процесс, при рассмотрении дела об административном правонарушении ходатайства о вручении ему копии постановления постановление по делу об административном правонарушении в части возмещения имущественного ущерба исполнению не подлежит. В то же время согласно ст. 22.1 ПИКоАП постановление по делу об административном правонарушении в части возмещения имущественного вреда исполняется добровольно в течение пятнадцати суток со дня получения такого постановления.

Более того, для эффективного обеспечения прав и законных интересов лица, которому административным правонарушением причинен вред, представляется целесообразным предусмотреть право на возможность добровольного возмещения имущественного ущерба в административном процессе только в случае, если на это имеется согласие потерпевшего. При этом срок для добровольного исполнения постановления в части имущественных взысканий должен устанавливаться непосредственно судьей, должностным лицом органа, ведущего административный процесс, и указываться в постановлении по делу об административном правонарушении. А в случае отсутствия согласия потерпевшего на добровольное возмещение виновным лицом имущественного вреда, по мнению С.А. Старовойта, постановление по делу об административном правонарушении должно подлежать исполнению в порядке, установленном гражданским и хозяйственным процессуальным законодательством [6].

Как показало исследование, вопросы возмещения вреда (ущерба) более четко регламентированы КоАП РФ. Так, согласно ст. 4.7 КоАП РФ «Возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных административным правонарушением» судья, рассматривая дело об административном правонарушении, вправе при отсутствии спора о возмещении имущественного ущерба одновременно с назначением административного наказания решить вопрос о возмещении имущественного ущерба. Споры о возмещении имущественного ущерба разрешаются судом в порядке гражданского судопроизводства. В свою очередь, моральный вред подлежит возмещению в судебном порядке по исковому заявлению лица.

Одним из существенных отличий административного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь в части возмещения вреда является то, что при решении вопроса о назначении судьей административного наказания за административное правонарушение одновременно решается вопрос о возмещении имущественного ущерба с отражением в постановлении по делу об административном правонарушении размера ущерба, подлежащего возмещению, сроков и порядка его возмещения (ст. 29.10 КоАП РФ).

Сходную позицию занимает и Украина. Согласно ст. 40 КоАП Украины если в результате совершения административного правонарушения причинен вред гражданину, предприятию, учреждению или организации, то административная комиссия, исполнительный орган сельского, поселкового, городского Совета во время решения вопроса о наложении взыскания за административное правонарушение имеют право одновременно решить вопрос о возмещении правонарушителем имущественного вреда, если его сумма не превышает двух необлагаемых минимумов доходов граждан, а судья – независимо от размера вреда. В случае причинения ущерба несовершеннолетним, достигшим шестнадцати лет и имеющим самостоятельный заработок, судья имеет право возложить на него возмещение причиненного ущерба или обязать своим тру-

дом устранить его при условии, что сумма ущерба не превышает одного не облагаемого налогом минимума доходов граждан.

Но все же вопросы возмещения вреда более детально были урегулированы КоАП РСФСР (в редакции 1984 г.). Так, данным законом было определено, что если в результате совершения административного правонарушения причинен имущественный ущерб гражданину, предприятию, учреждению или организации, то административная комиссия, исполнительный комитет поселкового, сельского Совета народных депутатов, комиссия по делам несовершеннолетних, народный судья при решении вопроса о наложении взыскания за административное правонарушение вправе одновременно решить вопрос о возмещении виновным имущественного ущерба, если его сумма не превышает пятидесяти рублей, а районный (городской) народный суд – независимо от размера ущерба (ст. 40 КоАП РСФСР). В других случаях вопрос о возмещении имущественного ущерба, причиненного административным правонарушением, решался в порядке гражданского судопроизводства. В свою очередь, ст. 261 КоАП РСФСР предусматривала, что если при наложении взыскания за административное правонарушение административными комиссиями, исполнительными комитетами, комиссиями по делам несовершеннолетних, народными судами одновременно разрешался вопрос о возмещении виновным имущественного ущерба, то в постановлении по делу должны быть указаны размер ущерба, подлежащего взысканию, срок и порядок его возмещения.

Возвращаясь к современному отечественному законодательству, следует отметить, что характер и размер вреда, причиненного административным правонарушением, является обстоятельством, подлежащим доказыванию по делу об административном правонарушении и выяснению при рассмотрении дела об административном нарушении, на что прямо указано в ст. 6.2, 11.6 ПИКоАП. Размер имущественного ущерба должен определяться исходя из стоимости имущества на день вынесения постановления по делу, а размер физического и морального вреда – исходя из наступивших последствий. В постановлении по делу об административном правонарушении судом или органом, ведущим административный процесс, должен быть указан срок добровольного исполнения постановления в части возмещения вреда. В случае прекращения производства по делу об административном правонарушении в обязательном порядке должно быть разъяснено право требовать возмещения причиненного вреда. Одновременно следует отметить, что законодательно не определено, в какой форме должно быть сформулировано требование о возмещении вреда в административном процессе. Ввиду того, что в административном процессе отсутствует институт гражданского иска (в сравнении с уголовным процессом), данный вопрос приобретает особую актуальность и требует отдельного научного осмысления и глубокого изучения.

Исходя из положений гл. 58 «Обязательства вследствие причинения вреда» ГК Республики Беларусь возмещение вреда, причиненного административным правонарушением, возможно и за рамками административного процесса. Для наступления гражданско-правовой ответственности за причинение вреда необходимо одновременно несколько условий: наличие вреда, противоправность действий (бездействия), причинная связь между противоправным поведением и наступившим вредом, наличие вины причинителя вреда. Так, в соответствии со ст. 933 ГК вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом может быть возложена обязанность возмещения вреда на лицо, не являющееся причинителем вреда.

Однако требование о возмещении вреда является нечастым явлением в судебной практике, что, по мнению В.А. Степанова, обусловлено в первую очередь пассивностью потерпевших, проявляемой при защите своих нарушенных прав, чему в определенной степени способствует и наличие определенных пробелов в отечественном законодательстве по рассматриваемому вопросу. Требования о возмещении вреда чаще заявляются при рассмотрении дел об административных правонарушениях против собственности (гл. 10 КоАП), против окружающей среды (гл. 15 КоАП).

Стоит отметить, что некоторая часть дел об административных правонарушениях, связанных с причинением вреда, находит свое продолжение в гражданском процессе. Это происходит в тех случаях, когда при ведении административного процесса по различным причинам не был взыскан имущественный ущерб, либо в ситуациях, когда административным правонарушением лицу был причинен моральный вред [8].

Не совсем логичным выглядит построение и ст. 4.2 «Права и обязанности потерпевшего» ПИКоАП. Так, в ч. 1 ст. 4.2 ПИКоАП предусмотрено, что «потерпевшим является физическое лицо, которому административным правонарушением причинены вред жизни или здоровью либо имущественный или моральный вред, а также юридическое лицо, которому причинен имущественный вред или вред деловой репутации». Таким образом, главным критерием признания лица потерпевшим законодатель обоснованно определил причинение вреда в той или иной форме. Однако ст. 4.2 ПИКоАП не закреплено право потерпевшего (физического и юридического лица) требовать возмещения вреда, причиненного административным правонарушением, что является существенным пробелом в законе, в связи с чем предлагается консолидировать такое право.

Оправданным с точки зрения полного обеспечения защиты прав и свобод граждан видится и закрепление в ПИКоАП обязанности судьи, органов, ведущих административный процесс, разъяснять потерпевшим, их законным представителям, представителям юридических лиц их конституционное право на возмещение как имущественного ущерба, так и морального и иного вреда.

Также было бы уместно в ст. 8.7 ПИКоАП предусмотреть в качестве цели наложения ареста на имущество лица, в отношении которого ведется административный процесс, возмещение вреда (ущерба), что позволит сэкономить силы и время на разрешение вопроса о возмещении вреда в судебном порядке.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что возмещение вреда – это существенный элемент обеспечения конституционных прав, свобод участников административного процесса. Вполне очевидно, что потерпевшего часто в большей степени интересует не вид и размер взыскания, налагаемого на правонарушителя, а возмещение ему причиненного административным правонарушением вреда (ущерба). Институт возмещения вреда, причиненного административным правонарушением, является административно-процессуальным средством восстановления нарушенных прав физических и юридических лиц. В качестве предложений по его совершенствованию целесообразно рассмотреть следующее. Во-первых, внести изменения в КоАП и ПИКоАП в виде использования единообразной терминологии в части возмещения имущественного ущерба, морального и физического вреда. Во-вторых, закрепить такое право, предоставив его потерпевшему, законному представителю, представителю юридического лица, являющегося потерпевшим. В-третьих, обязать суды, органы, ведущие административный процесс, при рассмотрении дел об административных правонарушениях решать вопрос о возмещении виновным вреда потерпевшему, а также инициировать возмещение вреда в том случае, если потерпевший не заявляет такого требования (с его согласия).

Список использованных источников

1. Статистические данные о количестве зарегистрированных административных правонарушений в 2016 г. и 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by>. – Дата доступа: 14.08.2018.
2. Словарь русского языка Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/ojegov/58660.html>. – Дата доступа: 14.08.2018.
3. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushakova-slovar.ru/description/vred>. – Дата доступа: 14.08.2018.
4. Сорокин, Д.С. Вред как основное условие в деликтных обязательствах при совершении террористических актов [Электронный ресурс] / Д.С. Сорокин // Право и безопасность. – 2010. – № 1. – Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_30_25.htm. – Дата доступа: 21.08.2018.
5. Степанов, В.А. Проблемы возмещения вреда, причиненного административным правонарушением / В.А. Степанов // Юрист. – 2009. – № 2. – С. 63–66.
6. Старовойт, С.А. Возложение обязанности возместить имущественный вред в административном процессе / С.А. Старовойт // Юстиция Беларуси. – 2016. – № 11. – С. 34–37.
7. Степанов, В.А. Возмещение вреда в административном процессе / В.А. Степанов // Юстиция Беларуси. – 2011. – № 8. – С. 41–43.
8. Степанов, В.А. Проблемы возмещения вреда, причиненного административным правонарушением / В.А. Степанов // Юрист. – 2009. – № 4. – С. 63–66.

Дата поступления в редакцию: 07.09.18

O.I. Levshuk, *Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecture at the Department of Administrative Activities of Bodies of Internal Affairs of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

WAYS OF PERFECTION OF INSTITUTE OF COMPENSATION OF HARM CAUSED BY AN ADMINISTRATIVE OFFENSE

The concepts of "harm" and "damage", their etymological and legal meaning are considered. Officials of the bodies conducting the administrative process take measures to compensate for the harm caused by an administrative offense, thereby ensuring the protection of the rights and legitimate interests of individuals and legal entities. The institute of compensation for harm caused by an administrative offense is not fully functioning today in the Republic of Belarus, which is a consequence of the imperfection of the current legislation. The author proposes ways to resolve pressing problems related to compensation for harm caused by an administrative offense, when conducting an administrative process.

Keywords: harm, administrative process, compensation, law, administrative offense, civil proceedings, restoration of violated rights, damage, victim, legal representative.

УДК 351.081

И.Д. Носкевич, *Председатель Следственного комитета Республики Беларусь*
(e-mail: sk@sk.by)

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОРГАНАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Проводится анализ реализации государственной кадровой политики в органах предварительного следствия (ОПС). Раскрывается содержание его правовых форм: использование, соблюдение, исполнение и правоприменение. Обосновывается отдельное положение о том, что принятие Концепции кадровой работы в Следственном комитете позволит выработать стратегию повышения престижа службы в Следственном комитете Республики Беларусь, обеспечит взаимосвязь соблюдения правовых норм и мер правового воздействия, корректировку правоприменительной практики для исключения неоправданной трудоемкости, бюрократизации процедур, оптимизацию сроков между юридическим фактом и реализацией индивидуально-правового решения.

Ключевые слова: государственная кадровая политика, Следственный комитет Республики Беларусь, кадровый потенциал органов предварительного следствия.

Актуальность правового анализа форм реализации государственной кадровой политики (ГКП) в органах предварительного следствия (ОПС) не вызывает сомнения, что обусловлено рядом причин. Во-первых, ГКП выступает комплексным государственно-политическим и правовым понятием; во-вторых, реализация ГКП в ОПС происходит посредством деятельности специально уполномоченных государством органов и должностных лиц; в-третьих, право выступает верховенствующим регулятором общественных отношений в данной области; в-четвертых, формы реализации ГКП в ОПС как внешнее проявление деятельности по воплощению правовых предписаний наполняют содержание данного понятия.

Приведенная позиция подчеркивает необходимость исследования теоретико-концептуальных подходов к реализации ГКП в ОПС посредством рассмотрения форм деятельности ее участников, комплексно не изучаемых до настоящего времени применительно к ГКП в ОПС.

В науке закрепилось мнение в отношении реализации, под которой следует понимать претворение норм права в жизнь посредством четырех форм деятельности участников правоотношений: исполнения, соблюдения, использования и применения [1, л. 104; 2, с. 52]. Разделяя данную позицию, следует отметить, что административно-правовой аспект реализации ГКП в ОПС представляет собой деятельность государственных органов и должностных лиц СК, являющихся носителями определенных законодательством компетенций, по претворению в жизнь конституционных прав граждан на труд и надлежащую правовую защиту государством в досудебном уголовном производстве.

В связи с тем, что конституционные нормы, закрепляющие право граждан на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, на выбор профессии, рода занятия и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой

и с учетом общественных потребностей (ст. 41 Конституции Республики Беларусь), по своему характеру являются управомочивающими, их реализация, а соответственно и реализация данного субъективного права осуществляется в форме использования. Иными словами, суть реализации рассматриваемого права заключается в том, что лицо может как воспользоваться данным правом, так и воздержаться от его использования.

Механизм реализации указанного права в ОПС состоит в изъявлении гражданами желания нести службу в СК, а также в соблюдении установленной процедуры и компетенций должностных лиц по их приему, расстановке, перемещению, подготовке, обучению, переподготовке, увольнению и исполнению принимаемых кадровых решений. Таким образом, механизм реализации ГКП в ОПС в форме использования правовых норм основывается на определении кадровой потребности и оптимального заполнения должностей кадрами, способными решать задачи, возложенные на ОПС.

Анализ правовых норм позволяет выделить следующие направления кадровой работы: прием на службу; заключение контракта о службе, назначение на должность, перемещение и перевод; временное исполнение обязанностей по должности, отстранение от исполнения служебных обязанностей, временное отстранение от должности, зачисление в распоряжение Председателя СК или другого начальника; прикомандирование, приостановление службы; аттестация, профессиональная подготовка сотрудников, служебная дисциплина, режим рабочего времени; отпуска, денежное довольствие; гарантии компенсации сотрудникам; увольнение сотрудников; предельный возраст состояния на службе, восстановление в должности, специальном звании и на службе. Все перечисленные направления обеспечивают прохождение службы в СК, должны быть согласованы между собой и способствовать наиболее эффективной и рациональной расстановке приоритетов в кадровой работе.

Исследование правоприменительной практики показывает, что для надлежащей эффективности обеспечения СК кадрами, способными решать возложенные на него задачи, требуется выработать стратегию повышения престижа службы, формировать призвание служить в ОПС у наиболее подготовленных граждан, обеспечить этим гражданам материальные, правовые и социальные гарантии, предоставить возможности профессиональной реализации и продвижения по службе.

Итак, реализация ГКП в форме использования норм права заключается в осуществлении гражданами права на труд в СК как наиболее достойный способ самоутверждения человека, на выбор профессии, рода занятия и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой с учетом общественных потребностей, что обеспечивается посредством определения компетентными должностными лицами СК кадровой потребности и оптимального заполнения должностей кадрами, способными решать задачи, возложенные на ОПС.

Обязательным условием реализации права на труд в ГКП в ОПС является соблюдение установленной процедуры формирования кадров, которая включает обязательство соблюдать правовые акты, регламентирующие их деятельность. Суть соблюдения как форма реализации данных норм права заключается «в строгом выполнении субъектами права содержащихся в норме запретов, т. е. воздержании их в совершении таких действий, которые являются вредными для общества и запрещены» [3, с. 361]. Здесь соблюдение норм права должностными лицами СК предусматривает не только реализацию субъективного права на труд граждан, но и проверку их моральных, деловых качеств, физических, квалификационных способностей, предъявляемых к сотрудникам СК, наличие которых требует осуществления особого порядка приема, увольнения и иных процедур.

Указанная форма реализации ГКП в ОПС взаимосвязана с мерами правового воздействия: поощрением, негативным признанием (результаты служебных проверок, подтверждение правонарушений), предупреждением и профилактикой, мерами защиты (восстановление незаконно уволенного работника), юридической и материальной ответственностью. Практическое обеспечение взаимосвязи соблюдения правовых норм и мер правового воздействия – одно из наиболее эффективных юридических средств в системе механизма правового регулирования реализации ГКП в ОПС.

Итак, реализация ГКП в ОПС в форме соблюдения нормы права представляет собой строгое выполнение гражданами содержащихся в нормах запретов посредством воздержания от совершения правонарушений, связанных с реализацией субъективного права на труд граждан, проверкой их моральных и деловых качеств, физических, профессиональных, квалификационных и

иных способностей, предъявляемых к сотрудникам СК, осуществлением особого порядка приема, увольнения и иных процедур, выполнение которых связано с применением ряда мер правового воздействия: поощрения, негативного признания (результаты проверок, подтверждение качеств, способностей, компетенций граждан), предупреждения и профилактики, мер защиты (снятие необоснованно наложенного взыскания, восстановление незаконно уволенного работника), юридической и материальной ответственности.

Реализация ГКП в ОПС в форме исполнения предусматривает выполнение субъектами права административно-правовой нормы посредством активной деятельности. Так, термин «исполнение» (от слова «полный») подразумевает представление чего-либо в полном объеме и подчеркивает полноту деятельности. Представляется, что именно в таком смысле данное понятие вошло в юриспруденцию. Из этого следует, что административно-правовые нормы устанавливают определенный порядок для реализации ГКП в ОПС. Исполнение как форма реализации базируется на единообразном применении, а само исполнение предусматривает выполнение предписанного порядка, обязанности. Следовательно, регламентация надлежащим образом процедур по реализации ГКП и обязанностей должностных лиц ОПС по ее претворению в жизнь обеспечивает точное исполнение правовой нормы.

На практике указанная форма реализации вызывает неоднозначное понимание норм в правоприменении по причине того, что она связана с практической деятельностью должностных лиц. Основными причинами такого положения являются недостатки, связанные как с формированием, так и с реализацией правовых норм, к которым относятся прежде всего нормы, устанавливающие обязанности должностных лиц в ОПС.

Из анализа правовых норм, регламентирующих компетенцию субъектов ГКП в ОПС, следует, что к проблемам первого порядка, связанным с изложением содержательной стороны правовых предписаний, следует отнести неконкретность, малоэффективность, несоответствие целям и задачам, возложенным на должностное лицо. К проблемам второго порядка, связанным непосредственно с реализацией должностными лицами компетенций, – неоправданную трудоемкость, бюрократизацию процедуры, провоцирующую ее нарушение, ненадлежащую оценку сил и средств реализации норм, отсутствие комплексной оценки возможностей реализации возложенных на должностное лицо функций. В частности, в абзаце четвертом п. 5 Инструкции об организации наставничества, утвержденной приказом Председателя Следственного Комитета от 24 сентября 2015 г. № 49 (далее – Инструкция), изложено предписание в Следственном комитете копию приказа о закреплении наставника направлять в управление кадров и идеологической работы (УКиИР) управлений СК по областям и г. Минску (далее – УСК) для учета и организации контроля деятельности наставников. Вместе с тем на практике представленное положение является излишним и в значительной степени формальным, так как, во-первых, сотрудник, впервые принятый на службу, назначается на должность приказом начальника УСК, соответственно контроль и учет работы с такими лицами начинается уже с момента их назначения, во-вторых, контролю подлежит не формальное закрепление наставника, а его участие в оказании практической помощи закрепленным за ним сотрудникам в их профессиональной и социально-психологической адаптации, воспитании, соблюдении дисциплины и требований законодательства. В связи с этим положение, закрепленное в абзаце четвертом п. 5 указанной Инструкции, целесообразно исключить.

Во избежание в нормативном правовом регулировании и чрезмерно обобщенных, и чрезмерно детализированных формулировок следует установить оптимальный механизм для наиболее типичных ситуаций, позволяющий точно исполнить правовое предписание. Данный механизм заключается в том, что эффективность исполнения как форма реализации ГКП не должна, с одной стороны, позволять упрощать ситуацию, а с другой – обременять должностных лиц трудноисполнимыми и малоэффективными предписаниями, что следует передать на усмотрение должностных лиц (право должностного лица исполнять норму, исходя из внутреннего убеждения).

Исполнение должностным лицом ГКП выступает гарантией реализации субъективного права граждан на труд, обеспечивающей корреспондирование данного права граждан обязанностью должностных лиц, т. е. при помощи государственного аппарата осуществляется их защита, основанная не только на правовой норме, но и на иных социальных регуляторах общественных отношений. При этом обязанность государства заключается в закреплении таких правил и пред-

писаний, которые обеспечивают права граждан, не ущемляя прав иных граждан [4, л. 45–46]. При рассмотрении исполнения в контексте юридического понятия видна его более широкая философская, политическая, социальная суть, что подчеркивает универсальность исполнения.

Таким образом, реализация ГКП в форме исполнения нормы права заключается в активном осуществлении должностными лицами СК своих юридических обязанностей по воплощению в жизнь кадровой работы, корреспондирующихся с правами иных субъектов ГКП в ОПС и основанных на единообразном применении установленных правовыми актами процедур и разумном усмотрении должностных лиц (право должностного лица исполнять норму, исходя из внутреннего убеждения).

Принятие государственно-властного решения и его исполнение отражают суть правоприменения [1, л. 106], т. е. властную организующую деятельность компетентных государственных органов или по уполномочию государства негосударственных организаций, должностных лиц, осуществляемую в специально установленных формах, по реализации правовых норм относительно конкретных случаев путем принятия индивидуально-властных решений [3, с. 366].

Право на труд нельзя считать реализованным до тех пор, пока не принято и не исполнено законное решение. Правовые нормы в области ГКП в ОПС можно признать реализованными после принятия и исполнения должностным лицом индивидуально-правовых решений, обеспечивающих право граждан на труд и гарантирующих соответствующую защиту интересов общества. Например, приказом по личному составу Председатель СК присваивает очередное специальное звание «майор юстиции» сотруднику СК. Реализация данного индивидуально-правового решения предполагает выполнение ритуала вручения погон сотруднику в торжественной обстановке. Ненадлежащее исполнение законного решения посредством игнорирования установленного ритуала отрицательно воздействует на морально-деловой климат в коллективе, снижает дисциплину и нивелирует отношения субординации, что в конечном итоге негативно влияет на качество досудебного уголовного производства.

Реализация права на труд отнесена к компетенции уполномоченных государственных органов и должностных лиц. В первую очередь это касается сотрудников СК, принимающих и реализующих большую часть индивидуально-правовых решений о приеме на службу, об отпусках, увольнении и пр. Кроме того, отдельные вопросы входят в компетенцию иных государственных органов и должностных лиц. Например, назначение на должность Председателя СК осуществляется Президентом Республики Беларусь.

Одной из особенностей правоприменения ГКП в ОПС является наличие регламентированных в нормативных правовых и локальных актах процессуальных форм принятия на службу, заключения контракта, назначения на должность, присвоения званий, увольнения и др. При этом следует обратить внимание на необходимость соблюдения принципа разумности в части соотношения форм и их содержания. Необоснованные трудовые и временные затраты на соблюдение излишних форм для соответствующих процедур порождают увеличение сроков между юридическим фактом и реализацией индивидуально-правового решения. В результате принятое решение может потерять свою актуальность и значительно уменьшить эффективность правоприменения. Например, согласно п. 4 Инструкции о порядке представления к объявлению благодарности Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, утвержденной приказом Председателя Следственного комитета Республики Беларусь от 25 июня 2012 г. № 198, решение об объявлении благодарности принимается Председателем СК по результатам рассмотрения мотивированного рапорта заместителя Председателя СК, начальника главного управления, самостоятельного управления или отдела центрального аппарата СК, УСК об объявлении благодарности. В практической деятельности, во-первых, указанный рапорт обременяется согласованиями курирующего заместителя Председателя СК и начальников УКиИР, финансово-экономического управления (ФЭУ), сроки рассмотрения которыми не определены, во-вторых, не регламентированы сроки издания приказа Председателя СК и его реализации. В данном случае предполагается, что от юридического факта, послужившего основанием для награждения, до реализации индивидуально-правового решения должно пройти не более месяца. В связи с этим п. 4 указанной Инструкции нуждается в дополнении абзацем вторым следующего содержания: «Указанный рапорт согласовывают курирующий заместитель Председателя СК и начальники УКиИР, ФЭУ в течение трех суток со дня представления документа», а также п. 7 – в корректировке путем изложения в следующей редакции: «Благодарность объявляется приказом Пред-

седателя СК или по его поручению лицами, указанными в п. 4 настоящей Инструкции, в ходе ближайшего торжественного мероприятия с их участием».

Итак, реализация ГКП в ОПС в форме правоприменения – властная организующая деятельность компетентных государственных органов и должностных лиц, осуществляемая в установленных нормативными правовыми и локальными актами формах, по принятию и исполнению индивидуально-правовых решений о (об): приеме на службу; заключении контракта о службе, назначении на должность, перемещении и переводе; временном исполнении обязанностей по должности, отстранении от исполнения служебных обязанностей, временном отстранении от должности, зачислении в распоряжение Председателя или другого начальника; прикомандировании, приостановлении службы; аттестации, профессиональной подготовке сотрудников, служебной дисциплине, режиме рабочего времени; отпусках, денежном довольствии; гарантии компенсации сотрудникам; увольнении сотрудников; предельном возрасте состояния на службе, восстановлении в должности, специальном звании и на службе для выполнения задач, возложенных на СК.

Таким образом, реализация ГКП в ОПС – постоянный динамичный процесс достижения поставленных целей различными субъектами СК (центральный аппарат СК, УСК, городские, районные, межрайонные отделы СК (ГО-МО-РОСК)). Обозначенный процесс включает совокупность средств, методов и ресурсов, осуществляемых посредством соблюдения, исполнения и правоприменения правовых норм, обеспечивающих формирование кадрового потенциала в СК в соответствии с его основными задачами.

Специфика ГКП в ОПС заключается в реализации правовых норм в следующих формах:

использование гражданами права на труд в СК как наиболее достойный способ самоутверждения человека, на выбор профессии, рода занятия и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей. Данное право обеспечивается посредством определения компетентными должностными лицами СК кадровой потребности и оптимального заполнения должностей кадрами, способными решать задачи, возложенные на ОПС;

соблюдение гражданами содержащихся в нормах запретов путем воздержания от совершения правонарушений, связанных с реализацией субъективного права на труд граждан, проверкой их моральных и деловых качеств, физических, профессиональных, квалификационных и иных способностей, предъявляемых к сотрудникам СК, осуществлением особого порядка приема, увольнения и иных процедур. Соблюдение выполнения указанных норм связано с применением ряда мер правового воздействия: поощрения, негативного признания (результаты проверок, подтверждение качеств, способностей, компетенций граждан), предупреждения и профилактики, мер защиты (снятие необоснованно наложенного взыскания, восстановление незаконно уволенного работника), юридической и материальной ответственности;

исполнение должностными лицами СК своих юридических обязанностей по осуществлению кадровой работы, корреспондирующихся с правами иных субъектов ГКП в ОПС и основанных на единообразном применении установленных правовыми актами процедур и разумном усмотрении должностных лиц (право должностного лица исполнять норму, исходя из внутреннего убеждения);

правоприменение посредством властной организующей деятельности компетентных государственных органов и должностных лиц, осуществляемой в установленных нормативными правовыми и локальными актами формах, по принятию и исполнению индивидуально-правовых решений о (об): приеме на службу; заключении контракта о службе, назначении на должность, перемещении и переводе; временном исполнении обязанностей по должности, отстранении от исполнения служебных обязанностей, временном отстранении от должности, зачислении в распоряжение Председателя или другого начальника; прикомандировании, приостановлении службы; аттестации, профессиональной подготовке сотрудников, служебной дисциплине, режиме рабочего времени; отпусках, денежном довольствии; гарантии компенсации сотрудникам; увольнении сотрудников; предельном возрасте состояния на службе, восстановлении в должности, специальном звании и на службе, в целях выполнения задач, возложенных на СК.

Анализ практической деятельности по реализации ГКП подтверждает необходимость разработки и принятия Концепции кадровой работы в СК для повышения эффективности:

использования правовых норм (выработка стратегии повышения престижа службы в СК, формирование призвания служить в ОПС у наиболее подготовленных граждан, обеспечение их

материальными, правовыми и социальными гарантиями, возможностями профессиональной реализации и продвижения по службе);

соблюдения правовых норм (практическое воплощение в ГКП в ОПС взаимосвязи соблюдения правовых норм и мер правового воздействия);

исполнения правовых норм (системный анализ и корректировка правоприменительной практики для исключения неоправданной трудоемкости, бюрократизации процедур, провоцирующих упрощение и нарушение соответствующих норм, неправильную оценку сил и средств их реализации должностными лицами СК);

применения правовых норм (соблюдение принципа разумности в части соотношения установленных процессуальных форм и содержания правоотношений с целью оптимизации сроков между юридическим фактом и реализацией индивидуально-правового решения).

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Реализация ГКП в ОПС – это постоянный динамичный процесс достижения поставленных целей различными субъектами СК (центральный аппарат, УСК, ГО-МО-РОСК), включающий совокупность средств, методов и ресурсов, осуществляемых в форме использования, соблюдения, исполнения и правоприменения правовых норм, обеспечивающих формирование кадрового потенциала в СК в соответствии с основными его задачами.

2. Специфика ГКП в ОПС заключается в реализации правовых норм в следующих формах: использование гражданами права на труд в СК с учетом общественных потребностей; соблюдение содержащихся в нормах запретов путем воздержания от совершения правонарушений, связанных с реализацией указанного субъективного права; исполнение должностными лицами СК своих юридических обязанностей по осуществлению кадровой работы; правоприменение посредством властной организующей деятельности компетентных государственных органов и должностных лиц по принятию и исполнению индивидуально-правовых кадровых решений.

3. В целях совершенствования реализации ГКП в ОПС предлагается разработать и принять Концепцию кадровой работы в СК, которая обеспечит стратегию повышения престижа службы в СК, взаимосвязь соблюдения правовых норм и мер правового воздействия, корректировку правоприменительной практики для исключения неоправданной трудоемкости и бюрократизации процедур, а также оптимизацию сроков между юридическим фактом и реализацией индивидуально-правового решения.

Список использованных источников

1. Киляшанов, И.Ш. Институт обжалования в административной деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / И.Ш. Киляшанов. – М., 1984. – 218 л.
2. Корнев, А.П. Нормы административного права и их применение / А.П. Корнев. – М. : Юрид. лит., 1978. – 142 с.
3. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. А.Ф. Вишневского. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Тесей, 1999. – 560 с.
4. Рябцев, Л.М. Административно-правовые проблемы обеспечения прав человека органами милиции : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Л.М. Рябцев. – Минск, 2001. – 192 л.

Дата поступления в редакцию: 01.11.18

I.D. Noskevich, Chairman of the Investigative Committee of the Republic of Belarus

FORMS OF IMPLEMENTATION OF THE STATE PERSONNEL POLICY IN PRELIMINARY INVESTIGATION AGENCIES

The implementation of the state personnel policy in preliminary investigation agencies is analyzed. The content of its legal forms such as implementation, observance, execution and enforcement is disclosed. The article justifies the assumption that the adoption of the Personnel Management Concept in the Investigative Committee will help to develop a strategy to enhance the prestige of the service in the Investigative Committee of the Republic of Belarus, ensure interconnection of observance of legal norms and legal measures, adjustment of law enforcement practice to exclude unjustified manpower effort, bureaucratization of procedures, optimization of terms between the legal fact and the implementation of an individual legal decision.

Keywords: state personnel policy, Investigative Committee of the Republic of Belarus, human resources of preliminary investigation agencies.

УДК 339.543(075.8)

Д.П. Семенюк, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: ns1005@mail.ru).

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТАМОЖЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Рассматриваются вопросы противодействия современной таможенной преступности. Анализируются направления противодействия данному негативному социальному явлению: международное сотрудничество, применение мер оперативно-розыскной деятельности, совершенствование кинологической службы, применение мер общей и индивидуальной профилактики, использование современных возможностей средств массовой информации, криминологическое прогнозирование. Обосновывается результативность комплексной системной реализации всех направлений противодействия таможенной преступности в целях сокращения количества таможенных правонарушений.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Республика Беларусь, преступность, криминология, таможенная преступность, предупреждение преступности, предупреждение таможенной преступности, международное сотрудничество, противодействие современной таможенной преступности.

Актуальность противодействия таможенной преступности обусловлена динамичными интеграционными процессами, протекающими в рамках Евразийского экономического союза и оказывающими непосредственное влияние на экономическую, политическую, военную и иные сферы жизнедеятельности Республики Беларусь.

По мнению В.В. Лунеева, «самой большой опасностью для человечества, его демократического и экономического развития останется интенсивно растущая национальная и транснациональная преступность, которая в настоящее время включает в себя и традиционно уголовные, и военные, и экологические, и генетические, и прочие угрозы. Борьба с ней может оказаться долгой, позиционной, разрушительной и не менее кровопролитной, чем переживаемые человеческие войны» [1, с. 8–9].

Обозначенное в полной мере относится и к таможенной преступности – негативному социальному явлению, посягающему на безопасность Евразийского экономического союза и Республики Беларусь и выражающемуся в перемещении ограниченных или запрещенных к перемещению через Таможенную границу ЕАЭС предметов [2–5]. Так, противодействие таможенной преступности отличается от прочих мер своей спецификой: выходит за границы одного государства и часто проявляется в транснациональных негативных явлениях (контрабанда оружия, наркотиков и психотропных веществ, перемещение культурных ценностей). И здесь требуется объединение усилий всех государств ЕАЭС, и часто многих стран – членов ООН. Данный процесс позволяет повысить эффективность обмена информацией, криминологических прогнозов мерами профилактической деятельности, пресечения преступлений.

С учетом сказанного международное сотрудничество в данном случае можно определить как основное направление противодействия таможенной преступности. Так, Республика Беларусь Указом Президента от 19 июня 2000 г. № 350 присоединилась к Международной конвенции о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений, подписанной в Найроби 9 июня 1977 г. Страны пришли к соглашению, что их таможенные службы будут оказывать друг другу взаимное содействие для предотвращения, расследования и пресечения таможенных правонарушений, подробно регламентировав вопросы организации такого содействия.

Однако наиболее тесным интеграционным образованием является ЕАЭС, страны которого в соответствии с договором от 30 декабря 2011 г. совместно определили не только понятие «таможенная преступность», но и целый комплекс мер по противодействию ей. Согласно договору об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза, принятому решением Межгосударственного Совета ЕвразЭС от 5 июля 2010 г. № 50, стороны приняли решение об обмене информацией, оказании методической помощи, содействии в расследовании таможенных преступлений.

В рамках взаимодействия СНГ создан Совет руководителей таможенных служб (СРТС) государств – участников СНГ. Как постоянно действующий орган отраслевого сотрудничества СНГ он предназначен для обеспечения координации взаимодействия таможенных служб государств – участников СНГ в области таможенной политики, определяет приоритетные направления в сфере таможенного дела, содействует сближению и гармонизации таможенных законодательств, координирует практическое взаимодействие таможенных и иных заинтересованных национальных служб и ведомств по основным аспектам таможенной политики, в том числе в сфере борьбы с таможенной преступностью, что закреплено Положением о Совете руководителей таможенных служб государств – участников Содружества Независимых Государств, утвержденным решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 30 мая 2002 г.

Одной из особенностей противодействия таможенным правонарушениям является применение не только традиционных методов таможенного контроля, но и мер оперативно-розыскной деятельности, что многократно повышает эффективность таможенного контроля. Увеличившийся поток граждан, товаров и транспортных средств, пересекающих государственную границу, и ограничение времени на проведение всех видов государственного контроля не позволяют осуществить проведение сплошного контроля. Как показывает практика, пресечение крупных партий контрабанды возможно при проведении оперативно-розыскных мероприятий еще на стадии подготовки к совершению правонарушения.

Вообще специфика оперативно-розыскных мероприятий обусловлена требованиями противодействия таможенной преступности и ограниченными возможностями таможенных органов. Как отмечает А.В. Худяков, «на формирование научных взглядов и практическую реализацию системы комплексного информационно-аналитического обеспечения ОРД напрямую влияет специфика деятельности конкретного правоохранительного органа, а также практического подразделения. Так, теория оперативно-розыскной деятельности в силу объективных исторических предпосылок детально проработана для ОВД и государственной безопасности. Органам пограничной и государственной охраны, таможенным органам приходится «на ходу» интерпретировать для своих специфических условий соответствующие теоретические положения и проверять их эффективность на практике» [6, с. 128].

Подчеркивая эффективность оперативно-розыскной профилактики и методов противодействия преступности, В.А. Ананич отмечает, что на современном этапе такая деятельность осуществляется оперативными подразделениями с использованием всего комплекса оперативно-розыскных сил, средств и методов, специфического информационного обеспечения, воздействуя на допреступные формы поведения профилактируемых лиц. Однако основными направлениями деятельности по осуществлению оперативно-розыскной профилактики являются: выявление причин, способствующих совершению преступлений; создание условий, определяющих законопослушное поведение профилактируемого лица; сбор информации о криминально активных субъектах, их связях, преступном опыте, намерениях и пр. [7, с. 41].

Одним из направлений повышения эффективности противодействия незаконному перемещению наркотических средств и психотропных веществ является развитие и совершенствование кинологической службы таможенных органов. Главная задача данной службы – организация использования специально подготовленных собак для выявления контрабанды наркотических средств и психотропных веществ в таможенных, расположенных на потенциально опасных направлениях. Это связано с тем, что большое количество всех изымаемых наркотических средств имеют зарубежное происхождение, а такие опасные наркотики высокотехнического производства, как героин, кокаин, опий, синтетические наркотики, быстро заполняющие белорусский рынок, практически полностью поступают из-за рубежа по контрабандным каналам.

В настоящее время правовые основания использования служебных собак более расширены и закреплены в ст. 28 Закона Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь». Сейчас собаки используются для поиска и выявления взрывчатых веществ, оружия, боеприпасов и других товаров, незаконно перемещаемых через границу и обладающих индивидуальным запахом, при проведении таможенного контроля; поиска и выявления наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, взрывчатых веществ, оружия, боеприпасов и других предметов, обладающих индивидуальным запахом, при производстве следственных действий и проведении оперативно-розыскных мероприятий; про-

ведении одорологических экспертиз; поиске и обнаружении человека по его индивидуальному запаху; осуществлении охраны объектов таможенной инфраструктуры.

Так, в структуру кинологической службы таможенных органов Республики Беларусь входят шесть отделов кинологической службы, две группы кинологов в составе оперативных подразделений таможен и кафедра кинологов учреждения образования «Государственный институт повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь». Подготовленные служебные собаки выполняют задачи по поиску и обнаружению наркотических средств, психотропных веществ, других товаров, незаконно перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС в Республику Беларусь и обладающих индивидуальным запахом. Благодаря маневренности и оперативности собаки могут использоваться на всех пунктах пропуска, находящихся в регионе деятельности таможенных органов Республики Беларусь [8].

В 2016 г. кинологами самостоятельно и во взаимодействии с другими силовыми структурами пресечено 93 случая незаконного перемещения, хранения или использования наркотических средств и психотропных веществ. В первом полугодии 2017 г. пресечены 52 попытки. При незаконном перемещении через таможенную границу при участии кинологов изъято около 300 кг наркотических средств и психотропных веществ, а также около 860 единиц лекарственных препаратов, содержащих психотропные вещества. Например, в июне 2017 г. сотрудником отдела кинологической службы Гомельской таможни в пункте пропуска «Новая Гута» в ходе проведения таможенного осмотра автобуса «Киев – Минск» с применением служебной собаки в спинке пассажирского сиденья был обнаружен полиэтиленовый сверток с веществом растительного происхождения темно-зеленого цвета. По результатам проведенной экспертизы обнаруженное вещество оказалось опасным наркотическим средством – марихуаной.

Профилактика таможенных правонарушений – одно из эффективных направлений противодействия таможенной преступности. В ст. 5 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» таможенные органы относятся к субъектам профилактики правонарушений наряду с органами прокуратуры, органами внутренних дел, органами пограничной службы и другими государственными органами. Также в соответствии с подп. 1.9 п. 1 ч. 1 ст. 12 Закона Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь», одной из основных функций, выполняемых таможенными органами, является осуществление ими мер общей и индивидуальной профилактики правонарушений, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь.

Более детально деятельность таможенных органов по профилактике правонарушений регламентирована Инструкцией об организации в таможенных органах Республики Беларусь деятельности по профилактике нарушений, утвержденной приказом Председателя Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 21 июня 2016 г. № 281-ОД «Об организации деятельности таможенных органов Республики Беларусь по профилактике правонарушений» [8].

К мерам общей профилактики относятся: участие в разработке и утверждении региональных комплексных планов по профилактике правонарушений и проведение профилактических мероприятий по противодействию незаконному перемещению через государственную границу товаров и транспортных средств, прежде всего предметов, изъятых из гражданского оборота, оружия, боеприпасов, спиртосодержащих жидкостей, наркотических веществ; правовое просвещение граждан, пересекающих границу, и размещение на специальных стендах информации о необходимости правомерного поведения; внесение представлений и предписаний, подлежащих безотлагательному рассмотрению, с принятием необходимых мер по выполнению содержащихся в нем требований и т. д. Широкое распространение получили такие профилактические меры, как размещение информации на официальном сайте Государственного таможенного комитета Республики Беларусь и в журналах «Таможня и ВЭД», «Таможенный вестник».

Правоохранительные органы могут применять и иные меры общей профилактики правонарушений, например информирование о проводимых и проведенных профилактических мероприятиях; проведение опросов общественного мнения о деятельности таможенных органов и органов пограничной службы и освещение их результатов в государственных средствах массовой информации, в том числе распространяемых с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, на официальных сайтах этих органов. В этой связи широкое распространение по-

лучили тематические передачи на национальных каналах центрального телевидения с привлечением должностных лиц таможенных органов и органов пограничной службы, выступающих в качестве экспертов. Охват массовой аудитории позволяет довести информацию о проблемах правоохранительной деятельности до широкой общественности, что способствует повышению правовой грамотности населения. Также эффективной мерой профилактики является моральное и материальное стимулирование граждан за представление достоверной информации о подготавливаемых или совершенных правонарушениях.

К мерам индивидуальной профилактики относятся: проведение профилактических бесед об общественной опасности подготовки и совершения таможенных правонарушений, правовых последствиях, наступающих в результате их совершения, а также убеждение гражданина о недопустимости совершения административных таможенных правонарушений; официальное предупреждение гражданину о недопустимости подготовки или совершения правонарушений в сфере таможенного дела в целях предупреждения повторности совершения им правонарушений. Особая мера индивидуальной профилактики – осуществление профилактического учета гражданина, в отношении которого получены сведения о совершении деяний, которые могут создать угрозу национальной безопасности, причинить вред государственным или общественным интересам, правам, свободам и законным интересам других граждан или привести к совершению таможенного либо иного преступления. Такой профилактический учет может осуществляться таможенными органами, органами пограничной службы, органами государственной безопасности в соответствии с их компетенцией и в зависимости от характера совершенного правонарушения. Кроме того, Закон «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» не запрещает и применение иных мер индивидуальной профилактики, предусмотренных законодательными актами.

Еще одним важным, однако недостаточно исследованным направлением противодействия таможенной преступности является криминологическое прогнозирование. По мнению В.А. Ананич, это научно обоснованная согласованная деятельность субъектов системы предупреждения преступности по выявлению ее закономерностей и неблагоприятных тенденций, причин и условий, которые будут способствовать совершению преступлений, в целях разработки и организации осуществления систематических мер по уменьшению их негативного влияния или нейтрализации [9, с. 48].

Оценить эффективность данного направления деятельности даже с учетом анализа информации, размещенной на официальных сайтах таможенных и других государственных органов, достаточно сложно так как в основном такая информация содержит сведения о выявленных и пресеченных правонарушениях. Выявление закономерностей, влияющих на количественные и качественные показатели преступности, позволит научно обосновать и оперативно внедрить в практику систему мер по противодействию ей.

Например, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 органам государственной власти запрещается либо ограничивается осуществление внешнеэкономических операций, предусматривающих ввоз на территорию Российской Федерации отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых является государство, принявшее решение о введении экономических санкций, посягающих на национальные интересы страны. Данное обстоятельство повлекло увеличение количества правонарушений, связанных с незаконным перемещением товаров «санкционной» группы через таможенную границу, что вызвано желанием правонарушителей получить экономическую выгоду от реализации данных товаров на территории Российской Федерации.

По результатам принятых мер таможенными органами Республики Беларусь только в 2016 г. выявлено 958 административных правонарушений, объектами которых являлись более 9 тыс. т товаров «санкционной» группы. Сумма предметов правонарушений составила 96,4 млрд белорусских рублей [10, с. 203–205; 11, с. 81–82].

Таким образом, проанализировав направления противодействия современной таможенной преступности (международное сотрудничество со странами ООН, СНГ и ЕАЭС), можно говорить, что только совместная информационная, аналитическая и правоохранительная деятельность, применение мер оперативно-розыскной деятельности позволяют выявлять и

пресекать таможенные правонарушения на ранних стадиях их совершения, совершенствовать кинологическую службу, тем самым способствуя пресечению правонарушений при проведении таможенного контроля, масштабном применении мер общей и индивидуальной профилактики, использовании современных возможностей средств массовой информации, а также криминологического прогнозирования.

Не все рассмотренные направления реализуются достаточно широко и системно. Если международное сотрудничество, профилактика правонарушений, оперативно-розыскная деятельность применяются довольно эффективно, то криминологическое прогнозирование пока не нашло достаточного применения в практике правоохранительных органов.

Только комплексная системная реализация всех направлений борьбы с таможенной преступностью позволит достичь результата в сокращении количества таможенных правонарушений.

Список использованных источников

1. Лунеев, В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. – М. : НОРМА, 1997. – 525 с.
2. Семенюк, Д.П. Таможенная преступность / Д.П. Семенюк // Проблемы предупреждения отдельных видов преступности / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-в внутр. дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации рук. состава милиции (полиции). – Минск, 2017. – 385 с.
3. Семенюк, Д.П. Понятие таможенной преступности в контексте интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза / Д.П. Семенюк // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 1. – С. 111–114.
4. Семенюк, Д.П. Понятие таможенной преступности как негативного социального явления / Д.П. Семенюк // Беларусь в современном мире : материалы XV Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2016 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В.Г. Шадурский [и др.]. – Минск, 2016. – С. 301–303.
5. Семенюк, Д.П. Понятие таможенной преступности, посягающей на экономическую безопасность Республики Беларусь / Д.П. Семенюк // Обеспечение экономической безопасности Республики Беларусь в условиях евразийских интеграционных процессов : тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (Минск, 30 нояб. 2016 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.А. Вишневский (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – С. 171–175.
6. Худяков, А.В. Теория и практика информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь / А.В. Худяков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2010. – № 1. – С. 127–130.
7. Ананич, В.А. Оперативно-розыскная профилактика отдельных видов преступности / В.А. Ананич // Проблемы предупреждения отдельных видов преступности / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-в внутр. дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации рук. состава милиции (полиции). – Минск, 2017. – 385 с.
8. Сайт Государственного таможенного комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.customs.gov.by/ru/kinology_firs_half-2017. – Дата доступа: 21.02.2018.
9. Ананич, В.А. Особенности изучения и прогнозирования отдельных видов преступности / В.А. Ананич // Проблемы предупреждения отдельных видов преступности / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-в внутр. дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации рук. состава милиции (полиции). – Минск, 2017. – 385 с.
10. Семенюк, Д.П. Влияние отдельных специальных экономических мер, принятых Российской Федерацией, на состояние современной таможенной преступности / Д.П. Семенюк // Теоретико-правовые вопросы обеспечения экономической безопасности в Республике Беларусь : тез. докл. респ. науч.-практ. конф., Минск, 19 дек. 2017 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; под общ. ред. А.А. Вишневского. – Минск, 2017. – С. 203–205.
11. Семенюк, Д.П. Особенности детерминации современных административных таможенных правонарушений / Д.П. Семенюк // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 24 января 2018 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел. Респ. Беларусь». – Минск, 2018. – С. 81–82.

Дата поступления в редакцию: 26.03.18

D.P. Semeniuk, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Administrative Activities of the Bodies of Internal Affairs of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CONTRADICTION OF CONTEMPORARY CUSTOMS CRIME: MAIN DIRECTIONS

The questions of counteraction of modern customs crime are considered. Analyzed are such areas of counteraction to this negative social phenomenon as international cooperation, the application of operational search measures, the improvement of the cynological service, the application of measures of general and individual prevention, the use of modern media capabilities, and criminological forecasting. The author comes to the conclusion that only a comprehensive systemic implementation of all areas of counteraction to customs crime will achieve a result in reducing the number of customs offenses.

Keywords: Eurasian Economic Union, the Republic of Belarus, crime, criminology, customs crime, prevention of crime, prevention of customs crime, international cooperation, counteraction of modern customs crime.

УДК 005

Ю.Л. Сиваков, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: usivakov@mail.ru)

ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ВОПРОСА ОБОСОБЛЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ НАУК

Обосновывается назревшая необходимость переосмысления сути и содержания инновационных подходов к управленческой деятельности вообще и управлению человеческими ресурсами в частности. Учитываются результаты исследований проблем социального управления известных специалистов в рассматриваемой области.

Излагаются некоторые узловые фрагменты концепции формирования и развития на базе кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД научно-практической школы интеллектуальных технологий управленческой деятельности.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, инновационная парадигма управления, управление, власть, лидерство, сила и культура наделяния властью, компетенции, научно-практическая школа, интеллектуальные технологии, управленческая деятельность.

Стратегической целью управленческой деятельности на всех уровнях социального управления является обеспечение благоприятных условий для социализации личности, развития и эффективной реализации интеллектуально-профессионального потенциала каждого на основе создания безопасной среды жизнедеятельности, гарантирующей человеку личную и имущественную безопасность. По мнению автора, кризис наблюдается не в экономике и не в социальной сфере, но в управлении.

Так, учеными-специалистами, исследующими проблемы социального управления, отмечается назревшая необходимость переосмысления сути и содержания инновационных подходов к управленческой деятельности вообще и управлению человеческими ресурсами в частности. Осознание необходимости перемен, понимание того, что инерция движения по заданной еще в прошлом веке траектории закончилась, а новые двигатели пока еще не доработаны и не включены обуславливает переосмысление выбранного вопроса. Так, объективные процессы глобализации определяют постепенный переход общества в постиндустриальную эпоху, и здесь предвидится возникновение проблем, вызванных тенденциями в мировой экономике, изменениями в логике социального поведения людей и другими факторами, характеризующими современный период исторического развития.

В книге «Четвертая промышленная революция» автор – основатель и президент всемирного экономического форума в Женеве Клаус Шваб отмечает: «Мы являемся свидетелями кардинальных изменений по всем отраслям, которые отмечены рождением новых бизнес-моделей, деструктивным воздействием на утвердившиеся традиционные компании, а также коренным

преобразованием систем производства, потребления, транспортировки и поставки. Что касается социальной сферы, то смена парадигм происходит в том, как мы работаем и общаемся, самовыражаемся, получаем информацию и развлекаемся» [1, с. 8]. Этим тезисом еще раз подтверждается очевидное: логика социального поведения людей претерпела радикальные изменения, что предопределяет необходимость фундаментальных преобразований в системе государственного менеджмента.

В этой связи небезынтересными являются выводы Мойзеса Наима, изложенные в его книге «Конец власти» [2]. В недалеком прошлом главный редактор журнала *Foreign Policy* и исполнительный директор Всемирного банка, который лучше многих представляет, что такое власть в мировом масштабе, предлагает оригинальный и убедительный анализ нетрадиционных способов, посредством которых можно обрести и утратить власть. Он объясняет, как трансформация власти влияет на повседневную жизнь людей, а также убедительно показывает, что лидеры всех типов (в политике, бизнесе, армии и правоохранительных органах, религии) сегодня сталкиваются со все более сложными проблемами, требующими пересмотра основ поведенческой экономики.

Таким образом, необходима современная, инновационная парадигма управления. Если исходить из того, что управленческая парадигма – система концепций, методологий и методов, образующая модель постановки и решения проблем управления, принятую в конкретной социально-экономической системе, то парадигма управления – одновременно сама теория управления со своими понятиями, а также концептуальная схема постановки проблем и их решения, господствующая в науке управления. Осознавая это, необходимо искать выходы из ступора, возникшего в силу неосведомленности определенных категорий лиц, принимающих решения на стратегическом уровне. Выход из управленческого кризиса в основе своей предполагает сотрудничество науки и практики по апробированным наиболее развитыми в социально-экономическом отношении странами технологиям государственно-частного партнерства. Единое понимание указанного принципиально значимо для создания общего будущего, основанного на единстве целей и ценностей. При этом требуется иметь комплексное и единое представление о том, как технологии изменяют нашу жизнь и жизнь будущих поколений, как они преобразуют экономическую, социальную, культурную и гуманитарную среду нашего обитания.

Что касается власти и управления в условиях постиндустриального общества, значимые и все более заметные перемены в жизни ставят новые сложные задачи, решение которых необходимо для обеспечения эффективности управленческой деятельности и сохранения тем самым устойчивости власти «по предсказуемости».

«Власть переходит от мускулов к интеллекту» [2, с. 8]. Мойзес Наим делает вывод, и трудно не согласиться, что в основе указанных перемен – три революционные трансформации, определившие наше время: революция множества, революция мобильности и революция ментальности. В результате этих трансформаций в обществе происходят существенные сдвиги в мировоззрении, значительно повышается индивидуальный и коллективный уровень эрудиции, что предопределяет необходимость корректировки информационного и идеологического обеспечения его жизнедеятельности. Сегодня применение различных видов власти, будь то подавление и принуждение или убеждение и побуждение, требует от лиц, принимающих решения, осознания необходимости ориентации на высокий интеллект и изысканный вкус индивидов, составляющих в целом объект управления.

Необходимо осознать, что время традиционного менеджмента постепенно уходит в прошлое. Американский ученый, признанный специалист в сфере управленческих наук Кен Бланшар в своей книге «Лидерство: к вершинам успеха» обосновывает вывод о том, что настало время управления на более высоком уровне. При таком подходе внимание руководителей концентрируется на долговременных результатах и удовлетворении потребностей человека [3]. Здесь управление представляет собой процесс достижения значимых результатов при действии с уважением, заботой и честностью ради благополучия всех участников.

Таким образом, управление можно определить как культивируемую в соответствии с миссией политику организации по достижению поставленных целей посредством использования на-

учно обоснованных технологий непосредственного управления людьми. Однако определить политику, как и принять решение, является только частью дела, а вот организовать и обеспечить реализацию – более сложная задача, требующая профессиональной, кропотливой и скрупулезной работы. В данном случае необходимы властные полномочия и соответствующий механизм их реализации. С древних времен в трудах философов и признанных мудрецов, исследовавших природу власти, особое место уделялось человеческому фактору, в частности роли личности в процессе управления и обеспечения надежности и эффективности власти. Нет необходимости обосновывать вывод о том, что эффективность управленческой деятельности во многом, если не во всем, обеспечивается наличием у руководителя лидерских качеств и его способностью их реализовать в конкретных условиях внешней и внутренней среды.

Если в данном случае использовать системный подход, то вывод о том, что управленческая деятельность – это целостная совокупность соподчиненности и взаимозависимости функций управления и субъективного механизма обеспечения их реализации через властные полномочия конкретного руководителя, не противоречит логике. При этом следует учитывать, что эффективность реализации властных полномочий должностного лица в значительной степени зависит не только от его лидерских способностей, но и от имеющихся в его распоряжении возможностей оказывать определяющее воздействие на поведение людей посредством использования воли, авторитета, права, других рычагов власти, в том числе насилия.

Современная теория интеллектуальных технологий лидерства Кена Бланшара [3] предлагает, как видится, очень эффективный подход к наделению полномочиями руководителя через методологию «силы и культуры наделения властью», где за основу взята взаимосвязь силы и культуры. При этом сила есть наличие ресурсов и полномочий по их использованию, а культура – ответственность лица, принимающего решения, за эффективность и правомерность их использования.

В контексте предмета нашего исследования полагается необходимым также акцентировать внимание на понятиях «статус» и «роль». Можно обладать статусом, однако быть не способным к органичному исполнению роли в этом статусе. Исполнению роли необходимо учиться, так как любое управление, особенно социальное, – это, с одной стороны, профессия, с другой – искусство. Успешный и эффективный руководитель, имея генетически обусловленные лидерские качества, на основе базового образования, грамотно организовывая систему повышения квалификации и самообразование, целенаправленно накапливая управленческий опыт, последовательно формирует свою «прибавочную стоимость». Данный процесс должен быть не спонтанным, а реализуемым в рамках системы, выстроенной на основе кадровой политики организации и концепции стратегического управления ее человеческими ресурсами.

Итак, актуальность формирования в системе органов внутренних дел современной инновационной парадигмы управления стала обоснованной необходимостью.

Стоит признать, что управление и использование власти в его процессе – это искусство, сложившееся еще в древности и постоянно совершенствуемое на практике в зависимости от особенностей конкретной исторической эпохи. Осознание управленческой деятельности как искусства базируется еще и на понимании сложности и многомерности социально-экономических систем, на функционирование которых оказывают влияние различные факторы внешней и внутренней среды. Сегодня интеллектуальные технологии управленческой деятельности рассматриваются наукой как целостная совокупность концепций, теорий, принципов, форм и методов по аналогии с медициной или инженерным делом. Видение особенностей и содержания управленческой деятельности как гармоничного сочетания науки и искусства предопределяет объективность инновационного подхода к социальному управлению, когда осознается назревшая необходимость обособления управленческих наук. Такой вывод обусловлен тем, что соединение науки и искусства управления в единый процесс требует не только целенаправленного пополнения знаний, но и создания оптимальных условий для выявления и развития лидерских качеств у руководящего состава и постоянного совершенствования их способностей лидерского поведения.

Стратегической целью социального управления должно являться формирование общественного порядка [4, с. 12–17] путем создания благоприятных условий для социализации лич-

ности на всех этапах жизненного цикла, т. е. условий, благоприятствующих развитию и эффективной реализации интеллектуально-профессионального потенциала каждого на основе всемерного поддержания безопасной среды жизнедеятельности, гарантирующей человеку личную и имущественную безопасность. Охраняя общественный порядок, важно видеть, что сегодня это целостная совокупность культивируемых государством ценностей и обычаев, а также используемых в системе государственного управления норм и правил.

Создание соответствующего требованиям времени общественного порядка, обеспечение приемлемого уровня криминологической безопасности личности, общества и государства [5, с. 203–208] достигается реализуемой на практике системой государственного управления. При этом исходить необходимо из того, что эффективность системы государственного управления зависит от цели и содержания государственной кадровой политики и социально-личностной компетентности, в первую очередь руководителей оперативно-стратегического звена управления.

В данном случае под кадровой политикой понимается декларируемая и культивируемая руководством организации, выстроенная на основе государственной стратегии управления человеческими ресурсами система научно обоснованных подходов и интеллектуальных технологий, определяющих содержание работы руководящего состава по формированию условий, способствующих творческой и результативной профессиональной деятельности сотрудников.

Социально-личностную компетентность в общем плане следует рассматривать как формируемую на основе культивируемых в организации ценностей систему ценностных ориентаций человека, его знаний, умений и навыков, определяющих направленность и содержание его поведения в процессе социализации и профессиональной деятельности.

Отдельно следует выделить социально-личностную компетентность руководителя в системе ОВД – интегрированную модель личностных и деловых качеств офицера (генерала), позволяющую ему в рамках правовой, жестко регламентированной системы принимать взвешенные и рациональные решения, адаптированные к конкретным условиям оперативной обстановки, с учетом личностного целеполагания, объема и содержания оперативно-служебных и служебно-боевых задач.

Таким образом, вполне логичным будет вывод о том, что в системе подготовки, повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров ОВД целью и главной задачей образовательного процесса должно быть последовательное, зиждящееся на фундаментальной научной основе создание условий и культивирование факторов, способствующих формированию у обучающихся требуемых временем и политическим руководством социально-личностных компетенций.

В полной мере соглашаясь с выводами ученых, специализирующихся в сфере социального управления, в том, что пришло время обособления управленческих наук, обоснованно и логично в этой связи рассмотреть вопрос о необходимости формирования и последовательного развития на базе кафедры управления ОВД факультета ПК и ПРК Академии МВД научно-практической школы интеллектуальных технологий управленческой деятельности.

В отсутствие институализированного научно-исследовательского центра в системе ОВД кафедры управления факультета ПК и ПРК Академии МВД по определению призвана стать инициатором обособления управленческих наук, а также исполнить роль «задающего генератора и пускового двигателя» процесса создания научно-практической школы интеллектуальных технологий управленческой деятельности (НПШ ИТУД). И здесь миссию НПШ ИТУД можно сформулировать следующим образом: научное обоснование необходимости создания и постоянного совершенствования условий для самореализации человека, наделенного лидерскими качествами, как эффективного, достойного и авторитетного руководителя в системе обеспечения криминологической безопасности личности, общества и государства.

В качестве научной платформы НПШ ИТУД предлагается использовать ряд положений:

отрасль науки – управленческие науки;

специальность – управление человеческими ресурсами; формула специальности:

научно-правовое исследование методологических, методических, теоретических и прикладных проблем управления человеческими ресурсами;

исследование механизма действия организационно-экономических, административно-управленческих, правовых, технологических, групповых и человеческих факторов на деловую активность персонала;

определение способов и методов воздействия на персонал с целью повышения эффективности функционирования организации.

При этом целью НПШ ИТУД видится возможным считать научные исследования в области управленческих наук и на этой основе – проектирование и реализацию образовательного процесса, позволяющего из числа отобранных по соответствующим критериям офицеров готовить профессиональных управленцев, определяющих стратегию и содержание основных направлений деятельности ОВД. С учетом заявленной цели задачами НПШ ИТУД можно было бы определить следующие:

всестороннее исследование проблемного поля в части, касающейся формирования условий, побуждающих людей к активной, творческой, конформной и результативной деятельности;

обоснование необходимости обеспечения вариативности выбора модели образовательного процесса в системе подготовки, повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров в зависимости от конкретных условий и стратегического замысла руководства;

создание оптимальной модели управленческой деятельности в сфере правоохранительной (правоприменительной) деятельности и соответствующей ей интегрированной модели личностных и деловых качеств специалиста;

разработка действенной, адаптированной к реальным условиям системы оценки развития, мотивации и стимулирования профессорско-преподавательского состава, работающего в сфере подготовки руководящих кадров ОВД;

формирование научной основы организации и обеспечения управленческой деятельности в системе ОВД в условиях переходного периода в постиндустриальную эпоху, подготовка и издание соответствующих научно-методических материалов для обучающихся и практических работников.

Таким образом, сегодня кафедра управления обладает достаточно высоким интеллектуально-профессиональным потенциалом, в котором гармонично сочетаются опыт, практика, научный потенциал, зрелая мудрость и молодежная инициативность.

Список использованных источников

1. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М. : Э, 2017. – 208 с.
2. Наим, М. Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе / М. Наим ; пер. с англ. Н. Мезина, Ю. Полещук, А. Сагана. – М. : АСТ, 2016. – 512 с.
3. Бланшар, К. Лидерство: к вершинам успеха / пер. с англ. под ред. Т.Ю. Ковалевой. – СПб. : Питер, 2011. – Гл. 4.
4. Сиваков, Ю.Л. Общественный порядок в постиндустриальную эпоху / Ю.Л. Сиваков // Вестн. ин-та предпринимат. деятельности. – 2017. – № 1. – С. 12–17.
5. Сиваков, Ю.Л. О содержании и эффективности деятельности органов внутренних дел по созданию и поддержанию социально приемлемого уровня криминологической безопасности в Республике Беларусь / Ю.Л. Сиваков, М.А. Свирид // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 2. – С. 203–208.

Дата поступления в редакцию: 22.11.18

Y.L. Sivakov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Management of the Internal Affairs of the Faculty of Training and Retraining of Managerial Personnel of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

ABOUT UPDATING OF THE QUESTION OF ISOLATION OF ADMINISTRATIVE SCIENCES

Based on the results gained by the well-known expert in the course of studies of social management problems in the field of Management Sciences, the authors justify the urgent need to rethink the essence and content of innovative approaches to management in general, and to human resources management in particular.

Some key fragments of the concept of formation and development of the scientific and practical school of intellectual technologies of managerial activity on the basis of the Department of Internal Affairs Agency of the Faculty of Training and Retraining of Managerial Personnel of the Academy of the MIA are presented.

Keywords: human resources; innovative management paradigm; management, power, leadership; power and culture of empowerment; competence; scientific and practical school; intellectual technologies; management activities.

УДК 342.9

*А.Л. Федорович, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: baxalex@yandex.ru)*

КОНТРОЛЬНАЯ ЗАКУПКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ

Исследуются административно-деликтологические проблемы применения контрольной закупки в целях противодействия административным правонарушениям, среди которых особое внимание уделяется нарушениям антиалкогольного законодательства. Анализируется нормативное толкование и правоприменительная практика применения контрольной закупки с использованием общенаучных и частнонаучных методов. Выявляются ранее не исследованные и нормативно не закрепленные основания для освобождения лица от административной ответственности в связи с осуществлением контрольной закупки. Рассматривается возможность наделения сотрудников ОВД правом на проведение контрольной закупки. Вносятся предложения по совершенствованию нормативных правовых актов.

Ключевые слова: административная ответственность, контрольная закупка, проверочная закупка, антиалкогольное законодательство, правонарушения, административно-деликтивная ответственность, органы внутренних дел, милиция, пьянство, незаконный оборот.

В деле противодействия незаконному обороту алкогольной и непищевой спиртосодержащей продукции значительную роль играют органы внутренних дел. Анализ выявленных правонарушений и общего объема изъятой алкогольной и непищевой спиртосодержащей продукции свидетельствует о том, что максимальное количество выявленных и пресеченных правонарушений приходится на службу участковых инспекторов милиции.

Работа в данном направлении участковых инспекторов милиции предусмотрена Инструкцией об организации деятельности участковых инспекторов милиции, утвержденной приказом МВД Республики Беларусь от 24 января 2012 г. № 20, а также постановлением МВД Республики Беларусь от 16 февраля 2018 г. № 47 «О наделении должностных лиц органов внутренних дел полномочиями на составление протоколов об административных правонарушениях и подготовке дел об административных правонарушениях к рассмотрению».

Так, основными составами административных правонарушений, предусмотренными КоАП, в сфере оборота алкогольной и непищевой спиртосодержащей продукции являются следующие статьи Особенной части кодекса: ст. 12.17 «Нарушение правил торговли и оказания услуг населению»: продажа алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива несовершеннолетним (ч. 6); необеспечение должностным лицом юридического лица или индивидуальным предпринимателем, осуществляющим реализацию алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, контроля за их продажей, повлекшее повторное совершение деяния, предусмотренного ч. 6 ст. 12.17 КоАП (ч. 7); ст. 12.27 «Незаконное перемещение, хранение табачных изделий и алкогольных напитков, производство, переработка, хранение, перемещение непищевой спиртосодержащей продукции, этилового спирта, табачного сырья, реализация этих продукции, спирта, сырья и алкогольных напитков»: продажа физическим лицом, не являющимся индивидуальным предпринимателем, алкогольных напитков, в том числе собственного изготовления, при отсутствии признаков незаконной предпринимательской деятельности (ч. 4); производство (изготовление), вовлечение в оборот физическим лицом, не являющимся индивидуальным предпринимателем, фальсифицированных алкогольных напитков, а равно перемещение по территории Республики Беларусь, хранение таким лицом заведомо фальсифицированных алкогольных напитков, торговля ими (ч. 5); ст. 12.43 «Изготовление или приобретение крепких алкогольных напитков (самогона), полуфабрикатов для их изготовления (браги), хранение аппаратов для их изготовления», ст. 12.16 «Обман потребителей» (в случае недолива алкогольной продукции при ее реализации в розлив).

Несмотря на значительное количество представленных составов явное снижение объема алкогольной продукции, вовлеченной в незаконный оборот, не отмечается. При изучении пра-

воприменительной практики удалось установить, что одной из основных проблем, связанных с низкой эффективностью выявления административных правонарушений, в особенности совершаемых в сфере оборота алкогольной продукции, является невозможность проведения сотрудниками ОВД гласных контрольно-закупочных мероприятий.

Проблема применения проверочной закупки рассматривалась в работах В.В. Бачилы, А.В. Башана, Д.Л. Харевича, С.А. Голуба. Несмотря на разработанность проблемы в пределах оперативно-розыскной деятельности и уголовного права изучение аналога проверочной закупки в виде контрольной закупки, применяемой субъектами контроля и надзора в сфере административно-правовых отношений, осталось в Республике Беларусь за пределами научных изысканий.

Сотрудники ОВД уполномочены на ведение административного процесса по перечисленным составам статей КоАП, выявить которые можно только с помощью контрольной закупки, однако в число субъектов, наделенных этим правом, они не входят. Порядок проведения контрольной закупки наряду с контрольным оформлением заказов на выполнение работ, оказание услуг для проверки соблюдения законодательства в пределах своей компетенции предусмотрен Положением о порядке проведения контрольных закупок товарно-материальных ценностей, контрольного оформления заказов на выполнение работ, оказание услуг, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 апреля 2009 г. № 554. Из его содержания следует, что контрольная закупка является одним из методов осуществления должностными лицами уполномоченных органов контроля за соблюдением организациями и физическими лицами, в том числе индивидуальными предпринимателями, актов законодательства. Право проведения контрольной закупки сегодня предоставлено должностным лицам ряда государственных органов: налоговых, органов Комитета государственного контроля, государственного учреждения «Транспортная инспекция Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь», Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь для проверки соблюдения законодательства в пределах своей компетенции.

Деятельность вышеуказанных субъектов в части проведения контрольной закупки как вида проверки закреплена в Положении о порядке организации и проведения проверок, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь». В Положении перечисляются субъекты данной деятельности и раскрывается содержание форм государственного контроля (надзора) в виде: выборочных проверок; внеплановых проверок, мероприятий технического (технологического, проверочного) характера, мер профилактического и предупредительного характера (проведение мониторинга, направление рекомендаций по устранению и недопущению недостатков, выявленных в результате мониторинга; проведение разъяснительной работы относительно порядка соблюдения требований законодательства, применения его положений на практике; информирование субъектов (в том числе с помощью интернета, средств массовой информации) о типичных нарушениях, выявляемых в ходе проверок контролирующими (надзорными) органами; проведение семинаров, круглых столов и т. д.).

Положение предусматривает следующие контрольно-надзорные мероприятия: контрольную закупку товарно-материальных ценностей, контрольное оформление заказов на выполнение работ, оказание услуг – способ контроля, выраженный в искусственном создании контролирующими (надзорными) органами ситуации по приобретению товарно-материальных ценностей, оформлению заказов на выполнение работ, оказание услуг без цели их приобретения (потребления) или последующей реализации.

Из содержания Положения видно, что сотрудники ОВД не входят в число субъектов, наделенных полномочиями по проведению контрольной закупки, что, возможно, вызвано наличием права сотрудников ОВД на проведение сходного по названию и функциональному наполнению ОРМ «проверочная закупка», реализуемого сотрудниками оперативных подразделений ОВД в рамках Закона об ОРД.

Права и обязанности сотрудников ОВД по осуществлению служебной деятельности регламентированы ст. 23, 25 Закона об ОРД. Тем не менее права или обязанности проводить контрольную закупку в нем не закреплено. В ст. 24 «Права органов внутренних дел» Закона об ОРД указывается лишь на право осуществления оперативно-розыскной деятельности. Так, на основании ст. 18 За-

кона об ОРД проверочная закупка относится к оперативно-розыскным мероприятиям и согласно ст. 28 определяется как приобретение без цели потребления или сбыта у гражданина, организации предметов и документов, сведений или осуществление заказа на выполнение работ (оказание услуг) с целью получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД.

Вполне очевидно, что предлагаемое мероприятие однозначно нашло бы свое применение в деятельности сотрудников милиции при выявлении нарушений в сфере оборота алкогольной и непищевой спиртосодержащей продукции, если бы в Положении о порядке проведения контрольных закупок товарно-материальных ценностей, контрольного оформления заказов на выполнение работ, оказание услуг, КоАП или ПИКоАП было закреплено основание к его проведению. Но согласно абзацу второму ст. 28 Закона об ОРД фактическим началом проведения проверочной закупки являются инициативные действия должностного лица органа, осуществляющего ОРД, проводящего проверочную закупку, или гражданина, участвующего в ней, по обсуждению обстоятельств приобретения конкретных предметов и документов, сведений или осуществления заказа на выполнение конкретной работы (оказание конкретной услуги) с гражданином, в отношении которого проводится ОРМ.

Согласно ст. 19 Закона об ОРД («Общие условия проведения оперативно-розыскного мероприятия») проверка может проводиться на следующих основаниях: по постановлению о проведении оперативно-розыскного мероприятия; постановлению о проведении оперативно-розыскного мероприятия и специальному заданию; решению должностного лица органа, осуществляющего ОРД, без вынесения постановления о проведении оперативно-розыскного мероприятия и специального задания; письменному запросу органа, осуществляющего ОРД.

Обобщив сказанное, можно прийти к определенным выводам: 1) проверочная закупка используется в качестве метода ОРД соответствующим ее субъектом для выявления совершенных преступлений или административных правонарушений, влекущих при повторности или системности уголовную ответственность; 2) большинство составов административных правонарушений, совершаемых физическими или юридическими лицами в сфере производства и оборота спиртосодержащей жидкости, не влекут в дальнейшем уголовную ответственность, а сотрудники милиции общественной безопасности, реализующие меры противодействия в сфере антиалкогольного законодательства, в том числе и по правонарушениям, при повторности совершения которых возможно наступление уголовной ответственности, не наделены полномочиями по ведению ОРД, а потому не могут использовать с целью выявления и пресечения противоправной деятельности ОРМ «проверочная закупка».

Например, в законодательстве Российской Федерации также не предусмотрено проведение контрольной закупки сотрудниками полиции. Согласно ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» ее аналог – проверочная закупка – значит в качестве оперативно-розыскного мероприятия. В ст. 7 данного закона в числе оснований для проведения ОРМ, так же, как и в Законе об ОРД Республики Беларусь, установление факта совершения административного правонарушения отсутствует.

В комментарии к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» отмечается, что «одной из наиболее распространенных разновидностей проверочной закупки являются так называемые контрольные закупки, проводимые на предприятиях торговли и общественного питания с целью предупреждения и выявления фактов обмана потребителей. Результаты таких закупок оформляются в виде акта контрольной закупки с соблюдением требований, установленных ведомственными нормативными актами контролирующих органов». Несмотря на это правовых оснований, предусмотренных Федеральными законами для проведения контрольной закупки в Российской Федерации, нет.

Исходя из того, что совершаемые в сфере оборота алкогольной и непищевой спиртосодержащей продукции правонарушения, предусмотренные КоАП, не содержат признаков преступления, сотрудники милиции не уполномочены осуществлять контрольную или проверочную закупку для установления факта совершения административного правонарушения, за которое определена административная ответственность. Таким образом, при анализе законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации становится очевидным, что проведение сотрудниками ОВД и полиции проверочной закупки для выявления и документирования фактов административных правонарушений, не влекущих при повторности уголовной ответственности, невозможно.

Весьма значимым является и тот факт, что участковые инспекторы милиции и участковые инспекторы милиции по делам несовершеннолетних Республики Беларусь, обязанные согласно должностным обязанностям противодействовать правонарушениям в сфере оборота алкогольной продукции, субъектами оперативно-розыскной деятельности не являются. Такая правовая неподкреплённость необходимыми юридическими полномочиями иногда заводит правоприменителей в юридический тупик, особенно если в конструкции правовых норм нет юридической взаимосвязи или оснований для освобождения от административной ответственности в случаях, когда имеется такая явная необходимость. Например, попробуем представить следующую ситуацию. Лицо, торгующее самогоном, продало другому лицу бутылку самогона с рук. В момент задержания сотрудниками ОВД по окончанию сделки покупатель не признается, что приобрел самогон, так как знает о наступлении ответственности за незаконное приобретение крепких алкогольных напитков (самогона) по ч. 3 ст. 12.43 КоАП. Продавец, понимая, что может быть привлечен к ответственности за сбыт алкогольных напитков собственного изготовления по ч. 4 ст. 12.27 КоАП, также не признается в продаже. Таким образом, доказывание по данным составам будет основываться на не подкреплённом фактами мнении сотрудников ОВД и на изъятом алкоголе, который сам по себе не несет существенной доказательственной информации. Это приводит к безнаказанности продавца и покупателя самогона.

Очевидно, что на современном этапе в рамках административного права и процесса законно выявить и доказать факт торговли алкогольной продукцией с рук с юридической точки зрения крайне затруднительно. Например, чтобы выявить торговлю самогоном, ответственность за которую предусмотрена ч. 4 ст. 12.27 КоАП, необходимо направить гражданское лицо или сотрудника ОВД для закупки самодельного алкоголя, вручив ему помеченные деньги. Но согласно действующему законодательству сотрудники ОВД не только не имеют право это сделать, но и, руководствуясь ч. 3 ст. 12.43 КоАП, обязаны рассматривать участвующего в закупке покупателя как лицо, совершившее правонарушение в виде приобретения крепких алкогольных напитков (самогона), за исключением тех, продажа которых разрешена законодательством, а равно приобретение полуфабрикатов для их изготовления (браги). Основания для освобождения такого лица от административной ответственности в КоАП отсутствуют. Требование привлечь к ответственности лицо, направляемое для покупки алкоголя, также следует из ст. 23 Закона об ОВД: сотрудник ОВД обязан принять возможные меры по пресечению административного правонарушения и задержанию лиц, его совершивших, сообщить об этом в ближайший ОВД. По этой причине при рассмотрении дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 12.27 КоАП, требуется привлечение к ответственности и лицо, купившее самогон, по ч. 3 ст. 12.43 КоАП, так как оба правонарушения взаимосвязаны.

Таким образом, очевидна проблема в правоприменении сотрудниками ОВД некоторых административно-деликтных норм антиалкогольного законодательства, следующая из несогласованности и противоречия норм Особенной части КоАП.

На основании ст. 2.4 КоАП организатором правонарушения признается физическое лицо, организовавшее совершение административного правонарушения или руководившее его совершением, что в рассматриваемом случае (подготовка, инструктаж и ориентирование сотрудника ОВД к покупке покупателем алкоголя) очевидно. С точки зрения профессиональной этики сотрудник ОВД без реализации оперативных мероприятий не имеет права подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме кого-либо к совершению противоправных действий. В Законе об ОВД нормы, запрещающей такие действия, нет, но в ст. 6 Закона «О полиции» Российской Федерации это указано прямо.

Для выявления и пресечения факта продажи самогонного аппарата, свободно выставляемого через интернет на продажу, необходимо также провести контрольную закупку и заказать доставку данного аппарата, что с правовой точки зрения в настоящий момент невозможно. Указанный правовой пробел привел к появлению множество объявлений о продаже самогонных аппаратов в интернете, позволяющих гражданам заниматься их реализацией в Республике Беларусь вопреки требованиям ст. 12.43 КоАП. Так, согласно ст. 3.30 ПИКоАП правом на составление протоколов об административных правонарушениях по данной статье наделены не имеющие права проведения контрольной закупки сотрудники ОВД. При этом никто из сотрудников не обязан рисковать своими деньгами, шансы на возврат которых через интернет минимальны.

Выявить без проверочной закупки продажу продавцом торгового объекта алкогольной продукции несовершеннолетнему практически невозможно. Доказательством сделки могут быть показания покупателя, свидетеля, продавца, а также аудиовидеозапись, не всегда имеющаяся в наличии ввиду отсутствия системы видеонаблюдения около узла расчета. Продавец обычно не соглашается с тем, что реализовывал алкоголь несовершеннолетнему, надеясь на то, что доказать его вину, полагаясь на показания несовершеннолетнего, довольно затруднительно.

Обосновав необходимость нахождения контрольной закупки в административно-правовой плоскости правоприменительной деятельности ОВД, следует поставить вопрос об отнесении ОРМ «контрольная закупка» к мерам принуждения в административном праве. Такое отнесение обосновывается тем, что проведение данного мероприятия не зависит от воли того лица, в отношении которого оно применяется. Кроме того, использование или применение контрольной закупки направлено на выявление административных правонарушений, предусмотренных Основной частью КоАП.

В современной теории административного права меры принуждения, реализуемые в административно-правовом порядке, делятся: на административно-предупредительные; административно-пресекающие; меры административного обеспечения; меры административной ответственности и административно-восстановительные меры. Так, ОРМ «контрольная закупка», как и проверка документов сотрудниками ОВД, проводится в первую очередь в целях предупреждения противоправных действий со стороны представителей юридического лица и физических лиц, а во вторую очередь – для выявления факта противоправных действий.

Отнеся контрольную закупку к административно-предупредительным мерам, необходимо определить содержание правовой нормы таким образом, чтобы оно точно отражало суть данного действия, было применимо всеми субъектами, наделенными на это необходимыми полномочиями. Данное положение дел продиктовано в том числе тем, что при подтверждении факта совершения правонарушения в ходе проведения контрольной закупки надлежаще задокументированное действие (акт или протокол контрольной закупки) выступит основанием для начала административного процесса, что повлечет для правонарушителя правовые последствия (приостановление деятельности, наложение ареста и т. д.)

В п. 1.13 ст. 81 Налогового кодекса Республики Беларусь указано, что контрольные закупки товарно-материальных ценностей, контрольные оформления заказов на выполнение работ, оказание услуг проводятся в порядке, определяемом Советом Министров Республики Беларусь, для проверки соблюдения законодательства, в том числе установленного порядка приема наличных денежных средств, порядка осуществления валютных операций.

Контрольная закупка товарно-материальных ценностей, контрольные оформления заказов осуществляемые налоговыми органами, могут быть применимы и к деятельности сотрудников ОВД ввиду значительного количества составов административно-деликтных норм, подведомственных ОВД, выявление которых без проведения контрольной закупки не представляется возможным.

Использование сотрудниками ОВД ОРМ «контрольная закупка» позволило бы эффективнее выявлять следующие нарушения: ст. 11.1 КоАП «Незаконное принятие иностранной валюты в качестве платежного средства»; ст. 11.2 КоАП «Нарушение установленного порядка осуществления валютных операций»; ст. 11.4 КоАП «Нарушение порядка деятельности с редкоземельными металлами, драгоценными металлами и драгоценными камнями»; ст. 12.2 КоАП «Нарушение порядка учета, сбора, хранения, транспортировки, использования, заготовки (закупки) или реализации металлопродукции, черных и цветных металлов».

Наделение сотрудников ОВД правом на проведение контрольной закупки позволит устранить существенную правовую неопределенность, когда сотрудники ОВД имеют право пресекать массу административных правонарушений, связанных с нарушением правил торговли и незаконной предпринимательской деятельности, но не имеют права на проведение контрольной закупки.

С точки зрения административного процесса акт контрольной закупки, заполняемый по факту совершения административного правонарушения, является основанием для начала административного процесса, что противоречит нормам ПИКоАП.

Для устранения правовой неопределенности, повышения эффективности и совершенствования мер противодействия административным правонарушениям в потребительской сфере,

в том числе незаконному обороту алкогольной и непищевой спиртосодержащей продукции, видится необходимым внесение следующих изменений и дополнений в КоАП:

отнести к числу субъектов, наделенных полномочиями на проведение контрольной закупки, сотрудников ОВД путем внесения дополнения в Положение о порядке проведения контрольных закупок товарно-материальных ценностей, контрольного оформления заказов на проведение работ, оказание услуг;

предусмотреть право проведения контрольной закупки в рамках мер контроля сотрудниками ОВД за соблюдением юридическими и физическими лицами, в том числе индивидуальными предпринимателями, административно-деликтных норм посредством внесения изменений в Закон об ОВД;

определить вынесение акта контрольной закупки как меру обеспечения административного процесса в ПИКоАП;

внести в КоАП в качестве одного из оснований освобождения от административной ответственности участие в контрольной закупке по инициативе должностного лица, органа, ведущего административный процесс, при наличии административной ответственности за совершение таких действий в остальных случаях.

Дата поступления в редакцию: 26.11.18

A.L. Fedarovich, Lecturer at the Department of Administrative Activities of the Bodies of Internal Affairs of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CONTROL PURCHASE: PROSPECTS FOR USE IN THE OPERATION OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES TO COUNTER ADMINISTRATIVE OFFENCES

Problems of application of control purchase for the purpose of counteraction to administrative offenses among which the special attention is paid to offenses of the anti-alcohol legislation are investigated. The author analyzes the normative interpretation and practice of application of test purchasing with the use of scientific and specially scientific methods. Identified previously unexplored and regulatory grounds for exemption from administrative liability in connection with the implementation of control procurement. The possibility of granting police officers the right to conduct test purchases. Make suggestions on additions to normative legal acts of the relevant rules.

Keywords: administrative responsibility; control purchase; test purchase; anti-alcohol legislation; offenses; administrative and tort responsibility; law-enforcement bodies; militia; alcoholism; illegal turnover.

УДК 342.92

*А.А. Шабан, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: sashaban82@mail.ru)*

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГАИ

Осуществляется исследование государственно-управленческой деятельности ГАИ. На основе анализа научной литературы, нормативных правовых актов и правоприменительной практики определяются административно-правовые формы и методы деятельности Госавтоинспекции. Выделяются особенности анных форм и методов, отражающие содержание деятельности ГАИ.

Ключевые слова: Государственная автомобильная инспекция, административно-правовой метод, административно-правовая форма, безопасность дорожного движения.

На Государственную автомобильную инспекцию МВД Республики Беларусь возложены ключевые государственно-управленческие задачи и функции по контролю (надзору) за соблюдением законодательства в сфере безопасности дорожного движения, которые реализуются в конкретных действиях, осуществляемых в рамках ее компетенции и отражающих содержание деятельности данного органа.

Вместе с тем для осуществления управляющего воздействия такие действия должны иметь определенное внешнее выражение. Иными словами, содержание деятельности ГАИ должно выражаться в определенных управленческих формах, так как «содержание вне формы невозмож-

но» [1, с. 439], оно «всегда оформлено, причем форма влияет на содержание, способствуя или мешая его реализации и развитию» [2, с. 3].

Неотъемлемым элементом механизма осуществления государственно-управленческой деятельности ГАИ вместе с формой является административно-правовой метод. И если формы управления показывают, в каком виде реализуются функции ГАИ, то административно-правовые методы отражают способы их осуществления в решении задач и достижении поставленных целей, чем непосредственно характеризуют содержание рассматриваемой деятельности.

Таким образом, именно в установленных формах и посредством соответствующих методов управления ГАИ реализует возложенные на нее задачи и функции. Иными словами, административно-правовые формы и методы являются правовыми средствами осуществления государственно-управленческой деятельности ГАИ, что и обуславливает особую значимость их исследования.

В науке административного права традиционно принято выделять следующие виды форм управленческой деятельности: издание правовых актов управления (нормативных и индивидуальных), совершение иных юридически значимых действий, проведение организационных мероприятий и осуществление материально-технических операций [3, с. 260; 4, с. 151]. При этом наиболее распространенной и значимой является их классификация в зависимости от наступающих последствий на правовые и организационные формы управления [5, с. 257; 6, с. 141].

Организационные формы не влекут юридических последствий и включают проведение организационных мероприятий и осуществление материально-технических операций. В свою очередь, проведение организационных мероприятий не влечет возникновения, изменения либо прекращения административно-правовых отношений и имеет целью организацию деятельности государственного органа в реализации возложенных на него функций. Направлены организационные мероприятия на аппарат соответствующего органа и связаны с организацией работы его отдельных звеньев, обеспечением надлежащего взаимодействия между ними и т. п. К таким действиям в деятельности ГАИ относятся: проведение совещаний, инструктажей, мониторингов; изучение, обобщение и распространение положительного опыта обеспечения безопасности дорожного движения; разъяснение положений нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу правоотношений, и др.

Осуществление материально-технических операций имеет по отношению к другим формам управления вспомогательное значение, поскольку «с их помощью другие формы лишь обслуживаются» [7, с. 74]. К ним относятся такие действия, как составление справок, отчетов, оформление документов, ведение делопроизводства и др.

Таким образом, организационные формы являются внешним выражением действий ГАИ, не имеют характера прямого управляющего воздействия, играют вспомогательную роль, т. е. создают условия для эффективной реализации государственно-властных полномочий в рассматриваемой сфере.

Правовые формы управления, наоборот, непосредственно связаны с реализацией государственно-властных полномочий ГАИ, а их применение влечет юридически значимые последствия, возникновение, изменение либо прекращение правоотношений.

В административно-правовой литературе к правовым формам управления относят прежде всего издание правовых актов, так как это в наибольшей степени проявляет государственно-властный характер управления. При этом правовые акты, принимаемые органами управления, в зависимости от юридических свойств подразделяются на нормативные и индивидуальные (носят ненормативный характер) [8, с. 94; 4, с. 164; 5, с. 264]. Их издание является наиболее распространенной формой государственного управления.

Следует отметить, что в полномочия ГАИ не входит издание нормативных правовых актов управления. Если рассматривать индивидуальные правовые акты, то следует отметить, что они не содержат норм права и являются правоприменительными (адресованы отдельным лицам, носят разовый характер) [9, с. 392]. Посредством их издания обеспечивается применение норм законов и нормативных правовых актов управления при решении конкретных вопросов (индивидуально-определенных дел), возникающих в практике государственно-управленческой деятельности. Тем самым рассматриваемые акты влекут возникновение, изменение либо прекращение административных правоотношений.

В научной литературе в зависимости от их цели и характера индивидуальные правовые акты управления классифицируют на оперативно-исполнительные и правоохранительные [10, л. 93; 11, с. 88].

Оперативно-исполнительными являются индивидуальные акты управления, направленные на реализацию диспозиции административно-правовой нормы. К актам данной группы следует отнести, например, решение об осуществлении сопровождения (эскортирования) транспортных средств участников проводимых на дороге массовых мероприятий, решение о временном ограничении движения транспортных средств по дороге; распоряжение о проведении специального мероприятия по обеспечению безопасности дорожного движения («Скорость», «Пешеход», «Внимание – дети!») и т. п.

Правоохранительные индивидуальные правовые акты направлены на обеспечение охраны прав от нарушений либо восстановление нарушенных прав. При этом в необходимых случаях применяется санкция административно-правовой нормы. К таким актам относятся приказы об объявлении дисциплинарного взыскания, постановления о наложении административного взыскания и т. д.

Таким образом, одной из особенностей государственно-управленческой деятельности ГАИ является принятие индивидуальных актов управления, направленных на реализацию системы административно-правовых норм в области дорожного движения.

Разноплановость задач, стоящих перед ГАИ, а также выполняемых функций не позволяет обеспечить их реализацию только изданием правовых актов, что вызывает необходимость осуществления и других юридически значимых действий.

При этом следует отметить, что посредством осуществления юридически значимых действий реализуется ряд специфических задач и функций государственно-управленческой деятельности ГАИ, чем обусловлено широкое распространение и особое значение данной правовой формы. Так, ГАИ осуществляют разнообразные юридически значимые действия: регулирование дорожного движения, регистрация транспортных средств, выдача водительских удостоверений, согласование маршрутов движения определенных категорий транспортных средств, освидетельствование водителей, отстранение от управления транспортным средством, составление протокола об административном правонарушении и т. д.

Таким образом, еще одной особенностью деятельности ГАИ в реализации возложенных на нее задач и функций является широкое использование такой административно-правовой формы, как осуществление юридически значимых действий.

Относительно административно-правовых методов важно понимание сути их содержания. В научной литературе к ним относят способы реализации задач и функций исполнительной власти в деятельности исполнительных органов [12, с. 249]; способы осуществления функций управления в процессе реализации исполнительной власти [13, с. 152]; способы выполнения исполнительной власти [14, с. 58] и т. д.

В государственно-управленческой деятельности ГАИ применяется ряд административно-правовых методов: убеждение и принуждение.

Убеждение – процесс целенаправленного воздействия субъекта управления на сознание и поведение людей, в результате которого идеи и установки данного субъекта становятся их внутренними идеями и личными установками [15, с. 247]; процесс последовательно осуществляемых действий, включающий такие элементы, как овладение вниманием, внушение, воздействие на сознание, создание интереса и т. д. [7, с. 126; 10, с. 446]. Рассматриваемый метод предполагает применение различных мер организационного, разъяснительного, воспитательного, поощрительного характера и обеспечивает добровольное соблюдение управляемыми субъектами норм права.

Также метод убеждения широко и активно применяется в деятельности ГАИ при организации проведения различных мероприятий профилактического характера. ГАИ реализует данный метод посредством проведения комплекса разнообразных мероприятий: специальных комплексных мероприятий и специальных операций («Внимание – дети!», «Скорость», «Пешеход», «Безопасность»); единых дней безопасности дорожного движения («Пьяному за рулем не место», «Готовь сани летом» и т. д.); кинолекториев; акций («Вежливый водитель», «Знай

и соблюдай» и т. п.); выступлений в средствах массовой информации, на автопредприятиях, в учреждениях образования; индивидуальных профилактических бесед с отдельными участниками дорожного движения и т. д.

Применение мер административно-правового принуждения осуществляется лишь в тех случаях, когда метод убеждения не обеспечивает должного поведения управляемого субъекта и когда он нарушает нормы права, либо когда убеждения недостаточно для реализации функций управления. Иными словами, применение принуждения находится в прямой зависимости от результативности метода убеждения, т. е. по отношению к убеждению административно-правовое принуждение носит вспомогательный характер.

Суть метода принуждения заключается в воздействии на волю принуждаемого с целью неукоснительного приведения поведения данного лица к установленной правовой нормой праву вне зависимости от его воли и желания. Речь идет о внешнем государственно-правовом воздействии на сознание и поведение людей в форме ограничений личного, организационного либо имущественного характера с тем, чтобы заставить подвластного субъекта совершить те или иные действия или воздержаться от них либо подчиниться установленным правоограничениям [12, с. 256; 16, с. 155], и выражается в применении конкретных принудительных мер.

Использование метода административно-правового принуждения в государственно-управленческой деятельности ГАИ имеет особую актуальность, так как сегодня несоблюдение норм права в области дорожного движения наиболее распространено и носит массовый характер.

Так, согласно статистическим данным, на территории Республики Беларусь ежегодно в среднем регистрируется более 2,5 млн административных правонарушений в сфере безопасности дорожного движения, что составляет более 80 % всех зарегистрированных административных правонарушений¹. Кроме того, для деятельности ГАИ характерно широкое применение мер принуждения не только в случаях, связанных с совершением правонарушений, но и для их предупреждения (остановка транспортного средства, проверка документов и т. д.), а также при возникновении обстоятельств, создающих угрозу безопасности дорожного движения (ограничение и запрещение движения транспортных средств и пешеходов при проведении различных массовых мероприятий и т. д.).

Отмеченное свидетельствует, что несмотря на вспомогательный характер применение метода административно-правового принуждения составляет основное содержание деятельности ГАИ.

Таким образом, проводимое исследование показывает, что основными административно-правовыми формами деятельности ГАИ являются принятие индивидуальных правовых актов управления и осуществление иных юридически значимых действий. Данные формы непосредственно связаны с реализацией государственно-властных полномочий ГАИ и обеспечивают реализацию административно-правовых норм в сфере безопасности дорожного движения.

Первичным и основополагающим административно-правовым методом является убеждение. Метод принуждения носит вспомогательный характер, однако именно его применение составляет основное содержание государственно-управленческой деятельности ГАИ.

Список использованных источников

1. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во деловой и учеб. лит., 2006. – 656 с.
2. Лазарев, Б.М. Формы советского государственного управления / Б.М. Лазарев // Формы государственного управления : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права ; редкол.: Б.М. Лазарев (отв. ред.) [и др.]. – М., 1983. – С. 3–8.
3. Административное право : учеб. для вузов / К.С. Бельский [и др.] ; под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова ; Моск. гос. юрид. акад. – М. : Юристъ, 2002. – 726 с.
4. Забелов, С.М. Административное право / С.М. Забелов, П.С. Забелов. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – 324 с.
5. Козлов, Ю.М. Административное право : учеб. для студентов вузов / Ю.М. Козлов, Д.М. Овсянко, Л.Л. Попов ; под ред. Л.Л. Попова ; Моск. гос. юрид. акад. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2006. – 703 с.

¹ Сведения приводятся в соответствии со статистической информацией единого государственного банка данных о правонарушениях за 2013–2017 гг.

6. Манохин, В.М. Российское административное право : учебник / В.М. Манохин, Ю.С. Адушкин, З.А. Багишаев. – М. : Юристъ, 1996. – 472 с.
7. Административное право : учеб. для студентов вузов / Л.М. Рябцев [и др.]. – Минск : БГУ, 2014. – 605 с.
8. Административное право : учеб. для вузов / Л.М. Рябцев [и др.] ; под общ. ред. Л.М. Рябцева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 320 с.
9. Бахрах, Д.Н. Административное право : учеб. для вузов / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Норма, 2007. – 816 с.
10. Козелецкий, И.В. Правовое положение министерств Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / И.В. Козелецкий. – Минск, 2004. – 133 л.
11. Крамник, А.Н. Административное право : учеб. для студентов вузов : в 2 ч. / А.П. Крамник, О.И. Чуприс. – Минск : БГУ, 2013. – Ч. 1 : Управленческое право. – 567 с.
12. Попов, Л.Л. Государственное управление и исполнительная власть: содержание и соотношение / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров ; под ред. Л.Л. Попова. – М. : Норма : Инфра-М, 2011. – 320 с.
13. Конин, Н.М. Административное право России : учебник / Н.М. Конин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2011. – 445 с.
14. Василевич, Г.А. Административное право и процесс : практикум / Г.А. Василевич, С.М. Забелов, Д.Е. Тагунов. – Минск : Право и экономика, 2013. – 230 с.
15. Административное право : учеб. пособие : в 2 ч. / под общ. ред. И.В. Козелецкого, А.И. Сухарковой. – Минск : Акад. МВД, 2013. – Ч. 1 : Административно-регулятивное право. – 438 с.
16. Семашко, Е.В. Административно-правовое принуждение как способ обеспечения законности / Е.В. Семашко // Проблемы упр. – 2013. – № 2. – С. 153–156.

Дата поступления в редакцию: 07.10.18

A.A. Shaban, *Postgraduate Student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

ADMINISTRATIVE AND LEGAL FORMS AND METHODS OF THE STATE INSPECTION OF THE ROAD POLICE

The analysis of state and administrative activity of the state inspection of the road police. Based on the analysis of scientific works and normative legal acts are determined administrative and legal forms and methods this inspection. Stand out the features of these forms and methods, reflecting the content of the activities of the state body.

Keywords: state inspection of the road police, administrative and legal method, administrative and legal form, road safety.

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.985

И.И. Басецкий, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, главный редактор журнала «Вестник Академии МВД Республики Беларусь»;

А.Н. Тукало, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь

ПАРАДИГМА НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА КОЛЛЕКТИВОВ КАФЕДРЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В ОБЛАСТИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ «ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ СИЛ, СРЕДСТВ И МЕТОДОВ»

Рассматриваются основные результаты научных исследований, получивших признание в Беларуси, России и Казахстане, которые свидетельствуют о перспективах развития в Республике Беларусь, Союзе Беларуси и России, СНГ и ЕАЭС. Предлагаются направления текущих и перспективных исследований индивидуального и коллективного характера, в том числе в креативном взаимодействии оперативных и иных подразделений различных министерств, ведомств страны и международного сотрудничества.

Ключевые слова: новый этап, теория ОРД, результаты исследований, научно-педагогическая школа, перспективы развития, практика ОРД, негласные следственные действия.

В постсоветский период суверенная Беларусь искала наиболее рациональные, эффективные и в то же время туманные пути и средства становления и развития экономики капиталистического типа, формирования рыночных отношений, а юристы, как теоретики, так и практики, стремились создать прочную правовую основу жизнедеятельности человека, общества и государства Республики Беларусь.

После принятия Конституции страны, уточненной и дополненной на двух республиканских референдумах в 1996 г., начало активно развиваться конституционное и так называемое отраслевое (линейное) законодательство, систематизированное в подсистемах публичного и частного права, кодексах материального и процессуального права, которые после многочисленных изменений и дополнений, внесенных реальной практикой, эффективно действуют и в настоящее время. Юридическая наука Республики Беларусь обеспечивала практику, законодательство и учебный процесс в юридических учреждениях образования Беларуси [1, 2].

Исследованию проблем юриспруденции суверенной Беларуси посвящены труды ученых Академии МВД Республики Беларусь, других учреждений образования юридического профиля [3, 4].

Ученые тогда еще Минской высшей школы МВД СССР активно и последовательно занимались и до сих пор исследуют теоретико-правовые и прикладные проблемы в различных областях научного знания. В частности, в 2007 г. было выдвинуто предложение изучить опыт дореволюционной России и некоторых современных государств Европы относительно введения в уголовное законодательство (уголовные кодексы) института уголовного проступка как эффективного средства гуманизации уголовной политики государства. При этом в Беларуси введение в уголовный закон указанного института позволит: обеспечить декриминализацию малозначительных

правонарушений; проявить милосердие к лицам, случайно оказавшимся нарушителями общепринятых норм и правил поведения, впервые оступившимся и совершившим деяние на грани преступления и административного деликта, не представляющего существенной общественной опасности; значительно снизить количество наказаний, связанных с лишением свободы и влекущих судимость; разгрузить учреждения уголовно-исполнительной системы [5, с. 50–55].

Позже в 2017 г. в рамках республиканской научно-практической конференции уже обсуждалось предложение о введении в УК Республики Беларусь института уголовного проступка.

Так, исследования в области оперативно-розыскной науки в системе юриспруденции позволили уточнить основные направления научных исследований, подкорректировать соответствующее научно-методическое обеспечение. Вопросы новой методологии национальной юриспруденции исследуются уже на протяжении трех лет [3, с. 238]. Тем не менее коллектив кафедры ОРД, члены научно-педагогической школы в области юриспруденции не одобрили идею российских исследователей, реализованную в нормативных правовых актах ВАК России и Беларуси, об отделении криминалистики, экспертной деятельности и оперативно-розыскной деятельности от уголовного процесса, оставив без правового закрепления в УПК роли и значения оперативных подразделений и их должностных лиц в осуществлении процессуальной функции уголовного преследования.

Белорусская ВАК проявила самостоятельность и инициативу (письмо ВАК от 13 октября 2017 г. № 04-15/1685(2) начальнику Академии МВД Республики Беларусь) и предложила вернуть специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность». В письме также сообщалось о поддержке коллегией ВАК (решение от 28 октября 2016 г. № 16/2) предложения Государственного комитета судебных экспертиз Беларуси о дополнении перечня отраслей науки по специальности 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» технической, биологической и химической отраслями науки.

В результате указанные предложения ВАК Беларуси были одобрены и нашли поддержку. Таким образом, было установлено прочное креативное взаимодействие кафедры ОРД, научно-педагогической школы Академии МВД Республики Беларусь с Высшим аттестационным органом при НАН Беларуси.

Возвращаясь к международному сотрудничеству, следует подчеркнуть, что Казахстан, Украина и Россия также открыты к сотрудничеству коллективов кафедр, научных школ, конкретных исследователей по конкретным научным направлениям развития теории ОРД. Они признают, изучают и публикуют у себя белорусские наработки. При этом нашло поддержку предложение об объединении теории и практики уголовного процесса, уголовно-процессуального законодательства в единую науку и учебную дисциплину в системе уголовного процесса – уголовную процессуологию. Так, в креативном взаимодействии с российскими учеными была исследована гносеологическая суть оперативно-розыскных мероприятий. А руководством и сотрудниками криминальной милиции было поддержано предложение о замене термина «оперативное обслуживание криминогенных объектов» на современную категорию (функцию ОРД) – оперативно-розыскной мониторинг оперативной обстановки на объектах, закрепленных за оперативными подразделениями.

В рамках рассматриваемого вопроса особое место занимают труды российского исследователя А.Ю. Шумилова [7], стоявшего у истоков, которые получили логическое воплощение в многотомной монографии.

Сотрудничество российской и белорусской научных школ и научно-практических журналов, известных ученых и начинающих исследователей в области теории и практики ОРД, профессионального сыска, в становлении и развитии оперативно-розыскной науки (сыскологии) активно и плодотворно развивается и до настоящего времени.

В результате совместных поисков способов и средств совершенствования ОРД, развития оперативно-розыскной науки (сыскологии) появилась возможность своевременно выявлять, осмысливать и оценивать опыт коллег с перспективой его внедрения в собственную практику законодательно и посредством научных рекомендаций. Тем не менее попытки белорусских исследователей максимально сблизить оперативно-розыскное законодательство с уголовно-процессуальным, процессуально закрепить наиболее острые ОРМ пока не увенчались успехом,

но, например, законодателями Республики Казахстан принято предложение авторского коллектива Алматинской академии МВД РК и включено в УПК гл. 30 «Негласные следственные действия». Перечислим данные следственные действия в сравнении с ОРМ, установленными ст. 18 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности».

Так, в ст. 231 гл. 30 УПК РК представлены следующие виды негласных следственных действий:

1. Негласный аудиоконтроль и (или) видеоконтроль лица или места. В перечне ОРМ указанному негласному следственному действию в целом соответствуют ОРМ «оперативное отождествление» и «наблюдение».

2. Негласный контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электронной (телекоммуникационной) связи. Среди ОРМ, определенных ст. 18 Закона об ОРД, в целом соответствует приведенному в п. 2 негласному следственному действию ОРМ «контроль в сетях электросвязи».

3. Негласное получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами. Основано на оперативно-технических мероприятиях, которые в ранее действовавшем Законе об ОРД 1999 г. предусматривали контроль телефонных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи.

4. Негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации.

Ранее в законодательстве Беларуси соответствующих мероприятий не было. В настоящее время рассматривается вопрос о дополнении действующего оперативно-розыскного законодательства соответствующим ОРМ.

5. Негласный контроль почтовых и иных отправлений. Полностью совпадает с ОРМ «контроль почтовых отправлений».

6. Негласное проникновение и (или) обследование места. Имеет своеобразный аналог в виде ОРМ «исследование предметов и документов», «оперативный осмотр».

7. Негласное наблюдение за лицом или местом. В целом совпадает с ОРМ «наблюдение».

8. Негласная контролируемая поставка. Полностью совпадает с ОРМ «контролируемая поставка», которая осуществляется, как правило, негласно или зашифровано.

9. Негласный контрольный закуп. Соотносится с ОРМ «проверочная закупка», которое не всегда осуществляется негласно.

10. Негласное внедрение в преступную среду и (или) имитация преступной деятельности. Частично совпадает с ОРМ «оперативное внедрение».

В ст. 231 УПК РК определен перечень негласных следственных действий, допустимых к применению в уголовном процессе.

Негласные следственные действия проводят тогда, когда иными средствами невозможно обеспечить выполнение задач, предусмотренных ст. 8 УПК РК.

В гл. 30 УПК РК представлено краткое описание каждого негласного следственного действия, а также условия и основания их проведения (ст. 232), постановление о проведении негласного следственного действия (ст. 233), санкционирование негласных следственных действий (ст. 234), проведение негласных следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства (ст. 235), сроки проведения негласных следственных действий (ст. 236), представление результатов негласных следственных действий (ст. 237), исследование информации, полученной в результате негласного следственного действия, и ее использование в качестве доказательств (ст. 238), оценка и использование результатов негласных следственных действий (ст. 239), ознакомление с материалами, не приобщенными к протоколам негласных следственных действий (ст. 240), мероприятия по защите информации в уголовном процессе (ст. 241).

В ст. 242–251 УПК РК даны определения всех негласных следственных действий и указан порядок их осуществления.

В результате проведенного анализа можно заключить, что учеными и законодателями Республики Казахстан совершены смелые, точные и четкие изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, позволяющие решительно противодействовать преступности; законными способами и средствами обеспечить своевременное предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений, торжество принципа неотвратимости наказания за совершенные преступления и в то же время принципа презумпции невиновности.

Список использованных источников

1. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учеб. пособие / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. – Минск : Амалфея, 2002. – 656 с.
2. Основы права : учеб. пособие / С.Г. Дробязко [и др.] ; под общ. ред. В.А. Витушко, В.Г. Тихини, Г.Б. Шишко. – Минск : БГЭУ, 2002. – 784 с.
3. Шиенок, В.П. Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции : монография / В.П. Шиенок. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – 238 с.
4. Административное право : учебник / Л.М. Рябцев [и др.]. – Минск : БГУ, 2014. – 607 с.
5. Подгруша, А.И. О правовой основе оперативно-розыскного мониторинга, осуществляемого криминальной милицией органов внутренних дел // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2016. – № 2. – С. 50–55.
6. Шумилов, А.Ю. Сыскология, или наука о профессиональной сысской деятельности: первое знакомство / А.Ю. Шумилов // Оперативник (сыщик). – 2007. – № 4. – С. 10–17.

Дата поступления в редакцию: 12.02.18

I.I. Basetsky, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Belarus, Professor at the Department of Operational Investigative activity of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Editor-in-Chief of the journal «Bulletin of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus»; A.N. Tukalo, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Operative-Investigative Activity of the Police Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

SCIENTIFIC RESEARCHES OF THE DEPARTMENT OF DETECTIVE ACTIVITY, SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL SCHOOL IN THE FIELD OF „THEORY AND PRACTICE OF DETECTIVE ACTIVITY, WHICH RECEIVE APPROVAL, SUPPORT AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT“

The main results of scientific research recognized in Belarus, Russia and Kazakhstan and receive prospects of development in the country, in the Union of Belarus and Russia, in the CIS and EAЭС. Areas of current and future research are considered. The directions of individual and collective nature, including in the creative interaction of operational and other units of various ministries and departments of the country and international cooperation are recommended.

Keywords: new stage, results of research, scientific and pedagogical school, caused interest in the republic and near abroad, modern state and prospects for development of scientific research in the field of theory and practice of detective activity, investigative actions in the Criminal Procedure Code.

УДК 343.2/.7

Ж.А. Борисова, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: zhanna_owlet@mail.ru)

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВЫХ (ВИРТУАЛЬНЫХ) ОБЪЕКТОВ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ

Рассматриваются вопросы квалификации хищения электронно-цифровых (виртуальных) объектов, обладающих материальной ценностью, путем использования компьютерной техники. Выделяются четыре группы указанных объектов: электронные деньги; токены криптовалютных систем; внутренние платежные средства веб-сайтов, платформ или онлайн-сервисов и иные единицы стоимости, принимаемые в качестве средства платежа исключительно эмитентом; иные электронно-цифровые (виртуальные) объекты, реализуемые на платной основе. Для унификации подходов к квалификации хищения данных объектов, а также ликвидации противоречий в толковании уголовно-правовых норм предлагаются соответствующие изменения в Уголовный кодекс Республики Беларусь.

Ключевые слова: электронно-цифровые (виртуальные) объекты, электронные деньги, токены, имущество, предмет хищения.

Современный этап развития общества оправданно именуют эрой высоких технологий. Доступность сети Интернет, возможности быстрого поиска и обмена информацией не только об-

легчают жизнь современного человека, но и ведут к изменению его образа жизни. При этом человек для удовлетворения собственных потребностей все чаще обращается к виртуальному пространству. В частности, речь идет о потребности в почитании и самоактуализации, которые венчают собой пирамиду потребностей согласно теории иерархии А. Маслоу [1, с. 45–46].

Для удовлетворения указанных потребностей поставщики интернет-услуг и иные субъекты создают различные электронно-цифровые (виртуальные) объекты (далее – ЭЦО), которые часто становятся предметом преступных посягательств. Получив несанкционированный доступ к персональной странице пользователя в социальной сети или его игровому аккаунту, лицо, совершающее общественно опасное деяние, может осуществить хищение имеющихся в личном кабинете этого пользователя платежных средств или иных ЭЦО. Все указанные объекты являются виртуальными, однако приобретаются их законным владельцем за реальные деньги, обладают определенной ценностью, стоимостью в денежном выражении, ввиду чего могут быть обращены в пользу похитителя для получения имущественной выгоды.

При этом на фоне отсутствия общепризнанного понимания правовой природы указанных объектов возникает вопрос: можно ли их относить к предмету хищения? Существование большого количества научных точек зрения и отсутствие соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по данному вопросу становятся причиной неоднородности правоприменительной практики по аналогичным уголовным делам. Таким образом, можно говорить о том, что назрела необходимость системного анализа научных подходов к обозначенной проблеме, норм уголовного законодательства и практики его применения для ликвидации существующих противоречий.

Для начала следует отметить, что в качестве собирательного термина, являющегося предполагаемой составной частью предмета хищения, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 212 УК Республики Беларусь («Хищение путем использования компьютерной техники»), автором предлагается понятие «ЭЦО». Существующие белорусские и зарубежные исследования посвящены хищению только отдельных ЭЦО (чаще всего электронных денег). И здесь следует пояснить, какое именно содержание вкладывается в данное комплексное понятие.

Так, применительно к социальным сетям речь идет о специальных внутренних платежных средствах. Многие социальные сети предоставляют пользователям различные дополнительные возможности (отправление виртуальных подарков, повышение статуса персональной страницы и т. д.) за плату определенным платежным средством (например, в социальной сети «ВКонтакте» таким платежным средством являются «голоса»). Указанные ЭЦО приобретаются пользователем (например, за 2 р. при их списании со счета мобильного телефона можно получить 3 «голоса»), однако обратному обмену они не подлежат и могут быть использованы только в конкретной социальной сети.

Применительно к компьютерным играм речь также идет о покупке за реальные деньги виртуальной игровой валюты, которая по аналогии с платежными средствами социальных сетей обратному обмену не подлежит и может быть использована исключительно для приобретения различных бонусов (например, танков для игры World of Tanks).

В отношении электронных кошельков подобными ЭЦО выступают электронные деньги, например «Яндекс. Деньги», WebMoney и т. д. Согласно ст. 274 Банковского кодекса Республики Беларусь «электронные деньги – хранящиеся в электронном виде единицы стоимости, выпущенные в обращение в обмен на наличные или безналичные денежные средства... а также выражающие сумму обязательства... по возврату денежных средств... при предъявлении данных единиц стоимости». В отличие от вышеописанных объектов электронные деньги могут быть использованы для приобретения реальных (не виртуальных) товаров и оплаты услуг, погашены банком, имеющим соответствующую лицензию (операция обмена электронных денег на наличные или безналичные денежные средства), и т. д. При этом в соответствии с Правилами осуществления операций с электронными деньгами, утвержденными постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 26 ноября 2003 г. № 201, «к электронным деньгам не относятся хранящиеся в электронном виде... единицы стоимости, выражающие сумму обязательств эмитента перед держателями и принимаемые в качестве средства платежа исключительно эмитентом». Ввиду изложенного внутренние «валюты» социальных сетей, компьютерных игр и т. д.

следует рассматривать как самостоятельные ЭЦО, так как они принимаются в качестве средства платежа исключительно данными интернет-ресурсами и не подпадают под правовое регулирование операций с электронными деньгами. К иным единицам стоимости, принимаемым в качестве средства платежа исключительно эмитентом, нами также отнесены бонусные баллы различных магазинов, оплаченные поездки на общественном транспорте и т. д.

Заключительный ЭЦО, на котором необходимо остановиться, – это криптовалюта. В основе создания всевозможных ее разновидностей заложена технология «блокчейн» (или цепочка блоков). Наиболее популярной криптовалютой является биткойн, который «как и любая другая цифровая валюта, не хранится где-либо в файле; он представлен транзакциями, записанными в блокчейне. Криптовалюта (или цифровая валюта) отличается от традиционных валют, поскольку не создается и не контролируется ни одним государством» [2, с. 15–16]. В соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) указанные цифровые знаки официально наделены статусом объектов правоотношений. При этом все они обобщенно называются токенами. Указанное видится не совсем верным, так как понятие «токен» (англ. token – знак, символ, жетон) имеет гораздо более широкое значение. Кроме обозначения единиц криптовалютных систем токен выполняет и другие функции. Например, «Эфириум» предназначен для заключения смарт-контрактов, «Адекс» – для размещения рекламы [3] и т. д. Также термин «токен» употребляют для обозначения USB-ключа (криптографического или аппаратного токена) при авторизации [4]. Но в настоящей статье понятие «токен» будет использоваться в соответствии с Декретом № 8.

Так, все перечисленные ЭЦО имеют определенную стоимость в денежном выражении, ввиду чего могут стать предметом противоправных посягательств. Однако подходы правоприменителей к квалификации незаконного завладения такими объектами кардинально отличаются в зависимости от непосредственного вида самого объекта. Нередко факт причинения потерпевшему имущественного ущерба вообще остается за рамками уголовно-правовой оценки содеянного, что влечет за собой невозможность восстановления социальной справедливости путем возмещения причиненного ущерба. Данное положение дел нарушает основополагающие принципы права: принцип справедливости, равенства и в определенном смысле даже принцип законности [5, с. 41]. Для унификации подходов к квалификации указанных противоправных посягательств интересно с практической точки зрения рассмотреть материалы конкретных уголовных дел и теоретические научные подходы к данному вопросу.

Так, гражданка К., имея умысел на хищение денежных средств посредством банкомата ОАО «Беларусбанк», 31 июля 2015 г. совершила сопряженную с несанкционированным доступом к компьютерной информации о карт-счете держателя банковской пластиковой карточки Б. банковскую операцию путем введения в компьютерную систему ложной информации, в результате чего похитила денежные средства. Действия К. были квалифицированы по ч. 2 ст. 212 УК (хищение путем использования компьютерной техники, сопряженное с несанкционированным доступом к компьютерной информации) [6].

Относительно квалификации подобного рода деяний в Республике Беларусь сложилась однозначная и устойчивая практика, не имеющая каких-либо разночтений. Аналогичным образом квалифицируются и хищения электронных денег. Полагается, что в случае совершения хищения токенов системы биткойн либо иных видов криптовалют ответственность также должна наступать по ст. 212 УК, так как данные ЭЦО по своей сути могут быть приравнены к безналичным и электронным деньгам.

Однако не все теоретики уголовного права придерживаются такой позиции. Проблемным в этом вопросе является прямое указание в ст. 212 УК того обстоятельства, что путем использования компьютерной техники может быть похищено только имущество, т. е. предмет в данном случае является конструктивным признаком состава преступления, а его отсутствие исключает уголовную ответственность в целом. При этом важно отметить, что универсальное определение понятия «имущество» в белорусском законодательстве отсутствует: его содержание и объем отличаются в зависимости от конкретной отрасли права. Это обстоятельство порождает возникновение множества концепций относительно самого понятия «имущество» и его неотъемлемых признаков. В рамках настоящей статьи рассмотреть все существующие подходы не представляется возможным, поэтому предлагается для анализа несколько примеров.

Так, М.А. Гельфер, характеризуя предмет преступлений против собственности, выделяет его признаки: физический (это предмет внешнего мира, который может находиться в любом физическом состоянии), экономический (вещь должна обладать определенной материальной ценностью) и юридический (вещь должна быть чужой). Н.И. Панов, в свою очередь, выделяет физический, социальный и юридический признаки имущества. С.М. Кочои же выделяет четыре признака предмета хищения: физический, социальный, юридический и экономический [7, с. 104]. По факту приходится сталкиваться вновь с утверждением о том, что предмет хищения всегда материален при раскрытии содержания его физического признака.

Однако следует отметить, что данные концепции понимания имущества как предмета преступного посягательства формировались во времена СССР, когда компьютерные технологии лишь зарождались, а хищений с их использованием не существовало вовсе. В связи с этим полагаем, что при выделении определенных признаков имущества названные и многие другие исследователи не могли предвидеть саму возможность существования имущества в каком-то нематериальном, отличном от предметов внешнего мира виде. При этом все приведенные позиции актуальны до настоящего времени, устарело только содержание физического признака. Это доказывается тем, что в приведенном выше понимании имуществом нельзя назвать даже безналичные денежные средства, хотя действующим законодательством они приравнены к наличным деньгам и точно являются имуществом. Таким образом, как представляется, в содержание физического признака имущества достаточно включить лишь возможность нахождения его в электронно-цифровом виде, чтобы в данном вопросе исключить противоречия между теоретиками права и его применителями.

Иной точки зрения придерживаются те ученые, которые утверждают, что безналичные деньги по сути являются не имуществом, а правом на имущество. В связи с этим, например, А.В. Пасынков предлагает «включить в предмет хищения путем использования компьютерной техники кроме имущества также и право на имущество» [7, с. 108]. С такой позицией можно согласиться, однако следует учитывать, что после внесения данных изменений в УК за рамками уголовно-правовой охраны останутся многие иные ЭЦО (например, биткойны, единицы стоимости, принимаемые исключительно их эмитентом, и т. д.). А факты преступного завладения данными объектами в Республике Беларусь далеко не единичны.

Так, в начале 2016 г. в средствах массовой информации освещалась новость о том, что «в Кобрине у мужчины украли космический корабль». Потерпевший сообщил, что «неизвестный взломал его почтовый ящик, завладел аккаунтом в сетевой игре DarkOrbit и похитил виртуальный космический корабль» [8]. Причиненный ущерб он оценил в 5 000 000 неденоминированных белорусских рублей. По данному факту 11 февраля 2016 г. было возбуждено уголовное дело, а в процессуальных документах совершенное преступление описывается следующим образом: «Неустановленное лицо 5 января 2016 г. произвело вход в электронный почтовый ящик, принадлежащий Б., посредством которого завладело аккаунтом Б. в игре DarkOrbit, чем осуществило несанкционированный доступ к компьютерной информации, т. е. совершило преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 349 УК» [9]. Но приведенная выше фабула описывает только часть совершенных неустановленным лицом действий. За рамками уголовно-правовой оценки остался факт завладения виртуальным объектом и причинения потерпевшему материального ущерба.

Как видится, преступные действия в подобных ситуациях следует квалифицировать по ч. 2 ст. 212 УК, приравнивая при этом виртуальный предмет хищения к имуществу на основании того, что он обладает стоимостью в денежном выражении (экономический признак), является чужим (юридический признак), представлен в электронно-цифровом виде (физический признак), в него вложен человеческий труд: программистов, дизайнеров и др. – на этапе создания, а также самого собственника – в момент приобретения (социальный признак), т. е. всеми четырьмя традиционно выделяемыми теоретиками уголовного права признаками имущества как предмета хищения.

В обоснование авторской точки зрения нельзя не отметить, что подобные ЭЦО обладают и иными признаками имущества, выделяемыми отдельными исследователями. Например, И.О. Грунтов настаивает на том, что предметом хищения может быть лишь то имущество, которое «способно удовлетворять определенные потребности человека» [10, с. 413]. Рассматриваемые ЭЦО обладают данным признаком, в частности способны удовлетворить наивысшую по-

требность человека в самоактуализации (А. Маслоу [1]) путем предоставления ему определенного статуса в игровом сообществе и различных преимуществ перед соперниками.

При этом для квалификации содеянного по ч. 2 ст. 212 УК, диспозиция которой полностью охватывает сущность произошедшего, достаточным видится включить в понятие имущества как предмета данного преступления перечисленные выше ЭЦО.

Здесь следует отметить, что объединение в понятие «имущество» нематериальных объектов наряду с материальными встречается и в нормах международного законодательства. Так, в п. d ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. указано, что имущество означает «любые активы, будь то материальные или нематериальные... выраженные в вещах или в правах». Аналогичным образом поступил и белорусский законодатель, указав, что «под имуществом понимаются любые вещи, включая наличные денежные средства и документарные ценные бумаги, безналичные денежные средства... электронные деньги» и т. д. Однако такое понимание имущества применяется исключительно для целей ст. 132 УПК Республики Беларусь «Наложение ареста на имущество», о чем прямо указывается в примечании к настоящей статье.

Анализируя такие подходы законодателя, многие теоретики права (Л.Г. Ефимова, Н.А. Лопашенко, О.М. Олейник, Е.А. Суханов, В.В. Хилюта и др. [7, с. 106; 11]) указывают на то, что в данном случае имеет место юридическая фикция, так как ЭЦО фактически приравниваются к материальным объектам. Соглашаясь по существу с их мнением, автор считает, что использование подобного механизма правового регулирования является прогрессивным, полностью соответствует современному этапу развития общества и представляется не только допустимым, но и необходимым для правового обеспечения развития инновационной сферы и построения современной цифровой экономики.

Таким образом, ЭЦО, имеющие материальную ценность, можно условно разделить на следующие виды: 1) электронные деньги (например, PayPal); 2) токены криптовалютных систем (например, биткойн); 3) внутренние платежные средства веб-сайтов, платформ или онлайн-сервисов и иные единицы стоимости, принимаемые в качестве средства платежа исключительно эмитентом («голоса» для социальной сети «ВКонтакте»); 4) иные ЭЦО, реализуемые на платной основе («подарки» для социальных сетей). Умышленное противоправное безвозмездное завладение чужими ЭЦО с корыстной целью следует квалифицировать по ч. 2 (ч. 3, 4) ст. 212 УК как хищение путем использования компьютерной техники, сопряженное с несанкционированным доступом к компьютерной информации. Для унификации подходов правоприменителей к квалификации данных деяний и ликвидации противоречий в толковании норм уголовного законодательства обоснованно дополнить ст. 212 УК примечанием следующего содержания: «Для целей настоящей статьи к имуществу приравниваются электронные деньги; токены криптовалютных систем; внутренние платежные средства веб-сайтов, платформ или онлайн-сервисов и иные единицы стоимости, принимаемые в качестве средства платежа исключительно эмитентом; иные электронно-цифровые (виртуальные) объекты, реализуемые на платной основе».

Список использованных источников

1. Maslow, A.H. *Motivation and Personality* / A.H. Maslow. – New York : Harper & Row, 1954. – 369 p.
2. Тапскотт, Д. *Технология блокчейн. То, что движет финансовой революцией сегодня* / Д. Тапскотт, А. Тапскотт. – М. : Эксмо, 2016. – 76 с.
3. Что такое токен (криптовалюта) – описание, условия и отзывы [Электронный ресурс] // FB.ru. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/353522/chto-takoe-token-kriptovalyuta-opisanie-usloviya-i-otzyivi>. – Дата доступа: 08.02.2018.
4. Токен [Электронный ресурс] // Академик. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1257697>. – Дата доступа: 08.02.2018.
5. Горбатов, Н.А. *Общая теория государства и права в вопросах и ответах : учеб. пособие* / Н.А. Горбатов. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 184 с.
6. Архив суда Партизанского района г. Минска. – Уголовное дело № 15121059834.
7. Пасынков, А.В. *Предмет хищения путем использования компьютерной техники* / А.В. Пасынков // Изв. Гом. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2016. – № 2. – С. 103–109.
8. В Кобрине у мужчины украли космический корабль, возбуждено уголовное дело [Электронный ресурс] // TUT.BY. – Режим доступа: <https://42.tut.by/485457>. – Дата доступа: 30.11.2018.

9. Архив Кобринского районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь управления Следственного комитета Республики Беларусь по Брестской области. – Уголовное дело № 16122130077.

10. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.

11. Хилюта, В.В. Могут ли электронные деньги являться предметом хищения? [Электронный ресурс] / В.В. Хилюта // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Дата поступления в редакцию: 19.02.18

Z.A. Borisova, *Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

ISSUES OF QUALIFICATION OF THEFTS OF ELECTRONIC-DIGITAL (VIRTUAL) OBJECTS BY THE USE OF COMPUTER TECHNOLOGY

The issues of qualification of thefts by using computer technology of electronic-digital (virtual) objects that have material value are considered. There are four groups of these objects: electronic money; tokens of crypto-currency systems; internal payment means of web-sites, platforms or online services and other units of value accepted as a means of payment exclusively by the issuer; other electronic-digital (virtual) objects, sold on a fee basis. To unify approaches to the qualification of thefts of these facilities, as well as eliminate contradictions in the interpretation of criminal law, the relevant amendments are proposed to the Criminal Code of the Republic of Belarus.

Keywords: electronic-digital (virtual) facilities, electronic money, tokens, property, subject of theft.

УДК 343.352

В.М. Веремеенко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: vitalik.VVM@yandex.ru)

ДАЧА ВЗЯТКИ КАК КОРРУПЦИОННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Исследуются наиболее актуальные вопросы уголовно-правовой характеристики дачи взятки. При этом учитывался социально-правовой оттенок данного деяния как коррупционного. Обращается особое внимание на позиции, по которым нет единства мнений среди ученых и правоприменителей. Предлагаются авторские суждения по ряду моментов рассматриваемой темы с учетом законодательства, анализа научной литературы и правоприменительной практики.

Ключевые слова: дача взятки, взяточничество, уголовно-правовая характеристика дачи взятки, объективная сторона дачи взятки, субъективная сторона дачи взятки, субъект дачи взятки, предмет и объект дачи взятки.

Коррупция несет угрозу верховенству закона, демократии и правам человека; нарушает стабильность демократических институтов и моральные устои общества; подрывает основы государственного устройства. Именно вопросы противодействия коррупции выступают ключевыми в политике нашего государства. Одним из основных коррупционных преступлений является дача взятки. В этой связи наиболее значима для исследования уголовно-правовая оценка рассматриваемого преступления с целью эффективного ему противодействия.

Данная тема остается актуальной на протяжении многолетней истории развития уголовно-правовой науки; ее изучением занимались советские, российские и белорусские ученые: Н.А. Бабий, А.В. Барков, Б.В. Волженкин, А.И. Добродей, Б.В. Здравомыслов, А.М. Клим, В.В. Лосев, Э.А. Саркисова, В.М. Хомич, П.С. Яни и др. Вместе с тем некоторые вопросы остались дискуссионными. К тому же кроме констатации принадлежности преступления, предусмотренного ст. 431 УК, к коррупционным (в юридической литературе отсутствует обоснование данного факта) не показаны особенности дачи взятки как коррупционного преступления. Все это обосновывает значимость дальнейшего изучения настоящего преступного деяния.

Характер общественной опасности любого преступления в первую очередь определяется в зависимости от объекта, на который оно направлено. Верное определение объекта позволяет

раскрыть юридическую природу деяния, установить его содержание и форму, точно квалифицировать содеянное. С учетом этого тема объекта преступлений, составляющих взяточничество, заслуживает специального рассмотрения [1, с. 89–94]. Сегодня преобладает позиция, в соответствии с которой объект посягательства при даче взятки, получении взятки и посредничестве во взяточничестве единый – нормальная деятельность аппарата управления, интересы службы [2, с. 189; 3, с. 6, 15; 4, с. 666, 674, 676; 5, с. 912, 915–916].

Однако, как представляется, при таком подходе общественная опасность рассматриваемого преступления оценивается не в полной мере, так как не учитывается должным образом социальное содержание деяния. А ведь социальная ценность общественных отношений и причиняемый им вред – признаки, характеризующие преступление со стороны объекта посягательства. По этой причине для более полного определения объекта исследуемого преступления важно раскрыть его социальное содержание, конкретизировать роль и значение социальных ценностей, которым в результате дачи взятки причиняется вред.

Так, при даче взятки страдают не только интересы службы, но и нарушаются установившийся порядок в сфере управления, права и интересы граждан и организаций в частности и государственные интересы в целом. Опасность взяточничества заключается: в разлагающем влиянии на должностных лиц, которые превращают занимаемую должность в «доходное место» и выполняют служебные обязанности только для личного обогащения; в формировании отрицательного образа власти у населения, дискредитации права как основного инструмента регулирования жизни государства и общества. Давая взятку, субъект подкупает и развращает должностных лиц, принимающих соответствующие решения, часто удовлетворяет личный незаконный интерес, причиняя вред законным интересам граждан, общества и государства. Все это составляет суть коррупционной деятельности, которая являет собой внутреннюю угрозу для государственных интересов и интересов гражданского общества. Негативные последствия, порождаемые данным видом преступления, препятствуют прогрессивному развитию общества, представляют опасность для каждого и способствуют совершению самых опасных преступлений. Например, за взятку должностное лицо может не осуществить технический осмотр автотранспорта, тем самым допуская к эксплуатации его технически неисправным. Все эти проявления угрожают жизни и здоровью людей, интересам общества и государства.

С учетом сказанного обоснованно и целесообразно исследуемое преступление оценивать как коррупционное, а его объект рассматривать через призму причинения ущерба не только интересам службы, но и в целом внутренней безопасности республики.

Кроме объекта обязательным признаком анализируемого деяния является предмет посягательства, содержание которого, по мнению большинства специалистов, одинаково для всех составов преступлений, образующих взяточничество [3, с. 15; 6, с. 133; 7, с. 25]. В целом соглашаясь с данным мнением и учитывая ранее детальное исследование вопроса о сути и содержании предмета преступлений, составляющих взяточничество, следует ограничиться только некоторыми замечаниями относительно специфики предмета рассматриваемого преступления.

Так, согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» предметом взятки наряду с материальными ценностями (деньгами, ценными бумагами, вещами и т. п.) являются выгоды имущественного характера, предоставляемые должностному лицу исключительно в связи с занимаемым должностным положением. Когда предметом исследуемого преступления являются деньги и ценные бумаги, особых споров не возникает, но при этом необходимо иметь в виду, что любой из указанных предметов имеет свои особенности и может менять объект посягательства и оказывать влияние на квалификацию. Обязательным требованием к такому предмету, как деньги, является способность его быть средством платежа в гражданском обороте. В этой связи следует отметить, что при вручении взяткодателем в качестве взятки должностному лицу не имеющих хождения денежных единиц состав дачи взятки будет присутствовать только в том случае, если они имеют определенную рыночную стоимость в качестве иной вещи (предмета коллекционирования, исторической ценности и т. п.).

В теории уголовного права нет единого мнения по вопросу о том, могут ли быть предметом дачи взятки вещи, ограниченные или запрещенные в обороте (например, наркотические средства, психотропные вещества, боевое огнестрельное оружие и т. п., а также нелегитимные

услуги). Одни ученые полагают, что такие вещи и услуги являются предметом взятки [2, с. 196; 8, с. 112; 9, с. 45]. Другие, напротив, считают, что они лишены стоимостного выражения, так как очень сложно или невозможно установить их цену, и поэтому они не могут являться предметом преступлений, составляющих взяточничество [10, с. 30; 11, с. 35].

На наш взгляд, предметом дачи взятки могут выступать вещи, ограниченные или запрещенные в обороте, а также услуги нелегитимного характера. Во-первых, независимо от того, разрешены или запрещены в гражданском обороте подобные предметы, легитимные или нелегитимные услуги предоставляются взяткодателя, имеет место подкуп или благодарность в ответ на совершенные в пользу взяткодателя действия, причиняется ущерб нормальной деятельности государственного аппарата, интересам службы. Во-вторых, установление законом особого порядка оборота таких предметов не лишает их качества имущественного блага. Цена ограниченных или запрещенных в обороте предметов или нелегитимных услуг может быть определена с учетом цен, сформировавшихся на рынке оборота таких предметов и услуг. В случае отсутствия возможности определения цены к услугам правоприменителя и основной, и квалифицированный составы, которые не приведены к стоимостному критерию. В-третьих, отсутствие в законе указания на легитимность передаваемых взяткодателям ценностей, т. е. предметом взятки могут быть запрещенные или ограниченные в обороте вещи или нелегитимные услуги из предмета взятки.

При характеристике объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 431 УК, у исследователей особых разногласий не возникает. В юридической литературе объективная сторона дачи взятки обычно определяется как вручение, передача предмета взятки взяткополучателю [2, с. 240; 3, с. 15; 7, с. 25; 8, с. 391]. Не возражая в целом против такого определения объективной стороны рассматриваемого преступления, полагаем, что, объем самого деяния более широк. Для того, чтобы вручить взятку, ее нужно сначала предложить. Предложение взятки, в свою очередь, должно сопровождаться выполнением определенных действий (например, попыткой вручения предмета взятки). В случае если действия не достигли желаемой цели по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, будет иметь место покушение на дачу взятки. Следовательно, объективная сторона исполнения действий (дача взятки) включает предложение взятки, а затем фактическую ее передачу. Кроме того, само деяние (дача взятки), на наш взгляд, может выражаться в различных действиях, которые зависят от того, что является предметом взятки. Так, если предметом взятки являются деньги, ценные бумаги или иные вещи, то деяние выражается в фактической передаче этого имущества взяткополучателю. А если таким предметом являются выгоды (услуги) имущественного характера, то деяние может выражаться в непосредственном оказании взяткодателям услуг имущественного характера должностному лицу.

Характеризуя объективную сторону дачи взятки, важно отметить, что суть самого деяния заключается в подкупе должностного лица: незаконном вручении, передаче материальных ценностей или оказании услуг имущественного характера за совершение действий (бездействия), входящих в служебные полномочия должностного лица, в пользу взяткодателя или представляемых им лиц. Подкуп должностного лица, предоставление ему каких-либо выгод имущественного характера, неправомерных преимуществ составляет основу коррупционных проявлений. Это еще раз свидетельствует о коррупционном характере исследуемого деяния. В правовой норме не указываются способы совершения данного преступления, они разнообразны, но на практике преобладает открытое вручение должностному лицу материальных ценностей. Вместе с тем используются и различного рода скрытые способы дачи взятки. Например, взятке может придаваться видимость легальной сделки под видом договора подряда или она может быть завуалирована под погашение несуществующего долга лица, передавшего ценности, и т. п.

Отдельно следует остановиться на моменте окончания рассматриваемого преступления. В соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 дача взятки, как и иные преступления, составляющие взяточничество, считаются оконченными с момента принятия должностным лицом материального вознаграждения. Данная позиция является преобладающей и в научной литературе [2, с. 240; 3, с. 15; 4, с. 675; 6, с. 134]. Соглашаясь с ней в целом, тем не менее следует уточнить, что в литературе существуют и иные мнения на этот счет, которые были рассмотрены нами ранее при исследовании объективной стороны получения взятки. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что установление момента окончания преступления, предусмотренного ст. 431 УК, имеет определенную специфику в зависимости от

предмета взятки. Когда в качестве такового передаются какие-либо материальные ценности, момент окончания преступления определить нетрудно. Значительно сложнее это сделать, когда предметом взятки являются различные выгоды имущественного характера. В таком случае представляется правильным считать преступление оконченным с начала выполнения действий, непосредственно направленных на приобретение должностным лицом имущественных выгод, например, с момента передачи другому лицу имущества в счет исполнения обязательств взяткополучателя, с начала проведения ремонтных работ по заведомо заниженной стоимости и т. п.

Определенные сложности возникают при установлении момента окончания дачи взятки и в тех случаях, когда предназначенное должностному лицу незаконное вознаграждение по его указанию или с его согласия передается близкому ему лицу. В указанном случае следует согласиться с позицией Н.А. Бабия, по мнению которого, если предмет взятки фактически передан близкому должностного лица без предварительного согласия должностного лица, то такие действия образуют приготовление к даче взятки. И только с момента одобрения должностным лицом принятия предмета взятки его близким лицом дача взятки будет считаться оконченным преступлением [12, с. 27].

Важным признаком любого состава преступления является субъект преступления, в научной литературе характеризуемый как частное лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, и как должностное лицо. И даже если должностное лицо дает взятку с использованием служебного положения, оно подлежит ответственности только за дачу взятки [2, с. 242; 9, с. 398; 13, с. 79].

Такая характеристика субъекта дачи взятки хотя и верна, но видится несколько упрощенной. Ввиду того, что анализируемое преступление относится к коррупционным, понятие его субъекта имеет более широкую трактовку: фигура не менее опасная, чем взяткодатель, т. е. для того, чтобы конвертировать должностные полномочия в незаконный доход, всегда необходим субъект рассматриваемого преступления – взяткодатель. Именно спрос с его стороны на коррупционные услуги является одним из факторов, порождающих коррупцию.

Дача взятки – умышленное преступление с прямым умыслом. Умысел взяткодателя предполагает сознание того, что он вручает, а взяткополучатель принимает именно незаконное вознаграждение как предмет взятки и желает этого. В случае, если субъект заблуждался относительно назначения материальных ценностей, полагая, например, что оплачивает какую-либо услугу организации, состав дачи взятки отсутствует. В содержание умысла виновного должно входить также осознание, что и ему, и взяткополучателю известно о незаконности вручаемого вознаграждения, а также то, что оно вручается за действия, совершаемые по службе.

Данная характеристика субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 431 УК, является общепринятой [3, с. 15–16; 6, с. 135–136; 9, с. 395–396; 13, с. 79]. Вместе с тем, как представляется, она не в полной мере учитывает некоторые особенности рассматриваемого преступления. По причине отнесения взятки к коррупционным преступлениям содержание умысла виновного приобретает особый социально-правовой оттенок: взяткодатель не только осознает общественную опасность совершаемого им деяния и, подкупая должностных лиц, побуждает их к совершению коррупционных сделок, тем самым совершая коррупционное преступление. Желая совершить данное преступление, в котором наиболее ярко выражена суть продажности и развращения должностных лиц, т. е. его коррупционный характер, субъект не может не понимать этого.

Закон не содержит никаких указаний относительно иных признаков субъективной стороны рассматриваемого преступления. И в юридической литературе многие ученые не обозначают иных, кроме вины, признаков [4, с. 675; 13, с. 79; 14, с. 148]. Некоторые исследователи указывают на обязательность наличия в данном составе специальной цели [15, с. 887]. Другие отмечают, что мотивы и цели дачи взятки могут быть различными и не влиять на квалификацию [2, с. 241–242; 3, с. 16; 6, с. 136].

Как известно, мотив и цель – это самостоятельные признаки субъективной стороны, имеющие различное содержание. Таким образом, мотивы при даче взятки видятся всегда одинаковыми: взяткодатель может участвовать в даче взятки из стремления реализовать и законные, и противоправные интересы. С учетом сказанного их можно подразделить на две группы. К первой следует отнести побуждения субъекта: сострадание в случае, когда хочет оказать помощь родственнику, иным близким лицам, попавшим в сложную жизненную ситуацию; желание отблагодарить должностное лицо за проявленное отношение; стремление добиться социально полезного результата (например, выполнение производственного плана). Взяткодатель может ру-

ководствоваться и иными, противозаконными мотивами. Здесь следует говорить уже о второй группе: желании уйти от заслуженного наказания; стремлении удовлетворить свои корыстные потребности в обход закона или установленного порядка и т. п. Деяния субъекта, совершенные из таких побуждений, имеют более высокую степень общественной опасности, чем совершенные из иных, не противоправных побуждений. Это свидетельствует о том, что мотивы при даче взятки имеют существенное значение, оказывая влияние на квалификацию и назначение наказания. Следовательно, их установление является обязательным по каждому эпизоду.

Также важно отметить, что независимо от того, какими мотивами руководствовался субъект, давая взятку, если в отношении его не имело место вымогательство, он получает личную материальную или иную выгоду.

Цель, как известно, характеризует направленность преступного деяния и предполагает решение вопроса о том, для чего лицо совершает преступление. В литературе отмечается, что цель совершения анализируемого преступления – передача предмета взятки. Здесь передача предмета взятки видится не конечной целью, которую может преследовать взяткодатель. Основопологающим для него является личный интерес: действие или бездействие должностного лица, обусловленные передачей предмета взятки. Таким образом, добиться определенного поведения должностного лица или отблагодарить за такое поведение – конечная цель, преследуемая взяткодателям при совершении преступления, предусмотренного ст. 431 УК.

Квалифицированными составами данного преступления являются дача взятки повторно либо в крупном размере, а особо квалифицированным – наличие у взяткодателя предшествующей судимости за преступления, составляющие взяточничество. Эти признаки имеют такую же характеристику, что и соответствующие, изложенные в ст. 430 УК. И здесь необходимо обратить внимание на некоторые замечания. Так, при характеристике признака повторности его не следует понимать упрощенно: будто он имеет место во всех случаях, где материальные ценности в виде взятки передавались два раза и более. Если заранее обусловленная взятка передавалась виновным по частям, в несколько приемов за выполнение одного и того же действия в интересах дающего взятку или представляемых им лиц, то налицо лишь однократная дача взятки.

Также обращает на себя внимание и факт отсутствия единообразного подхода к установлению квалифицирующих признаков преступлений, составляющих взяточничество. Например, для преступления, предусмотренного ст. 432 УК, установлен такой квалифицирующий признак, как совершение данного деяния лицом с использованием своих служебных полномочий. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что и дача взятки в ряде случаев совершается лицами с использованием служебных полномочий, что свидетельствует о повышенной общественной опасности содеянного. Однако указанный квалифицирующий признак при даче взятки отсутствует. Возникает вопрос: почему в одном составе преступлений, составляющих взяточничество, он имеется, а в другом – нет? В этой связи представляется обоснованным включение указанного признака в качестве квалифицирующего в состав дачи взятки.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Наиболее распространенной в научной литературе является точка зрения, согласно которой в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 431 УК, ущерб причиняется нормальной деятельности аппарата управления, интересам службы. Данное утверждение представляется не совсем точным, так как при этом не учитывается социальное содержание рассматриваемого преступления, его общественная опасность, и, следовательно, причиняемый им ущерб оценивается не в полной мере. Здесь рассматриваемое преступление побуждает к совершению коррупционных сделок, является одним из факторов коррупционного поведения. Негативные последствия, порождаемые им, представляют серьезную угрозу причинения ущерба интересам внутренней безопасности страны.

2. Обязательным признаком состава дачи взятки является предмет, при установлении и оценке которого наблюдается значительный разброс мнений в юридической литературе и правоприменительной практике. На основании их изучения и анализа высказаны предложения по ряду дискуссионных вопросов, например о возможности признания предметом взятки вещей, ограниченных или запрещенных в обороте, а также услуг нелегитимного характера.

3. В уголовно-правовой теории объективная сторона дачи взятки обычно определяется как вручение, передача должностному лицу лично или через посредника предмета взятки. Но дей-

ствия, образующие объективную сторону анализируемого состава преступления, видятся шире и зависят от предмета взятки.

4. Проведенное исследование обосновывает недостаточную освещенность вопросов субъективной стороны дачи взятки в литературе: при их характеристике не учитывается особый социально-правовой оттенок данного деяния как коррупционного, отсутствует единообразное разрешение вопросов о содержании мотивов и целей в составе исследуемого преступления. Здесь его субъективная сторона предположительно должна оцениваться через призму деяния как социально-негативного явления, умысел которого направлен на подкуп должностных лиц, а мотивация включает установку на удовлетворение своего личного и часто незаконного интереса за счет причинения вреда законным интересам граждан, интересам общества и государства.

5. Установлено и обосновано, что полное и правильное раскрытие социальной сути рассматриваемого преступления невозможно без осмысления его в качестве коррупционного. Следовательно, общетеоретические положения о коррупции в полном объеме распространяются на уголовно-правовую оценку данного деяния.

Список использованных источников

1. Веремеенко, В.М. Особенности объекта и предмета преступлений, составляющих взяточничество / В.М. Веремеенко // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2016. – № 2. – С. 89–94.
2. Волженкин, Б.В. Служебные преступления / Б.В. Волженкин. – М. : Юристъ, 2000. – 368 с.
3. Завидов, Б.Д. Взятничество. Уголовно-правовой анализ получения и дачи взятки (ст. 290 и 291 УК РФ) : пособие / Б.Д. Завидов. – М. : ПРИОР, 2002. – 32 с.
4. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е.А. Авраменко [и др.] ; под ред. В.А. Кашевского ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 734 с.
5. Круглов, В.А. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / В.А. Круглов, Е.И. Климова. – Минск : Амалфея, 2015. – 1008 с.
6. Лосев, В.В. Преступления против интересов службы: юридический анализ и правила квалификации / В.В. Лосев. – Минск : Амалфея, 2010. – 176 с.
7. Ситковец, О.Н. Ответственность за получение взятки / О.Н. Ситковец // Уголов. право. – 2005. – № 1. – С. 22–26.
8. Бабий, Н.А. Квалификация взяточничества по уголовному праву Беларуси и России / Н.А. Бабий. – М. : Юрист, 2014. – 720 с.
9. Краснопеева, Е. Предмет взятки и квалификация содеянного / Е. Краснопеева // Законность. – 2001. – № 8. – С. 44–45.
10. Безверхов, А. О некоторых вопросах квалификации коррупционных преступлений / А. Безверхов // Уголов. право. – 2013. – № 5. – С. 28–33.
11. Лапунин, М.М. Сложности с квалификацией должностных преступлений – следствие расширительного толкования норм УК РФ / М.М. Лапунин // Уголов. процесс. – 2010. – № 10. – С. 34–35.
12. Бабий, Н. О моменте окончания и стадиях получения взятки / Н. Бабий // Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 4. – С. 23–28.
13. Берестень, В.И. Коррупция и ее общественная опасность : учеб.-метод. пособие / В.И. Берестень. – Минск : РИВШ, 2005. – 166 с.
14. Здравомыслов, Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация / Б.В. Здравомыслов. – М. : Юрид. лит., 1975. – 168 с.
15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Г. Королькова. – М. : Эксмо, 2004. – 1120 с.

Дата поступления в редакцию: 06.09.18

V.M. Veremeenko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Detective Activity of the Faculty of Militia of the Academy of the Interior Ministry of the Republic of Belarus

BRIBE-GIVING AS A CORRUPTION CRIME

The most topical issues of the criminal-legal characteristics of such a crime as bribe-giving are investigated. In assessing them, the socio-legal connotation of this act as corruption was taken into account. Particular attention is paid to issues, disputable among scientists and law enforcers. Based on the legislation, analysis of scientific literature and law enforcement practice, proposals on a number of issues of the topic under discussion are expressed and substantiated.

Keywords: bribe-giving, bribery, criminally-legal characteristics of bribe-giving, actus reus of bribe-giving, mens rea of bribe-giving, the subject of giving bribes, the object and the target of bribe-giving.

УДК 343.985

*А.А. Ковальчук, адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: mathkaa2013@yandex.ru)*

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕКВИЗИТОВ БАНКОВСКИХ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТОЧЕК, И УСТАНОВЛЕНИИ ЛИЦ, ИХ СОВЕРШИВШИХ

Рассматриваются вопросы использования специальных знаний в оперативно-розыскной деятельности. Исследуются особенности их применения в ходе выявления хищений, совершаемых с использованием реквизитов банковских платежных карточек, и установления лиц, их совершивших. Обосновывается необходимость самостоятельного применения специальных знаний сотрудниками подразделений по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий.

Ключевые слова: специальные знания, хищения с использованием реквизитов банковских платежных карточек.

Сегодня деятельность, связанная с противодействием преступности, неотделима от использования достижений научно-технического прогресса и активного применения профильных специальных знаний. Сказанное имеет отношение и к борьбе с так называемыми высокотехнологичными преступлениями, в том числе с хищениями, совершаемыми с использованием реквизитов банковских платежных карточек (БПК). Таким образом, поиск путей повышения эффективности применения специальных знаний – один из способов совершенствования правоприменительной практики.

Так, несмотря на огромный опыт применения специальных знаний в уголовном процессе, некоторые вопросы по-прежнему остаются нерешенными и дискуссионными. Например, до настоящего времени нет единства мнений относительно определения рассматриваемого понятия. Принимая во внимание позиции Г.Г. Зуйкова, Ю.Г. Корухова, Г.Е. Морозова, А.А. Эйсмана, видим наиболее точной формулировку Г.И. Грамовича. Исследователь определяет специальные знания как систематизированные научные знания, умения, навыки в определенной области человеческой деятельности (исключая знания в области материального и процессуального права), полученные в результате целенаправленной профессиональной подготовки и опыта работы, которые используются в целях собирания доказательственной и ориентирующей информации о преступлении, а также способствуют разработке технических средств и приемов работы с доказательствами [1, с. 89].

В юриспруденции традиционно принято выделять процессуальные и непроцессуальные формы использования специальных знаний. С учетом специфики заявленной темы здесь важно отметить, что в большей степени интерес представляют вопросы оперативно-розыскного характера, связанные с обеспечением выявления хищений, совершаемых с использованием реквизитов БПК, и установлением лиц, их совершивших. По этой причине обоснованно и логично более подробно подойти к рассмотрению особенностей использования непроцессуальных форм специальных знаний.

Так, В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров считают, что применение специальных знаний в ОРД повышает ее эффективность, а также способствует успешному выявлению преступлений, установлению лиц, их совершивших, и решению иных задач обозначенной деятельности [2, с. 241]. Вместе с тем данной непроцессуальной форме применения специальных знаний в научной литературе уделено недостаточно внимания.

Большинство ученых, занимавшихся изучением обозначенной проблемы, сходятся во мнении, что специальные знания могут использоваться в ОРД, не раскрывая механизм этого использования. Некоторые ученые, продолжая заниматься подобными исследованиями, указывают на возможность применения специальных знаний в ОРД преимущественно в форме привлечения сведущих лиц для оказания помощи при подготовке и проведении отдельных ОРМ [3, с. 183; 4, с. 145]. Однако анализ практики некоторых оперативных подразделений показывает, что для

осуществления в данном случае деятельности на должном уровне и повышения ее эффективности оперативным сотрудникам необходимо использовать определенные специальные знания. В этой связи те же В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров отмечают, что субъектами применения подобных знаний являются сами сотрудники оперативных подразделений, граждане, оказывающие гласное и негласное содействие органам, осуществляющим ОРД, специалисты, участвующие в проведении ОРМ, и иные лица [2, с. 241].

Если говорить о борьбе с преступлениями рассматриваемой категории, учитывая их специфику и высокую степень латентности, то здесь можно полагать, что оперативные сотрудники не только могут, но и обязаны использовать специальные знания, так как в противном случае выявление хищений, совершаемых с использованием реквизитов БПК, и установление лиц, их совершивших, будет затруднительно, а иногда и невозможно. Такая позиция подтверждается тем, что противодействие указанным преступлениям относится к компетенции непосредственно подразделений по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий (РПСВТ). В этом контексте также уместно привести мнение Г.И. Грамовича, который утверждает, что закон все же не запрещает оперативному сотруднику или следователю овладевать любыми специальными знаниями в целях использования их в своей работе [5, с. 14].

На основании вышеизложенного обоснованно среди непроцессуальных форм применения указанных знаний аналогично процессуальным вместо использования специальных знаний в ОРД, имеющей довольно абстрактный характер, выделять две конкретные: самостоятельное использование специальных знаний оперативным сотрудником и участие сведущего лица в подготовке и проведении ОРМ. С позиций научно-исследовательской деятельности данное уточнение важно, так как является ее результатом. Более того, как видится, оно позволяет расставлять определенные акценты в дискуссии относительно возможности и особенностей применения специальных знаний в процессе ОРД.

Также анализ литературы позволяет отметить, что взгляды ученых на перечень специальных знаний, необходимых для осуществления эффективного противодействия преступлениям в сфере высоких технологий, к которым относятся и хищения, совершаемые с использованием реквизитов БПК, в определенной степени сходные, но не являются одинаковыми.

Так, по мнению О.В. Осокина и Л.В. Лазаревой, к специальным следует относить следующие знания: о наиболее распространенных современных моделях компьютеров и об их возможностях; предполагаемых местах нахождения информации в компьютерах и на внешних носителях; современных технологиях хранения и защиты информации, операционных системах, сервисных программах и прикладных пакетах; правилах и приемах обнаружения, фиксации, копирования, печатывания, изъятия, транспортировки и хранения компьютерной информации [6, с. 317].

Например, В.Е. Акимов отмечает, что отсутствие глубокой теоретической подготовки оперативно-розыскного и следственного аппарата в вопросах банковских отношений создает сложности в выявлении, пресечении и предупреждении хищений, совершаемых с использованием БПК [7, с. 15].

Основываясь на мнениях ученых, занимавшихся изучением рассматриваемой проблемы, следует отметить и то, что отдельно взятому человеку в рамках процесса познания охватить весь перечень знаний, потребность в использовании которых возникает при тех или иных обстоятельствах, не представляется возможным. Резюмируя вышеизложенное, видим рациональным разделять специальные знания на две группы: первоочередные (используются оперативным сотрудником постоянно при осуществлении своих непосредственных обязанностей) и второстепенные (применяемые время от времени в тех или иных оперативно-тактических ситуациях). При этом, определяя структуру первой группы, необходимо принимать во внимание то, что основу профессиональной деятельности оперативных подразделений составляет получение оперативно-значимой информации. Исходя из отмеченного использование специальных знаний оперативным сотрудником должно быть направлено на улучшение качества информационного обеспечения названной деятельности. Здесь важно также принять во внимание то, что представители подразделений РПСВТ работают прежде всего с компьютерной информацией. Таким образом, обозначенные сотрудники должны в первую очередь обладать знаниями о методах, приемах и особенностях обнаружения, фиксации, получения, передачи и хранения компьютерной информации.

Также есть убежденность и в том, что к группе первоочередных специальных знаний, необходимых оперативным сотрудникам, осуществляющим выявление хищений, совершаемых с использованием реквизитов БПК, и установление лиц, их совершивших, следует относить знания в сфере устройства системы электронных платежей, эмиссии и обращения БПК. Так, видится, что без применения указанных знаний установление обстоятельств, возможных способов совершения рассматриваемых преступлений, поиск следов и определение личности злоумышленников будет весьма затруднительным.

Установить окончательный перечень второй группы знаний не представляется возможным в силу развития научно-технического прогресса и постоянно растущих возможностей прикладных наук. Вместе с тем с учетом специфики исследуемой категории преступлений видится полезным для сотрудников подразделений РПСВТ использовать любые знания в сфере устройства и функционирования средств компьютерной техники, различного рода программного обеспечения, в области информационной безопасности и др.

Следует отметить также, что процесс получения специальных знаний сотрудниками подразделений РПСВТ должен быть перманентным и носить достаточно интенсивный характер. Данное обстоятельство обусловлено в первую очередь стремительностью научно-технического прогресса. Принимая во внимание то, что основу динамики обозначенного процесса составляет, как правило, самообразование, ни в коем случае нельзя отказываться в ходе противодействия преступности рассматриваемого вида от помощи сведущих лиц, так как качество специальных знаний последних, в определенных условиях может быть выше, чем у оперативных сотрудников, в силу ряда объективных причин (например, разность в уровне первоначальной подготовки, наличие соответствующего опыта и т. д.).

Самостоятельное применение специальных знаний сотрудниками подразделений РПСВТ при выявлении хищений, совершаемых с использованием реквизитов БПК, и установлении лиц, их совершивших, видится уместным при осуществлении информационного обеспечения оперативного обслуживания сферы рассматриваемых преступлений, подготовке и проведении отдельных ОРМ, исследовании изъятых в ходе ОРМ средств компьютерной техники и носителей компьютерной информации.

Для подтверждения сказанного уместно обратиться к мнению Г.И. Грамовича о том, что следователь должен применять специальные знания таким образом, чтобы самому не стать источником доказательств [1, с. 90]. Аналогично и при осуществлении ОРД использование специальных знаний оперативным сотрудником должно быть тактически грамотным. Речь в первую очередь идет о том, что при проведении ОРМ действия сотрудников подразделений РПСВТ должны быть незаметными для злоумышленников. Также в данном контексте следует отметить, что сотрудники названных подразделений при исследовании изъятых в ходе ОРМ средств компьютерной техники и носителей компьютерной информации обязаны действовать, не оставляя каких-либо следов в памяти исходных устройств, так как в противном случае и полученные таким образом доказательства, и сама процедура их получения могут быть признаны в уголовном процессе недопустимыми. В этой связи важной с тактической точки зрения особенностью является то, что исследованию подлежит не само изъятое устройство, а специально созданный его образ или клон. При этом при решении вышеуказанных задач необходимо использовать специальные программно-технические средства.

Правовой основой применения специальных знаний в ОРД являются предписания нормативных правовых актов. Так, в соответствии со ст. 19 Закона об ОРД должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, при подготовке и проведении ОРМ может привлекать граждан, обладающих специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности [8]. Но, как уже отмечалось, ни данный Закон, ни какой-либо другой не запрещают оперативному сотруднику самостоятельно применять специальные знания при выполнении своих служебных обязанностей. Возникает лишь вопрос о возможности использования результатов ОРД, полученных в том числе с использованием специальных знаний, в уголовном процессе.

Следует констатировать, что обозначенному вопросу зарубежными и отечественными учеными уделено достаточно внимания, но единства мнений не достигнуто. Вместе с тем в настоящее время в правовой системе Республики Беларусь созданы необходимые условия, разработан и отлажен механизм использования в уголовном процессе результатов ОРД, закрепленных в

соответствующих материалах. Так, согласно п. 2 ст. 88 УПК Республики Беларусь источниками доказательств являются протоколы ОРМ. При этом в ст. 101 УПК уточняется, что материалы, полученные в ходе ОРД, могут быть признаны в качестве источников доказательств лишь при условии, если они получены и предоставлены в соответствии с законодательством, проверены и оценены в порядке, установленном УПК Республики Беларусь. В свою очередь, гл. 7 Закона об ОРД посвящена вопросам предоставления, представления и использования материалов ОРД. В частности, в ч. 1 ст. 50 названного закона указывается, что материалы ОРД предоставляются для использования в орган уголовного преследования или суд в соответствии с обозначенным Законом и иными актами законодательства. При этом сама процедура их передачи более подробно расписана в локальных нормативных правовых актах.

Таким образом, результаты ОРД, полученные оперативным сотрудником с использованием имеющихся у него специальных знаний и при привлечении для оказания содействия сведущих лиц, могут быть использованы в уголовном процессе при условии соблюдения соответствующих требований относительно процесса их получения и предоставления в орган уголовного преследования. Важно понимать, что самостоятельное применение специальных знаний сотрудниками оперативных подразделений, в частности РПСВТ, осуществляется в первую очередь в целях своевременного получения качественной оперативно значимой информации в условиях различных оперативно-тактических ситуаций, связанных с определенными ограничениями, в том числе и временного характера. По этой причине с учетом того, что исследования, например, изъятых в ходе ОРМ средств компьютерной техники, проводимые оперативным сотрудником, в меньшей степени обеспечены процессуальными условиями и гарантиями, после возбуждения уголовного дела для выяснения тех или иных вопросов возможно назначение компьютерно-технической экспертизы.

Резюмируя вышеизложенное, представляется возможным сделать соответствующие выводы.

1. Применение специальных знаний в ОРД необходимо рассматривать в виде двух самостоятельных непроцессуальных форм: использования специальных знаний непосредственно оперативным сотрудником и участия сведущего лица в подготовке и проведении ОРМ.

2. Необходимость применения специальных знаний при выявлении хищений, совершаемых с использованием реквизитов БПК, и установлении лиц, их совершивших, обусловлена спецификой и высокой степенью латентности данной категории преступлений. При этом процесс получения указанных знаний сотрудниками подразделений РПСВТ должен быть интенсивным и осуществляться на постоянной основе, что связано со стремительностью научно-технического прогресса.

3. Специальные знания, необходимые сотрудникам подразделений РПСВТ для успешной и эффективной борьбы с хищениями, совершаемыми с использованием реквизитов БПК, можно условно разделить на две категории: первоочередные и второстепенные. Первую составляют знания о методах, приемах и особенностях обнаружения, фиксации, получения, передачи и хранения компьютерной информации; знания в сфере устройства системы электронных платежей, эмиссии и обращения БПК. Вторую – любые возможные знания в сфере устройства и функционирования средств компьютерной техники, различного рода программного обеспечения, в области информационной безопасности и др.

4. Важнейшими тактическими особенностями применения сотрудниками подразделений РПСВТ специальных знаний являются следующие: необходимость обеспечения конспирации в ходе осуществления любых действий с использованием обозначенных знаний при проведении ОРМ; осуществление исследования компьютерной информации не на исходном устройстве, а на специально созданном его образе или клоне. Все указанное возможно при использовании соответствующих программно-технических средств.

5. Процессуальные особенности самостоятельного применения специальных знаний оперативными сотрудниками заключаются в необходимости неукоснительного соблюдения соответствующих требований законодательства относительно процесса получения материалов при осуществлении ОРД и предоставления их в орган уголовного преследования.

Список использованных источников

1. Грамович, Г.И. О совершенствовании правового регулирования применения специальных знаний и научно-технических средств в расследовании преступлений / Г.И. Грамович // Проблемы криминалистики : сб. науч. тр. / под общ. ред. Г.Н. Мухина. – Минск, 2003. – С. 89–91.

2. Аتماжитов, В.М. Использование специальных знаний в оперативно-розыскной деятельности / В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений : материалы 50-х Криминалист. чтений, Москва, 23 окт. 2009 г. : в 2 ч. / Акад. упр. МВД России ; редкол.: Б.Я. Гаврилов [и др.]. – М., 2009. – Ч. 1. – С. 241–249.

3. Козлов, В.Е. Общие положения использования специальных знаний правоохранительными органами в процессе противодействия компьютерной преступности / В.Е. Козлов // Комплексная защита информации : материалы IX Междунар. конф., Раубичи, 1–3 марта 2005 г. / ОИПИ НАН Беларуси ; редкол.: А.П. Леонов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2005. – С. 181–184.

4. Степанов, О.В. Теоретико-прикладные аспекты использования специальных знаний и положений юридических наук в оперативно-розыскной деятельности / О.В. Степанов // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2006. – № 1. – С. 144–148.

5. Мухин, Г.Н. Проблемные вопросы использования специальных знаний в расследовании преступлений: из творческого наследия Г.И. Грамовича / Г.Н. Мухин // Криминалистические чтения, посвященные памяти заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Г.И. Грамовича : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 дек. 2012 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – С. 12–16.

6. Осокин, О.В. Использование специальных познаний при расследовании преступлений в сфере информационных технологий / О.В. Осокин, Л.В. Лазарева // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов : материалы XIII Междунар. науч. конф., Москва, 25–26 мая 2004 г. / Акад. упр. МВД России ; редкол.: В.И. Кирин (отв. ред.) [и др.]. – М., 2004. – С. 316–318.

7. Акимов, В.Е. Методика расследования преступлений, связанных с хищением денежных средств, совершенных с использованием банковских пластиковых карт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.Е. Акимов ; Тул. гос. ун-т. – М., 2008. – 20 с.

Дата поступления в редакцию: 01.10.18

A.A. Kovalchuk, Postgraduate student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

APPLICATION OF SPECIAL KNOWLEDGE IN DETECTION OF THEFTS COMMITTED WITH DETAILS OF BANK PAYMENT CARDS, AND IDENTIFICATION OF THE PERSONS WHO COMMITTED THEM

Questions of use of special knowledge in operational search activity are considered. The features of their application in the detection of thefts committed with the use of the details of bank payment cards, and identification of the persons who committed them are examined. The necessity of independent use of special knowledge by the employees of the departments on revealing crimes in the sphere of high technologies is substantiated.

Keywords: special knowledge, theft with the details of bank payment cards.

УДК 343.985.8

*А.Н. Толочко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: tolochko28061981@mail.ru)*

ТЕОРИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕСТО, РОЛЬ, ЗНАЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА

Рассматривается современное состояние исследований, касающихся междисциплинарных связей теории ОРД, обозначается ее место и роль в системе юридических наук криминального цикла. Выборочно анализируется становление научных взглядов на взаимосвязь и соотношение теории ОРД с уголовным процессом, криминалистикой, уголовным правом и криминологией.

Ключевые слова: теория ОРД, уголовный процесс, криминалистика, уголовное право, криминология, юридические науки криминального цикла.

Оценивая современное состояние нашего общества, можно говорить о все более усложняющихся объектах научного исследования и процессах изучения объективного мира, предопределяющих интеграцию отдельных областей научного знания, необходимость и значимость комплексных ис-

следований для решения глобальных задач в политической и экономической жизни многих стран. Не является исключением и теория ОРД, содействующая решению практических задач в сфере противодействия преступности и по праву занимающая особое место в системе правоохранительных органов, так как человечество еще не выработало более адекватных и действенных мер борьбы с преступностью, чем оперативно-розыскные. В частности, от использования научного потенциала обозначенной теории во многом зависит решение вопросов эффективности применения уголовного и уголовно-процессуального законов.

Однако при изучении общих объектов познания необходима дифференциация знаний. Попытки комплексного изучения объектов исследования юридических наук криминального цикла (преступность и уголовно-правовая борьба с ней) без уточнения специфики и конкретизации предметов научного анализа не будут отличаться глубиной и системностью изложения полученных результатов.

Анализ имеющихся научных исследований в данной области не позволяет считать обозначенную и ряд иных сходных с ней проблем решенными, что предопределяет необходимость дополнительного уточнения места, роли и значения теории ОРД в системе юридических наук криминального цикла, определения ее взаимосвязи и соотношения с данными науками.

Вопрос о месте теории ОРД в системе наук криминального цикла не является новым. Более того, в литературе существуют различные подходы к его решению, которые не синтезированы в единое целое, в связи с чем до сих пор нет ясности в решении обозначенной проблемы.

Появление в научной среде вопроса о месте теории ОРД в системе наук криминального цикла обусловлено другим не менее важным вопросом: почему ОРД как одна из древнейших и наиболее эффективных форм обеспечения безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств не получила своевременного и соответствующего развития своих теоретических положений, становление которых началось только в рамках уголовно-правовых наук? Объяснить данный факт, вероятно, можно следующим образом.

На первоначальном этапе становления общества и развития общественных отношений было достаточно розыскных познаний и сыскного практического опыта для регулирования общественных отношений в сфере борьбы с преступностью, которая носила сравнительно простой характер. Долгое время главенствовала так называемая теория формальных доказательств, где основным средством доказывания была пытка.

Развитие государства и общества повлекли усложнение преступности, что предопределило необходимость развития правовых знаний, а именно разработку теоретических основ деятельности по расследованию преступлений и судебному разбирательству уголовных дел, разработку средств и методов по выявлению информации о преступлении. Так появилось уголовное, а затем уголовно-процессуальное право. Со временем в уголовно-процессуальном производстве появилась криминалистика, основной задачей которой в то время было обеспечение уголовного процесса данными, так как на их основе можно было бы объективно судить об обстоятельствах расследуемого события. Указанные обстоятельства позволяли в дальнейшем правильно квалифицировать расследованное событие в соответствии с существующими нормами уголовного права.

Еще через некоторое время в массиве преступных проявлений была обнаружена повторяемость ряда событий, явлений и процессов, указывающая на невозможность раскрытия отдельных преступлений только гласными методами, которые разрабатывает криминалистика, что создало предпосылки для становления и развития теории ОРД, которая длительное время считалась частью криминалистики.

Зародившись в рамках уголовной, уголовно-процессуальной и криминалистической наук, теория ОРД под влиянием общественных, естественных и технических наук, достижения и знания которых она творчески осмысливала для решения своих задач, сформировалась в дисциплину с правовой природой и всеми признаками юридической науки.

Так, юридический характер теории ОРД проявляется, в частности, в том, что:

ее предмет, объекты познания, задачи, цели, язык, методология находятся в сфере правовых явлений и свидетельствуют о ее правовой сущности;

ее рождение исторически обусловлено потребностями конкретного правоприменителя и необходимостью повышения эффективности борьбы с преступностью;

ее служебная функция и решаемые ею задачи относятся к правовой сфере деятельности оперативных подразделений государственных органов;

рекомендации, разрабатываемые теорией ОРД для практики, адресованы субъектам, чья деятельность имеет исключительно правовой характер, юридическую регламентацию и природу, правовую основу, и направлены на решение задач уголовного судопроизводства, способствуя эффективному и объективному расследованию уголовного дела и судебному разбирательству;

научные рекомендации теории ОРД учитываются в нормотворческой деятельности законодателя [1, с. 21–22; 2, с. 50].

Изначально вопрос о месте теории ОРД в системе наук криминального цикла освещался в основном в двух аспектах: познавательном и деятельном. Позже начал рассматриваться шире и в дискуссионном плане. Ученых интересовало: имеет ли ОРД, равно как и соответствующие научные положения, ее освещающие, самостоятельный характер и специфические задачи? Игруют ли они особую, отличающую их от других направлений борьбы с преступностью, роль? Ведь данная проблема, являясь комплексной, и без этого решается в нескольких специальных аспектах и изучается целым рядом юридических наук: уголовным и уголовно-процессуальным правом, криминологией, криминалистикой. Существуют ли в сфере борьбы с преступностью актуальные, практические и теоретически значимые вопросы, оставшиеся за пределами указанных направлений практической деятельности и соответствующих отраслей юридической науки?

Оригинальным и весьма основательным представляется подход М.А. Шматова. Его интересовало, как связаны и соотносятся позиции теории ОРД, которые она занимает одновременно в нескольких взаимосвязанных между собой системах наук, а именно общенаучной системе знания и производных от нее подсистемах (правоведение, система уголовно-правовых наук) [2, с. 50–68]. Исследователь отмечает, что входя во взаимосвязанные, но в то же время различные системы знания, теория ОРД как их составная часть приобретает качества, характерные для элементов каждой системы; ей свойственно все, что характеризует науку как форму общественного сознания, как социальную деятельность и социальный институт, как непосредственную практическую силу [3, с. 24–38].

Подходы М.А. Шматова, в основе которых заложены систематизация наук и рассмотрение теории ОРД внутри выделенных систем и подсистем, во многом напоминают концепцию исследований Г.А. Матусовского, условно разбившего «поле наук» на сектора и все научное знание представившего в виде геоцентрической системы, в центре которой поместил криминалистику [4, с. 68–71].

Встречаются и иные подходы. Так, Е.В. Смахтин рассмотрение развития научных взглядов о месте криминалистики в системе уголовно-правовых наук перевел в плоскость анализа споров о ее природе [5, с. 102–118]; сгруппировал мнения ученых исходя из того, к каким наукам те относят криминалистику (уголовным (И.Н. Якимов, В.И. Громов), уголовно-правовым (С.П. Митричев, А.А. Эйсман, А.Н. Васильев), криминального цикла (Е.П. Ищенко), криминально-правового цикла (В.Я. Колдин, Н.П. Яблоков)); совершенно справедливо сделал вывод о том, что системы наук криминального, криминально-правового и уголовно-правового циклов объединяют одни и те же науки, где в качестве основных для его исследования были выбраны криминалистика, уголовный процесс и уголовное право.

Представляется крайне убедительным, а самое главное – верным, тезис мэтра белорусской и советской криминалистики профессора Н.И. Порубова, отмечавшего, что место криминалистики в системе научного знания можно представить через выяснение ее связей со смежными науками – уголовным процессом, уголовным правом, криминологией, с которыми у нее есть общий объект исследования – преступность в целом и конкретные криминальные деяния [6, с. 7].

Сходные подходы встречаются в работах и других авторов. Е.В. Дюдин, например, изучавший некоторые направления использования достижений криминалистики, указывает, что место любой науки в системе научного знания в значительной мере определяется тем влиянием, которое, с одной стороны, на нее оказывают другие отрасли науки, и которое она, с другой стороны, оказывает на них.

В качестве следующего отправного положения видится необходимым избрать выработанные наукой критерии отнесения наук к уголовно-правовым. Согласно устоявшимся подходам уголовно-правовыми науками (науками криминального цикла) являются науки, регулирующие сферу борьбы с преступностью; их предназначением является борьба с преступностью; их знания

используются в борьбе с преступностью [7, с. 112, с. 52, 58]. Последняя формулировка «знания (положения), которых используются в борьбе с преступностью» представляется наиболее удачной.

Исходя из анализа выявленных ранее наиболее характерных взаимосвязей и соотношений теории ОРД с другими науками криминального цикла и руководствуясь устоявшимся в науке критерием отнесения наук к данной категории, вполне обоснованно можно утверждать, что теория ОРД представляет собой структурный элемент системы наук криминального цикла.

Далее обратимся к одному из выводов докторской диссертации Е.В. Смахтина, который, сославшись на мнения предшественников и обобщение практики, заключил, что место криминалистики в системе юридических наук уголовно-правового цикла обусловлено ее сущностью, предметом, методологией, объектами познания [1, с. 11; 5, с. 117]. С этим нельзя не согласиться. Более того, сказанное полностью применимо к теории ОРД. Только думается, что ее место в системе уголовно-правовых наук обусловлено еще и терминологией. В связи с этим можно прийти к еще одному выводу касательно места теории ОРД в системе уголовно-правовых наук.

Итак, место теории ОРД в системе наук криминального цикла обусловлено ее сущностью, предметом, методологией, объектами познания, терминологией, что подтверждается развитием научных воззрений на данный вопрос и проведенным учеными обобщением практики.

Будучи органически связанной с науками уголовно-правового цикла, оперативно-розыскная теория, разрабатывая свои специфические приемы и методы обнаружения, пресечения, предупреждения и раскрытия преступлений, должна руководствоваться уголовно-правовыми нормами, учением о преступлении и его стадиях, а при разработке методических рекомендаций по документированию преступных действий учитывать положения теории доказательств в уголовном процессе. Проблемы разработки тактических приемов проведения отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий являются общими для криминалистики и для ОРД [2, с. 58].

Роль и значение теории ОРД заключается в том, что, находясь на переднем крае борьбы с преступностью, она, опережая все остальные науки, на практическом уровне с использованием гласных и негласных оперативно-розыскных сил, средств и методов обеспечивает получение первичной информации о лице, совершившем преступление, последующее установление его личности, местонахождения; кроме того, обеспечивает проведение поисковой, разведывательной работы, связанной с выявлением лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, выявление латентных преступлений, несмотря на тайные, глубоко замаскированные действия лиц, их совершающих.

Причин, по которым в ряде случаев действия оперативных сотрудников в указанных направлениях оказываются малорезультативными, чрезвычайно много, при этом условно их можно разделить на две группы. Первая – объективные причины, когда преступник является очень «подготовленным», не оставляет материальных следов преступления, знаком со спецификой оперативно-розыскной работы, что позволяет ему ей противодействовать, и т. д. Такие причины являются объективными, не зависят от сознания, воли, профессионализма оперативного сотрудника [1, с. 14]. Вторая – субъективные, зависящие от профессиональной подготовленности оперативного сотрудника, его опыта работы, наличия оперативно-розыскных знаний и умений [1, с. 14].

Следовательно, одна из задач теории ОРД как науки, в решении которой проявляются ее роль и значение в общей системе наук криминального цикла, – сократить с помощью рекомендаций число случаев, когда действия оперативных сотрудников неэффективны по субъективным причинам (отсутствие знаний, тактические ошибки, нарушения законности и т. п.). Решение этой задачи будет способствовать повышению эффективности правоприменения и реализации мер уголовной политики.

Настоящее исследование наводит на мысли о взаимодействии философских категорий целого и части. Теория ОРД, уголовный процесс, криминалистика, уголовное право и криминология являются самостоятельными отраслями права и входящей в него единой системы наук криминального цикла. Образуя единый уголовно-правовой комплекс, они соотносятся как полноценные части единого целого, как самостоятельные элементы единой системы уголовно-правовых наук. Изъятие из указанного комплекса хотя бы одной из составляющих делает другие его части гораздо менее эффективными. Практическое применение рассматриваемых отраслей права вне взаимодействия между собой также неэффективно, в отдельных случаях немыслимо.

В качестве важного подтверждения целостности системы наук криминального цикла выступает общность этих наук. Все науки криминального цикла имеют общие объекты познания (преступник, преступление, преступная деятельность). Все они изучают закономерные проявления правовой действительности, изучаемые ими процессы и явления органически связаны между собой. Научно обоснованные рекомендации теории ОРД как конечный продукт оперативно-розыскной науки согласуются с уголовно-процессуальными, криминалистическими, уголовно-правовыми и криминологическими, взаимно дополняют, развивают и обогащают их.

Эти неразрывные связи между науками должны учитываться не только при разработке новых нормативных правовых актов и теоретических положений, но и в ходе правоприменительной деятельности.

Резюмируя изложенное, можно сделать соответствующие выводы.

1. С учетом системно-структурных характеристик и функционального предназначения теории ОРД, а также анализа ее наиболее характерных взаимосвязей и соотношений с уголовным процессом, криминалистикой, уголовным правом и криминологией вполне обоснованно можно утверждать, что теория ОРД представляет собой структурный элемент системы наук криминального цикла. Кроме того, место теории ОРД в системе наук криминального цикла обусловлено ее же сущностью, предметом, методологией, объектами познания, терминологией, что подтверждается развитием научных воззрений на данный вопрос и проведенным нами обобщением практики.

2. Роль и значение теории ОРД в системе наук криминального цикла заключается в том, что, находясь на переднем крае борьбы с преступностью, она, опережая все остальные науки, на практическом уровне с использованием гласных и негласных оперативно-розыскных сил, средств и методов обеспечивает получение первичной информации о лице, совершившем преступление, последующее установление его личности, местонахождения; обеспечивает выявление латентных преступлений, несмотря на тайные, глубоко замаскированные действия лиц, их совершающих.

3. Одна из задач теории ОРД как науки, в решении которой также проявляется ее роль и значение в общей системе наук криминального цикла, – сократить с помощью своих рекомендаций число случаев, когда действия оперативных сотрудников неэффективны по субъективным причинам (отсутствие знаний, тактические ошибки, нарушения законности и т. п.).

4. Требуется дальнейший интеграционный анализ методологических основ теории ОРД, уточнение их соотношения с методологическими основами других наук криминального цикла, что позволит повысить уровень системных исследований в рамках научных специальностей 12.00.08, 12.00.09 и 12.00.12, а в перспективе – обеспечить более качественный научный уровень борьбы с преступностью.

Список использованных источников

1. Смахтин, Е.В. Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Е.В. Смахтин ; Тюм. гос. ун-т. – Тюмень, 2010. – 45 с.
2. Шматов, М.А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук / М.А. Шматов. – Волгоград : ВА МВД России, 2001. – 228 с.
3. Рачков, П.А. Науковедение. Проблемы, структура, элементы / П.А. Рачков. – М. : МГУ, 1974. – 272 с.
4. Матусовский, Г.А. Криминалистика в системе научных знаний / Г.А. Матусовский. – Харьков : Вища шк. : Изд-во при Харьк. ун-те, 1976. – 112 с.
5. Смахтин, Е.В. Криминалистика: соотношение с уголовным и уголовно-процессуальным правом / Е.В. Смахтин ; под общ. ред. А.С. Подшибякина. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 232 с.
6. Криминалистика : учеб. пособие / под ред. Н.И. Порубова. – Минск : Выш. шк., 1997. – 344 с.
7. Кавалиерис, А. О месте криминалистики в системе наук / А. Кавалиерис // Вестн. криминалистики. – 2005. – № 3. – С. 35–37.

Дата поступления в редакцию: 12.09.18

A.N. Tolochko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Detective activity of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE THEORY OF DETECTIVE ACTIVITY: ITS PLACE, ROLE, IMPORTANCE IN THE SYSTEM OF LEGAL SCIENCES OF THE CRIMINAL CYCLE

This article is dedicated to the analysis of the current state of research in the theory of Detective Activity, determining its interdisciplinary connections, place and role in the system of legal sciences of the criminal cycle. The development of scientific views on the interconnection of Detective Activity with Criminal Procedure, Criminology, Criminal Law has been studied.

Keywords: theory of Detective Activity, Criminal Procedure, Criminology, Criminal Law, legal sciences of the criminal cycle.

УДК 343.985.8

В.Н. Цынкевич, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: vladimirnikolaevic105@gmail.com)

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЙ В ТЕКСТИЛЬНОЙ И ШВЕЙНОЙ ОТРАСЛЯХ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Рассматриваются некоторые способы совершения хищений в текстильной и швейной отраслях легкой промышленности. Анализируются мнения специалистов, изложенные в юридической литературе, и подходы, сложившиеся в оперативно-розыскной практике. Формулируются выводы о значении способов совершения вышеуказанных преступлений при решении задач оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: способ совершения преступления, хищение, швейная и текстильная отрасли легкой промышленности, готовая продукция, сырье.

Для успешной борьбы с экономической преступностью в сфере легкой промышленности необходимо понимание ряда закономерностей, обнаружение связей, особенностей и признаков совершаемых преступлений. Формируются такие знания в процессе исследования отдельных элементов оперативно-розыскной характеристики экономических преступлений в рассматриваемой сфере, к которым относится способ совершения преступления. Данный способ объясняет механизм преступного поведения, помогает разработать эффективную методику противодействия группе рассматриваемых преступлений.

Ретроспективный анализ проблем способа совершения преступления показывает, что большинство исследователей рассматривают его в широком смысле как комплекс или систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, «...избранных виновным в соответствии с намеченной целью и теми условиями, в которых осуществляется преступный замысел» [1, с. 165], «...детерминированных условиями внешней среды и психофизическими свойствами личности, могущих быть связанными с избирательным использованием соответствующих орудий или средств и условий места и времени» [2, с. 10]. Р.С. Белкин, например, допускает существование в качестве самостоятельного обособленного элемента способа сокрытия преступления в тех случаях, когда он не охватывается изначально умыслом личности преступника при совершении общественно опасного деяния [3, с. 214].

Так, М.С. Уткин классифицирует способы совершения преступлений следующим образом:

- 1) полноструктурные или наиболее квалифицированные способы (подготовка, совершение, сокрытие преступлений);
- 2) менее квалифицированные или усеченные первого типа (совершение и сокрытие преступлений);
- 3) менее квалифицированные или усеченные второго типа (подготовка и совершение преступлений);
- 4) неквалифицированные или упрощенные, состоящие только из действий по совершению преступлений [4, с. 6].

В рамках рассматриваемой темы следует отметить, что анализ данных информационного центра МВД Республики Беларусь, показывает, что за период 2013–2017 гг. на территории республики в текстильной и швейной отраслях легкой промышленности зарегистрировано 105 случаев экономических преступлений, 62 % из которых составляют хищения.

Процесс изготовления продукции в указанных отраслях состоит из производственных этапов, на каждом из которых возможны совершения хищений¹. Изучение юридической литературы и материалов оперативно-розыскной практики позволили выделить типичные способы совершения хищений на текстильных и швейных предприятиях. Так, анализ практики свидетельствует, что рассматриваемая категория преступлений совершается в основном двумя типичными способами: путем вывоза сырья или готовой продукции с территории предприятия и путем вывоза сырья, образовавшегося в результате создания неучтенных излишков или готовой продукции, изготовленной из указанных излишков.

Первый способ достаточно прост по причине отсутствия каких-либо высокотехнологичных манипуляций со стороны преступника и характерен для так называемых несунув. Это преступление очевидно для выбора тактики его выявления. При втором способе преступник напрямую вмешивается в технологический процесс предприятия, выполняя ряд замаскированных действий, незнание которых вызывает затруднения у оперативного сотрудника при выявлении хищения и осложняет решение задач ОРД.

Изучение уголовных дел и дел оперативного учета по рассматриваемой группе преступлений показывает, что на этапе подготовки у преступника возникает необходимость в подборе сообщников из числа работников предприятий и вступлении с ними в преступный сговор, что влечет за собой оставление идеальных следов, формирующихся в ходе обсуждения планов хищений, а именно: распределение ролей в совершении определенных действий, направленных на достижение преступного результата; поиск мест сбыта похищенного сырья или готовой продукции в силу особенностей предмета преступного посягательства, который, очевидно, не может реализоваться сторонним лицам, не работающим в сфере легкой промышленности. Готовая текстильная и швейная продукция может представлять интерес для субъектов хозяйствования, имеющих необходимые условия для ее массовой реализации конечным потребителям. Ввиду этого преступная деятельность может осуществляться при участии лиц, обладающих властными полномочиями, имеющих возможность совершить юридически значимые действия: подписать договоры, дать разрешение на отгрузку готовой продукции, согласовать оплату за поставленное сырье. Анализ дел оперативного учета показывает, что лица, заинтересованные в приобретении текстильной и швейной продукции, ищут подход к руководителям таких предприятий, обсуждают с ними взаимовыгодные условия, обуславливающие незаконную материальную взаимовыгоду. По аналогичной ситуации инициатива может проявляться и в действиях самих должностных лиц, которые, преследуя исключительно корыстные мотивы, самостоятельно подыскивают лиц, заинтересованных в приобретении вышеуказанной продукции, в том числе организуют аффилированные коммерческие структуры, оформляя их на родственников и знакомых, посредством чего налаживается сбыт похищенного.

Анализ практики выявления рассматриваемых преступлений позволяет сделать вывод о том, что этап подготовки их совершения заключается в создании преступной схемы, выстраиваемой всеми членами преступной группы, а также вовлечении в нее представителей различных субъектов хозяйствования. Так, схема выглядит примерно следующим образом: руководители → представители субъектов хозяйствования → начальники цехов → кладовщики → закройщики → швеи → наладчики оборудования → сторожа. Кроме того, подготовка к совершению хищения характеризуется вмешательством в технологический процесс.

Продукция текстильных предприятий – это товары народного потребления: ковровые изделия, ткани, шторы, искусственные меха, изготавливаемые из волокон, пряжи, нити и т. п. Здесь для оперативного сотрудника представляют интерес знания о волокнистом составе, виде переплетения, плотности, длине, ширине, толщине, массе и влажности ткани, т. е. качественные показатели сырья и текстильной продукции, которые могут фальсифицироваться путем занижения количества и качества поступившего сырья; искусственного завышения влажности сырья; неполной выдачи сырья в производство; замены одного вида сырья другим; необоснованного списания сырья и готовой продукции на брак; уменьшения плотности ткани при изготовлении

¹ Речь идет именно о хищениях, а не определенном его виде, так как в зависимости от должностного положения личности преступника, состава преступной группы и распределения между ее участниками ролей действия каждого в отдельном случае могут квалифицироваться как кража, присвоение, мошенничество либо хищение путем злоупотребления служебными полномочиями.

продукции с помощью регулирования ткацких станков; изменения соотношения волокнистого состава в комбинированных тканях; пересортицы и фальсификации готовой продукции; завышенного списания сырья по максимально допустимой норме, не соответствующего фактическому его расходу; недовложения готовой продукции при отправке грузополучателю.

Занижение количества поступившего сырья может осуществляться во время его приемки материально ответственным лицом – кладовщиком. Анализ дел оперативного учета показывает, что в таких ситуациях последний вступает в сговор с представителем поставщика и оформляет подложный акт о недостатке сырья, подписываемый обеими сторонами. Изученные уголовные дела раскрывают и другие особенности поведения личности преступника. Во-первых, должностное лицо может дезинформировать о недостатке сырья вышеуказанного представителя, пользуясь тем, что последний лично не имеет возможности присутствовать в момент отгрузки сырья. Обычно поставщик не вступает в спор с кладовщиком, так как не желает выезжать на предприятие, отрываясь от текущих дел, либо задерживать до своего приезда автотранспорт, которым доставлено сырье, в связи с чем охотно выражает согласие подписать акт о недостатке сырья после проведенной отгрузки. Во-вторых, акт о недостатке сырья может самостоятельно фальсифицироваться кладовщиком, что выражается в подделывании подписей от имени представителя поставщика. В-третьих, может сложиться ситуация, связанная с преступной инициативой самого представителя поставщика, который вступает в сговор с кладовщиком, после чего последний умышленно завышает объемы поступающего на склад сырья или фальсифицирует его сортность. При такой ситуации поставщик получает денежные средства от предприятия за поставленное якобы в полном объеме сырье, а кладовщик – материальное вознаграждение за фальсификацию сведений. Как следствие, поставленное на склад предприятия сырье может частично похищаться кладовщиком, а также вступившими с ним в сговор иными работниками предприятия и реализовываться стороннему субъекту хозяйствования либо обратно поставщику на выгодных для него условиях, после чего поставщик снова поставяет похищенное сырье на предприятие, образуя тем самым замкнутый круг.

Искусственное завышение влажности сырья может осуществляться лицами, имеющими доступ к месту его хранения, для увеличения объема и веса сырья при отпуске в производство. В отчете о выдаче такое лицо указывает более низкую влажность, что свидетельствует о большем объеме выданного сырья в производство. Таким образом, появляются неучтенные сырьевые излишки.

Имеет место и неполная выдача сырья должностным лицом в производство иным обманным путем приемщика или вступлением с ним в сговор. Например, кладовщик отпускает сырье в меньшем количестве, а в отчете отражает факт выдачи по установленной норме, например при неисправности весов либо частичном изъятии сырья из упаковки без нарушения ее целостности.

Замена одного вида сырья другим может совершаться кладовщиком, приемщиками или ткачами. В процессе замены в производство отпускается более дешевое сырье, а в отчете отражаются сведения о том, что фактически необходимо оприходовать.

Необоснованное списание сырья или готовой продукции на брак производится на предприятии не единолично. Для этого создается комиссия, которая подписывает соответствующий акт, после чего товарно-материальные ценности снимаются с баланса предприятия, уцениваются и реализуются по заниженной стоимости определенным субъектам хозяйствования. Здесь следует отметить, что руководители предприятия, входящие в комиссию, часто не обременяют себя присутствием при списании сырья или готовой продукции на брак, а лишь формально подписывают акт, тем самым не располагая реальными сведениями. В этой связи заинтересованные члены комиссии после подписания указанного акта осуществляют подмену выбракованных товарно-материальных ценностей на пригодные, после чего расхищают их, скрывая этот факт от членов комиссии, не находящихся в сговоре с преступниками.

Преступная деятельность может быть выражена и в уменьшении плотности ткани при изготовлении продукции с помощью регулирования ткацких станков. На ткацком оборудовании осуществляется растяжение ткани, что дает возможность затрачивать меньшее ее количество, тем самым создавая экономию.

Изменение соотношения волокнистого состава в комбинированных тканях сводится к использованию в большом количестве более дешевого сырья при создании ткани, например полиэстера вместо шерсти, или недобавлению какого-нибудь другого вида сырья в ее состав в нарушение технологии.

Также имеют место пересортица и фальсификация готовой продукции в целях последующей ее реализации по заниженной цене определенному субъекту хозяйствования, у которого имеется договоренность с предприятием. Например, в товарно-транспортную накладную вносятся сведения об отпуске якобы низкосортной продукции, также на ней меняются ярлыки с высокой сортностью на ярлыки с более низкой. Оплата за товар поступает предприятию согласно товаросопроводительным документам, после чего покупатель изменяет сортность продукции на реальную и реализует ее третьим лицам по увеличенной цене.

Сырье может списываться по максимально допустимой норме на расход в соответствии с массой готовой продукции. Однако она не всегда совпадает по весу с затраченным на изготовление сырьем, так как в ходе производства полуфабрикат может подвергаться различным дополнительным обработкам, утяжеляющим товар. Это ведет к тому, что при создании продукции затраты сырья фактически уменьшаются, а масса готового товара увеличивается. Например, выработанная хлопчатобумажная ткань обладает большим весом, чем затраченное сырье, так как указанная ткань подвергается шлихтованию, т. е. нанесению по верх нитей клеящего состава.

Недовложение готовой продукции при отправке грузоотправителю может осуществляться кладовщиком по сговору с грузчиками, наладчиками оборудования. Кладовщик может прибегать к обвесу грузополучателя путем нарушения исправности весов при погрузке готовой продукции. В случае если она измеряется в штучном эквиваленте, кладовщик может частично произвести изъятие готовой продукции, не нарушая целостность ее упаковки.

Приведенные типичные способы совершения хищений на текстильных предприятиях не являются исчерпывающими и подвергаются совершенствованию со стороны преступников. Сходные способы совершения рассматриваемой категории преступлений прослеживаются и на швейных предприятиях со своей спецификой.

Швейное производство позволяет выделить иногда встречающиеся злоупотребления, проявляющиеся в основном при изготовлении продукции по техническому описанию и образцу-эталону с использованием готовой ткани. Швейная продукция должна соответствовать техническому описанию по следующим критериям: внешнему виду образца-эталона, ассортименту тканей и фурнитуры, количеству деталей, размеру, методу изготовления.

В рамках исследуемого вопроса представляет интерес механизм создания излишков ткани на швейных предприятиях, где нарушаются регламенты технологического процесса путем раскроя тканей по лекалам с уменьшенными площадями; упрощения моделей за счет уменьшения количества деталей; фальсификации размеров готовой продукции; нарушения промера ткани; применения для деталей одежды неучтенных отбросов ткани или не подлежащей учету упаковочной ткани.

Раскрой тканей по лекалам с уменьшенными площадями осуществляется закройщиками. При изготовлении готовой продукции в процессе раскроя уменьшается припуск сгиба ткани. За счет этих действий образуются неучтенные излишки сырья, при этом нарушения размера готовой продукции не происходит. Уменьшение расхода сырья осуществляется и при стыковке определенных частей ткани путем уменьшения их настилов либо при использовании ткани в разворот, а не в настил, как требует лекало. Данные действия существенно ухудшают качество готовой продукции.

Определенные действия, связанные с упрощением моделей за счет уменьшения количества деталей, совершаются швеями при изготовлении продукции. Например, на рубашке пришивается вместо двух накладных карманов один в нарушение установленного образца-эталона. При массовом выпуске готовой продукции такая нехитрая операция позволяет существенно экономить сырье, создавая неучтенные излишки.

Фальсификация размеров готовой продукции может осуществляться путем нашивки либо крепления ярлыка со сведениями о большем размере. Данные действия позволяют создать неучтенные излишки за счет учета разницы размеров готовой продукции.

Оборудование, на котором осуществляется промер ткани при выдаче ее в производство, настраивается с определенной погрешностью в сторону увеличения, после чего кладовщик, зная истинное количество ткани в рулоне, изымает невыданную разницу, создавая тем самым неучтенный излишек.

Соккрытие хищений в текстильной и швейной отраслях легкой промышленности неразрывно охватывается умыслом личности преступника при подготовке и совершении вывоза сырья, образовавшегося в результате создания неучтенных излишков либо изготовленной из них готовой продукции. Соккрытие создает предпосылки для возможности дальнейшего продолжения преступной деятельности и неприятия контрмер правоохранительным органом.

При сокрытии рассматриваемых хищений остаются как идеальные, так и материальные следы преступника. Производственный процесс – это непрерывные действия, каждое из которых совершается различными работниками и подтверждается документально. Для того чтобы замаскировать свою преступную деятельность, преступник прежде всего оформляет фиктивные документы, которые впоследствии может уничтожить. Данные действия осуществляются при подготовке и непосредственно при совершении преступления. Например, во время осуществления приемки сырья оформляется фиктивный акт о недостатке, что способствует образованию еще не похищенных излишков. Иным является сокрытие, когда для хищения готовой продукции необходимо осуществить ее вывоз с территории предприятия, для чего оформляется товарно-транспортная накладная на внутреннее перемещение товарно материальных ценностей на другой склад. После выезда с территории предприятия готовая продукция передается определенному субъекту хозяйствования, а товарно-транспортная накладная на внутреннее перемещение уничтожается или сохраняется. Для оперативного сотрудника в такой ситуации остаются идеальные следы, которые можно получить только со слов водителя и лица, оформившего вышеуказанный документ, либо идеальные и материальные следы в виде товарно-транспортной накладной на внутреннее перемещение.

Подводя итоги, представляется необходимым сделать соответствующие выводы:

1. Способ совершения преступления выступает неотъемлемым элементом оперативно-розыскной характеристики экономических преступлений в сфере легкой промышленности, который в совокупности с личностью преступника, предметом преступного посягательства формирует единый механизм преступного поведения. Обозначенный способ характеризуется наличием трех элементов: подготовкой, совершением и сокрытием.

2. При подготовке к совершению хищений в текстильной и швейной отраслях рассматриваемой сферы преступники выбирают сообщников, вовлекают представителей различных субъектов хозяйствования и создают преступную схему, которая строится, как правило, следующим образом: руководители → представители субъектов хозяйствования → начальники цехов → кладовщики → закройщики → швеи → наладчики оборудования → сторожа. Кроме того, на данной стадии похитителями осуществляется вмешательство в технологический процесс предприятий: занижение количества и качества поступившего сырья, искусственное завышение его влажности, неполная выдача в производство и т. д. Способ совершения преступлений вышеуказанной группы осуществляется путем вывоза сырья, образовавшегося в результате создания неучтенных излишков либо готовой продукции, изготовленной из таких излишков. Соккрытие хищений в текстильной и швейной отраслях легкой промышленности происходит как на стадии подготовки, так и на стадии совершения, что выражается прежде всего в оформлении фиктивных документов.

3. Изучение с последующим познанием замаскированных типичных способов совершения хищений вышеотмеченной сферы помогает выработать эффективную методику противодействия им. Рассмотренные способы дают возможность провести классификацию оперативно-розыскных ситуаций, складывающихся в процессе выявления хищений в указанных отраслях легкой промышленности, и определить направления тактических мер для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Список использованных источников

1. Куранова, Э.Д. Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений / Э.Д. Куранова // Вопр. криминалистики. – 1962. – № 6–7. – С. 152–166.

2. Зуйков, Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Г.Г. Зуйков ; ВШ МВД СССР. – М., 1970. – 31 с.
3. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике / Р.С. Белкин. – М. : Юрид. лит., 1988. – 304 с.
4. Уткин, М.С. Особенности расследования и предупреждения хищений в потребительской кооперации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.С. Уткин ; Свердлов. юрид. ин-т. – Свердловск, 1975. – 22 с.

Дата поступления в редакцию: 28.06.18

V.N. Tsynkevich, Postgraduate student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CERTAIN METHODS OF COMMITTING THEFTS IN TEXTILE AND CLOTHING BRANCHES OF LIGHT INDUSTRY

Some methods of committing thefts in the textile and clothing branches of light industry are considered in the article. The views on this issue expressed in the legal literature and the existing approaches in the detective practice are analyzed. Conclusions on the significance of methods of committing the above-mentioned crimes when solving the tasks of detective activity are made.

Keywords: methods of crime commission, embezzlement, clothing and textile branches of light industry, end product, raw material.

УДК 343.985

Ю.М. Юбко, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь;

В.Н. Михневич, старший оперуполномоченный ОБЭП Первомайского РУВД г. Минска

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОВЕРКИ ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ ПО ЗАЯВЛЕНИЯМ (СООБЩЕНИЯМ) О СОВЕРШЕНИИ ХИЩЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Рассматриваются подходы к организации проверки органом дознания по заявлениям (сообщениям) о совершении должностным лицом ЖКХ хищения. На основе анализа действующего законодательства и сложившейся практики деятельности оперативных подразделений территориальных органов внутренних дел рассматриваются особенности организации производства проверки.

Ключевые слова: орган дознания; лицо, производящее дознание; проверка; должностное лицо ЖКХ; фиктивно трудоустроенное лицо; хищение.

С учетом растущих темпов урбанизации, с расширением территорий городов и появлением новых жилых кварталов возрастает нагрузка на предприятия ЖКХ, осуществляющие в том числе уборку территорий (жилищно-эксплуатационные управления, ремавтодоры). Отмеченное обстоятельство ведет к увеличению объемов их финансирования и последующему расширению штата сотрудников, что в ряде случаев влечет увеличение коррупционных рисков. Согласно данным современной правоприменительной практики коррупционные риски в рассматриваемой сфере деятельности проявляются прежде всего в связи с сосредоточением основных управленческих и организационно-распорядительных функций в руках руководителей низшего звена – мастеров бригад и начальников участков. К значимому фактору их возникновения следует отнести также расширение штатной численности бригад, осуществляющих коммунальное обслуживание объектов ЖКХ, что в последующем ведет к осложнению контрольных функций со стороны вышестоящих руководителей предприятий ЖКХ в части осуществления контроля за фактически выполненным объемом работ.

Указанные факторы обуславливают необходимость правильной организации проверки в целом, в том числе порядок производства процессуальных действий органом дознания при поступлении заявления (сообщения) о совершаемом хищении на предприятиях ЖКХ.

Анализ практики органов дознания (ГУВД Мингорисполкома) показывает, что совершение коррупционных преступлений в системе ЖКХ г. Минска наиболее характерно для такого органи-

зационного звена данной структуры, как бригада, а наиболее распространенным способом совершения хищений является фиктивное трудоустройство граждан на должности уборщиков, рабочих по комплексной уборке, рабочих зеленого строительства должностными лицами-мастерами.

Знание наиболее распространенного способа совершения хищения позволяет органу дознания выбрать наиболее эффективный алгоритм действий сотрудника в рамках проверки. При этом очень важно, чтобы действия органа дознания в первую очередь были направлены на документирование противоправной деятельности должностного лица предприятия ЖКХ и на преодоление противодействия проводимой проверке. Последнее обычно проявляется в принятии должностным лицом мер, направленных на сокрытие совершенных преступных действий. Наиболее часто сотрудники органа дознания при возникновении ситуации, обусловленной наличием противодействия, сталкиваются с выдвигаемыми должностным лицом при получении объяснений различными защитными версиями. И данные версии должны быть опровергнуты сотрудниками органа дознания. При этом меры по их опровержению должны быть приняты заранее и до получения объяснений по существу проводимой проверки. Так, в организационном плане проверка должна быть проведена по определенной схеме: 1) получение фактических данных, свидетельствующих о противоправной деятельности должностного лица ЖКХ (объяснения рабочих – членов бригады ЖКХ, сотрудников бухгалтерии ЖКХ и т. п.), которые впоследствии будут являться прямыми доказательствами по возбужденному уголовному делу (Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М.А. Шостака ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – С. 242); 2) получение объяснений от должностного лица по обстоятельствам совершенного преступления. Организация проверки по такой схеме позволит сотруднику органа дознания с учетом имеющейся информации спрогнозировать возможные защитные версии, которые, вероятно, будут выдвинуты должностным лицом ЖКХ, и принять необходимые дополнительные меры для их нейтрализации.

Проведение проверки по заявлениям (сообщениям) о преступлениях рассматриваемой категории следует организовывать групповым методом. Для собирания информации, указывающей на признаки хищения, должны быть привлечены несколько сотрудников органа дознания ввиду необходимости документирования преступной деятельности должностного лица ЖКХ в кратчайшие сроки.

Вместе с тем следует учитывать, что положения ч. 4 ст. 38 УПК допускают применение группового метода только для производства дознания как формы предварительного расследования (Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М.А. Шостака ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – С. 117). В нормах действующего уголовно-процессуального закона отсутствует упоминание о производстве проверки группой сотрудников органа уголовного преследования (п. 22 ст. 6 УПК). С учетом обозначенного законодательного пробела и отсутствием прямого запрета в УПК по данному вопросу представляется целесообразным применение группового метода в процессе проведения проверки, что оправдывается сегодня и практикой деятельности МВД Республики Беларусь, специальных подразделений по борьбе с коррупцией и организованной преступностью ОВД, территориальных ОВД.

Инициатором формирования состава группы лиц (подчиненных ему сотрудников оперативного подразделения) по имеющемуся в производстве заявлению (сообщению) о хищении в сфере ЖКХ будет начальник органа дознания. При этом в состав группы обязательно должен быть включен сотрудник, получивший информацию о совершенном преступлении и осуществляющий работу по данному материалу проверки.

Для соблюдения принципа объективности, полноты и всесторонности проверки и получения качественной доказательственной информации по имеющемуся заявлению (сообщению) сотрудники органа дознания перед началом проведения проверки должны владеть знаниями об особенностях функционирования предприятий ЖКХ, в частности бригад, а также знать должностные обязанности лиц «начальной» управленческой системы – мастеров.

Для детального изучения особенностей проведения проверки органом дознания с учетом отраженной выше посылки логично остановиться подробно на характеристике одного из видов

предприятий ЖКХ – ремавтодоре. И так, начальным штатным подразделением в ремавтодоре является бригада, состоящая из 15–20 уборщиков и мастера, координирующего ее деятельность. Рабочий график работников ремавтодора обычно начинается с 06:00, что обусловлено необходимостью осуществления уборки прилегающей к дорогам территории и остановочных пунктов перед началом работы большинства населения. В данном случае каждый из членов бригады проводит уборку соответствующей территории, закрепление которой за ним чаще всего документально не осуществляется и фиксируется только в рабочих записях мастера бригады. Первый этап рабочего времени работника длится до 12:00, после чего около двух часов отводится на прием пищи и отдых. Затем с 14:00 до 17:00 выполняются обязанности по уборке территории в составе бригады. При этом территория для уборки в составе бригады также определяется мастером с учетом нескольких факторов (погодные условия, социально-экономическая характеристика местности и т. д.). Выходные (два дня) уборщикам территории предоставляется по согласованию с матером бригады. Заработная плата им начисляется, как правило, на банковскую платежную карточку либо на вкладные расчетные счета. При этом выплата наличных денежных средств непосредственно на предприятиях в кассе по ведомостям в настоящее время уже не производится.

Знание особенностей функционирования данного вида предприятия является обязательной составляющей для правильной организации органом дознания проверочных действий в соответствии с требованиями ст. 173 УПК.

Первоначальные действия сотрудников органа дознания в рамках проверки должны быть направлены на действительное установление факта трудоустройства конкретного проверяемого работника ЖКХ. Для этого обоснованно направить запросы в банковские учреждения на получение информации о движении денежных средств по расчетному счету (банковской платежной карточки) как фиктивно трудоустроенного члена бригады, так и должностного лица ЖКХ, осуществившего его трудоустройство. Полученная информация позволит проверяющему установить закономерности снятия денежных средств и порядок пользования банковской платежной карточкой лицами, в отношении которых проводится проверка. При этом сотруднику органа дознания целесообразно для получения отмеченных обстоятельств использовать метод анализа представленной банковскими учреждениями информации.

Так, простейший анализ движения денежных средств по расчетному счету конкретной банковской платежной карточки позволит установить все возможные операции, которые производились с ее помощью непосредственно самим фиктивно трудоустроенным работником и должностным лицом. На противоправные действия данных лиц может указывать информация о снятии денежных средств в одном временном промежутке в конкретном месте (место расположения банкомата). Совпадение мест использования банковской платежной карточки может быть обусловлено выполнением различных расчетных операций на различных торговых объектах (магазины, рестораны, кафе, автозаправочные станции и т. п.) фиктивно трудоустроенного работника и должностного лица ЖКХ.

Производя анализ операций с использованием банковской пластиковой карточки, сотрудник органа дознания обязан также выполнить «привязку» мест ее использования относительно мест проживания должностного лица ЖКХ и фиктивно трудоустроенного лица.

Собирая сведения, которые в перспективе могут быть включены в систему источников доказательств, необходимо обратить внимание на совершение платежей, производимых за коммунальные услуги, услуги средств мобильной связи путем истребования информации из банка (ч. 2 ст. 103 УПК). Полученная информация позволяет установить номер расчетного счета, на который осуществлялась оплата, коммунальных услуг, номер мобильного телефона, за который осуществлялась оплата, и физическое лицо, являющееся их владельцем.

В практической деятельности часто отмечаются случаи, когда начисление заработной платы производится фиктивно трудоустроенному лицу путем перечисления денежных средств на вкладной расчетный счет. В данной ситуации сотрудник органа дознания должен истребовать в банковском учреждении информацию о наличии доверенности на получение денежных средств по вкладному расчетному счету. При наличии доверенности на имя должностного лица ЖКХ сотрудник органа дознания получит сведения, подтверждающие факт причастности того к совершаемому хищению.

Довольно часто складывается ситуация, когда отсутствует доверенность на получение денежных средств и их получение с расчетного счета банковского учреждения производится непосредственно фиктивно трудоустроенным лицом с последующей передачей должностному лицу ЖКХ. В рамках такой ситуации сотруднику органа дознания необходимо произвести анализ частоты эпизодов снятия денежных средств с расчетного счета. Факты их получения с периодичностью один раз в два-три месяца или наличие их «невостребованности» позволяет сотруднику органа дознания прийти к умозаключению о снятии денежных средств фиктивно трудоустроенным лицом по требованию должностного лица ЖКХ.

После анализа сведений о движении денежных средств по расчетному счету фиктивно трудоустроенного лица и установления мест их снятия не следует пренебрегать возможностью получения записей с камер видеонаблюдения банкоматов. Здесь важно учитывать месторасположение банкомата (в часто посещаемых местах записи с камер наблюдения банкоматов будут храниться меньший срок ввиду большей частоты пользования им).

Так, на изъятых записях с камер видеонаблюдения банкоматов могут быть зафиксированы факты:

снятия денежных средств с банковской платежной карточки фиктивно трудоустроенного лица непосредственно должностным лицом ЖКХ;

снятия денежных средств с банковской платежной карточки фиктивно трудоустроенного лица непосредственно самим лицом.

Не следует исключать и тот факт, что может иметь место совместное снятие денежных средств обеими лицами.

Одновременно с анализом сведений о движении денежных средств по расчетному счету фиктивно трудоустроенного лица сотруднику органа дознания необходимо истребовать сведения о его сотовых соединениях. Сведения о движении денежных средств и полученную информацию от сотовых операторов необходимо проанализировать в комплексе.

Таким образом, результаты совместного анализа позволяют:

установить факт нахождения фиктивно трудоустроенного лица на месте предполагаемого выполнения работ по уборке территории, т. е. объективно установить факты выполнения лицом непосредственных должностных обязанностей в конкретно определенном месте, и тем самым доказать, что лицо действительно выполняло (или не выполняло) обязанности согласно штатному административно-территориальному распределению. При этом полученный результат не может быть использован в дальнейшем в процессе доказывания в случае проживания фиктивно трудоустроенного лица в месте предполагаемого выполнения работ;

определить эпизоды общения должностного лица ЖКХ и фиктивно трудоустроенного лица до момента трудоустройства, во время трудоустройства (увольнения) и в периоды пользования банковской платежной карточкой фиктивно трудоустроенного лица (правоприменительная практика свидетельствует, что перед снятием денежных средств с банковской платежной карточки либо с расчетного счета фиксируется наличие звонков между интересуемыми сотрудником органа дознания абонентами);

выяснить нахождение должностного лица ЖКХ и фиктивно трудоустроенного лица в одной «соте» при проведении операций по снятию денежных средств с банковской платежной карточки.

Сведения, полученные в процессе комплексного анализа, также должны быть исследованы совместно с информацией, истребованной из банковских учреждений. Последние, представляя запрашиваемую информацию в орган дознания, прилагают сведения и о месте нахождения адресов устройств и банкоматов, в которых производились операции с банковской платежной карточкой фиктивно трудоустроенного лица.

Результаты анализа всей полученной информации позволяют сотруднику органа дознания использовать ее в дальнейшей работе по материалу проверки, в частности использовать ее в ходе получения объяснений у должностного лица ЖКХ и фиктивно трудоустроенного им лица. Истребованная информация и результаты ее анализа прилагаются к материалам проверки. По возбужденному уголовному делу истребованная информация может быть использована в процессе доказывания.

Одним из последующих действий в ходе проведения проверки после анализа движения денежных средств по счету (или использования банковской пластиковой карточки) и сотовых

соединений проверяемых лиц является получение объяснений у членов бригады, в составе которой якобы осуществляло трудовую деятельность фиктивно трудоустроенное лицо. Перед получением объяснений важно изучить состав бригады, уделив внимание времени трудоустройства каждого члена. Значимо при этом обратить внимание на временной промежуток, в течение которого осуществлялось увольнение кого-либо из членов бригады и оформление фиктивно трудоустроенного лица. При возникновении такой ситуации получение объяснений необходимо осуществлять у уволенных лиц. Ко всему прочему, установочные данные на уволенных работников можно получить путем истребования на предприятии табелей учета рабочего времени. Направляемый запрос должен носить обобщенный характер без указания конкретного номера бригады. Также для всестороннего, полного и объективного получения объяснений у работников бригады на предприятии целесообразно истребовать информацию о границах территории, на которой осуществлялась (осуществляется) уборка бригадами предприятия, утвержденными руководителем. В последующем с использованием программного обеспечения (например «Сити-инфо») следует на бумажном носителе распечатать схемы убираемой территории, отразив на них количество работников, которых необходимо опросить (представляется целесообразным при этом детализировать их установочные данные).

В объяснениях работников предприятия в обязательном порядке необходимо фиксировать: период трудоустройства на предприятие, рабочий график, бригадира и мастера бригады, численность бригады, Ф.И.О. членов бригады (допускается отражение имени), средний возраст членов бригады, границы закрепленной для уборки территории, порядок получения заработной платы. При отражении сведений о закрепленной для уборки территории работнику бригады целесообразно предложить собственноручно отразить на плане-схеме границы территории, на которой проводилась уборка. План-схема прилагается к объяснению опрашиваемого члена бригады ЖКХ. В процессе получения объяснения опрашиваемому лицу целесообразно задавать вопрос о периодическом присутствии в составе бригады посторонних лиц, а также об осуществлении уборки территории непосредственно мастером. Обязательному отражению в объяснении подлежат обстоятельства выполнения работы по поручению мастера бригады, за выполнение которых последним передавались наличные денежные средства. По завершению получения объяснения опрашиваемому члену бригады ЖКХ целесообразно предъявить фотоизображение предполагаемого фиктивно трудоустроенного лица для выяснения вопросов о выполнении им каких-либо работ в составе бригады и в целом на предприятии ЖКХ. Представляется, что после предъявления фотоизображения опрашиваемое лицо должно оставить свою подпись на обратной стороне, удостоверив тем самым факт ознакомления с ним.

После опросов рабочих бригады ЖКХ и получения достоверной информации о факте фиктивного трудоустройства лица должностным лицом ЖКХ сотруднику органа дознания необходимо организовать получение объяснений от должностного лица ЖКХ и у фиктивно трудоустроенного лица. При этом следует констатировать, что информация, полученная в ходе выше рассмотренных проверочных действий, позволит сотруднику органа дознания в процессе получения объяснения у должностного лица ЖКХ исключить вероятность выдвижения последним защитных версий о том, что:

оно самостоятельно выполняло работы вместо предполагаемого фиктивно трудоустроенного лица;

объем работ фиктивно трудоустроенного лица выполняли члены бригады, за что в последующем от должностного лица ЖКХ получали наличные денежные средства в качестве заработной платы;

объем работ фиктивно трудоустроенного лица выполняло иное лицо, официально не трудоустроенное на предприятии ЖКХ, которое и получало денежные средства в качестве заработной платы (включая родственников и знакомых должностного лица ЖКХ).

Получение объяснений от должностного лица ЖКХ и предполагаемого фиктивно трудоустроенного лица необходимо организовать следующим образом. Сначала видится обоснованным получение объяснения от фиктивно трудоустроенного лица, затем – от должностного лица ЖКХ. Данная посылка предполагает соответственно особый порядок вызова данных лиц. Вместе с тем в практической деятельности у отдельных сотрудников бытует мнение о том, что для получения объяснений должностное лицо ЖКХ и фиктивно трудоустроенное лицо следует вызывать

одновременно для недопущения между ними какого-либо общения. При этом сотруднику органа дознания целесообразно при вызове в орган дознания должностного лица ЖКХ и фиктивно трудоустроенного лица использовать зашифрованный повод (например, вызов в подразделения ГАИ, ООПП). Комментируя данное мнение, бытующее на практике, обоснованными видятся следующие соображения. В частности, при получении сотрудниками органа дознания объяснений от отмеченных лиц (одновременно) в некоторой мере исключается возможность использования информации, полученной в ходе дачи объяснения фиктивно трудоустроенным лицом при выяснении обстоятельств механизма совершенного хищения у должностного лица ЖКХ. При вызове лица для дачи объяснения нецелесообразно заострять внимание на его цели, следует отметить посылку общего характера: «для дачи объяснений по материалу проверки». При возникновении возражений со стороны вызываемого лица следует разъяснить ему положения ч. 5 ст. 27 УПК.

Перед получением объяснения надо учитывать, что обычно фиктивно трудоустроенное лицо и должностное лицо ЖКХ находятся в дружеских отношениях и это в некоторой мере может усложнить процесс получения достоверной информации.

Получение объективной информации в процессе дачи объяснения должностным лицом должно строиться по схеме «от общего к частному». Первоначально необходимо выяснить общие сведения в части организации работы бригады, ее численности, графика работы, территории обслуживания, непосредственного трудоустройства лица в ЖКХ, выполнения порученных работ в различные периоды времени, после чего остановиться на конкретном периоде выполнения работ. В данном случае вопросы формулируются относительно графика рабочего времени, получения заработной платы, установочных данных лиц, осуществлявших с ним трудовые обязанности, мест получения инвентаря, границ закрепленной территории и т. п.

В ходе получения объяснения от должностного лица ЖКХ для выяснения объективной картины механизма совершения хищения сотруднику органа дознания следует использовать предварительно полученную информацию, а также объяснения, полученные у опрошенного фиктивно трудоустроенного лица и членов бригады.

В процессе дальнейшего проведения проверки сотруднику органа дознания необходимо истребовать:

оригиналы документов о трудоустройстве фиктивно трудоустроенного лица, а также должностного лица ЖКХ (личное дело, должностные инструкции за период фиктивного трудоустройства);

оригиналы табелей учета рабочего времени фиктивно трудоустроенного лица, которые должны быть изучены и осмотрены на предмет их утверждения и наличия подписей других должностных лиц ЖКХ. Получить объяснения от этих должностных лиц на предмет порядка составления и предоставления табелей учета рабочего времени, а также об их осведомленности о включении в таблицу учета рабочего времени лица, которое фактически не исполняло свои должностные обязанности.

В связи с тем, что в результате фиктивного трудоустройства лица предприятию ЖКХ был причинен ущерб, размер данного вреда исчисляется суммами выплаты лицу заработной платы в период с момента трудоустройства до выявления признаков хищения органом дознания. Сотруднику органа дознания для определения размера хищения необходимо истребовать с предприятия ЖКХ сведения о его размере.

Для обеспечения возмещения ущерба (вреда), причиненного хищением, в процессе проверки сотрудникам органа дознания необходимо истребовать из банковских учреждений и кадастровых агентств сведения о наличии у должностного лица ЖКХ расчетных счетов, вкладов, движимого и недвижимого имущества.

Предложенные действия по организации проверки сотрудниками органа дознания по заявлениям (сообщениям) о хищении в сфере ЖКХ должностным лицом путем фиктивного трудоустройства другого лица позволяют установить и закрепить признаки преступления и принять законное и обоснованное решение о возбуждении уголовного дела.

Дата поступления в редакцию: 07.09.18

Y.M. Yubko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Investigation of Crimes of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; V.N. Mikhnevich, Senior operative of the Economic Crime Department of Pervomaiski district unit of internal affairs of Minsk.

THE ORGANIZATION OF VERIFICATION BY THE BODY OF INQUIRY UPON THE CLAIMS ON EMBEZZLEMENT COMMITTED BY AN OFFICIAL OF THE HOUSING SECTOR

The approaches to organizing verification by the body of inquiry upon the claims on embezzlement committed by an official of the housing sector are discussed in the article. Based on the analysis of the current legislation and the established practice of the activities of the operational units of the territorial bodies of internal affairs, the authors consider the features of the organization of the verification procedure.

Keywords: body of inquiry, a person conducting the inquiry, verification, an official of the housing sector, fictitiously employed person, embezzlement.

УДК 343.98

*В.Д. Янчик, старший эксперт Минского межрайонного отдела Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.
(e-mail: vadim.yanchik@mail.ru)*

**ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА**

Рассматриваются исходные теоретико-правовые положения избранного предмета исследования, включающие обоснование выбора темы, его актуальность, научную и практическую значимость. В процессе исследования применяются общенаучные, частнонаучные и специальные методы познания, а также метод включенного наблюдения.

Исследовательский инструментарий представляет собой материалы для анкетирования и интервьюирования, опроса экспертов по предварительным выводам исследования.

Ключевые слова: экспертно-криминалистическое обеспечение; стадия возбуждения уголовного дела; первоначальный этап расследования уголовного дела; преступления против жизни и здоровья человека, их краткая криминологическая и уголовно-правовая характеристика.

Область криминологии, уголовного права и экспертной деятельности достаточно широка для выбора объекта и предмета исследования. В рамках рассматриваемой темы интерес представляют научные достижения в секторе криминологии, в частности преступления против жизни и здоровья, относящиеся к насильственной преступности [1, с. 500–517].

Насильственную преступность А.И. Долгова определяет как совокупность преступлений, при совершении которых насилие выступает элементом мотивации, а не средством достижения цели. В число таких преступлений автор не включает разбой, грабеж, захват заложников, терроризм и ряд других преступных деяний, где имеет место так называемое инструментальное насилие. Хотя круг насильственных преступлений разнообразен, обширен, но профессиональную заинтересованность вызывают насильственные преступления, где объектом является человек [1, с. 500].

В УК Республики Беларусь к преступлениям против жизни человека относятся: умышленное убийство (ст. 139); убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 140); убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 141); убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 142); убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 143); причинение смерти по неосторожности (ст. 144); доведение до самоубийства (ст. 145); склонение к самоубийству (ст. 146).

К преступлениям против здоровья относятся: умышленное причинение тяжкого телесного повреждения (ст. 147); умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения (ст. 149); умышленное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения в состоянии аффекта (ст. 150); умышленное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 151); умышленное причинение тяжкого телесного повреждения при превышении пределов необходимой обороны (ст. 152); умышленное причинение легкого телесного повреждения (ст. 153); истязание (ст. 154); причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения по

неосторожности (ст. 155); принуждение к даче органов или тканей для трансплантации (ст. 163); нарушение порядка трансплантации (ст. 164); ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей (ст. 165).

В УК Российской Федерации к преступлениям против здоровья человека относятся: побои (ст. 116); угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 119). Относятся к ним же, но отдельно рассматриваются преступления против свободы, чести и достоинства личности: похищение человека, незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрический стационар. Совершение их «соединено с насилием, но насилие, как правило, здесь используется как средство достижения какой-то материальной цели (например, завладение собственностью)» [1, с. 500–501].

Так, в УК Республики Беларусь (как в УК РФ) к преступлениям против личной свободы, чести и достоинства отнесены: торговля людьми (ст. 181); использование рабского труда (ст. 181¹); похищение человека (ст. 182); незаконное лишение свободы (ст. 183); принуждение (ст. 185); угроза убийством, причинение тяжких телесных повреждений или уничтожение имущества (ст. 186). Преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы посвящена гл. 20 УК (ст. 166 «Изнасилование»; ст. 167 «Насильственные действия сексуального характера»; ст. 168 «Половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста»; ст. 169 «Развратные действия»; ст. 170 «Понуждение к действиям сексуального характера»; ст. 171 «Организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией»; ст. 171¹ «Вовлечение в занятие проституцией»).

Как и РФ, так и в Беларуси расследованию преступлений против жизни и здоровья уделяется значительное внимание [2, с. 709–725]. В России криминологи выявили устойчивую тенденцию к росту насильственных преступлений. «Наибольший удельный вес в преступлениях против личности имеют тяжкие преступления против жизни и здоровья, отмечены с середины 70-х гг. прошлого столетия существенные качественные изменения» [1, с. 501]. В руководстве для экспертов органов внутренних дел и юстиции (2003 г.) подробно рассматриваются сложившаяся ситуация в Российской Федерации к тому времени: процессуальные и организационные основы деятельности экспертных учреждений органов внутренних дел; средства и приемы работы с доказательствами; участие эксперта-криминалиста в производстве следственных действий; участие специалиста в проведении оперативно-розыскных мероприятий; назначение и этапы производства экспертизы; использование криминалистических учетов (карточек и коллекций) в процессе решения задач экспертно-криминалистических подразделений и т. д. [3, с. 12–591].

В Беларуси, в свою очередь, статистика по социально-криминологической характеристике преступности свидетельствует об устойчивой тенденции к снижению общего количества регистрируемых преступлений рассматриваемого вида (в 2017 г. (по сравнению с 2016 г.) – на 7,1 %, в том числе тяжких – на 9,9 %, особо тяжких – на 3,7 %; в их числе убийств с покушениями, случаев причинения тяжких телесных повреждений, повлекших смерть, – на 4,3 %; изнасилований и других преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы – на 3,8 %) [4, 5].

В Научно-практическом комментарии к Уголовному кодексу Республики Беларусь, как и в самом УК, по квалифицирующим обстоятельствам и санкциям видно, что наиболее опасными для жизни и здоровья человека являются убийства и причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего. Авторы комментария подробно характеризуют все элементы состава рассматриваемых преступлений, однако не оставляют без анализа и другие преступления против жизни и здоровья.

Относительно заявленного исследования в части противодействия преступлениям против жизни и здоровья человека интерес представляют умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах и причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, а также экспертно-криминалистическое обеспечение расследования данного вида преступлений.

Так, исследование вопросов экспертно-криминалистического обеспечения (ЭКО) на стадиях возбуждения уголовного дела и первоначального этапа расследования преступлений против жизни и здоровья человека позволит выявить закономерности и особенности развития теории и практики ЭКО расследования преступлений против жизни и здоровья человека в новое и новейшее время, изучить современное состояние и определить основание направления, пути и способы повышения эффективности ЭКО как в раскрытии данных видов преступлений, так и в расследовании уголовных дел.

Для решения заявленных вопросов логичным шагом видится разработка научно-обоснованных рекомендаций по повышению эффективности ЭКО, для осуществления которых необходимо решение практического ряда задач:

1. Раскрыть гносеологическую сущность ЭКО на стадиях возбуждения уголовного дела и первоначального этапа его расследования с учетом особенностей, вытекающих из уголовно-правовых и криминолого-криминалистических характеристик преступлений против жизни и здоровья человека.

2. Выявить особенности, исследовать состояние и перспективы правового регулирования ЭКО в целом и на избранных для анализа стадиях в частности.

3. Обеспечить, рассматривая особенности ЭКО на стадии возбуждения уголовного дела, необходимо экспертно-криминалистический анализ и оценку оперативно-розыскной и иной информации, являющейся поводом и основанием возбуждения уголовного дела о преступлениях против жизни и здоровья человека.

На основании результатов анализа эмпирических данных, нормативных правовых положений обоснованно рассмотреть виды и особенности экспертно-криминалистических исследований в процессе осуществления неотложных следственных действий органами дознания по делам о преступлениях против жизни и здоровья человека.

С учетом проведенного анализа можно заключить, что важнейшей задачей исследования определяется следующая: выявить особенности ЭКО работы следственно-оперативных групп, определить взаимодействие их участников при расследовании преступлений против жизни и здоровья человека, что позволит сформировать выводы, составить рекомендации и внести предложения по результатам исследования и представить их в соответствующие подразделения с ориентацией на внедрение в практику и учебно-воспитательный процесс учреждений образования, а также школ повышения профессионального мастерства следователей, экспертов-криминалистов и сотрудников оперативных подразделений.

Список использованных источников

1. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : НОРМА-ИНФРА. – М, 2002. – 848 с.
2. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р.С. Белкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : НОРМА, 2003. – 992 с.
3. Эксперт: руководство для экспертов органов внутренних дел и юстиции / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. – М. : КноРус : Право и закон, 2003. – 592 с.
4. Обобщенные сведения о состоянии преступности, прокурорском надзоре и результатах следственной работы в Республике Беларусь за январь – декабрь 2017 г. – Минск : Аналит. отд. Генер. прокуратуры Респ. Беларусь, 2018. – 50 с.
5. Социально-криминологическая характеристика преступности в Республике Беларусь за 2017 год / Информ. центр МВД Респ. Беларусь. – Минск : ИЦ МВД Респ. Беларусь, 2017. – 10 с.

Дата поступления в редакцию: 27.04.18

V.D. Yanchyk, Senior Expert of Minsk Interdistrict Unit of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus

THE FUNDAMENTALS OF FORENSIC SUPPORT INVESTIGATION OF THE STAGE OF INSTITUTION OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND THE FIRST STAGE OF INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST HUMAN LIFE AND HEALTH

The initial theoretical and legal provisions of the chosen subject of the research, including the explanation of the choice of the topic, its relevance, scientific and practical significance are considered. In the process of research, general scientific, private and special methods of cognition are applied, as well as the participant observation method.

The research instruments are the data of questioning and interviewing of experts on the preliminary research results.

Keywords: expert and forensic support; the stage of institution of criminal proceedings; the first stage of investigation of a criminal case; crimes against human life and health, their brief criminological and legal characteristics.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.97

П.В. Мытник, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: pmytnik@yandex.ru)

СУДЫ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ)

В двух частях

Часть 1

Очередная судебная реформа была проведена в Республике Беларусь в 2013–2014 гг. Одной из целей реформы являлась экономия государственных средств на содержание судебной системы. В юридических процессах (уголовном, хозяйственном и гражданском, производстве по административным делам) предусмотрены меры по экономии бюджетных средств. Альтернативному разрешению юридических конфликтов уделяется внимание как отечественным, так и зарубежным законодателем. Описывается система судов, не входящих в судебную систему Республики Беларусь.

Ключевые слова: альтернативное разрешение юридических споров, закон, истец, ответчик, третьей-ское разбирательство, стороны, суды, судья, уголовный процесс, ускорение.

В соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» с 1 января 2014 г. были объединены Верховный Суд и Высший Хозяйственный Суд. Данное обстоятельство помимо обеспечения единства судебной практики, повышения качества осуществления правосудия, дальнейшего развития специализации судов и судей при рассмотрении дел, улучшения материально-технического и кадрового обеспечения судов преследовало экономию государственных средств.

Проблема ускорения и удешевления уголовного процесса является актуальной для правоприменителей многих государств (Рекомендация № R (87) 11 Комитета министров государствам-членам относительно упрощения уголовного правосудия, которая принята Комитетом министров Совета Европы 17 сентября 1987 г.). Так, например, А.В. Головкин, рассматривая вопросы альтернативы уголовного преследования в современном праве, говорит: «Трудно найти проблему, которая бы волновала западных процессуалистов больше, нежели проблема ускорения уголовного судопроизводства... „Ускорение“ уголовного процесса приравнено по своему значению и месту в уголовно-процессуальной науке к такому „колоссу“, как, например, „доказательственное право“» [1, с. 37].

Вообще предназначение процессуальной экономии состоит в экономичном (быстром, недорогом и простом) и в то же время максимально возможном полном достижении задач, стоящих перед уголовным процессом, а ее суть заключается в достижении результата с наименьшими затратами.

Законодателем в УПК Республики Беларусь 1999 г. изначально было предусмотрено ускоренное производство (гл. 47), в дальнейшем осуществлялось его совершенствование. Сокращенный порядок судебного следствия был предусмотрен ст. 326 УПК (сегодня согласно статистике более 50 % уголовных дел рассматривается в сокращенном порядке).

Несмотря на то, что неотвратимость уголовной ответственности считается одним из необходимых условий успешной борьбы с преступностью, в УК закреплен институт освобождения от уголовной ответственности (ст. 20, 83, 86, 87, 88¹, 89, 95, 118, п. 5 примечаний к гл. 24, примечания

к ст. 290¹, 295, 431 и др.¹). Через призму экономии следует рассматривать и добровольные возмещение ущерба, уплату дохода, полученного преступным путем, устранение вреда, причиненного преступлением; иные действия, направленные на заглаживание такого вреда (п. 3 ч. 1 ст. 63 УК).

Так, Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» в уголовное законодательство (ч. 16 ст. 4 УК) введено понятие «уголовно-правовая компенсация». Данное понятие понимается как мера материального характера, которую лицо, совершившее преступление, согласно принять и обязано исполнить в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности либо обязано исполнить при применении иных мер уголовной ответственности. Правовая компенсация является формой заглаживания вины перед обществом; призвана содействовать исправлению лица, совершившего преступление, восстановлению социальной справедливости; применяется только в случаях, предусмотренных УК.

Указанным Законом УПК дополнен гл. 49¹ «Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве». Появление данного института – своевременный и необходимый шаг на пути развития и повышения эффективности уголовно-процессуального законодательства.

В последние годы в специальной литературе предлагаются меры, направленные на совершенствование института процессуальных издержек при производстве по уголовным делам, при этом они учитываются и законодателем [2, 3].

С учетом сказанного можно прийти к выводу, что экономия государственных средств при производстве по материалам и уголовным делам – это не разовые акции, а общая тенденция.

Процессуальная экономия является одним из принципов хозяйственного процесса (ст. 13 ХПК). Экономии государственных (бюджетных) средств служат примирительная процедура (ст. 1 гл. 17 ХПК), досудебный порядок урегулирования спора (ч. 3 ст. 6 ХПК).

Согласно ч. 3 ст. 6 ХПК если законодательными актами для определенной категории споров или договором установлен досудебный порядок урегулирования спора, спор может быть передан на рассмотрение суда, рассматривающего экономические дела, лишь при условии соблюдения такого порядка.

Примирительная процедура – медиация, проводимая в соответствии с ХПК после возбуждения производства по делу в суде, рассматривающем экономические дела. Примиритель – лицо, назначенное судом, рассматривающим экономические дела, для проведения переговоров между сторонами в примирительной процедуре в суде, рассматривающем экономические дела.

Примиритель может быть назначен в суде, рассматривающем экономические дела, первой, апелляционной, кассационной инстанций по ходатайству одной или обеих сторон либо по инициативе суда, рассматривающего экономические дела.

Согласно ст. 156 ХПК примиритель назначается из числа лиц, занимающих государственную должность в суде, рассматривающем экономические дела, либо из числа медиаторов, иных лиц, привлекаемых на договорной основе, обладающих квалификацией, отвечающей существу возникшего конфликта. Перечень иных лиц и условия их привлечения устанавливаются Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь.

Примирительная процедура нужна для того, чтобы: урегулировать спор в короткие сроки; стороны урегулировали спор самостоятельно; предотвратить нарушение договорных обязательств; стороны нашли компромисс; стороны достигли примирения.

ГПК не содержит аналогичного принципа – процессуальной экономии, вместе с тем и в гражданском процессе уделяется серьезное внимание экономии средств, расходуемых при отправления правосудия. Так, согласно ст. 6 ГПК «отказ от права на обращение в суд недействителен. Однако при взаимном согласии заинтересованных лиц их спор о защите нарушенного или оспариваемого права в установленных законом случаях может быть передан ими на рассмотрение третейского суда... Заинтересованное лицо обязано соблюсти порядок предварительного

¹ При освобождении от уголовной ответственности преследуется не только цель экономии государственных средств.

внесудебного разрешения дела, если в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь для взыскания в бесспорном порядке денежных сумм (задолженности) с должника предусмотрено совершение нотариусом исполнительной надписи, а также в иных случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь». В соответствии с ч. 2 ст. 268 ГПК «проведение судебного заседания или его части вне здания соответствующего суда допускается в случаях, когда это необходимо для повышения воспитательного воздействия судебного разбирательства, существенного снижения судебных издержек, достижения иной процессуальной экономии, а также если осуществление процессуального действия связано с определенным местом». «Стороны могут окончить дело мировым соглашением, в том числе путем проведения медиации в срок, установленный судом» (ч. 3 ст. 61 ГПК). Так, урегулирование конфликта, примирение сторон на разных стадиях процесса, в том числе до его начала и даже на стадии исполнительного производства, влечет снижение количества дел, рассматриваемых государственными судами, а также снижение материальных и финансовых затрат и, как следствие, обеспечивает повышение качества правосудия.

В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 июня 2016 г. № 3 «О примирении сторон при рассмотрении судами гражданских и экономических споров» разъясняется, что «достижение сторонами гражданских и экономических споров примирения, урегулирование и разрешение спора без проведения судебного разбирательства по существу является одним из приоритетных направлений оптимизации судебной нагрузки и дальнейшего совершенствования судебной деятельности».

Итак, отечественный законодатель допускает альтернативное разрешение юридических споров (без обращения в суд общей юрисдикции, т. е. государственный орган).

Экономии бюджетных средств при отправлении правосудия способствуют суды, функционирующие на территории Республики Беларусь, но не входящие в судебную систему государства.

В соответствии со ст. 40 ХПК по письменному соглашению сторон спор, возникающий из гражданских правоотношений и подведомственный суду, рассматривающему экономические дела, до принятия им решения может быть передан сторонами на рассмотрение международного арбитражного (третейского) суда, третейского суда, иного постоянного арбитражного органа. О передаче спора на рассмотрение международного арбитражного (третейского) суда, третейского суда, иного постоянного арбитражного органа выносится определение, которое может быть обжаловано в порядке, установленном ХПК (в апелляционном порядке).

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 16 июня 2003 г. № 208-3 Белорусская торгово-промышленная палата – это «добровольное объединение юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, являющееся негосударственной некоммерческой организацией, созданное в целях содействия развитию предпринимательской деятельности в Республике Беларусь, интегрирования ее экономики в мировую хозяйственную систему, создания благоприятных условий для упрочения внешнеэкономических связей субъектов предпринимательской деятельности с иностранными партнерами». Также Белорусская торгово-промышленная палата является действительным членом Международной торговой палаты, штаб-квартира, которой находится в г. Париже.

Белорусской торгово-промышленной палатой 12 апреля 1994 г. во исполнение принятых Республикой Беларусь международных обязательств как одно из необходимых условий осуществления внешнеэкономической деятельности учрежден Международный арбитражный суд при Белорусской торгово-промышленной палате; определено, что он является постоянно действующим международным арбитражным (третейским) судом. Иными словами, Международный арбитражный (третейский) суд – постоянно действующая арбитражная (третейская) организация или третейский орган, специально образуемый по соглашению сторон спора вне постоянно действующей арбитражной (третейской) организации для рассмотрения соответствующих споров (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 279-3 «О международном арбитражном (третейском) суде» (далее – Закон о международном арбитражном (третейском) суде)). В указанный суд прежде всего обращаются участники внешнеэкономической деятельности, и одной из сторон спора, либо истцом, либо ответчиком, является субъект Республики Беларусь.

В международный арбитражный суд по соглашению сторон могут передаваться гражданско-правовые споры между любыми субъектами права, возникающие при осуществлении внешне-

торговых и иных видов международных экономических связей, если местонахождение или место жительства хотя бы одного из них находится за границей Республики Беларусь, а также иные споры экономического характера, если соглашением сторон предусмотрена передача спора на разрешение международного арбитражного суда и если это не запрещено законодательством Республики Беларусь.

В соответствии со ст. 6 Закона о международном арбитражном (третейском) суде постоянно действующий международный арбитражный суд является негосударственной, некоммерческой организацией, осуществляющей деятельность на возмездной основе. Постоянно действующий международный арбитражный суд является юридическим лицом. Вмешательство государственных судов в деятельность постоянно действующего международного арбитражного суда не допускается, за исключением случаев, предусмотренных названным законом и иными законодательными актами.

Постоянно действующий международный арбитражный суд создается некоммерческой организацией, главная цель деятельности которой – содействие осуществлению внешнеэкономических связей с иностранными юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

Постоянно действующий международный арбитражный суд имеет свой устав и подлежит государственной регистрации в порядке, предусмотренном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 мая 2009 г. № 698 «О государственной регистрации постоянно действующих международных арбитражных (третейских) судов». Органами постоянно действующего международного арбитражного суда являются его председатель и президиум.

Арбитражным соглашением является соглашение сторон о передаче на рассмотрение международного арбитражного суда всех или отдельных споров, которые возникли или могут возникнуть из связывающего стороны правоотношения. Арбитражное соглашение может быть заключено в виде арбитражной оговорки (отдельного положения гражданско-правового договора) или в виде самостоятельного договора.

Арбитром в споре является дееспособное физическое лицо, избранное сторонами спора по их соглашению или назначенное в установленном порядке для разрешения спора. Количественный состав международного арбитражного суда для разрешения спора определяется соглашением сторон, а при отсутствии такого соглашения включает трех арбитров.

Решения постоянно действующего международного арбитражного суда, а также решения международного арбитражного суда для рассмотрения конкретного спора, который находится на территории Республики Беларусь, исполняются в порядке, установленном хозяйственным процессуальным законодательством Республики Беларусь (ст. 44 Закона о международном арбитражном (третейском) суде).

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-З «О третейских судах» «третейским судом является организация, не входящая в судебную систему Республики Беларусь, создаваемая для разрешения споров в виде постоянно действующего третейского суда или третейского суда, образуемого по соглашению сторон для разрешения конкретного спора».

Постоянно действующий третейский суд является некоммерческой организацией либо обособленным подразделением (подразделением) юридического лица.

Государственные органы, в том числе органы местного самоуправления, не могут образовывать третейские суды.

Для создания и деятельности постоянно действующего третейского суда учредители (один из учредителей по соглашению между ними) в случае, когда постоянно действующий третейский суд создается в качестве некоммерческой организации, либо юридическое лицо в случае, когда постоянно действующий третейский суд создается в качестве обособленного подразделения (подразделения) этого юридического лица, должны утвердить регламент постоянно действующего третейского суда, которым определяются порядок его деятельности, правила третейского разбирательства, список третейских судей, содержащий сведения о третейских судьях (дата рождения, образование, специальность, последнее место работы, общий трудовой стаж, стаж работы по специальности, круг вопросов, в сфере которых специализируется третейский судья).

Регламент постоянно действующего третейского суда должен соответствовать типовому регламенту постоянно действующего третейского суда, утвержденному постановлением Совета

Министров Республики Беларусь от 18 января 2012 г. № 52 «Об утверждении Типового регламента постоянно действующего третейского суда».

Постоянно действующий третейский суд, созданный в качестве некоммерческой организации, действует на основании утвержденного его учредителями устава, который должен содержать помимо сведений, установленных законодательными актами Республики Беларусь, сведения о структуре и компетенции органов управления постоянно действующего третейского суда, порядке образования и использования его имущества.

Постоянно действующий третейский суд, созданный в качестве обособленного подразделения (подразделения) юридического лица, действует на основании положения, утвержденного руководителем юридического лица.

Постоянно действующие третейские суды, созданные в качестве некоммерческих организаций, подлежат государственной регистрации. Постоянно действующие третейские суды, созданные в качестве обособленных подразделений (подразделений) юридических лиц, подлежат постановке на учет. Решения постоянно действующего третейского суда, не зарегистрированного или не поставленного на учет в порядке, установленном Законом о третейских судах, не имеют юридической силы и не подлежат исполнению.

Третейский суд для разрешения конкретного спора образуется сторонами третейского соглашения и прекращает свою деятельность с окончанием третейского разбирательства по этому спору.

Третейским соглашением является соглашение сторон о передаче спора на разрешение третейского суда, указанного в соглашении сторон (ч. 1 ст. 9 того же Закона).

Третейским судьей избирается (назначается) физическое лицо, не заинтересованное в исходе дела, являющееся независимым от сторон и давшее согласие на исполнение обязанностей третейского судьи.

Третейский судья, разрешающий спор единолично, должен иметь высшее юридическое образование и стаж работы по юридической специальности не менее трех лет. В случае коллегиального разрешения спора высшее юридическое образование и стаж работы по юридической специальности не менее трех лет должен иметь председатель состава третейского суда, а другие третейские судьи должны иметь любое высшее образование и стаж работы по соответствующей специальности не менее трех лет.

Количество третейских судей для разрешения спора определяется регламентом постоянно действующего третейского суда, третейским соглашением и должно быть нечетным. Если в регламенте постоянно действующего третейского суда, третейском соглашении не определено количество третейских судей, то избираются (назначаются) три третейских судьи.

Формирование состава третейского суда для третейского разбирательства в постоянно действующем третейском суде производится путем избрания третейских судей сторонами, а если стороны не избрали третейских судей – путем назначения третейских судей председателем постоянно действующего третейского суда.

Третейское разбирательство – процесс разрешения спора, который осуществляется третейским судом при наличии третейского соглашения о передаче спора этому третейскому суду.

Третейский суд разрешает любые споры, возникающие между сторонами, заключившими третейское соглашение, за исключением споров, стороной которых является учредитель постоянно действующего третейского суда, созданного в качестве некоммерческой организации, либо юридическое лицо, обособленным подразделением (подразделением) которого является такой третейский суд, а также споров, непосредственно затрагивающих права и законные интересы третьих лиц, не являющихся сторонами третейского соглашения, и споров, которые не могут быть предметом третейского разбирательства в соответствии с законодательством Республики Беларусь или законодательством иностранного государства, если применение законодательства иностранного государства предусмотрено третейским соглашением или иным договором между сторонами.

Решение третейского суда, не исполненное добровольно в установленный срок, подлежит принудительному исполнению.

Принудительное исполнение решения третейского суда осуществляется по правилам исполнительного производства, установленным соответственно гражданским процессуальным или хозяйственным процессуальным законодательством Республики Беларусь, действующим на момент исполнения решения третейского суда, с учетом особенностей, предусмотренных ст. 50 Закона о третейских судах, на основе выданного судом исполнительного документа на принудительное исполнение решения третейского суда (ст. 50 Закона о третейских судах).

Окончание следует

Список использованных источников

1. Головки, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головки. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 544 с.
2. Топорикова, О. Взыскание сумм, израсходованных в связи с розыском лиц, скрывающихся от органов уголовного преследования и суда: проблемы правоприменения / Ольга Топорикова // Юстиция Беларуси. – 2015. – № 1. – С. 46–48.
3. Гридюшко, П. Правовая регламентация возмещения расходов, вызванных выполнением экспертами, специалистами своих обязанностей в уголовном процессе, требует своего совершенствования / П. Гридюшко, Н. Суховенко // Юстиция Беларуси. – 2015. – № 9. – С. 38–42.

Дата поступления в редакцию: 12.11.18

P.V. Mytnik, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Criminal Procedure of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

COURTS OUTSIDE THE JUDICIAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS (IN TERMS OF PROCEDURAL ECONOMY) (Part 1)

In 2013–2014, the regular judicial reform was carried out in the Republic of Belarus, one of the goals of which was judicial system maintenance costs saving. In legal proceedings (criminal, economic, civil, administrative) certain measures are provided for budget savings. Both national and foreign legislators pay special attention to alternative resolution of legal disputes. The system of courts outside the judicial system of the Republic of Belarus is described.

Keywords: alternative resolution of legal disputes, law, claimant, defendant, procedural economy, parties, courts, judge, criminal procedure, acceleration.

УДК 351.74 (476)

М.А. Вакульчик, старший преподаватель кафедры расследования преступлений Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: ma.vakulchik@gmail.com)

ДИАЛЕКТИКА ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ЗАЩИТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются исторические и социально-экономические предпосылки и особенности становления и развития в суверенной Беларуси системы противодействия экономической преступности, изменение государственной стратегии и уголовной политики суверенного государства в управлении силами и средствами противодействия экономической преступности, организации взаимодействия правоохранительных органов, их оперативных и следственных подразделений в борьбе с наиболее опасными общеуголовными и экономическими преступлениями, подрывающими правопорядок и национальную безопасность в экономической сфере.

Ключевые слова: диалектика формирования системы экономической безопасности государства и противодействия экономической преступности; оперативные подразделения правоохранительных органов, формы и методы их внутреннего и межведомственного взаимодействия; оперативные подразделения, их виды и система, экономическая преступность, противодействие экономической преступности.

После изучения теоретико-правового обеспечения взаимодействия правоохранительных органов в защите экономической безопасности государства и противодействию экономической преступности, обоснованным видится вывод о том, что взаимодействие оперативных подразделений правоохранительных органов в противодействии экономической преступности представляет собой основанную на научных данных, законе, подзаконных в ведомственных нормативных правовых актах совместную либо согласованную деятельность оперативных подразделений правоохранительных органов, направленную на решение задач предупреждения, пресечения, выявления и раскрытия преступлений, согласованную по целям, задачам, месту, времени и способам совместных действий, а также силам и средствам, которые предполагается использовать при проведении оперативно-розыскного мероприятия, тактической операции, при задержании и изобличении преступников.

Объединив вопросы экономической безопасности и противодействия экономической преступности, мы отчетливо понимаем, что характер взаимодействия, применяемые формы и методы имеют свои особенности [1].

Так, на рабочей встрече Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко с председателем Комитета государственной безопасности страны В.П. Вакульчиком Глава государства еще раз подчеркнул успехи ведомства в борьбе с коррупцией, при этом отметил, что «не надо забывать, что у Комитета госбезопасности есть специфические проблемы и вопросы... которые никто не может осуществлять, кроме КГБ. Это разведка, контрразведка, антитеррористическая деятельность, защита конституционного строя. Это не снимается. Все это должны понимать и общество в том числе, что Комитет в этом плане работает» [2, с. 2].

Есть свои специфические цели, задачи и особенности деятельности оперативных подразделений и у других правоохранительных органов. Субъекты оперативно-розыскной деятельности, их система, основные положения юридического статуса и компетенция позволяют обеспечивать межведомственное взаимодействие при решении общих задач [2, 3].

По мнению российских ученых, взаимодействие специализированных подразделений субъектов ОРД следует рассматривать в двух аспектах.

В широком смысле – это деловой контакт и слаженная работа различных ведомств в борьбе с преступностью, совместная деятельность по выработке стратегии этой борьбы. В частности, ее результаты должны быть использованы в разработке и координации исполнения федеральных программ по предупреждению и пресечению противоправной деятельности, в реализации решений Президента, Федерального собрания и Правительства Российской Федерации в борьбе с преступностью, коррупцией и терроризмом; взаимодействие представляет собой совместные совещания¹ на разных уровнях, направленные на повышение оперативности взаимного информирования; включение сил обоих ведомств в мероприятия по оперативной проверке, разработке и проведению тактических операций; регулярный обмен опытом борьбы с преступностью, ознакомление с опытом спецслужб как сопредельных, так и иных государств; совместная разработка тактики с учетом масштабов, усложнения структур и системы отношений в сфере организованной преступности; использование в борьбе с организованной преступностью и коррупцией возможностей иных государственных органов², негосударственных предприятий; совместное принятие мер и внесение предложений об устранении условий, способствующих организованной преступности и терроризма.

В узком смысле – это отношения оперативных сотрудников различных ведомств, возникающие в связи с конкретными оперативными проверками на разных стадиях – от получения и оценки исходной информации до планирования и материального, оперативно-технического и силового обеспечения реализации собранных данных (оперативно-тактическое взаимодействие). Для эффективности взаимодействия необходимо ориентироваться на разграничение компетенции между ведомствами.

По форме, например, МВД, Федеральная служба безопасности (ФСБ), Федеральная служба налоговой полиции (ФСНП), Государственный таможенный комитет (ГТК) России выполняют сходные функции: проводят разведывательно-поисковые мероприятия, направленные на сбор сведений об организованной преступности и коррупции, преступных сообществах и для этого организуют оперативное проникновение в их структуры; создают банки информации, анализируют деятельность преступных сообществ; ведут оперативную проверку и разработку членов и лидеров преступных сообществ; обеспечивают изобличение коррумпированных лиц в органах власти и управления; осуществляют сбор информации и меры противодействия проникновению преступных формирований зарубежных стран на территорию России; проводят мероприятия по защите интересов России при заключении договоров на экспорт и импорт продукции, документируют деятельность преступных сообществ, имеющих международные связи; осуществляют постоянный сбор информации о всех криминально активных лицах (авторитеты уголовно-преступной сферы, теневой экономики, «воры в законе», международные аферисты и финансовые махинаторы), способных организовать преступные группы, осуществить подкуп должностных лиц в учреждениях власти и управления; документируют действия и связи; пресекают попытку использования организованных преступных групп в террористической и экстремистской деятельности; проводят комплексные целевые операции.

У названных ведомств единое правовое и криминальное пространство, единые цели и задачи, и в рамках этого нужно найти разграничение для того, чтобы была видна персональная ответственность за конкретные участки работы. Если существует проблема контрабанды и есть ведомства, подразделения, ответственные за ее решение, то это должно быть четко обозначено. В то же время это не означает, что если данным вопросом занимается служба безопасности и ее структуры, то это не касается МВД или ГТК. Но поток информации в этом случае должен идти в

¹ В Республике Беларусь на всех уровнях проводятся межведомственные координационные совещания, в том числе республиканские. Именно на республиканских координационных совещаниях принимаются перспективные, среднесрочные и годовые программы по борьбе с преступностью, заслушиваются отчеты о их выполнении и результатах взаимодействия.

² В Беларуси накоплен опыт участия различных государственных органов в работе Межведомственной комиссии по борьбе с преступностью, коррупцией и наркоманией при Совете Безопасности Республики Беларусь, который успешно применяется и в работе республиканских координационных совещаний [3, с. 68–71].

сторону именно службы безопасности. И так по каждому направлению. Существование элементов параллелизма – нормальное явление в практике всех спецслужб в цивилизованном мире. Это проявление здоровой конкуренции, которая не дает возможности развиваться монополизму в оперативно-розыскной деятельности. Конкуренция не должна нарушать основных принципов оперативно-розыскной работы, не должна расшифровывать негласных сотрудников, не должна мешать проведению тех или иных оперативно-тактических операций.

Приведенные данные российских ученых имеют значение и актуальны на всем постсоветском пространстве, но со многими бывшими союзными республиками международное сотрудничество по различным причинам не носит системного характера, а взаимодействие оперативных подразделений удается наладить от случая к случаю и только в рамках Союза Республики Беларусь и Российской Федерации, СНГ, Таможенного союза [4–7].

Следует отметить, что внутри государства между министерствами и ведомствами, уполномоченными осуществлять оперативно-розыскную деятельность, взаимодействие оперативных подразделений получило существенное развитие, несмотря на то, что в ст. 13 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» лишь постулируется, что «органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при выполнении задач оперативно-розыскной деятельности в пределах своей компетенции взаимодействуют между собой в соответствии с настоящим Законом и иными актами законодательства».

В Республике Беларусь поистине уникальными стали межведомственные и ведомственные нормативные правовые акты, например Инструкция о порядке взаимодействия прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства, утвержденная постановлением Генеральной прокуратуры, Следственного Комитета, МВД, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Министерства обороны, Комитета государственного контроля, Комитета государственной безопасности, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 26 декабря 2016 г. № 36/278/338/77/42/17/32/17/28/24, а также ряд нормативных правовых актов, имеющих ограничительный гриф «для служебного пользования».

Входящие в предмет комплексного исследования закономерностей становления и развития институционально-правовой основы защиты экономической безопасности государства и противодействия экономической преступности в концептуальном плане предложения будут реализованы в открытых публикациях.

Список использованных источников

1. Басецкий, И.И. Опыт координации противодействия преступности в Республике Беларусь / И.И. Басецкий, М.А. Вакульчик // Оперативник (сыщик). – 2017. – № 4. – С. 68–71.
2. Слагаемые государственной безопасности: материалы рабочей встречи с Александром Лукашенко председателя КГБ Валерия Вакульчика // СБ. Беларусь сегодня. – 2018. – 3 мая. – С. 2.
3. Берестень, В.И. Коррупция и теневая экономика как системная угроза национальной безопасности / В.И. Берестень // Теория и практика обеспечения экономической безопасности в Республике Беларусь : материалы науч.-практ. конф., Минск, 14 дек. 2012 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; под общ. ред. А.В. Яскевича. – Минск, 2013. – С. 16–20.
4. Аتماжитов, В.М. Меры противодействия экономической преступности – важнейшее средство обеспечения экономической безопасности государств в Союзе Российской Федерации и Республики Беларусь : науч.-практ. пособие / В.М. Аتماжитов, И.И. Басецкий. – Новгород : Нижегород. Акад. МВД РФ, 2004. – 107 с.
5. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шуилова. – М. : ИНФРА-М, 2001. – 794 с.
6. Вишневский, А.А. Перспективные направления деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь и Российской Федерации по обеспечению экономической безопасности государства / А.А. Вишневский // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2016. – № 2. – С. 73–76.
7. Есяян, А.К. Международное сотрудничество стран – участниц СНГ, ЕврАзЭС, ШОС по предупреждению преступлений в сфере обеспечения экономической безопасности / А.К. Есяян // Междунар. публич. и част. право. – 2011. – № 1. – С. 16–20.

Дата поступления в редакцию: 28.05.18

M.A. Vakulchik, Senior Lecturer of the Department of Crime Investigation of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE DIALECTIC OF THE LAWS OF THEORETICAL AND LEGAL SUPPORT INTERACTION OF OPERATIONAL LAW ENFORCEMENT UNITS IN PROTECTION OF ECONOMIC SECURITY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Historical and socio-economic background and peculiarities of formation and development of the system of combating economic crime in the sovereign Belarus, change of the state strategy and criminal policy of a sovereign state in managing the forces and means of combating economic crime, organization of cooperation of law enforcement agencies, their task and investigative units in the fight against the most dangerous common and economic crimes undermining law and order and national security in the economic sphere are considered.

Keywords: dialectics of formation of the state system of economic security and combating economic crime; task units of law enforcement agencies, forms and methods of their internal and interdepartmental cooperation; task units, their types and system, economic crime, combating economic crime.

УДК 342.92 + 343.37

М.А. Кравцова, кандидат юридических наук, доцент кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: marina-005@tut.by);

Ю.Н. Гаркуша, оперуполномоченный отдела по борьбе с экономическими преступлениями УВД администрации Московского района г. Бреста

О ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СФЕРЕ ОБОРОТА ПОДАКЦИЗНЫХ ТОВАРОВ

Рассматриваются общественные отношения, складывающиеся в сфере правонарушений, связанных с оборотом подакцизных товаров. Определяются роль и место норм об ответственности за указанные правонарушения. Подчеркивается, что вовлечение в оборот фальсифицированных алкогольных напитков пагубно воздействует на здоровье нации, представляет социальную и демографическую опасность, а также негативно отражается на экономической безопасности государства.

Ключевые слова: подакцизные товары, оборот, правонарушения, административная ответственность, акциз, контроль.

Сегодня проблемы охраны и укрепления здоровья нации и особенно вопросы противодействия злоупотреблению населением алкогольными напитками, табакокурению находятся в сфере национальных интересов и четко и непрерывно контролируются на государственном уровне.

Незаконный оборот товаров вообще и подакцизных товаров в частности представляет серьезную угрозу экономической безопасности любого государства. Регулирование импорта алкогольной продукции вызвано не только экономическими интересами государства, но и спецификой наступающих последствий у населения от употребления алкоголя, что связано с необходимостью обеспечения социальной и демографической безопасности государства в целом. Употребление недоброкачественных алкогольных напитков (в том числе ввезенных) или использование алкогольной продукции, изготовленной на основе ввезенного сырья ненадлежащего качества, а также вовлечение в оборот фальсифицированных алкогольных напитков вызывают пагубное воздействие на здоровье нации [1]. Так, с учетом степени возможных последствий как для государства, так и для здоровья граждан за некоторые правонарушения в сфере производства алкогольной и пищевой спиртосодержащей продукции установлены значительные размеры административной ответственности.

Незаконный оборот подакцизных товаров и продукции наносит ущерб целой сфере социально-экономических отношений: производственных, торговых, инвестиционных, бюджетных, внешнеэкономических, социальных и экологии [2]. В этой связи значительный интерес представляет анализ развития правового регулирования в рассматриваемой сфере для поиска путей совершенствования законодательства на современном этапе и снижения риска приобретения некачественных товаров подакцизной группы.

Сама тема незаконного оборота подакцизных товаров была и остается актуальной. Общие криминологические аспекты данного вопроса рассматривались в работах А.Ю. Арефьева, А.И. Долговой, В.В. Лунеева, Б.В. Волженкинина, В.В. Колесникова, Г.А. Тосуняна, В.Е. Эминова, А.М. Яковлева, П.С. Яни и др.

Непрерывное обеспечение безопасности данной сферы отношений является не только обязательным условием нормального функционирования определенного круга хозяйствующих субъектов, но и неременным условием общей экономической безопасности страны. В связи с этим обеспечение всестороннего контроля со стороны государства за незаконным оборотом подакцизных товаров и продукции является важной и необходимой функцией [1].

Основным нормативным правовым актом, регулирующим производство и оборот алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта, является Закон Республики Беларусь от 27 августа 2008 г. № 429-З «О государственном регулировании производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта», который направлен на совершенствование правовых и организационных основ государственного регулирования в сфере производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта в Республике Беларусь.

К основным мерам государственного регулирования производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта относятся: лицензирование этой деятельности; установление квот на производство алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта; установление требований к качеству и безопасности алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта; регулирование цен на алкогольную продукцию; установление акцизов на алкогольную, непивную спиртосодержащую продукцию и непивный этиловый спирт; маркировка алкогольных напитков акцизными марками, и (или) специальными марками, и (или) специальными знаками; закрепление за государством исключительного права на осуществление импорта алкогольной продукции и т. д.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь подакцизными товарами являются спирт; алкогольная продукция; непивная спиртосодержащая продукция в виде растворов, эмульсий, суспензий, произведенных с использованием этилового спирта из всех видов сырья, иных спиртосодержащих продуктов; пиво, пивной коктейль; слабоалкогольные напитки с объемной долей этилового спирта более 1,2 % и менее 7 % (слабоалкогольные натуральные напитки, иные слабоалкогольные напитки), вина с объемной долей этилового спирта от 1,2 % до 7 %; табачные изделия; автомобильные бензины; дизельное топливо и дизельное топливо с метиловыми эфирами жирных кислот и др. Ранее к ним относились и люксовые товары (автомобили).

Государственное регулирование производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта – это устанавливаемая законом система мер по определению порядка производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта и обеспечению контроля (надзора) за соблюдением законодательства Республики Беларусь в области производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта на территории Республики Беларусь.

Акцизная марка Республики Беларусь – документ с определенной степенью защиты, предназначенный для маркировки произведенных в Республике Беларусь или ввозимых на территорию Республики Беларусь алкогольных напитков. Специальная марка – марка, предназначенная для маркировки подакцизных товаров, задержанных или изъятых правоохранительными и контролирующими органами, а также конфискованных либо обращенных в доход государства иным способом.

При обороте подакцизных товаров в количестве, превышающем разрешенное законодательством, кроме акцизных марок и (или) специальных марок у физического лица должны быть документы, подтверждающие легальность приобретения подакцизных товаров, к которым относятся кассовые и товарные чеки, накладные и иные установленные законодательством документы.

Административная ответственность за правонарушения, связанные с подакцизными товарами, предусмотрена Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях:

нарушение порядка оборота, перемещения, транзита алкогольной, непищевой спиртосодержащей продукции, непищевого этилового спирта, табачного сырья и табачных изделий (ст. 12.23); несоблюдение требований по проверке подлинности акцизных марок Республики Беларусь и специальных марок на табачных изделиях и алкогольных напитках (ст. 12.24); незаконное перемещение, хранение табачных изделий и алкогольных напитков, производство, переработка, хранение, перемещение непищевой спиртосодержащей продукции, этилового спирта, табачного сырья, реализация этой продукции, спирта, сырья и алкогольных напитков (ст. 12.27).

К административной ответственности за совершение правонарушений, предусмотренных ст. 12.27 КоАП, могут быть привлечены физические лица, не являющиеся должностными лицами юридических лиц, или работники индивидуального предпринимателя. Физические лица, являющиеся должностными лицами юридического лица (индивидуального предпринимателя), за ввоз, перевозку, хранение алкогольных и табачных изделий могут быть привлечены к ответственности по ст. 12.23 КоАП.

Так, согласно статистике единого государственного банка за период с 1 января 2018 г. по 9 октября 2018 г. к административной ответственности по ст. 12.23 КоАП привлечено 211 физических и 29 юридических лиц, на которых наложены штрафы в размере 357 761,48 рублей. За аналогичный период по ст. 12.24 КоАП привлечено 26 человек, а по ст. 12.27 количество привлеченных лиц возросло до 2 431, наложено штрафов в размере 601 236,24 рублей.

Точно подсчитать потери от незаконного оборота подакцизных товаров и продукции достаточно сложно, а данное явление наносит серьезный экономический, общественно-политический ущерб, влечет негативные социальные последствия. Незаконный бизнес, связанный с извлечением доходов от неправомерной реализации подакцизной продукции, приводит к поступлению на рынок недоброкачественных товаров, нарушению прав потребителей, способствует формированию криминального рынка и в конечном счете влечет нелегальный оборот материальных и финансовых ресурсов [1, с. 21].

Государство по-прежнему предпринимает меры для предупреждения преступлений и иных правонарушений в сфере оборота алкогольной продукции, но часто они являются малоэффективными. Такая ситуация связана с тем, что в сфере оборота алкогольной продукции государством утрачена монополия. В современных условиях требуется активизация борьбы с преступлениями и иными правонарушениями в сфере оборота алкогольной продукции, в связи с чем возрастает значимость высокой профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов к решению обозначенной достаточно сложной задачи [5, с. 5].

Кроме того, с учетом опасности употребления фальсифицированных алкогольных напитков ответственность за изготовление, сбыт либо использование поддельных подакцизных марок Республики Беларусь предусмотрена лишь по ст. 261¹ УК Республики Беларусь. Само преступление выражается в совершении альтернативных действий, имеющих разную величину общественной опасности, что учтено законодателем путем указания о них в различных частях ст. 261¹ УК, которые имеют несовпадающие санкции. Так, в ч. 1 комментируемой статьи указаны изготовление и сбыт поддельных акцизных марок, а в ч. 2 ст. 261¹ УК – использование заведомо поддельных акцизных марок, и за его совершение предусматривается более строгое наказание, чем за изготовление или сбыт.

Оборот – экспорт, импорт, хранение алкогольной, непищевой спиртосодержащей продукции и непищевого этилового спирта, оптовая и (или) розничная торговля ими.

Фальсифицированные алкогольные напитки – алкогольные напитки с умышленно измененными их производителем (изготовителем) и (или) лицом, вовлекающим данные напитки в оборот, составом, свойствами и характеристиками, информация о которых, представляемая указанными лицами, является заведомо неполной и недостоверной.

Тем не менее предусмотренные меры ответственности за нарушение требований законодательства в сфере производства алкогольной и непищевой спиртосодержащей продукции не останавливают отдельных физических лиц и субъектов предпринимательской деятельности, вовлекающих в нелегальный оборот значительные объемы алкогольной и непищевой спиртосодержащей продукции.

Развитие в Республике Беларусь информационных технологий, систем и ресурсов интернета повлияло на то, что граждане и субъекты хозяйствования все активнее используют его для

реализации подакцизных товаров, чем затрудняют работу по выявлению и пресечению правонарушений в данной области.

Анализ правоприменительной практики в рассматриваемой сфере показывает, что наиболее распространенными правонарушениями, выявленными специальными органами в сфере оборота алкогольной и иной спиртосодержащей продукции, являлись ввоз в Республику Беларусь, перевозка, хранение и реализация физическими лицами алкогольных напитков, не маркированных в установленном порядке акцизными марками Республики Беларусь; торговля алкогольными напитками без документов, подтверждающих легальность их приобретения (поступления) и отпуск в реализацию; перемещение и хранение физическими лицами непивной спиртосодержащей продукции в объемах, превышающих разрешенные законодательством (более 5 л).

Таким образом, на основании проведенного исследования и анализа правоприменительной практики можно заключить, что рынок подакцизных товаров и продукции представляет собой значительный финансовый сегмент потребительского рынка страны. Однако в целях недопущения появления на рынке некачественной продукции и теневого оборота алкогольных напитков необходимо усилить меры государственного контроля над производством и оборотом алкогольной продукции. В этой связи представляется целесообразным установление института ответственности юридических лиц в УК Республики Беларусь, а также в рамках профилактических мероприятий расширение обмена информацией и положительным опытом между государственными институтами уголовного преследования и органами, осуществляющими контроль и надзор за оборотом подакцизных товаров и продукции, обмен по вопросам предупреждения незаконного оборота алкогольной продукции. Предлагаемые меры будут способствовать более эффективному противодействию незаконному обороту табачной и алкогольной продукции.

Список использованных источников

1. Борьба по пресечению оборота алкоголя неизвестного происхождения продолжается [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novopolotsk.by/content/view/5789/>. – Дата доступа: 02.10.2018.
2. Еременко, М.А. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с незаконным оборотом подакцизных товаров и продукции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М.А. Еременко; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2013. – 27 с.
3. Вишневский, А.А. Финансовое право : курс лекций / А.А. Вишневский, И.В. Сауткин, С.М. Тихоненко. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 266 с.
4. Переверзев, М.А. Предупреждение преступлений и иных правонарушений в сфере оборота алкогольной продукции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.А. Переверзев ; Нижегор. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2002. – 22 с.

Дата поступления в редакцию: 07.09.18

M.A. Kravtsova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Economic Security of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; Y.N. Garkusha, Security officer of the Department for Combating Economic Crimes of the Department of Internal Affairs of the Administration of the Moscow District of Brest

ABOUT OFFENSES IN THE FIELD OF EXCISE DUTY TURNOVER OF GOODS

We consider the public relations, folding in the field of offenses related to the turnover of excisable goods. The role and place of the norms on responsibility for the specified offenses is determined. It is emphasized that the involvement in the circulation of counterfeit alcoholic beverages causes a detrimental effect on the health of the nation, represents social and demographic security, and also negatively affects the economic security of the state.

Keywords: excisable goods, turnover, offenses, administrative responsibility, excise, control.

КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.1

*Я.П. Алексина, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, старший следователь Октябрьского районного отдела г. Минска Следственного комитета Республики Беларусь
(e-mail: Yana_89Aleksina@mail.ru)*

ИНСТИТУТ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ С ОСВОБОЖДЕНИЕМ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Проводится историко-правовой анализ норм уголовного и уголовно-процессуального права, регламентирующих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности на протяжении становления белорусского законодательства. Приводятся взгляды ученых-процессуалистов в отношении проблемы прекращения производства по уголовным делам в рассматриваемые периоды. Анализ истории и правовых взглядов позволили выявить истоки сложившегося в современном периоде института прекращения производства по уголовным делам с освобождением от уголовной ответственности.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, прекращение производства по уголовному делу, примирение с потерпевшим, уголовное преследование.

Исследование современного уголовно-процессуального института «прекращение производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности» нацеливает на изучение и осмысление исторического развития данного института, отдельных форм его проявления, определение его места среди других институтов и уголовно-процессуальных понятий для повышения эффективности его нормативного закрепления и практической реализации.

Первые заслуживающие внимания попытки законодательной регламентации отношений, связанных с освобождением от уголовной ответственности, нашли отражение в Краткой редакции Русской Правды, где допускались обычаи кровной мести в случае убийства, оскорбления и побоев, «расправы с ночным вором» [1, с. 7]. Одновременно с мезтью существовал выкуп, так называемая плата за обиду. Выкуп излагался в Русской Правде в виде формулировок «столько-то гривен за голову», «столько-то гривен за обиду» и по сути являлся частью процедуры примирения [2, с. 282–283].

В первом систематизированном источнике уголовного права на территории Беларуси – Судебнике Казимира 1468 г. отсутствовали нормы об освобождении от уголовной ответственности и наказания в случае виновности преступника. Так, в ст. 12 Судебника прямо запрещалось освобождать преступника от наказания: «А над злодеем милости не надобе» [3, с. 27].

Самое большое влияние на совершенствование и формирование права этого периода оказали Статуты ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг., в которых нашли отражение положения об освобождении от ответственности и наказания в случае примирения с пострадавшим и (или) возмещения материального ущерба даже при совершении тяжких преступлений. Примирение заключалось в форме «еднанья» – соглашения между потерпевшим и преступником о неприменении наказания при соблюдении ряда условий, установленных сторонами [4, с. 77]. Само примирение заключалось перед свидетелями («паны едначи»), которые подписывались на «еднальном листе», чье содержание зависело от условий примирения [5, с. 264].

Таким образом, в раннефеодальном государстве на территории Беларуси правовые мысли о прекращении производства и освобождении от уголовной ответственности существенного развития не получили. Судебник Казимира 1468 г. прямо запрещал освобождать преступника

от ответственности и наказания. Только в период действия Статутного законодательства ВКЛ фактически произошло зарождение правового института освобождения от уголовной ответственности и наказания, появились новые признаки таких условий освобождения от уголовной ответственности, как возмещение ущерба, заглаживание преступного вреда, примирение с потерпевшим. Однако порядок ведения уголовного процесса все еще не был закреплен в письменной форме, судебные органы государства руководствовались правом, основанном на местных обычаях. Отдельные процессуальные аспекты освобождения от уголовной ответственности регулировались при примирении с потерпевшим в виде составления «еднального листа».

С вхождением белорусских земель в состав Российской империи в 1772–1795 гг. на белорусское законодательство распространили свое действие нормы российского уголовного права. В гл. 4 Уложения «О смягчении и отмене наказания», утвержденном Указом в 1845 г. (далее – Уложение) впервые законодательно выделены две относительно самостоятельные группы условий, влекущих смягчение и полную отмену наказания. Первая группа условий, при которых «наказание может быть уменьшаемо и смягчаемо», содержалась в ст. 153 Уложения. В качестве одного из оснований было указано: «когда преступник, явившийся сам собою в суд с повинною, или даже и взятый к допросу по подозрению, не только учинит полное чистосердечное признание в своем преступлении и укажет всех своих сообщников, но, сверх того... предупредит исполнение другого злого умысла...». Вторая группа условий содержалась в ст. 155 Уложения и содержала перечень оснований, когда «наказание вовсе отменяется»: за смертью преступника; вследствие примирения с обиженным; вследствие давности.

Отмена наказания «вследствие примирения с обиженным» могла иметь место только в судебном порядке после рассмотрения дела по существу и вынесения приговора по делу. Лицо, совершившее преступление, признавалось виновным, что подтверждалось приговором суда, и при условии, что примирение состоялось до начала исполнения приговора, освобождалось от ответственности. Несмотря на то, что ответственность неотделима от наказания, формулировка «примирение состоялось до начала исполнения приговора» указывает, что стадия исполнения наказания еще не начата. Необходимо отметить, что виновное лицо освобождалось от ответственности и, как следствие, от наказания. Примирение допускалось только по делам, по которым подана жалоба частного лица (перечень которых был строго регламентирован и являлся исчерпывающим), т. е. по делам частного обвинения. Отсутствие заинтересованности в освобождении от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, и, соответственно, в формировании норм, регулирующих порядок освобождения от уголовной ответственности на более ранних стадиях уголовного процесса, было связано с тем, что процесс носил розыскной характер, основная цель которого – наказание виновного лица.

Следующим этапом развития рассматриваемого института исполнения наказаний является издание Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями и Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС). С принятием этих нормативных правовых актов на законодательном уровне были закреплены положения о предварительном следствии и решениях, принимаемых на данной стадии уголовного процесса.

Так, в ст. 277 УУС говорится о том, что производство следствия может быть прекращено только судом. Когда судебный следователь не найдет оснований продолжить следствие, то, приостановив производство, испрашивает на прекращение дела разрешение суда через прокурора.

В приведенной норме законодателем была предпринята попытка регламентировать порядок прекращения производства по уголовному делу, однако не определены основания, при возникновении которых производство прекращается. По мнению А.А. Квачевского, к таким основаниям следует относить условия прекращения уголовного преследования, изложенные в ст. 16 УУС, а также отсутствие в деянии признаков преступления и недоказанность вины лица, на которое падает подозрение [6, с. 534]. Также ст. 16 УУС установлено, что «судебное преследование в отношении уголовной ответственности обвиняемого не может быть возбуждено, а начатое подлежит прекращению по следующим основаниям: за смертью обвиняемого; за истечением сроков давности; за примирением с обиженным в указанных законом случаях; за высочайшим указом или общим милостивым манифестом, дарующим прощение». Итак, в положениях указанной статьи впервые употреблен термин «судебное преследование», понимаемое как процессуальная деятельность прокуроров, судебных следователей и судебных органов различной функциональной

направленности: предварительное следствие, предание суду и поддержание обвинения в суде, рассмотрение дела по существу [7, с. 17].

Прекращение судебного преследования за примирением с потерпевшим допускалось только по делам частного обвинения и не связывалось с необходимостью обязательного возмещения вреда, причиненного преступлением.

Инициатива постановки вопроса о прекращении уголовного преследования по законным основаниям во время производства предварительного следствия принадлежала следователю, который в этом случае должен был представить дело через прокурора в Окружной суд, от которого зависело разрешение вопроса о его прекращении. Прокурор направлял дело в суд со своим заключением о прекращении следствия, составляемым в письменной форме с изложением фактической стороны дела и прокурорского мнения. Само решение о прекращении уголовного дела могло быть принято до судебного разбирательства в форме определения о прекращении дела [8, с. 540].

Очередным этапом развития процессуальных норм о прекращении производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности становится советский период. Правовые нормы об освобождении от уголовной ответственности эффективно использовались уже в первых декретах советской власти для борьбы с опасными преступлениями: взяточничеством, дезертирством, незаконным обладанием оружием. Так, например, ст. 6 Декрета СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» предусматривала возможность освобождения от преследования за дачу взятки. Здесь шла речь о специальных основаниях освобождения от уголовной ответственности отдельных субъектов (взятодатель; лица, дезертировавшие из армии и добровольно сдавшие оружие). Специальные виды освобождения от ответственности содержали общие условия – деятельное раскаяние и явка с повинной.

Появление в отдельных уголовно-правовых актах (декреты и постановления) специальных видов освобождения от уголовной ответственности уже свидетельствовало о зарождении идеи исправления лиц, совершивших преступление, без применения к ним наказания, однако окончательного осмысления необходимости комплексного института освобождения от уголовной ответственности на данном этапе не произошло. Специальные виды освобождения от ответственности закрепились в отдельных правовых нормах и стали применяться в зависимости от социально-политической обусловленности политики государства (борьба с дезертирством, сдача незаконно хранящегося оружия, воспитание несовершеннолетних и т. д.).

Впервые категория «освобождение от уголовной ответственности» была использована законодателем в Декрете СНК РСФСР от 17 октября 1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ». В примечании к п. 10 указанного Декрета уточнялось, что такой вид освобождения применялся исключительно в качестве специального: за хранение оружия, взрывчатых веществ, воинского снаряжения, телеграфного имущества и при условии их добровольной сдачи.

Значительным шагом в формировании института освобождения от уголовной ответственности и процессуальных форм его регламентации стало принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», утвержденных Законом СССР от 25 января 1958 г., в соответствии с ним – УК БССР и УПК БССР от 29 декабря 1960 г. Так, впервые в заголовке и тексте Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик было употреблено понятие «освобождение от уголовной ответственности». Таким образом, правовой институт освобождения от уголовной ответственности начал активно развиваться. Постепенно происходит разделение двух институтов: освобождения от уголовной ответственности и освобождения от уголовного наказания.

В частности, УК БССР определил общие виды освобождения от уголовной ответственности: освобождение вследствие изменения обстановки (ст. 48), освобождение с передачей в товарищеский суд (ст. 49), освобождение с передачей лица на поруки (ст. 501), освобождение несовершеннолетних с передачей дела в комиссию по делам несовершеннолетних (ч. 3 ст. 10). Впоследствии УК БССР был дополнен новым видом рассматриваемого правового института – освобождением от уголовной ответственности с привлечением к административной.

Что касается процессуальной регламентации освобождения от уголовной ответственности, то в ст. 208 УПК БССР указывалось, что при наличии оснований, указанных в ч. 3 ст. 10, ст. 48–50 УК БССР, уголовное дело прекращается. В ст. 6 было предусмотрено право суда, прокурора, а также следователя и органа дознания с согласия прокурора, не возбуждая уголовного дела, передать материалы на рассмотрение товарищеского суда или комиссии по делам несовершеннолетних

либо передать виновного на поруки коллективу трудящихся или общественной организации для перевоспитания и исправления.

В рассматриваемый период институт прекращения предварительного расследования с освобождением от уголовной ответственности подвергается активному научному осмыслению. В научной среде сложилось четкое понимание того, что общим и непременным условием прекращения производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности является то обстоятельство, что факт совершения преступления и виновность лица, в отношении которого решается вопрос о прекращении уголовного дела, должны быть установлены и доказаны в ходе предварительного расследования. Например, по мнению Н.А. Якубовича, основания, предусмотренные ст. 6–9 УПК РСФСР, влекут прекращение дела в связи с возможностью освобождения виновного от уголовной ответственности и замены уголовного наказания мерами общественного воздействия. Основным требованием выступает утрата общественной опасности деяния или совершившего его лица либо незначительность общественной опасности деяния и наступивших последствий [9, с. 112].

Итак, анализ приведенных правовых норм указывает на то, что законодатель стремился к достижению цели исправления и перевоспитания лиц, совершивших преступления, путем не уголовно-правового принуждения, а посредством использования общественного воздействия. При этом еще одной предпосылкой становления и развития правового института освобождения от уголовной ответственности являлся тот факт, что большинство совершаемых преступлений относились к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности, граничащих с административными правонарушениями, не представляющими большой общественной опасности.

На данном этапе формировалась и процессуальная форма освобождения от уголовной ответственности, закрепленная в уголовно-процессуальном законодательстве в виде прекращения производства по уголовному делу. Нормы, регламентирующие прекращение производства по уголовному делу в связи с освобождением от уголовной ответственности, в рассматриваемый исторический период еще не были сформированы в отдельный правовой институт. Процессуальный закон хоть и отсылал к нормам уголовного закона, регулирующего условия освобождения от уголовной ответственности, но в полной мере не регламентировал основания и порядок прекращения производства по уголовному делу в связи с освобождением от уголовной ответственности.

С распадом СССР и обретением Республикой Беларусь независимости изменились принципы и задачи уголовной политики. На первый план выдвигается задача защиты личности, ее прав и свобод. С принятием нового уголовного законодательства все больший интерес вызывают институты, направленные на восстановление нарушенных прав граждан и одновременно экономию процессуальной деятельности.

С принятием УК Республики Беларусь 1999 г. фактически начался следующий этап развития рассматриваемого правового института. Сегодня действующим в уголовном законодательством упразднены некоторые виды освобождения от ответственности: освобождение с передачей дела в товарищеский суд; с передачей виновного на поруки; с передачей дела в комиссию по делам несовершеннолетних. Впервые появились нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим.

В УПК Республики Беларусь 1999 г. отдельная норма (ст. 30 «Прекращение производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности») посвящена общим основаниям прекращения производства по уголовным делам с освобождением от уголовной ответственности на всех стадиях уголовного процесса. Порядок и особенности прекращения производства на каждой стадии уголовного процесса содержатся в соответствующих главах УПК.

Таким образом, сформированный в советском уголовном процессе институт освобождения от уголовной ответственности нашел отражение в нормах уголовно-процессуального права в виде прекращения производства по уголовным делам. С развитием белорусского уголовно-процессуального законодательства появились отдельные правовые нормы, регламентирующие основания и порядок прекращения производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности, расширился круг субъектов, имеющих право освободить лицо от уголовной ответственности на стадии предварительного расследования. На современном этапе развития уголовного процесса анализируемый институт в уголовно-процессуальном законодательстве представлен в виде системы правовых норм. Его содержание в целом соответствует первостепенным задачам государства, наметившейся тенденции оптимизации мер уголовной

ответственности и упрощения уголовного процесса, но отдельные вопросы требуют комплексного теоретико-правового исследования.

Таким образом, комплексное изучение правового института задаст вектор для его дальнейшего реформирования, что позволит расширить практику применения анализируемого института в деятельности следственных органов.

Список использованных источников

1. Волынская, О.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы / О.В. Волынская. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2007. – 351 с.
2. Сергеевич, В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В.И. Сергеевич ; под ред. В.А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2004. – 488 с.
3. Судебник Казимира 1468 г. – Вильнюс : Минтис, 1967 г. – 36 с.
4. Довнар, Т.И. Уголовное право феодальной Беларуси (XV–XVI вв.) : учеб. пособие / Т.И. Довнар, В.А. Шелкопляс. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1995. – 96 с.
5. Демченко, Г.В. Наказание по Литовскому Статуту в его трех редакциях (1529, 1566 и 1588 гг.) / Г.В. Демченко. – Киев : Тип. имп. ун-та Св. Владимира, 1894. – 284 с.
6. Квачевский, А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года : теорет. и практ. рук. : в 3 ч. / А.А. Квачевский. – СПб. : Тип. Ф.С. Суцинского, 1869. – Ч. 3 : О предварительном следствии. – 534 с.
7. Мазюк, Р.В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве / Р.В. Мазюк. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 216 с.
8. Случевский, В.К. Учебник русского уголовного процесса: судоустройство – судопроизводство / В.К. Случевский. – 4-е изд., доп. и испр. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 670 с.
9. Якубович, Н.А. Окончание предварительного следствия / Н.А. Якубович ; Всесоюз. научн.-исслед. ин-т криминалистики при Прокуратуре ССР. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1962. – 147 с.

Дата поступления в редакцию: 11.09.18

Y.P. Aleksina, Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Senior Investigator of Oktyabrsky District Department (Minsk city) of the Investigative Committee of the Republic of Belarus

INSTITUTION OF TERMINATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS WITH THE DISCHARGE FROM CRIMINAL LIABILITY: HISTORY AND DEVELOPMENT

The author of article suggests historical and legal analysis of the norms of criminal and criminal procedural law, regulating to the grounds and procedure for the discharge from criminal liability during the formation of the Belarusian legislation. The views of the scientists in the sphere of Criminal Procedural Law regarding the problem of the termination of criminal proceedings in the periods under review are given. Analysis of the history and legal views made it possible identify the origins of the existing institution of termination of criminal proceedings with the discharge from criminal liability.

Keywords: discharge from criminal liability, termination of criminal proceedings, compromise with the victim, criminal prosecution.

УДК 343.8

С.Л. Гайкович, магистр юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: sgaykovich@mail.ru)

ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ КАК СПОСОБ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Рассматривается институт изменения условий отбывания лишения свободы в качестве одного из основных элементов прогрессивной системы исполнения наказания. Анализируется роль реализации принципа дифференциации исполнения наказания в процессе исполнения лишения свободы.

Ключевые слова: лишение свободы, условия отбывания наказания, дифференциация, исправительное учреждение.

Принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания и иных мер уголовной ответственности закрепляется в УИК Республики Беларусь (ст. 6). Суть данного принципа заключается в том, что к различным категориям осужденных в зависимости от тяжести совершенных ими преступлений, формы вины, пола, возраста, поведения в процессе отбывания наказания карательное и исправительное воздействие применяется в различном объеме. Одним из видов дифференциации исполнения лишения свободы является распределение осужденных по соответствующим видам ИУ с установлением различных условий отбывания наказания [1, с. 108]. Также обозначенный принцип является основой для реализации так называемой прогрессивной системы исполнения наказания, представляющей собой совокупность норм, регулирующих изменение условий отбывания, характер этих преобразований в зависимости от достижения осужденными определенной степени исправления и отбытия установленного законодательством срока. При этом необходимо иметь в виду, что изначальное распределение осужденных по видам ИУ к реализации прогрессивной системы не относится, так как вид учреждения и условия режима, в которых осужденный будет отбывать лишение свободы, назначаются судом. Следовательно, прогрессивная система относится к стадии исполнения наказания.

Институту изменения условий отбывания наказания наряду с реализацией основной задачи уголовно-исполнительного законодательства присущ ряд второстепенных функций. С учетом практики работы и анализа литературы к таковым, как видится, необходимо отнести следующие: закрепление результатов исправительного процесса, стимулирование полезной активности и проявления инициативы, а также создание условий для успешной ресоциализации осужденных на свободе.

Рациональной представляется позиция О.Н. Зверевой, согласно которой специфика стимулирующего воздействия изменения условий отбывания наказания заключается в побуждении осужденного к выполнению установленных законом обязанностей на должном уровне [2, с. 110]. Здесь важно учитывать также тот фактор, что осужденные принудительно содержатся в ИУ, из чего следует отсутствие гарантий добровольного выполнения ими режимных требований.

На современном этапе элементы прогрессивной системы исполнения наказания в виде лишения свободы являются стимулом правомерного поведения осужденных, способствуют развитию социально полезных связей и образуют основу построения правильных ценностных ориентаций для осужденных. Однако несмотря на стимулирующий характер поощрительной направленности института изменения условий отбывания лишения свободы среди осужденных имеется категория, представители которой, отбывая наказание в ИУ, не реагируют на применяемые в отношении их средства исправления и оказывают активное противодействие воспитательному процессу, при этом направляя свои действия на дестабилизацию оперативной обстановки в частности и функционирования учреждения в целом. На законодательном уровне в отношении таких лиц предусмотрена система поэтапного возрастания степени применяемых правоограничений.

Формы названной системы применимы для всех исправительных колоний, а ее реализация зависит от вида учреждения и режима отбывания наказания, установленного в исправительной колонии. Такого рода различия преследуют определенные цели. В данном случае – стимулирование правомерного поведения осужденных и постепенную подготовку к жизни в условиях свободы.

В научной тематической литературе используются термины «элемент прогрессивной системы» и «изменение условий содержания осужденных» [3, с. 199]. В этой связи представляется, что прогрессивная система в целом построена на изменении условий отбывания наказания осужденными в зависимости от их поведения, отношения к применяемым средствам исправления и достигнутых результатов. При этом полагаем целесообразным обозначить, что характерным признаком элемента прогрессивной системы является универсальность его применения, т. е. он должен применяться ко всем осужденным определенной группы, характеризующимся той или иной степенью исправления (например, признанные ставшими на путь исправления).

По этой причине в качестве элементов прогрессивной системы не могут рассматриваться следующие переводы осужденных:

перевод на обычные условия лиц, которые за злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания были переведены в помещение камерного типа в исправительных колониях для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, исправительных ко-

лониях для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, а также осужденных, содержащихся в обычных жилых помещениях исправительных колоний особого режима;

перевод в исправительной колонии особого режима в помещения камерного типа лиц, ранее переведенных в одиночные камеры за нарушение установленного порядка отбывания наказания;

перевод осужденных в тюрьме со строгого режима на общий, если они ранее были переведены на строгий режим в порядке применения меры взыскания;

перевод из тюрьмы в исправительную колонию лиц, которые ранее были переведены в тюрьму за злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания.

Не является также элементом прогрессивной системы предоставление осужденным права передвижения без конвоя или сопровождения за пределами ИУ. Тем не менее указанное право может быть применено к осужденным, признанным ставшими на путь исправления. На первый взгляд обязательное требование о необходимости достижения обозначенной степени исправления при решении вопроса о предоставлении права бесконвойного передвижения создает впечатление, что предоставление права передвижения без конвоя есть самостоятельный элемент прогрессивной системы. Однако данный тезис является не совсем верным. Передвижение без конвоя или сопровождения разрешается в исключительных случаях осужденным за преступления, не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие преступления, впервые осужденным за тяжкие преступления по отбытии ими не менее одной четверти срока наказания и распространяется только на время выполнения работ в пределах определенной территории или по определенному маршруту, сказано: «...если это необходимо по характеру выполняемой осужденными работы» (ч. 1 ст. 90 УИК). Категория лиц, передвижение которых без конвоя или сопровождения не допускается, обозначена в ч. 3 ст. 90 УИК. Также в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных постановлением МВД Республики Беларусь от 20 октября 2000 г. № 174, определены местности и населенные пункты, в которых запрещено реализовывать данное право. Следует учитывать, что лимит числа осужденных, которым может быть разрешено передвижение без конвоя или сопровождения, ограничен и устанавливается по согласованию с Департаментом исполнения наказаний. Следовательно, исключительное предоставление права передвижения без конвоя не дает нам оснований для рассмотрения его в качестве элемента прогрессивной системы. Вместе с тем представляется обоснованным и логичным внесение в законодательство изменений, предусматривающих применение данной меры автономно от производственной необходимости и ее рассмотрение в качестве самостоятельного направления изменения условий отбывания лишения свободы в зависимости от поведения осужденного. Таким образом, введение указанной нормы в последующем станет промежуточным этапом применения перевода в исправительную колонию-поселение либо замены неотбытой части наказания более мягким.

В целом элементы прогрессивной системы, применяемые в ИУ, реализуются в двух формах: в пределах одного ИУ; путем перевода из одного ИУ в другое.

Первой и ключевой формой реализации отмеченной системы является изменение условий отбывания наказания в рамках ИУ. В исправительных колониях данные изменения осуществляются посредством увеличения объема льгот либо, наоборот, применения в отношении лица ряда правоограничений. К элементам, улучшающим правовое положение осужденных в пределах ИУ, относятся следующие: перевод на улучшенные условия содержания осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, исправительных колониях для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, исправительных колониях особого режима; перевод осужденных из помещений камерного типа исправительной колонии особого режима в обычные жилые помещения.

Так, об ограничении прав осужденных в рамках ИУ идет речь в случае отмены улучшенных условий содержания; перевода осужденных из обычного жилого помещения исправительной колонии особого режима в помещение камерного типа; перевода осужденных, признанных злостно нарушающими установленный порядок отбывания наказания, содержащихся в исправительных колониях для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, исправительных колониях для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, а также осужденных, содержащихся в обычных жилых помещениях исправительных колоний особого режима, в по-

мещения камерного типа на срок до шести месяцев; перевода осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима в помещениях камерного типа, в одиночные камеры на срок до шести месяцев, а в тюрьмах – на строгий режим на срок от двух до шести месяцев. Таким образом, по факту спектр элементов прогрессивной системы, реализуемых в пределах одного ИУ, является весьма разноплановым. Следовательно, в данном случае можно сделать соответствующий вывод о том, что администрация ИУ обладает широким объемом полномочий и мер воздействия на осужденного с целью стимулирования у последнего правомерного поведения.

Ко второй форме реализации прогрессивной системы относится изменение условий отбывания лишения свободы путем перевода из одного ИУ в другое. И в данном контексте предполагаются следующие варианты: перевод из тюрьмы в исправительную колонию; перевод из исправительной колонии особого режима в исправительную колонию для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, с отбыванием наказания в условиях строгого режима; перевод из исправительных колоний для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, и исправительных колоний для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, в исправительную колонию-поселение; перевод из исправительной колонии-поселения в исправительную колонию того вида и в условиях того режима, которые были ранее определены судом; перевод из исправительной колонии-поселения, в которую они были направлены по приговору суда, в исправительную колонию для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, или исправительную колонию для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, с отбыванием наказания в условиях общего режима; перевод из исправительной колонии для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, и исправительной колонии для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, в тюрьму на срок не свыше трех лет.

Следовательно, реализация прогрессивной системы в форме перевода из одного ИУ в другое по ширине вектора не уступает изменению условий в пределах учреждения. Из этого следует, что любой элемент прогрессивной системы действует в совокупности с другими. Каждый предыдущий элемент создает условия для применения последующего, создавая четкую систему отбывания наказания. В этом и заключается смысл прогрессивности.

Подводя итог, следует отметить, что реализация принципа дифференциации посредством изменения условий отбывания наказания нацелена на стимулирование правомерного поведения осужденных к лишению свободы. Таким образом, достижение осужденными определенной степени исправления либо злостное нарушение ими установленного порядка отбывания наказания – одно из фундаментальных оснований для применения элементов прогрессивной системы.

В процессе исполнения лишения свободы дискуссионным является вопрос соотношения карательной и исправительной составляющих. Это требует проведения оптимизации механизма воспитательного воздействия, усиления роли мотивации правомерного поведения осужденных и их личной заинтересованности в достижении определенной степени исправления. Реализация обозначенной позиции возможна лишь при комплексном и последовательном преобразовании такого института лишения свободы, как изменение условий отбывания наказания, являющегося важным элементом прогрессивной системы. При этом, осуществляя указанную реорганизацию, целесообразно руководствоваться нормами международных документов: Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсоны Манделы) и Европейских пенитенциарных правил.

Список использованных источников

1. Янчук, И.А. Отдельные вопросы правового регулирования системы социальных лифтов, применяемой в исправительных учреждениях ФСИН России / И.А. Янчук // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 1. – С. 107–111.
2. Зверева, О.Н. Реализация принципа индивидуализации наказания при исполнении лишения свободы / О.Н. Зверева, С.Н. Смирнов. – Рязань : Акад. права и упр. ФСИН, 2006. – 153 с.
3. Российский курс уголовно-исполнительного права учебник : в 2 т. / Е.А. Антонян [и др.] ; под ред. В.Е. Эминова. – М. : МГЮА им. О.Е. Кутафина : Элит, 2012. – Т. 2 : Особенная часть. – 696 с.

Дата поступления в редакцию: 24.08.18

S.L. Gaikovich, *Master of Juridical Sciences, Lecturer at the Department of Criminal Executive Law of the Criminal Executive Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

CHANGING THE PENALTIES OF DENYING PUNISHMENT AS A METHOD OF DIFFERENTIATION OF EXECUTION OF PUNISHMENT AS A DEPRECIATION OF FREEDOM

The article examines the institution of changing the conditions of serving the deprivation of liberty as one of the main elements of the progressive system of execution of punishment. The role of implementing the principle of differentiating the execution of punishment in the process of execution of the deprivation of liberty has been studied.

Keywords: deprivation of liberty, conditions of serving punishment, differentiation, correctional institution.

УДК 343.8

А.А. Жук, *ад'юнкт навучна-педагагічнага факультэта Акадэміі
МВД Рэспублікі Беларусь
(e-mail: alex.zhuk82@gmail.com)*

**ИСПОЛНЕНИЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ И ТЮРЬМАХ
В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ, ОСТАВЛЕННЫХ ДЛЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ**

Изучаются вопросы правового регулирования исполнения и отбывания уголовного наказания в следственных изоляторах и тюрьмах уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь. Рассматриваются особенности режима содержания и регулирования труда исследуемой категории осужденных в СИЗО и тюрьмах с учетом законодательства Республики Беларусь. Предпринимается попытка аргументировать предложения по компенсации определенными льготами условий отбывания наказания осужденным, занятым хозяйственным обслуживанием.

Ключевые слова: уголовное наказание, требования режима, труд, хозяйственное обслуживание, льготы, компенсация.

Перечень ИУ, предназначенных для исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, закреплен ст. 64 УИК Республики Беларусь. К таковым законодателями отнесены исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения и следственные изоляторы. Кроме содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей СИЗО выполняют функцию ИУ в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

Осужденные к лишению свободы, в отношении которых приговор вступил в законную силу, по общему правилу отбывают наказание в ИУ в условиях соответствующего режима. В ряде случаев (ч. 4–6 ст. 67 УИК) возникает необходимость оставления осужденного в СИЗО несмотря на то, что приговором суда ему назначено отбывание наказания в ИК. Все осужденные, отбывающие наказание в отрядах по хозяйственному обслуживанию СИЗО и тюрем, впервые попали в учреждения строгой изоляции от общества; многие из них, находясь на свободе, имели законный заработок и определенное социальное положение, не каждый вел преступный образ жизни до совершения преступления.

В рамках заявленной темы интерес представляет случай, закрепленный ч. 1 ст. 67 УИК. Указанной нормой предусматривается оставление осужденных к лишению свободы в СИЗО или тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию. В частности, в ч. 1 данной статьи указывается, что осужденные к лишению свободы на срок не свыше семи лет с отбыванием наказания в условиях общего или усиленного режимов, ранее не отбывавшие наказание в виде лишения свободы, с их согласия могут быть оставлены в СИЗО или тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию. Оставление осужденных в СИЗО или тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию связано с тем, что до сих пор законодателем так и не предусмотрена какая-либо альтернатива сложившейся практике. Осужденные выполняют в основном тяжелую физическую неквалифицированную работу (раздатчики пищи, грузчики, уборщики), которая непрестижна и малооплачиваема.

Итак, СИЗО – комплекс зданий и сооружений различного назначения, для нормального функционирования которых требуется обслуживающий хозяйственный персонал. Этим персоналом и являются осужденные, занятые хозяйственным обслуживанием.

Следовательно, сотрудники СИЗО и тюрем несут ответственность за состояние и эффективность работы по исправлению лиц, оставленных для хозяйственного обслуживания этих учреждений. Права и свободы, определенные Конституцией Республики Беларусь, в том числе право на труд и его охрану, со стороны ИУ (СИЗО или тюрьма) гарантируются осужденным на протяжении всего срока отбывания наказания.

Вообще УИС Республики Беларусь включает 34 учреждения, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, в том числе 6 СИЗО и 3 тюрьмы.

Режим – одно из основных средств исправления осужденных к лишению свободы, действует во всех ИУ и в отношении всех категорий осужденных. Не являются исключением в этом отношении и осужденные, оставленные для хозяйственного обслуживания СИЗО и тюрем. Режим, установленный в ИУ, – гарант надлежащего исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий соблюдение прав и обязанностей осужденных, исполнение ими своих обязанностей, их изоляцию. Обеспечение режима возложено на администрацию и сотрудников учреждений УИС, для которых законом установлена ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей [1].

По внутреннему содержанию, задачам и воздействию на сознание и поведение осужденных именно режим существенно влияет на образ жизни человека, является сильным средством для достижения целей осуществляемого принуждения.

С учетом того, что исправительно-воспитательный процесс соединяет уголовное наказание и исправительно-воспитательное воздействие, при сопровождении (воплощении) данного процесса необходимо выявить приемлемое соотношение исправительных и воспитательных компонентов, воздействующих на осужденных. Определение такого соотношения практически значимо в отношении всех категорий осужденных к лишению свободы, в том числе лиц, занятых хозяйственным обслуживанием СИЗО и тюрем. Более полно раскрываются воспитательные средства воздействия в УИК Республики Беларусь, предоставляется возможность выбора этих средств применительно к тому или иному случаю для получения более значимых результатов.

Представляется, что любое ужесточение режимных требований, необходимое с точки зрения достижения целей наказания, должно сопровождаться мерами по гуманизации и индивидуализации наказания с учетом подробного изучения личности осужденного. Однако трудно добиться существенного результата в исправлении и воспитании осужденных, если режимные требования противопоставлять педагогическому воздействию.

Анализ практики исполнения лишения свободы в отношении осужденных, занятых хозяйственным обслуживанием СИЗО и тюрем, показывает, что одним методом запрета, требованиями соблюдать режим трудно добиться исправления осужденных. При установлении и исполнении запретов необходимо помнить и о том, что побудительные мотивы к исполнению основной обязанности формируются не столько под влиянием возможности применения государственно-принудительных средств, сколько в результате действия духовных и материальных стимулов, которые обеспечиваются, в свою очередь, целой системой позитивных обязываний, дозволений и запретов [2, с. 19].

Для достижения целей наказания важно осуществить такое воздействие на личность осужденного, которое бы заставило его изменить антиобщественные установки, заинтересовало в исправлении, соблюдении требований режима. Для этого необходимо использовать в воспитательном процессе комплекс различных методов воздействия на осужденных [3].

В соответствии со ст. 73 УИК основными требованиями режима лишения свободы являются:

- обеспечение охраны и изоляции осужденных;
- постоянный надзор за ними;
- исполнение возложенных на них обязанностей;
- реализация их прав и законных интересов;
- личная безопасность осужденных и персонала;
- раздельное содержание разных категорий осужденных;
- различные условия содержания в зависимости от вида ИУ, назначенного судом;
- изменение условий отбывания наказания.

Выполняемая осужденными из отряда хозяйственного обслуживания работа предполагает некую особенность реализации основных требований режима. Если обратиться к изоляции осужденных, то она проявляется в пределах особенностей режима СИЗО или тюрьмы. Осужденные, оставленные в СИЗО и тюрьмах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, содержатся на условиях, предусмотренных для лиц, отбывающих наказание в ИК общего или усиленного режима (ст. 118 и 119 УИК). Когда речь идет об условиях общего режима, то осужденным к такому наказанию разрешается:

ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости денежные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере шести базовых величин;

иметь три краткосрочных и три длительных свидания в течение года;

получать четыре посылки или передачи и две бандероли или два мелких пакета в течение года.

В условиях усиленного режима осужденным к лишению свободы с отбыванием наказания в ИК разрешается:

ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости денежные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере пяти базовых величин;

иметь три краткосрочных и два длительных свидания в течение года;

получать три посылки или передачи и две бандероли или два мелких пакета в течение года.

Перевод осужденных к лишению свободы с отбыванием наказания в условиях общего или усиленного режима на улучшенные условия содержания дает право на получение дополнительных свиданий, посылок или передач и предоставляет возможность дополнительно расходовать денежные средства в установленных законом пределах.

Для поддержания родственных и социально полезных связей осужденным, оставленным в СИЗО для хозяйственного обслуживания, предоставляются краткосрочные и длительные свидания. Краткосрочные свидания проводятся на территории учреждения, предоставляются для общения с родственниками или иными лицами; их продолжительность – четыре часа; они проводятся в присутствии уполномоченного сотрудника СИЗО или тюрьмы. Длительные свидания с правом совместного проживания предоставляются осужденным с близкими родственниками; их продолжительность – до трех суток, с проживанием в специально оборудованном помещении на территории учреждения.

Следующая форма поддержания связей осужденных к лишению свободы с внешним миром – получение посылок, передач и бандеролей осужденными, оставленными в СИЗО или тюрьме для хозяйственного обслуживания (ст. 84 УИК). Максимальный вес посылки или бандероли определяется Правилами оказания услуг почтовой связи, действующими на всей территории Республики Беларусь. Правила внутреннего распорядка ИУ регламентируют порядок получения осужденными посылок (передач) и бандеролей.

Еще одним юридическим основанием для поддержания осужденными социально полезных связей с родственниками и знакомыми являются переписка и оказание финансовой помощи осужденным и родственникам (ст. 85 УИК). Осужденные, оставленные в СИЗО и тюрьмах для хозяйственного обслуживания, могут получать и отправлять письма и телеграммы без ограничения за свой счет. Получение и отправление ими писем производится только через администрацию СИЗО и тюрем. Корреспонденция, адресованная осужденным, доставляется в СИЗО и тюрьмы в общем порядке и вручается адресату после проверки.

Также осужденные могут получать и отправлять денежные переводы близким родственникам, а с разрешения администрации – и другим лицам. Поступающие денежные переводы в адрес осужденных зачисляются на их лицевые счета, о чем осужденные уведомляются администрацией учреждения.

Практика показывает, что в СИЗО можно наблюдать отличие элементов режима отбывания наказания лицами, привлеченными к хозяйственному обслуживанию, в сторону усиления по сравнению с ИК. Система режимных требований, применяемая в одинаковом объеме ко всем категориям осужденных, отбывающих наказание в ИК в условиях общего или усиленного режима, должна быть идентичной и при применении ее в отношении осужденных, занятых хозяйственным обслуживанием СИЗО и тюрем.

Осужденные отрядов хозяйственного обслуживания в СИЗО и тюрьмах содержатся в общежитиях. Однако оборудование остальных помещений этих учреждений и то обстоятельство, что

осужденным приходится выполнять свои трудовые обязанности в режимных корпусах, камерах, создают условия более строгой изоляции по сравнению с ИК. Основную часть времени такие осужденные проводят в режимной зоне учреждения, где сосредоточены рабочие объекты, функционирующие при их участии.

Режимная зона и хозяйственный двор, где размещаются склады, овощехранилище, гараж, мастерские и другие вспомогательные помещения, разделяются просматриваемыми коридорами и оборудованы инженерно-техническими средствами охраны. На территории изолированных участков СИЗО и тюрем обычно размещается спортивная площадка.

Таким образом, осужденные, оставленные в СИЗО и тюрьмах для работы по хозяйственному обслуживанию, подвергаются большей изоляции по сравнению с отбывающими наказание в ИК, что предполагает предоставление дополнительных льгот и свобод для данной категории осужденных.

Практика показывает, что осужденным, занятым хозяйственным обслуживанием СИЗО и тюрем, компенсации условий содержания какими-либо льготами не предусмотрено, что вызывает необходимость в исправлении такого правового дисбаланса.

В данном случае представляется возможным включение компенсации:

в форме зачета одного года работы в отряде хозяйственного обслуживания за один год и три месяца лишения свободы в ИК;

предоставление поощрительного краткосрочного отпуска с выездом либо разрешение на проведение за пределами учреждения выходных и праздничных дней (как стимул к правопослушному поведению осужденных, способный сыграть важную роль в поддержании или восстановлении социально полезных связей, а также подготовке к условно-досрочному освобождению).

Но при этом важно помнить, что применение указанных льгот и свобод возможно только в отношении положительно зарекомендовавших себя осужденных, которые реально стремятся к исправлению и досрочному освобождению.

В соответствии с положениями ст. 192 УИК осужденные, освобождаемые от наказания, имеют право на трудовое и бытовое устройство и получение других видов социальной помощи в соответствии с законодательством Республики Беларусь. В связи с данным положением у администрации СИЗО и тюрем по отношению к осужденным, отбывающим наказание в отрядах по хозяйственному обслуживанию, закреплена ряд обязанностей. Так, администрация СИЗО и тюрем, исполняющих наказание в отношении рассматриваемой категории осужденных, обязана содействовать в трудовом и бытовом устройстве освобождаемых. В связи с этим не позднее чем за три месяца до истечения срока наказания осужденного администрация через территориальные органы внутренних дел и комитет по труду, занятости и социальной защите принимает меры по его трудовому и бытовому устройству. В рамках проведения воспитательной работы с осужденными, отбывающими наказание в отрядах по хозяйственному обслуживанию, в целях подготовки их к освобождению сотрудники мест отбывания наказания разъясняют их права и обязанности. Кроме того, за администрацией учреждения, исполняющего наказание, закреплена обязанность оказания помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания.

Освобожденные от отбывания наказания обеспечиваются бесплатным проездом к месту жительства или работы; продуктами питания или деньгами на дорогу по установленным нормам; им может быть выдано единовременное денежное пособие за счет средств, выделяемых из республиканского бюджета на финансирование органов и учреждений УИС.

Для мотивации рассматриваемой категории осужденных к добросовестному отношению к труду, а также для компенсации отличных от ИК условий содержания видится обоснованным предусмотреть дополнительные льготы по регулированию трудовых отношений во время отбывания наказания, бытовому и трудовому устройству осужденных после освобождения.

Представляется также целесообразным профессиональное обучение осужденных отряда хозяйственного обслуживания необходимым специальностям (повар, слесарь-сантехник, обувщик, столяр и др.) для последующей их социальной реабилитации после освобождения и качественного выполнения трудовых обязанностей во время отбывания наказания.

Ввиду низкой заработной платы, не способной обеспечить элементарные бытовые потребности осужденных и препятствующей стимулированию эффективности труда, автором выно-

сится предложение о возможном увеличении гарантированного процента зачисляемой на лицевой счет осужденных заработной платы с 25 до 30 %.

Таким образом, улучшение материального стимулирования труда лиц, занятых хозяйственным обслуживанием СИЗО и тюрем, окажет позитивное воздействие на повышение эффективности данного средства исправления осужденных, а также благотворно отразится на процессе адаптации их после отбытия наказания.

Список использованных источников

1. Шарков, А.В. Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь: история и современность / А.В. Шарков. – Минск, 2010. – 322 с.
2. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 243 с.
3. Уголовно-исполнительное право России : учебник / под ред. В.И. Селиверстова. – 2-е изд. перераб. и доп. – М. : Норма : Инфра-М, 2001. – 108 с.

Дата поступления в редакцию: 12.09.18

A.A. Zhuk, *Postgraduate student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

EXECUTION OF DEPRIVATION OF LIBERTY IN PRE-TRIAL DETENTION CENTERS AND PRISONS IN RELATION TO CONVICTS LEFT FOR ECONOMIC SERVICE

The article is devoted to the legal regulation of execution and serving of criminal punishment in pre-trial detention centers and prisons of the penal system of the Republic of Belarus. The paper reflects the peculiarities of the regime of content and regulation of the work of the category of prisoners in pre-trial detention centers and prisons. The author makes reasoned proposals to compensate for the conditions of serving punishment to convicts engaged in economic services, certain benefits.

Keywords: criminal punishment, regime requirements, labor, economic services, benefits, compensation.

УДК 343.1(476)

В.П. Зайцев, *адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь*
(e-mail: vov7576@mail.ru)

ГЕНЕЗИС НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В БЕЛОРУССКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Проводится обзор генезиса современной белорусской меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в разрезе формирования и совершенствования ее предпосылок и зачатков. Обосновывается необходимость историко-правового обзора возникновения наложения ареста на имущество, обусловленная потребностью в знаниях основ становления и развития рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения, четкого понимания ее сути и содержания.

Ключевые слова: белорусский уголовный процесс, предпосылки возникновения и зачатки наложения ареста на имущество, генезис наложения ареста на имущество.

Изучение современной белорусской меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество невозможно без обращения к вопросу ее возникновения, рассматривать который логично в историческом аспекте эволюции национальной государственности и уголовно-процессуального права.

Возникновение древних государств на территории Беларуси сопровождалось трансформацией обычного права в писаное. Известным из сохранившихся ранних источников писаного права Беларуси является договор 1229 г., регулировавший отношения Смоленского, Витебского и Полоцкого княжеств с Ригой, Готландской землей и немецкими городами, в котором наложение ареста на имущество нашло свои истоки. Кроме регулирования торговых отношений Договор 1229 г. («Смоленская торговая правда») содержал нормы уголовного и процессуального права. В Готландской редакции указанного Договора (ст. 21) закреплялось: «Аже боудете Роусиноу платити Латинескому; а не всхочеть платити, то ть Латинескому просити детского оу тиюна. Аже

дать наем детскому, а не исправить за 8 дни товара оу Роусина, то ть дати емоу на себе пороу-ка» [1, с. 17]. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов считал, что в соответствии с обозначенной статьей детский (пристав) тиуна (княжеское должностное лицо) должен был произвести денежное взыскание долга в продолжение 8 дней; если в этот срок долг не был взыскан, и тогда к должнику не применяются меры, употребляемые против преступников, а только поручительство. В таком случае арест распространяется не на лицо, а на имущество [2, с. 96, 104].

Таким образом, можно говорить о том, что еще в период ранней белорусской государственности правовая мысль уже была направлена на защиту имущественных прав потерпевшего и возмещение причиненного вреда.

Одним из первых серьезных подходов к систематизации норм права на общегосударственном пространстве и «шагом навстречу» возникновению уголовно-процессуального наложения ареста на имущество стал Судебник Казимира IV 1468 г. (далее – Судебник), действовавший на территории Великого княжества Литовского, куда входили и белорусские земли. По мнению отечественных ученых Т.И. Довнар, УМ. Сатолина и Я.А. Юхо, Судебник являлся первым на нашей земле кодексом уголовного и уголовно-процессуального права [3, с. 11]. Несмотря на отсутствие в указанном нормативном правовом акте рассматриваемого периода четко обозначенных норм, связанных с наложением ареста на имущество, в его положениях имели место предпосылки рассматриваемой меры процессуального принуждения, в первую очередь через призму обязательности возмещения ущерба (вреда), причиненного правонарушением того времени. Так, в ст. 6¹ говорилось: «А коли злодей из дому вышел, а што украдет, а потеряет што, любо изъест, окроме жоны и детей, ино домовыми статки, што того татя влостное, заплатит...». Очевидно, что речь велась о возмещении (оплатой) имущественного вреда, причиненного совершенной кражей. Ст. 14 указывала на возмещение вреда имуществом и гласила: «...аж будет ниже полтины домовый речи крал, домовыми речми платит...». Тожественный посыл содержала ст. 19 Судебника, одновременно определяя имущественные последствия для лиц, несущих ответственность за деяния современных подозреваемого, обвиняемого: «А кали чии паробкы² украдут што у кого, как у семь листу писано верху, как за которую татбу казнити: коли перво украдет, ино его не вешати, заплатити бондою³ его; а не будет бонды, господарь его за него заплатит...» [4, с. 429].

После прекращения действия Судебника тенденция генезиса наложения ареста на имущество получила свое продолжение в ряде эталонных памятников права (Статуты ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг.). Но даже в данных признанных сводах законов можно было вести речь только о зарождении наложения ареста на имущество в современном его понимании посредством формирования ключевых предпосылок и составляющих рассматриваемой меры процессуального принуждения, которые часто исходили из норм далеко не процессуального характера.

Так, в арт. 10 разд. 5 Статута 1529 г. содержались закрепления того, что за совершение какого-либо преступления или по приговору суда имущество могло быть отнято или отдано за долги [5, с. 162]. Кроме того, арт. 1 разд. 6 того же Статута регламентировал введение истца во владение имуществом ответчика (обвиняемого) в той мере, которая бы соответствовала размеру ущерба: «...А если бы кто из наших панов радных, воевод или старост... также был обвинен, то он должен дать ответ на ближайшем же сейме или на земской сессии... А если ответчик не пожелает заплатить того, что будет присуждено, тогда те паны должны приказать за ущерб ввести истца во владение имением или людьми ответчика в той мере, которая бы соответствовала размеру ущерба. Истец должен держать это до тех пор, пока ему не будет возмещен весь этот ущерб» [5, с. 166]. В арт. 17 разд. 8 Статута 1529 г. появилось понятие описи имущества при введении во владение имением за долг или по какой-либо другой причине. При этом следует отметить, что осуществлялось указанное, по общим признакам процессуальное действие, в присутствии двух или трех посторонних достойных людей – шляхтичей, т. е. современных понятых [5, с. 191].

Изменения, произошедшие в социально-политической жизни в 40–50-х гг. XVI в., особенно после проведения аграрной реформы 1557 г., требовали дальнейшего усовершенствования пра-

¹ На статьи Судебник был условно разделен уже в XIX в.

² Паробки – несвободные люди, которые владели некоторыми средствами производства, вели собственное домашнее хозяйство и были обеспечены землей.

³ Бонда – имущество паробка.

ва, что привело к изданию Статута ВКЛ 1566 г. Содержание Статута свидетельствовало о новом этапе и прогрессивном направлении развития законодательства ВКЛ, расширении прав всех землевладельцев, влиянии общеевропейских идей Реформации и гуманизма на развитие политической и правовой мысли [3, с. 12, 15]. При этом в Статуте 1566 г. было сохранено, а также продолжено совершенствование предпосылок возникновения ныне существующей меры уголовно-процессуального принуждения «наложение ареста на имущество» посредством продолжения формирования и укрепления институтов возмещения ущерба (вреда), заявления гражданского иска, других имущественных взысканий, конфискации имущества. Например, в арт. 11 разд. 1 Статута 1566 г. было облечено положение, согласно которому лицо, сбежавшее за пределы своего государства, подвергалось конфискации имущества: «Теж уставуем, если бы отец от детей утек до земли неприятеля нашего Московского и до иных земель неприятель наших, а дети бы на имении зоставил по себе; тогды имения его на нас Господаря спадывають...» [3, с. 55].

При этом важно сказать и о появлении в Статуте 1566 г. арт. 46 разд. 4 «О мещанех и о людех наших и кривдах их от шляхты», в который в сравнении со Статутом 1529 г. была помещена новация, по своей сути, обеспечительного содержания. Указанной нормой процессуального характера определялся порядок рассмотрения исков в интересах мещан городов, понесших вред от действий шляхтичей и их подданных. Так, для обеспечения заявленного иска возный, выполнявший обязанности следователя и судебного исполнителя, мог наложить лист на имущество ответчика для его обязательного исполнения в части возмещения вреда имуществом: «Уставуем, если бы хто с княжат панов шляхты всякого стану ак и с подданных их учынил кривду якую кольвек мещаном нашим мест наши... таковых о учыненье справедливости воеводове старостове и державцы наши мають сами або врадники их, раз обослати листом своим, а где бы его на имению не было, тогды возный маеть лист на имению его положити, абы сам з себе и с подданных своих справедливость учынил» [3, с. 86].

Кроме того, видится обоснованным утверждать, что в белорусском законодательстве того времени прототип меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество впервые появился именно в Статуте 1566 г. Согласно арт. 49 разд. 4 в целях принуждения к исполнению судебного решения должником суд мог назначить еще и «заруку». Она представляла собой определенную денежную сумму, не включавшую имущество, подлежащее отчуждению на основании решения суда, которая подлежала изъятию в том случае, если должник противодействовал исполнению судебного решения. Таким образом, «зарука» являлась первым известным средством обеспечения иска [6, с. 8].

Между тем более совершенным по отношению к сводам-предшественникам 1529 и 1566 гг. следует признать Статут ВКЛ 1588 г. Переняв все позитивное от предыдущих Статутов, его нормы стали еще более полными и приближенными к современному содержанию меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество.

Еще о продолжении генезиса современной меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество свидетельствовал ряд усовершенствованных и абсолютно новых норм права ВКЛ. Например, в арт. 10 «О запрещении хождения и ненужного стреляния с ружей и с луков при дворе нашем государевом и при каждом вряде нашем судебном» разд. 1 Статута 1588 г. велась речь уже и о современном частном институте специальной конфискации, выступающем сейчас в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь одним из оснований применения рассматриваемой меры принуждения: «...А кто бы вопреки этому закону и нашему запрету посмел с ружьем или с луком по городу, или во дворец, либо ко двору нашему приходить, хотя бы и не стрелял с них, не ранил, и не убил, в таком случае то оружие изымается в пользу нашего вряда, а к тому взыскивается штраф...». В этом же артикуле говорилось о производстве взыскания с имущества в целях обеспечения оплаты штрафа за совершенное преступление: «...Но если бы кто штраф сразу заплатить не хотел, тогда следует взыскание произвести в порядке, предусмотренном статутом, с его имущества [7, с. 353].

Так, возмещение вреда и оплата штрафа через взыскание с имущества лица, в том числе материально отвечающего за членов своей семьи, совершивших нападение, причинение телесных повреждений, грабеж, убийство, регламентировались арт. 49 «О том, если бы кому какая обида произошла от чьей жены или сыновей, а также дочерей» разд. 4 последнего из трех статутов ВКЛ. Указанная норма (сейчас ст. 132 УПК Республики Беларусь) определяла возможность ограниче-

ния имущественных прав не только подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, но и лиц, несущих материальную ответственность за их деяния: «...И докажет ли истец, то надлежащими доказательствами или присягою, что то ему с его имени или в доме его от жены или сына его совершено..., то он сам обязан будет за жену и за сына такого гвалт, навязки и вред все платить истцовой стороне» [7, с. 390]. Однако следует обратить внимание на то, что приведенная норма противоречила арт. 18 «Не должен никто ни за кого терпеть, только каждый сам за себя» разд. 1. Аналогичная проблема существует и в наше время.

Процессуально-принудительный замысел содержал арт. 4 «О насильнике и убийце, который, убив, бежал из государства» разд. 11 Статута 1588 г. «... А за головщину, навязки, убытки, в позве описанные, суд, не откладывая то на дальнейшее время, но тотчас истцу по доказательствам позвы и срока и по показаниям только объявления окольным соседям, сделанным во вреде, не выслушивая иных доказательств, только лишь по причине неявки обвиняемого, до окончания рассмотрения дела должен отдать во владение имение того обвиняемого». Феномен указанной нормы заключался в том, что, с одной стороны, она являлась своеобразной мерой пресечения, с другой – выступала в качестве гарантии обеспечения гражданского иска потерпевшему в случае, если обвиняемый скроется от суда [8, с. 10].

В отличие от прежних Статутов Статут 1588 г. содержал и норму (арт. 99 разд. 4), предусматривавшую прекращение держания истцом введенного во владение имущества путем выкупа такого имущества ответчиком. Для этого последний должен был оплатить всю сумму долга, по суду присужденную [7, с. 401].

Возмещение вреда, причиненного совершенным преступлением, имело в ВКЛ настолько обязательный характер и серьезное значение, что согласно арт. 48 разд. 11 Статута 1588 г. даже после смерти преступника, умершего до судебного разбирательства, обязанность возмещения причиненного им вреда возлагалась на детей, потомков и родственников последнего. При этом возмещение вреда производилось из оставшегося движимого и недвижимого имущества умершего преступника [7, с. 437].

Достижения правовой мысли, в том числе уголовно-процессуальной, времен ВКЛ были ценны, тем самым имели действие на протяжении нескольких столетий.

После трех разделов Речи Посполитой, в состав которой с 1569 г. (заключена Люблинская уния) с современными белорусскими землями входило ВКЛ, право современной Республики Беларусь оказалось под влиянием законодательства Российской империи. Глобальные изменения различных направлений общественно-политической жизни России затронули и вопросы уголовного судопроизводства, что закончилось судебной реформой 1864 г. Устав уголовного судопроизводства (далее – Устав), принятый в Российской империи в этом же году, стал прогрессивным законом своего времени, где содержались четко разработанные положения о мерах уголовно-процессуального принуждения.

Если говорить о наложении ареста на имущество, то о нем упоминается в ст. 268 Устава: «Когда по обстоятельствам дела судебный следователь удостоверится в необходимости принять безотлагательно меры к обеспечению могущего пасть на обвиняемого денежного взыскания или иска о вознаграждении за вред и убытки, причиненные его действиями, то о наложении запрещения или ареста на имение обвиняемого входит с представлением в окружной суд». Так, признавая существенное ущемление прав обвиняемого при применении данной меры, законодатель наделил правом принимать такое решение лишь суд [8, с. 15]. При этом вопрос определения необходимости обеспечения возможного денежного взыскания или иска о возмещении причиненных преступлением вреда и убытков через наложение запрещения или ареста на имение обвиняемого находился не только в рамках компетенции судебного следователя, но и в плоскости его самостоятельности. Подтверждением указанного служила ст. 1159 отд. 3 гл. 1 разд. 4 кн. 3 Устава: «При производстве предварительного следствия судебный следователь обязан в указанных законом случаях (ст. 268 Устава) входить с представлениями в суд об обеспечении следующего в казну взыскания, не ожидая особого ходатайства казенного управления» [9, с. 236].

Таким образом, можно прийти к выводам, что именно в Уставе впервые появилась мера уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество. Подтверждением тому считается уголовно-процессуальный характер самого Устава, точное название меры принуждения, сформированные цели и содержание изучаемой меры принуждения.

Принятием УПК Республики Беларусь 1999 г. и внесенными в него изменениями (последнее изменение, касающееся наложения ареста на имущество, внесено 18 июля 2017 г.) мера принуждения в виде наложения ареста на имущество в уголовном процессе Беларуси регламентирована в современном его виде. Сегодня иным мерам уголовно-процессуального принуждения, включая наложение ареста на имущество, посвящена отдельная гл. 14 «Иные меры процессуального принуждения», а окончательно сформированная мера уголовно-процессуального принуждения помещена в ст. 132 «Наложение ареста на имущество» УПК Республики Беларусь. Данная статья закрепляет основания, цели, субъекты, круг лиц, имущество которых подлежит аресту, виды имущества, подлежащего наложению ареста, процессуальный порядок, изъятие, хранение арестованного имущества, случаи неприменения указанной меры процессуального принуждения, отмену и обжалование применения наложения ареста на имущество и состоит из 19 частей и примечания.

Итак, изучаемая мера уголовно-процессуального принуждения прошла долгий путь своего формирования от зачатков своей сути в ранних формах белорусских государства и права до многокомпонентной модели ее существования в условиях государственно-правовой современности Республики Беларусь, получая место в правовых нормах законодательных актов прошлого и настоящего. Совершенствование форм и методов государственного регулирования общественных отношений характеризовалось поиском эффективных инструментов принудительного воздействия. Альтернативой такого воздействия на личность, ее жизнь и здоровье явилось воздействие на личность через имущество, а экономическое начало возникновения и развития государства только укрепило значимость такой формы государственного воздействия. С постепенным развитием права, разделением его на отдельные отрасли все большее значение стали приобретать вопросы совершенствования законодательной регламентации и практической реализации ограничения имущественных прав личности, что и привело к появлению меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество. При этом окончательно завершившимся данный процесс назвать нельзя, так его продолжение неизбежно пока неизбежно развитие общественных отношений.

Таким образом, возникновение уголовно-процессуального наложения ареста на имущество носило не одномоментный, а длящийся, поступательный характер, что следует учитывать при его дальнейшей научно-практической культивации.

Список использованных источников

1. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён) : вуч. дапаможнік / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо. – Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 1998. – 311 с.
2. Владимирский-Буданов, М.Ф. Хрестоматия по истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Изд. 4-е. – СПб. ; Киев : Н.Я. Оглоблин, 1889. – 249 с.
3. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар [і інш.] ; гал. рэд. Т.І. Доўнар. – Мінск : Тэсей, 2003. – 352 с.
4. Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 3 т. / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. – Т. 3. – 696 с.
5. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / под ред. К.И. Яблонска. – Минск : Акад. наук БССР, 1960. – 253 с.
6. Гридюшко, П.В. Иные меры уголовного процессуального принуждения / П.В. Гридюшко, В.В. Мелешко. – Минск : Нац. б-ка Беларуси, 2010. – 158 с.
7. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Савец. Энцыкл., 1989. – 573 с.
8. Гридюшко, П.В. Теория и практика применения иных мер уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / П.В. Гридюшко. – Минск, 2004. – 155 л.
9. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / редкол.: Б.В. Виленский (отв. ред.) [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1991. – Т. 8. – 496 с.

Дата поступления в редакцию: 07.09.18

V.P. Zaitsev, Postgraduate student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE GENESIS OF SENDING ARREST ON PROPERTY IN THE BELARUSIAN CRIMINAL PROCESS

A review is made of the genesis of the modern Belarusian criminal procedural measure of coercion in the form of seizure of property in the context of the formation and improvement of its premises and primordia. It justifies the need for a historical and legal review of the occurrence of seizure of property, due to the need for knowledge of the basics of formation and development of the considered measure of criminal procedural coercion, a clear understanding of its essence and content.

Keywords: the belarusian criminal process, the prerequisites for the emergence and germs of seizure of property, the genesis of seizure of property.

УДК 343.824

Т.М. Катцова, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры белорусского и иностранных языков Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: kattsova@tut.by)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ ОТКРЫВАЕТ ДВЕРИ»: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Рассматривается один из наиболее масштабных и значимых международных проектов, реализованных в пенитенциарной системе, направленный на гуманизацию уголовно-исполнительной системы посредством создания условий для реализации осужденными права на образование, а также повышение роли образования как средства предупреждения преступлений, ресоциализации и социальной адаптации осужденных. Прослеживаются основные этапы реализации проекта, анализируются его основные результаты, свидетельствующие о значимости развития образования в исправительных учреждениях республики.

Ключевые слова: проект, право на образование, получение образования, осужденный, исправительное учреждение, средство исправления, предупреждение преступлений, ресоциализация, социальная адаптация, доступ к образованию, уровни образования.

Развитие современной уголовно-исполнительной политики Республики Беларусь направлено на ее гуманизацию, приведение в соответствие с международными стандартами исполнения наказаний, при соблюдении которых учитывается высокая результативность исправления, ресоциализации и социальной адаптации осужденных, предупреждения совершения ими преступлений. При этом понимается, что важная роль принадлежит предусмотренным уголовно-исполнительным законодательством основным средствам достижения целей уголовной ответственности, в частности получению осужденными образования.

На гуманизацию УИС и привлечение внимания широкой общественности к вопросам реализации права осужденных на образование, с одной стороны, и поиск возможностей повышения роли образования как средства предупреждения преступлений, ресоциализации и социальной адаптации осужденных – с другой был направлен международный проект «Образование открывает двери» (ООД), подготовленный и осуществленный ДИН МВД Республики Беларусь в партнерстве с представительством DVV International в Республике Беларусь (представительство зарегистрированного общества Deutscher Volkshochschul – Verband e.V. (ФРГ) в Республике Беларусь) и ГООО (Гомельское областное общественное объединение) «Социальные проекты» в шести исправительных учреждениях Гомельской области Республики Беларусь в 2015–2017 гг.

Реализация проекта началась с проведения стартового исследования, цель которого заключалась в анализе законодательства Республики Беларусь в сфере образования осужденных; сборе и обобщении данных о доступности образовательных программ в исправительных учреждениях, образовательных потребностях осужденных, их отношении к получению образования, имеющихся и возможных ресурсах для развития образования в исправительных учреждениях, отношении сотрудников УИС к вопросам получения образования осужденными.

В ходе стартового исследования было установлено, что основной акцент в образовании в исправительных учреждениях в Республике Беларусь делается на организации профессионально-технического образования. Однако последнее не способно охватить всех осужденных из-за отсутствия у ряда их аттестата о базовом или общем среднем образовании; привязки к учебному

году, что затрудняет получение образования осужденными к непродолжительным срокам отбывания наказания; ограниченности перечня специальностей, предоставляемых ПТУ, находящимися на базе исправительных учреждений; наличия иных образовательных потребностей у осужденных (например, потребность получения среднего или высшего образования) и др. Кроме того, несмотря на то, что законодательно право на получение среднего специального и высшего образования осужденными не ограничено, в исправительных учреждениях нет возможности получения образования на указанных выше уровнях ввиду отсутствия условий. При этом было установлено, что среди осужденных доминирует отношение к образованию как к важному фактору социальной адаптации и социальной реабилитации: 72,5 % осужденных рассматривали образование как возможность получения знаний, полезных для жизни после освобождения; 72,8 % – возможность приобрести профессию для лучшего трудоустройства; 69,9 % – возможность получить документ об образовании, «который будет полезен»; 42,6 % респондентов считали, что образование дает возможность повысить собственный статус в глазах людей после освобождения. Стартовый опрос показал, что около 67 % осужденных хотели бы продолжить свое образование, находясь в исправительном учреждении [1, с. 141–146].

Для реализации проекта ООД исправительные учреждения отбирались таким образом, чтобы максимально охватить разные виды таких учреждений, существующих в УИС Республики Беларусь. В результате в проекте приняли участие три ИК для лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы (ИК № 4, 20 и 24). Причем отбор осуществлялся так, чтобы исправительные учреждения отличались по гендерному составу (в ИК № 4, № 24 отбывают наказание лица женского пола, в ИК № 20 – мужского пола), а также по виду ИК (ИК № 4 – исправительное учреждение для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, а ИК № 20 и № 24 – для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы); исправительное учреждение, исполняющее наказание в виде ареста (арестный дом ИК № 20); два исправительных учреждения для лиц, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, – ИУОТ № 17 и № 21. В каждом из отобранных для участия исправительных учреждений были реализованы образовательные мини-проекты, содержание и назначение которых были разработаны исходя из результатов стартового исследования.

Важным этапом в реализации проекта ООД являлась образовательная подготовка сотрудников исправительных учреждений, в рамках которой был осуществлен ряд мероприятий: разработка и проведение четырехмодульного учебного курса с участием международных и белорусских экспертов по специально разработанным образовательным программам; организация визитов в Германию и Латвию с целью ознакомления с практикой организации образования осужденных в исправительных учреждениях этих стран; проведение учебных семинаров для команд, реализующих образовательные мини-проекты; проведение консультаций экспертами по различным вопросам [2, с. 4].

Заключительным этапом проекта ООД стало проведение итогового исследования. В результате были получены следующие показатели: выявлены высокая степень удовлетворенности осужденных участием в образовательных программах проекта ООД (более 84 % осужденных поставили наивысшую оценку полезности их участия в образовательных программах [2, с. 26]); заинтересованность осужденных в получении образования (устойчивость мотивации к получению образования, высокая успеваемость, положительное влияние образования на собственное поведение, личностные изменения); формирование у осужденных интереса к продолжению образования. Также были выявлены трудности и недостатки в организации образования осужденных: недостаток времени для подготовки к занятиям ввиду занятости в трудовой деятельности, ограниченность библиотечного фонда [2, с. 28]. Сотрудники УИС констатировали отсутствие необходимой материально-технической базы и перегруженность специалистов, ответственных за организацию исправительного процесса [2, с. 56].

Итоги проекта ООД были подведены и обсуждены на международной конференции «Образовательная, социально-воспитательная деятельность и оказание психологической помощи в пенитенциарной системе», проведенной в Гомеле 16–18 ноября 2016 г. Конференция явилась значимым международным форумом, объединившим более 100 участников из 11 стран (Беларусь, Болгария, Великобритания, Германия, Ирландия, Кыргызстан, Молдова, Нидерланды, Россия,

Узбекистан, Украина). В конференции приняли участие международные эксперты, представители международных общественных организаций, различных органов и ведомств Республики Беларусь, руководство и сотрудники УИС, ученые, руководство и преподаватели учреждений образования, представители белорусских общественных и коммерческих организаций и др.

Проект ООД стал одним из наиболее масштабных и значимых международных проектов, реализованных в пенитенциарной системе Республики Беларусь за последнее десятилетие [3, с. 106].

Масштабность проекта ООД определяется широким кругом организаций и лиц, вовлеченных в его осуществление, включая международные организации и международных экспертов; опорой на международный опыт реализации различных проектов и осуществления образовательной деятельности в пенитенциарной системе; охватом разных видов исправительных учреждений; вовлеченностью большого количества осужденных в образовательную деятельность (в рамках проекта ООД прошли обучение около 500 осужденных) [4, с. 86]; разнообразием образовательных программ; внедрением новых форм и методов обучения осужденных в исправительных учреждениях; широким спектром мероприятий, проведенных в рамках проекта.

Значение проекта трудно переоценить: он впервые поднял проблему образования осужденных, реализации их права на получение образования на межведомственном уровне; в значительной степени способствовал росту осведомленности среди широкого круга лиц о социально-экономической значимости организации образования в уголовно-исполнительной системе благодаря разнообразию мероприятий просветительного и обучающего характера, привлечению международных и белорусских экспертов к их проведению, освещению мероприятий местными и республиканскими средствами массовой информации; способствовал росту осведомленности среди осужденных о праве на образование и имеющихся возможностях получения образования в период отбывания наказания в исправительных учреждениях.

Проект ООД продемонстрировал необходимость взаимодействия различных ведомств, органов, организаций и структур в организации образования в исправительных учреждениях, успешность которого во многом была обусловлена наличием координационного центра (ДИН, Представительство DVV International в Республике Беларусь и ГООО «Социальные проекты»), установившимися партнерскими отношениями между ними и четким распределением обязанностей. Реализация проекта подтвердила возможности успешного взаимодействия государственных структур с общественными организациями в вопросах развития образования в исправительных учреждениях.

В результате исследований, проведенных в рамках проекта ООД, был собран разнообразный эмпирический материал, который, с одной стороны, был использован для определения приоритетных направлений реализации проекта на подготовительном этапе, оценки результатов его проведения и перспектив совершенствования образования осужденных на заключительном этапе, с другой – может быть применен в процессе дальнейших научных исследований в сферах права, педагогики, психологии, социологии и др.

В процессе реализации проекта были разработаны и апробированы разнообразные образовательные программы для осужденных, максимально адаптированные к их потребностям, составленные с учетом мнения сотрудников исправительных учреждений, особенностей отбывания конкретных видов наказаний, требований к организации образования в исправительных учреждениях.

Проект ООД внес существенный вклад в расширение доступа осужденным к образованию на разных уровнях: впервые были созданы условия для получения осужденными к лишению свободы высшего образования.

Проект ООД продемонстрировал, что образовательная подготовка сотрудников УИС по вопросам образования осужденных – важное условие совершенствования организации образования в исправительных учреждениях. В 2016 г. в ходе итогового опроса сотрудников, прошедших обучение и участвовавших в проекте ООД, развитие специальных знаний, компетенций специалистов, занятых образовательной деятельностью с осужденными, вошло в тройку наиболее перспективных направлений совершенствования образования в исправительных учреждениях (50 % – 2016 г., 33,3 % – 2015 г.). В 2015 г. данный аспект располагался лишь на 5-м месте [2, с. 51].

Значимость и успешность проекта ООД также подтверждает его устойчивость – внедрение результатов проекта в дальнейшую деятельность уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь. Опыт организации получения высшего образования осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, приобретенный в рамках образовательного мини-проекта «Расширение образовательных возможностей осужденных через дистанционное и модульное обучение», уже в 2016 г. был применен в трех исправительных учреждениях [5, с. 54]. В настоящее время условия для получения высшего образования созданы в шести ИК для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, и в воспитательной колонии № 2. Высшее образование получают 142 лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы¹.

В январе 2017 г. ДИН инициировано создание совместной рабочей группы с учреждением образования «Республиканский институт профессионального образования» с целью выработки действенного механизма организации в исправительных учреждениях обучения осужденных в формате дополнительного образования для присвоения осужденным, не имеющим общего базового образования, рабочей квалификации (опыт образовательного мини-проекта «Профессиональное обучение осужденных и развитие их социальных компетенций»).

В феврале 2017 г. обобщен опыт образовательного мини-проекта «Психологическая лаборатория» и принято решение о его распространении во всех исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы [2, с. 60].

Проект ООД явился своеобразным пилотным проектом, который подтвердил необходимость и успешность сотрудничества ведомств, органов, структур, государственных и общественных организаций в развитии образования в исправительных учреждениях; выявил наличие потребности осужденных в реализации права на получение образования, значимость подготовки специалистов (как сотрудников исправительных учреждений, так и педагогических работников) по вопросам образования осужденных; подтвердил положительные эффекты от организации образования в исправительных учреждениях.

В процессе реализации проекта ООД были получены результаты, свидетельствующие о высоком потенциале образования как средства предупреждения преступлений и правонарушений (отсутствие или значительное снижение количества нарушений установленного порядка отбывания наказания обучавшимися осужденными [2, с. 23; 6, с. 74]), средства исправления осужденных (на положительные личностные изменения у осужденных, участвовавших в образовательных программах, указали как сотрудники исправительных учреждений, так и сами осужденные [2, с. 16]), средства социальной адаптации и реабилитации осужденных (например, одна из осужденных, прошедших курсы «Мастер по маникюру и визажу», освободилась в ноябре 2016 г. и трудоустроилась по полученной специальности в одной из парикмахерских Могилева [2, с. 16]).

Таким образом, реализация проекта ООД стала важным шагом к повышению роли образования как средства достижения целей уголовной ответственности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь и продемонстрировала положительные эффекты развития образования как средства предупреждения преступлений, ресоциализации и социальной адаптации осужденных.

Список использованных источников

1. Краткая версия отчета о стартовом исследовании о потребностях в обучении лиц, отбывающих наказание в виде лишения или ограничения свободы в исправительных учреждениях, и доступности образовательных программ в исправительных учреждениях (на территории Гомельской области) / А.Н. Пастушеня [и др.] // Образовательная, социально-воспитательная деятельность и оказание психологической помощи в пенитенциарной системе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках проекта «Образование открывает двери», Гомель, 17–18 нояб. 2016 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.Н. Пастушеня (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 136–152.

2. Итоговый отчет о результатах реализации проекта «Образование открывает двери» и изменении отношения осужденных и специалистов к проблематике обучения на протяжении всей жизни [Электронный ресурс] / А.Н. Пастушеня [и др.] ; под общ. науч. ред. А.Н. Пастушени // DVV International. – Режим доступа: http://www.dvv-international.org.ua/fileadmin/files/eastern-neighbors/Belarus/Publications/Final_report_full_version_EOD.pdf. – Дата доступа: 28.05.2018.

¹ По данным ДИН по состоянию на 25 мая 2018 г.

3. Павленко, Д.А. Международный проект «Образование открывает двери»: история и перспективы / Д.А. Павленко // Образовательная, социально-воспитательная деятельность и оказание психологической помощи в пенитенциарной системе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках проекта «Образование открывает двери», Гомель, 17–18 нояб. 2016 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.Н. Пастушеня (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 106–111.

4. Кекух, Н.И. Реализация конституционного права на образование для осужденных: из опыта проектной деятельности в Гомельской области / Н.И. Кекух // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7 апр. 2016 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – С. 409–410.

5. Мандрик, В.А. Развитие образовательной и воспитательной деятельности как приоритет государственной политики Республики Беларусь в сфере исполнения наказаний / В.А. Мандрик // Образовательная, социально-воспитательная деятельность и оказание психологической помощи в пенитенциарной системе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках проекта «Образование открывает двери», Гомель, 17–18 нояб. 2016 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.Н. Пастушеня (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 52–54.

6. Бойцов, А.В. Реализация мини-проекта «Профессиональное обучение осужденных и развитие их социальных компетенций» в исправительной колонии № 20 управления Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь по Гомельской области / А.В. Бойцов, В.В. Орлов // Образовательная, социально-воспитательная деятельность и оказание психологической помощи в пенитенциарной системе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках проекта «Образование открывает двери», Гомель, 17–18 нояб. 2016 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.Н. Пастушеня (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 71–74.

Дата поступления в редакцию: 11.10.18

T.M. Kattsova, Candidate of Juridical Sciences, Deputy Head of the Department of Belarusian and Foreign Languages of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

INTERNATIONAL PROJECT “EDUCATION OPENS DOORS”: CONTENTS AND MAIN ACHIEVEMENTS

The article deals with one of the large-scale and significant international projects implemented in the penitentiary system of the Republic of Belarus over the past decade - the international project “Education Opens Doors”, aimed at humanizing the penitentiary system by creating conditions for exercising the right to education by convicts as well as enhancement of the role of education as a means of crime prevention, resocialization and social adaptation of convicts. The article considers the main stages of the project, analyzes its main results, indicating the importance of the development of education in correctional institutions of our country.

Keywords: project, right to education, education, convict, correctional institution, correction means, crime prevention, resocialization, social adaptation, access to education, education levels.

УДК 343.96

М.Ю. Кашинский, кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: m.kashinsky@yandex.ru)

РОЛЬ ЛИЧНОСТНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ В ГЕНЕЗЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Рассматривается роль личностных детерминант в генезе преступности и отклоняющемся поведении лиц с психическими расстройствами. Представляется картина влияния личностных детерминант (психопатологических факторов) на преступное и отклоняющееся поведение в зависимости от уровня расстройств психической деятельности; анализируются аспекты основных типов мотивации поведения.

Ключевые слова: преступность лиц с психическими расстройствами, детерминанты преступности, причины и условия преступности лиц с психическими расстройствами, мотивация преступного поведения.

Сегодня приходится констатировать тот факт, что в современной криминологической литературе, как отечественной, так и зарубежной, еще недостаточно накоплено сведений относительно действенных мер эффективного предупреждения преступности и отклоняющегося по-

ведения лиц с психическими расстройствами, несмотря на их распространенность и выраженные социально-негативные последствия для общества и государства [1, с. 315–332]. Трудность изучения преступности и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами усугубляется прежде всего сложной организацией ее структуры в качестве объекта исследования. По мнению Ю.М. Антоняна и С.В. Бородина (работа «Преступное поведение и психические аномалии»), «эффективная профилактическая деятельность может основываться только на познании специфики личности субъектов с расстройствами психики, генезиса и механизма противоправных действий таких лиц, методологически верной оценке криминогенной роли психических расстройств на примере использования новейших достижений психиатрии, психологии, педагогики при условии дальнейшего совершенствования законодательства», а «отсутствие работ, в которых рассматривались бы комплексные проблемы предупреждения преступного поведения лиц с аномалиями психики, препятствует созданию общей теории влияния психических аномалий на преступность» [2, с. 4, 165].

В современных условиях развития науки невозможно эффективно и адекватно исследовать заявленную проблему без понимания как таковой сути расстройств психики. Данное обстоятельство обусловлено тем, что часто поведение лиц, страдающих психическими расстройствами, определяется патологическим влиянием психического расстройства на личность индивида. Такие люди из-за имеющихся расстройств психики не способны адекватно отражать объективную реальность, так как нарушено восприятие: фактов, явлений, событий окружающей действительности. Из-за неадекватного восприятия внешнего мира они не способны реально осмысливать, более того – анализировать сложившуюся ситуацию перед преступлением. Иными словами, здесь наблюдается неверное или неадекватное установление собственного отношения к данным явлениям и обстоятельствам с определением мотивов своих действий и прогнозированием их возможных последствий, т. е. речь идет о нарушении мышления. Соответственно из-за неадекватного осмысления сложившейся ситуации поведение таких лиц носит неадекватный, часто противоправный характер. При этом вследствие ослабления волевого контроля, а также исходя из выраженности личностных или психопатологических изменений, имеющих особенностей высшей нервной деятельности они могут действовать импульсивно, нередко инстинктивно и, следовательно, часто быстрее, чем здоровые лица, начинают совершать противоправные деяния. В этой связи объективно повышается спрос на междисциплинарные научные исследования с использованием сведений из смежных областей по данной проблеме, прежде всего из психиатрии и психологии.

Одним из важнейших направлений (этапов) исследования обозначенной проблемы является изучение и выявление типичных изменений личности лиц с психическими расстройствами – так называемых личностных детерминант (причины и условия) в генезе преступности и их отклоняющегося поведения. Изучение данного вопроса необходимо для понимания патологических механизмов противоправных деяний, их болезненной мотивации и для определения их степени общественной опасности, что необходимо для разработки адекватных мер направленных на предупреждение преступности и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами.

Так, анализ специальной зарубежной и отечественной литературы и результаты собственных исследований показывают, что все причины, инициирующие преступность и отклоняющееся поведение лиц с психическими расстройствами, целесообразно разделить на три группы и рассматривать во взаимосвязи. Специфические (психопатологические) причины характерны исключительно для лиц, страдающих психическими расстройствами. Общие (неспецифические) инициируют преступность и отклоняющееся поведение у психически здоровых граждан и у лиц с психическими расстройствами. Смешанные (комплексные) обуславливают отклоняющееся поведение у лиц с психическими расстройствами, во взаимосвязи с комбинированным воздействием на человека психопатологических (специфических) и общих (неспецифических) причин. Проявлению преступности лиц с психическими расстройствами способствуют две группы условий: медико-биологические (специфические) (обусловлены прежде всего индивидуально-личностными особенностями лиц, страдающих психическими расстройствами) и общесоциальные (неспецифические), реализуемые на двух уровнях – микро- и макросреды (обусловлены прежде всего экстремальным воздействием социальной среды) [3, с. 94–98].

В рамках изучаемого вопроса следует отметить, что криминологию как науку интересует не столько количество преступников с расстройствами психики (хотя это важно), сколько возможное влияние психических расстройств на преступность и отклоняющееся поведение, как таковая корреляция между отдельными видами преступлений и отдельными видами психических расстройств.

Роль личностных детерминант в генезе преступности и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами выполняют выявленные нами психопатологические (специфические) причины и медико-биологические (специфические) условия, характерные исключительно для лиц, страдающих психическими расстройствами, обуславливающими преступное и отклоняющееся поведение человека исключительно в связи с особенностями функционирования болезненно измененной психики вследствие имеющегося психического расстройства. Однако степень влияния личностных детерминант (психопатологических факторов) на преступное и отклоняющееся поведение неодинакова и зависит от характера личностных изменений (степени тяжести расстройств структуры психической деятельности), вызванных воздействием конкретной нозологической формы психического расстройства.

Многие исследователи подчеркивают разную степень опасности различных психопатологических симптомов и синдромов (специфическое внешнее проявление болезни). Например, состояния расстроенного сознания с полной дезорганизацией поведения при сохранности моторных функций – сумеречные расстройства сознания – являются наиболее опасными синдромами; астенические проявления – наименее опасными. Умеренную опасность представляют галлюцинаторно-бредовые, бредовые, аффективные и психопатоподобные синдромы. Вместе с тем в реализации агрессии при всех упомянутых психопатологических синдромах, кроме расстройств сознания, значительную роль играют преморбидные (доблезненные) личностные установки больного. В одних случаях они приводят к легкому возникновению агрессивного поведения, часто даже к повторным, однотипным агрессивным действиям; в других – препятствуют таким поступкам [5, с. 10–22].

В настоящее время перечень и описание признаков всех нозологических форм психических расстройств содержится в гл. 5 «Психические и поведенческие расстройства» Международной классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, десятого пересмотра (далее – МКБ-10), разработанной Всемирной организацией здравоохранения, принятой сегодня почти всеми государствами – членами ООН. В Республике Беларусь МКБ-10 действует с 2002 г. и содержит более 80 диагностических разделов и рубрик.

В то же время в зависимости от степени (уровня) нарушения психической деятельности все психические расстройства условно могут быть разделены на два уровня: психотический уровень психических нарушений (так называемые психозы), характеризующийся грубым расстройством отражения объективной реальности, изменением самосознания, отношения к окружающему, нарушением поведения; непсихотический уровень психических нарушений, характеризующийся более легким изменением психической деятельности (невротические расстройства, расстройства личности и др.).

Указанное альтернативное деление – традиционное для психиатрии и считается одним из основополагающих принципов, значимым для теории и для практики судебной психиатрии. Оно определяет тактику и стратегию психиатрического действия, диктует выбор методов терапевтического воздействия, обосновывает применение тех или иных психопрофилактических и реабилитационных мероприятий, а также определяет подход к судебно-психиатрической оценке совершенного деяния.

В состоянии психоза психика человека работает неправильно (неадекватно). Соответственно функционируют ее основные свойства: человек неадекватно воспринимает информацию, далее он так же ее осмысливает и, как следствие, неадекватно поступает. В таком состоянии человек является потенциально опасным для себя и для окружающих, так как он не может сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им. Соответственно при совершении правонарушения лицо в состоянии психоза признается невменяемым в уголовном и административном процессах, а сделка, совершенная таким лицом, – недействительной в гражданском процессе.

Непсихотический (невротический) уровень поражения – это симптомы и синдромы, сопровождающиеся критикой, адекватной оценкой окружающей действительности, когда больной не смешивает собственные болезненные субъективные ощущения и фантазии с объективной реальностью, а поведение находится в рамках социально принятых норм (астенический, фобические синдромы, расстройства внимания и т. д.). Если лицо в таком состоянии совершит правонарушение, то его обычно признают вменяемым. Связано это с тем, что он в таком психическом состоянии способен сознавать фактический характер и общественную опасность собственного действия (бездействия) или руководить им.

Рассматривая роль личностных детерминант в генезе преступности и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами, следует отдельно остановиться на особенностях мотивации преступного поведения лиц, страдающих психическими расстройствами. В таком случае именно мотивация преступного поведения – одна из важнейших его элементов, непосредственная причина преступной деятельности, первое звено в общей схеме механизма преступного поведения, включающего мотивацию планирование и реализацию преступных действий [6].

Также сегодня можно сказать, что мотивация поведения является ключевым понятием, на основе которого могут быть объединены усилия криминологов, психологов, судебных психиатров по изучению преступного и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами и разработке адекватных мер по их предупреждению. При этом принципиально получить ответ на вопрос: «Существуют ли принципиальные различия между мотивацией преступных действий здоровых правонарушителей и мотивацией преступных действий лиц с психическими расстройствами?».

Так, основываясь на представлениях о структуре мотивационного действия, исследователи В.В. Гульдман, Г.К. Дорофеенко, А.И. Черкас выделили три основных типа мотивации поведения, определяющих механизм общественно опасных действий у лиц с психическими нарушениями разной нозологии [7].

1. Безмотивные (беспотребностные) – характеризуются отсутствием (разрывом) связи между потребностью, мотивом и поведением. Механизм их почти не изучен. К ним относятся импульсивные действия на фоне помрачения (психотический уровень нарушения психической деятельности) сознания при острых экзогенных (обусловлены преимущественно внешними факторами среды, например психические расстройства в результате травматического повреждения головного мозга, злоупотребления психоактивными веществами, опухоли головного мозга и др.), а также под влиянием императивных (приказывающих) галлюцинаций, при некоторых шизофренических синдромах. Иными словами, психопатологические расстройства, свободные от потребностей, мотивов, установок, сознания, побуждающие поведение вне связи с характером внешних стимулов, относятся к мотивационным детерминантам, лишаящим субъекта способности отдавать себе отчет в своих действиях, руководить ими.

2. Бредовые мотивации связаны с реализацией патологических (бредовых) мотивов, побудительная функция которых в результате болезненной трансформации приобретает характер сверхсильной мотивации. Содержание бредовых идей отражает жизненный опыт, знания, интересы, стремления, желания, опасения больных, а также основные общечеловеческие отношения. Бред всегда индивидуален; бывает интерпретативным (первичным) и образным (вторичным) в зависимости от механизма его формирования.

Интерпретативный бред (первичный) – это идеи, суждения и умозаключения, возникающие в результате нарушения логики на всех этапах бредообразования. Например, бред отношения: больному кажется, что окружающие его люди подозрительно и неприязненно относятся к нему. По мере прогрессирования заболевания возникают другие бредовые идеи, в частности больной может быть убежден, что его постоянно преследуют соседи (коллеги по работе, учебе, врачи и т. п.) (бред преследования), они не оставляют его в покое, контролируют каждый его шаг, хотят уничтожить, отравить (бред отравления); больному кажется, что кто-то портит его имущество, ворует его вещи (бред ущерба), что ему изменяет его супруг (супруга) (бред ревности), или же больной убежден, что находится под постоянным действием атомной энергии, космических лучей, магнитного поля, радиоаппаратуры и т. д. (бред физического воздействия), считает, что к этому причастны люди, пытающиеся уничтожить его или «обречь на вечные муки». В таком со-

стоянии человек искренне верит во все происходящее и начинает «защищать» себя: обращается за помощью в правоохранительные органы или совершает противоправные деяния в отношении мнимых обидчиков и преследователей.

Образный бред (вторичный) – это бред, который проистекает из расстройств восприятия – галлюцинаций (патологических образов и представлений), т. е. человек изначально неадекватно (неправильно) воспринимает факты и явления окружающей его действительности, а затем соответственно неадекватно (неправильно) осмысливает воспринятое, и, как следствие, его поведение является неадекватным.

Следует отметить, что ведущий бредовый мотив придает особое содержание всей деятельности больного, потому что им определяются не только побуждения, но и особенности смыслообразования, меняется смысл всех стимулов мира. Образуется порочный круг бредового поведения: бредовый мотив приводит к созданию нереальной обстановки, в связи с чем внешние события, объективно не несущие угрозы, не являются факторами коррекции, а приобретают иной смысл для больного, подкрепляя систему бреда (Б.В. Шостакович, М.С. Литвинцева, В.В. Гульдман). По бредовым мотивам больные осуществляют прямую и косвенную «месть» и «защиту», устраняют «преследователей» и «препятствия» для воплощения в жизнь своих идей. Бредовые мотивации наблюдаются при бредовых синдромах различной нозологии.

3. Личностные мотивации противоправных действий у лиц с психическими нарушениями (при психопатиях, олигофрениях¹ и других психических аномалиях) подчиняются общим закономерностям поведения человека, формируются в процессе актуализации потребностей субъекта, ставящего перед собой определенные цели, в процессе деятельности, отражающей все стороны личности, в том числе ее патологические изъяны, дефекты мышления, интеллекта, эмоционально-волевой сферы [8, с. 130–131].

Таким образом, как безмотивные (беспотребностные), так и бредовые мотивации преступного и отклоняющегося поведения у лиц с психическими расстройствами возникают при тяжелых нарушениях психической деятельности, психотического уровня, а личностные мотивации – при нарушениях психической деятельности, непсихотического уровня.

Бредовые мотивации преступного и отклоняющегося поведения у лиц с психическими расстройствами в отличие от безмотивных (беспотребностных) предполагают обязательную подготовку и интеллектуальный контроль над поведением часто с предварительным и тщательным планированием. При безмотивных (беспотребностных) мотивациях отсутствуют этапы волевого акта: планирование, принятие решения, контроль над действиями.

На основании сказанного важно подчеркнуть, что в значительном большинстве случаев (75–80 %) психические расстройства проявляются в виде относительно легких непсихотических форм. Самыми распространенными видами психической патологии сегодня являются тревожные расстройства, депрессии, зависимости от психоактивных веществ (алкогольная и наркотическая), расстройства личности, легкие формы возрастной деменции. По данным белорусских судебных психиатров невменяемыми, как правило, признаются исследуемые, страдающие психотическими расстройствами (66,1 % общего числа невменяемых), умственной отсталостью (27,1 %) и, в меньшей степени, – психическими расстройствами непсихотического характера (6,8 %); уменьшено вмняемыми чаще признаются умственно отсталые (63,1 %) и исследуемые с психическими расстройствами непсихотического характера (32,1 %). Психотические расстройства составляют 4,8 %, для них характерны стойкие и продолжительные ремиссии либо субкомпенсации [9, с. 148–150].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

личностные детерминанты – психопатологические (специфические) причины и медико-биологические (специфические) условия, характерные исключительно для лиц, страдающих психическими расстройствами, которые могут оказывать влияние на формирование мотивации преступного и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами;

¹ В настоящее время термины «олигофрения» (малоумие) и «психопатия» исключены из современных классификаций психических расстройств как несущие в себе оттенок осуждения, социальной «второсортности», унижения личного достоинства пациента. Вместо них используются более нейтральные термины – «врожденная умственная отсталость» и «расстройство личности».

существует определенная зависимость между отдельными нозологическими формами психических расстройств и характером проявления отдельных и конкретных форм преступного и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами;

безмотивные (беспотребностные) и бредовые мотивации преступного и отклоняющегося поведения у лиц с психическими расстройствами являются непосредственной причиной их преступной деятельности, что отличает их от мотивации преступной деятельности психически здоровых правонарушителей;

личностные мотивации преступного и отклоняющегося поведения у лиц с психическими расстройствами являются наименее изученными, что обусловлено их широкой распространенностью и разнообразием проявления психических расстройств непсихотического уровня;

проблема дальнейшего изучения мотивации преступного и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами становится актуальной как в связи с неоднозначностью понимания этого феномена в современной научной юридической и психиатрической литературе, так и в связи с распространенностью среди населения криминогенно значимых психосоциальных девиаций (наркомания, токсикомания, алкоголизм, проституция, бездомность, насилие в семье и т. п.), а также преступного и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами.

Список использованных источников

1. Кашинский, М.Ю. Преступность лиц с психическими нарушениями / М.Ю. Кашинский // Проблемы предупреждения отдельных видов преступности / под ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-в внутр. дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации рук. состава милиции (полиции). – Минск : Акад. МВД, 2017. – С. 385
2. Антонян, Ю.М. Преступность и психические аномалии / Ю.М. Антонян, С.В. Бородин ; отв. ред. В.Н. Кудрявцева. – М. : Наука, 1987. – 207 с.
3. Кашинский, М.Ю. Детерминанты преступности лиц с психическими расстройствами / М.Ю. Кашинский // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 2. – С. 94–98.
4. Петрюк, А.П. Агрессивное поведение при различных психических расстройствах с учетом качества жизни пациентов / А.П. Петрюк // Журн. психиатрии и мед. психологии. – 2004. – № 3. – С. 99–102.
5. Шостакович, Б.В. Агрессия, агрессивное поведение и психопатология: постановка проблемы / Б.В. Шостакович, В.В. Горинов ; под ред. Т.Б. Дмитриевой и Б.В. Шостаковича // Агрессия и психическое здоровье. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 10–22.
6. Кудрявцев, В.Н. Проблема мотивации в криминологии / В.Н. Кудрявцев // Криминальная мотивация. – М., 1986. – С. 8–19.
7. Гульдман, В.В. Мотивация общественно опасных действий у лиц с психическими нарушениями и вменяемость [Электронный ресурс] / В.В. Гульдман, Г.К. Дорофеенко, А.И. Черкас. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/29925/1/17_гульдман_дорофеенко_черкас.pdf. – Дата доступа: 18.10.2018.
8. Балабанова, Л.М. Судебная патопсихология (вопросы определения нормы и отклонений) / Л.М. Балабанова. – Донецк : Сталкер, 1998. – 432 с.
9. Кашинский, М.Ю. Судебная психиатрия : учеб. пособие / М.Ю. Кашинский, А.О. Гусенцов, Ю.В. Кухарьков. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 303 с.

Дата поступления в редакцию: 20.09.18

M.Y. Kashinsky, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE ROLE OF PERSONAL DETERMINANTS IN THE GENESIS OF CRIME AND DEVIANT BEHAVIOR OF PERSONS WITH MENTAL DISORDERS

The role of personality determinants in the Genesis of crime and deviant behavior of persons with mental disorders is investigated. The influence of personal determinants (psychopathological factors) on criminal and deviant behavior depending on the level of mental activity disorders is shown.

Keywords: crime of persons with mental disorders, determinants of crime, causes and conditions of crime of persons with mental disorder, motivation of criminal behavior.

УДК 343.8

Н.В. Куйко, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: avant_n@mail.ru);

Я.Ю. Реент, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры управления и организации деятельности уголовно-исполнительной системы Академии ФСИН России
(e-mail: ultranox@mail.ru).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОВЕТОВ КАК ФОРМА УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В РАБОТЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СЛУЖБЫ (РОССИЙСКИЙ ОПЫТ)

Анализируется правовое регулирование деятельности общественных советов при федеральных и территориальных органах ФСИН России. Рассматриваются понятие, основные функции, порядок формирования и формы деятельности общественных советов. Особое внимание уделяется освещению вопроса правовой природы института общественных советов при органах исполнительной власти, соотношению государственного и общественного начал в их правовом статусе.

Ключевые слова: общественные советы, общественный контроль, права осужденных, уголовно-исполнительная система.

Важнейшей предпосылкой стабильного развития общества является повышение эффективности государственного управления. Один из значимых инструментов повышения качества такого управления – деятельность общественных советов при федеральных и территориальных органах исполнительной власти. Главные цели деятельности данных общественных формирований – содействие органам исполнительной власти, наблюдение и оценка качества оказания государственных услуг, проведение контрольных мероприятий, рассмотрение на собственных заседаниях проектов общественно значимых нормативных документов, реализация надзорной функции в области кадровой работы и противодействия коррупции. Если говорить о роли общественных советов, то они выступают прослойкой между гражданским обществом и государством, способствующей выражению коллективной воли общественности и ее учету в деятельности государственных органов.

Общественный совет при ФСИН России (далее – Совет) – постоянно действующий совещательно-консультативный орган, решения которого имеют рекомендательный характер. Основными целями функционирования Совета являются привлечение общественности к участию в решении стоящих перед УИС задач, защита прав сотрудников УИС и лиц, содержащихся в учреждениях УИС. Обязанность по организационно-техническому обеспечению деятельности Совета возложена на ФСИН России, которая формирует состав Совета при согласовании с Общественной палатой Российской Федерации. Количественный и персональный состав Совета утверждается директором ФСИН России. Членами Совета не могут быть лица, замещающие должности государственной или муниципальной службы, выборные должности в органах местного самоуправления, недееспособные лица, а также лица, имеющие непогашенную или неснятую судимость. Полномочия всех членов Совета не истекают одновременно, т. е. состав Совета обновляется не менее чем на одну треть в течение трех лет. Такая мера позволяет регулярно обновлять состав Совета без прерывания его работы.

В компетенцию Совета входят:

- информирование общественности и средств массовой информации о работе ФСИН России для формирования у населения объективного представления о деятельности учреждений и органов УИС;
- содействие в организации образовательного процесса с осужденными, ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы;
- содействие в налаживании процесса интеграции ФСИН России с производственными объединениями, корпорациями, фирмами для получения заказов на производство в учреждениях УИС в целях развития трудовой адаптации осужденных и их профессиональной подготовки.

– обсуждение с органами государственной власти вопросов совершенствования нормативной правовой базы в области обеспечения прав и свобод лиц, содержащихся в учреждениях УИС;

– проведение публичных обсуждений нормативных и иных документов, разрабатываемых ФСИН России;

– распространение положительного опыта деятельности учреждений и органов УИС в сфере защиты прав и законных интересов работников УИС, лиц, содержащихся в учреждениях УИС;

Деятельность Совета осуществляется в соответствии с планом основных мероприятий, который составляется на год, утверждается председателем Совета и согласовывается с директором ФСИН России. Деятельность Совета осуществляется преимущественно в форме заседаний, которые должны проводиться не реже одного раза в полугодие. Для принятия решений в ходе заседания проводится открытое голосование, а информация об этом отражается в протоколах заседаний.

Деятельность общественных советов при территориальных органах ФСИН России регламентируется отдельными положениями, содержание которых может отличаться от аналогичных положений об общественном совете в других регионах. Как правило, такие различия не имеют кардинального характера и не являются принципиальными.

Сегодня общественные советы созданы во всех территориальных управлениях ФСИН России. Численность членов советов, включая Общественный совет при ФСИН России, составляет более тысячи человек.

Проанализировав нормативную правовую базу, можно заключить, что общественные советы – независимый общественный институт, задача которого состоит в укреплении взаимодействия институтов гражданского общества с органами исполнительной власти. Несмотря на высокое значение института общественных советов для отечественного гражданского общества, существуют различные точки зрения по вопросу об эффективности функционирования данных формирований и необходимости их создания. С одной стороны, общественные советы выступают в качестве площадки для диалога между органом исполнительной власти и обществом, с другой – ставится под сомнение эффективность такого диалога ввиду сопряженности общественных советов с органами, при которых они создаются. Причиной возникновения сомнений относительно необходимости создания института общественных советов также может являться тот факт, что функция представления интересов граждан уже возложена на законодательные органы.

Действительно, общественные советы не наделены юридическими полномочиями императивного характера, их состав формируется с участием государственного органа, при котором они создаются; обязанность по обеспечению деятельности советов также возложена на органы исполнительной власти. Общественные советы действительно являются негосударственными формированиями, в связи с чем не имеют и, как полагается, не должны иметь каких-либо императивных полномочий. При этом первоочередная задача общественных советов заключается в реализации посреднической функции между государством и гражданским обществом по вопросам деятельности органов исполнительной власти, при которых создаются общественные советы.

Вопрос о соотношении общественных и государственных начал в правовой природе общественных советов при органах исполнительной власти возник только при создании данного института и связан с рядом обстоятельств. Во-первых, порядок формирования и функционирования общественных советов определяется положениями, принимаемыми органами исполнительной власти, при которых создаются советы; во-вторых, решающую роль при формировании составов советов играет руководство соответствующих органов исполнительной власти; в-третьих, организационно-техническое обеспечение деятельности общественных советов осуществляют органы исполнительной власти, при которых образованы общественные советы.

Перечисленные факторы определяют государственные начала в правовой природе общественных советов, однако здесь следует отметить, что советы действуют преимущественно как общественные формирования, что подтверждается несколькими обстоятельствами:

общественные советы при федеральных органах исполнительной власти создаются по предложению и при участии Общественной палаты Российской Федерации;

в соответствии с действующим законодательством советы являются субъектами общественного контроля;

члены советов осуществляют свои полномочия на общественных началах.

Также видится, что определение порядка формирования и функционирования общественных советов положениями, принимаемыми органами исполнительной власти, не превращает советы в государственную структуру. Для многих общественных формирований были разработаны и приняты нормативные документы, определяющие их правовой статус и различные аспекты функционирования (федеральные законы об общественных объединениях, политических партиях, профессиональных союзах и т. д.). Такая нормативная регламентация направлена на укрепление их правового статуса, но не превращает их в элемент государственного аппарата.

Тот факт, что в формировании составов общественных советов принимает участие руководство органов исполнительной власти, при которых они созданы, не ставит советы в подчинение руководства этих органов; члены советов реализуют свои полномочия, определенные действующим законодательством и положением о соответствующем совете, и делают это самостоятельно. Немаловажным является и то обстоятельство, что членами общественных советов не могут быть лица, замещающие государственные посты, проходящие государственную или муниципальную службу (Президент РФ, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, члены Правительства РФ, судьи, иные лица, замещающие государственные должности РФ, лица, замещающие должности федеральной государственной службы, государственные должности субъектов РФ, должности государственной гражданской службы субъектов РФ, должности муниципальной службы, а также лица, замещающие выборные должности в органах местного самоуправления). Указанные правила распространяются как на советы при федеральных органах исполнительной власти, так и на советы при территориальных органах исполнительной власти.

Организационно-техническое обеспечение деятельности общественных советов органами исполнительной власти, безусловно, порождает некоторое отношение зависимости. Однако и здесь есть аналогии: например, существует государственное финансирование политических партий, по итогам участия в федеральных выборах партиям компенсируются их расходы, что не превращает партии в государственные организации (Приказ ФСИН РФ от 1 октября 2013 г. № 542).

Исходя из приведенных доводов, можно полагать, что общественные советы имеют двойственную природу: являются общественно-государственными формированиями и представляют симбиоз государственного и общественного начал.

Несмотря на рассмотренные в работе спорные моменты, касающиеся вопроса правовой природы общественных советов, в целом можно утверждать, что идея создания этих общественных формирований была изначально оценена положительно и продолжает оправдывать себя сейчас. Руководство УИС всецело осознает необходимость взаимодействия с общественными формированиями, реализации мероприятий общественного контроля, проведение общественной экспертизы документов, налаживание диалога с институтами гражданского общества. Это взаимодействие приносит положительные результаты, выражающиеся в повышении уровня правовой и социальной защищенности сотрудников УИС, а также лиц, содержащихся в учреждениях УИС, расширении возможностей непосредственного участия граждан в процессах разработки и экспертизы ведомственных документов, качественном изменении уровня информационной открытости ведомства. Проблемы государственных органов не могут и не должны скрываться или умалчиваться, а должны решаться совместными усилиями органов власти и гражданского общества.

Дата поступления в редакцию: 20.11.18

N.V. Kiyko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Penal Executive Law of the Faculty of corrections of the Academy of the MIA; Y.Y. Reent, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Management and Organization of MIS activities Academy of the FPS of Russia

ACTIVITIES OF PUBLIC ADVICE, AS THE FORM OF PARTICIPATION OF CITIZENS IN THE WORK OF THE PENITENTIARY SERVICE (RUSSIAN EXPERIENCE)

The analysis of the legal regulation of the activity of public councils under the federal and territorial bodies of the FSIN of Russia is conducted. The concept, basic functions, the order of formation and form of activity of public councils are revealed. Particular attention is paid to the issue of the legal nature of the institution of public councils under executive bodies, the correlation of state and social principles in their legal status.

Keywords: public councils, public control, convicts' rights, criminal-executive system.

УДК 343.9

А.О. Лекхий, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: lexki@mail.ru)

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Предпринимается попытка ретроспективного анализа факторов и событий, оказавших существенное влияние на криминализацию осужденных, отбывавших наказание в виде лишения свободы в исправительно-трудовых и исправительных учреждениях Беларуси в советский и постсоветский периоды (1950–2017 гг.). Исследуются причины и рассматриваются условия, позволившие криминальной субкультуре удерживать позиции в пенитенциарных учреждениях Республики Беларусь.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, лишение свободы, пенитенциарная система, осужденные, криминальная субкультура, исправительно-трудовые учреждения.

Пенитенциарная политика, проводимая государством, раскрывает многие аспекты его правового состояния. Она не только обеспечивает безопасность от внутренних угроз, но и является индикатором экономического благосостояния государства, его образовательной системы, уровня культуры и правосознания населения. Однако существуют обстоятельства и явления, сдерживающие ее развитие и совершенствование. Одним из таких факторов является наличие общественно опасных деяний, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях. Приведем некоторые криминологические сведения применительно к состоянию режима и законности в исправительных учреждениях.

Так, к 1950 г. в пенитенциарных учреждениях БССР насчитывалось 26 560 осужденных (из них 6 163 – особо опасные) [1, л. 19–75, 117].

В то же время в середине XX в. уголовно-исполнительная система СССР характеризовалась состоянием междоусобных войн в криминальном мире, в том числе в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы. Такое поведение различных группировок осужденных криминальной направленности серьезно осложняло оперативную обстановку в исправительных учреждениях. В связи с этим в 1952 г. МВД БССР обратилось в Совет Министров СССР с предложением о нераспространении отмены смертной казни в отношении осужденных, занимающихся бандитизмом в местах лишения свободы [2, с. 30].

В свою очередь, активные действия «воровской элиты» в местах лишения свободы содействовали проведению пенитенциарной политики государства, направленной на ликвидацию преступности в исправительно-трудовых учреждениях и установлению законности и порядка в условиях изоляции от общества [3, с. 74–75].

Вопрос поддержания соответствующего уровня законности и правопорядка в лагерях и колониях стоял на повестке в высших государственных органах. Проведенная в 1955 г. проверка ИТУ вскрыла массу недостатков в деятельности администрации учреждений. Выявлялись отдельные факты сотрудничества руководства исправительных учреждений с криминальными группировками и «авторитетами» для поддержания режима [4, с. 381].

Одним из способов борьбы с нарушениями уголовного закона и режима содержания в исправительных учреждениях, а также для разобобщения враждующих преступных группировок в условиях изоляции от общества являлись переводы активистов «воровского движения» из одного учреждения в другое. Такая тактика приносила определенный результат, однако неустойчивый и кратковременный. В итоге к концу 1950-х гг. было принято логичное решение ликвидировать группировки профессиональных преступников в учреждениях, где они зарождались [5, с. 204–205].

По некоторым данным, за период с 1956 по 1958 г. уровень преступности в отдельных исправительно-трудовых учреждениях снизился более чем на 40 %, а по различным направлениям число совершаемых преступлений сократилось многократно. Происходило поэтапное расформирование криминальных группировок в местах лишения свободы. Такие успехи в борьбе с пенитенциарной преступностью были восприняты советской властью как полная победа над криминальным элементом в условиях изоляции от общества [6, с. 435]. Однако о полной ликвидации пенитенциарной преступности не могло быть и речи.

Так, с 1962 г. происходит ужесточение исправительно-трудового законодательства. Меры поощрения и наказания получают дальнейшую детализацию и конкретизацию. Учитывая многолетний опыт борьбы с преступностью, администрация мест лишения свободы стала активно применять меры дисциплинарного воздействия. На территории Белорусской ССР для осужденных, отнесенных к категории опасных и особо опасных, строгие условия содержания были созданы в тюрьмах Гродно, Могилева и Жодино. За злостное уклонение от отбывания наказания и совершение преступлений в период отбывания наказания в виде лишения свободы к таким осужденным применялся строгий режим [7, с. 236–237].

Изменения в пенитенциарной политике государства вынудили тюремные воровские группировки перестроиться, и к середине 1960-х гг. основу преступного сообщества в тюрьме составили «авторитетные фраера» («центровые», «kozyрные»). Они были первыми претендентами на роли «паханов» и являлись главной опорой «элиты». Там, где отсутствовала власть «воров», «фраера» жили на положении «авторитетов». «Блатные» уже объединялись с «фраерами», но к власти никогда не допускались. Такое положение стало возможным благодаря тому, что в результате междоусобной («сучьей») войны и действий государственной власти ряды «воров» значительно поредели и сообщество остро нуждалось в новых кадрах. К тому же «общак» требовал постоянного пополнения и шулерские навыки «фраеров», ранее считавшиеся недостойными криминальной «элиты», были признаны нужными. Однако несмотря на такое положение «воры», составлявшие в то время примерно 3 % общего количества осужденных, удерживали позицию лидеров и идеологов пенитенциарной преступности [6, с. 436–437].

Несмотря на то, что деятельность криминального элемента имела определенное негативное влияние на состояние оперативной обстановки в учреждениях, «авторитетам» приходилось считаться с представителями администрации исправительных учреждений. По негласной установке лидеры преступного мира должны были избегать прямой конфронтации с сотрудниками, быть вежливыми в общении с ними, не отказываться от выхода на работу.

К концу 1960-х гг. опыт борьбы с криминальным элементом, приобретенный белорусской советской пенитенциарной системой, позволил администрациям учреждений закрепить свои позиции, тем самым усилив режимные требования и контроль за осужденными [7, с. 237–238]. Однако несмотря на предпринимаемые меры по предотвращению преступлений в некоторых исправительно-трудовых колониях все-таки совершались умышленные убийства, наносились телесные повреждения, имели место мужеложство, побеги и имущественные преступления.

Превышение лимита содержания осужденных, отсутствие необходимых санитарно-бытовых условий и трудности с трудоустройством последних во многих исправительно-трудовых учреждениях подтолкнули советское правительство к принятию мер по сокращению численности спецконтингента за счет применения иных мер уголовной ответственности и института условно-досрочного освобождения. Тем не менее число осужденных к лишению свободы на территории советской Беларуси с середины 70-х до середины 80-х гг. XX в. выросло практически в полтора раза. Вместе с увеличением численности спецконтингента в исправительно-трудовых учреждениях произошел стремительный рост нарушений установленного порядка отбывания наказания. По некоторым данным, в это время количество нарушений режимных требований по республике выросло в шесть раз [8, с. 392].

Экономические и социальные преобразования, наступившие в период перестройки, не могли не отразиться на уголовном тюремном мире. Середина 80-х гг. XX в. в истории тюрьмы ознаменовалась появлением новой формации «авторитетов» – «смотрящих» [9, с. 65]. В этой связи В.М. Анисимков отмечает, что носители пенитенциарной субкультуры и традиционные авторитеты преступного мира стали делегировать свои «права» осужденным, проверенным в криминальной среде, – «смотрящим» для осуществления субкультурных функций в исправительных колониях строгого, усиленного и общего видов режима. «Смотрящие» стремились к возрождению «воровских традиций». Эта зародившаяся в Краснодарском крае категория осужденных, сплотившихся по земляческому признаку, организовывала в исправительно-трудовых учреждениях поборы в «общак» для помощи осужденным в ШИЗО и ПКТ, подкуп и давление на сотрудников администрации и вольнонаемного персонала, доставку запрещенных в исправительном учреждении предметов, запугивание осужденных-активистов, сотрудничавших с администрацией [10, с. 32].

Концентрация сложного криминального контингента в исправительно-трудовых учреждениях Беларуси во времена перестройки и попытки «смотрящих» сформировать единые правила противодействия администрации негативно отражались на состоянии оперативной обстановки в учреждениях. Тем не менее дестабилизации деятельности администрации исправительно-трудовых учреждений не произошло.

Дальнейшее влияние на состояние пенитенциарной преступности на белорусских землях оказывали политические события, повлекшие распад Советского Союза и, как следствие, масштабные изменения в социально-экономическом положении Республики Беларусь. Воспользовавшись образовавшимся правовым вакуумом, переделом собственности и территории, криминальные «авторитеты» активизировали свою преступную деятельность в условиях изоляции от общества. Так, в последние годы существования БССР отмечался стремительный рост числа «воров в законе» и «смотрящих». Социально-экономические условия в период разрухи создали предпосылки для преобразования пенитенциарной преступности практически в то состояние, которое наблюдается в исправительных учреждениях Республики Беларусь сегодня.

После распада Советского Союза и обретения Беларусью независимости пенитенциарная система бывшей советской республики оказалась в сложном положении. Стремительно изменяющиеся условия социального, экономического и политического характера выявили недоработки в системе исполнения уголовных наказаний. Ускоренный рост цен на материальные ресурсы и услуги, острый дефицит товаров народного потребления, значительное снижение финансирования различных сфер деятельности, в том числе правоохранительной, негативно повлияли на обстановку в местах лишения свободы. Резкое снижение уровня жизни, условий труда и оплаты, а также морально-психические перегрузки сотрудников исправительных учреждений привели к утечке квалифицированных кадров.

Вышеуказанное было характерно для всей страны в целом, и криминогенная обстановка в республике, соответственно, ухудшилась. Такие масштабные перемены не могли не отразиться на состоянии оперативной обстановки в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы. По данным ДИН МВД Республики Беларусь, численность спецконтингента в таких учреждениях в 1995 г. выросла почти в два с половиной раза по сравнению с 1990 г. Лимит наполнения исправительных учреждений к 1998 г. был превышен более чем на 30 %. Однако превышение лимита наполнения было не единственной проблемой. Появление в местах лишения свободы большого количества осужденных отрицательной направленности обусловило активизацию деятельности осужденных по организации каналов доставки в исправительно-трудовые учреждения запрещенных предметов. При проведении досмотровых и обысковых мероприятий у осужденных изымалось огнестрельное оружие и его составные части, колюще-режущие предметы, спиртные напитки и приспособления для их изготовления, деньги и материальные ценности, наркотические вещества. В 1995 г. было предупреждено более 600 преступлений (в том числе 91 побег), 390 случаев причинения физического вреда здоровью, 19 попыток дезорганизовать работу ИТУ. На сотрудников администрации и их семьи оказывалось давление со стороны группировок осужденных криминальной направленности [7, с. 256–258].

Необходимо отметить и то, что в среде осужденных произошли очередные изменения, разделившие тюремное сообщество на четыре основных формации, которые сохранились и существуют и в настоящее время [11, л. 33]. Так, в 90-х гг. XX в. окончательно формируется новая категория осужденных – актив или «козлы», которая являлась официальным проводником между администрацией учреждения и осужденными. В актив можно было попасть в случае, если осужденный подписывал обязательство о правопослушном поведении, вступал в одну из самодеятельных организаций, высказывал намерения отказаться от преступного образа жизни после освобождения, добросовестно относился к труду и выполнял режимные требования. Однако далеко не все осужденные, состоящие в активе, действительно стремились к исправлению. Для некоторых это был способ сокращения срока наказания, так как чаще всего именно активисты представлялись к условно-досрочному освобождению или к замене неотбытой части наказания более мягким.

Вторую категорию осужденных составляла «элита» – «блатные» и их ближайшее окружение. Являясь самой малой частью от всех осужденных к лишению свободы, «блатные» имели широкие неофициальные полномочия и как «идеологи» преступного мира пропагандировали криминальные традиции и обычаи, вербовали в свои ряды новых участников, чаще молодых

осужденных; занимались организацией и подстрекательством осужденных к совершению различных преступлений; осуществляли поборы средств в «общак»; поддерживали отрицательно направленных осужденных, отбывающих дисциплинарные наказания в карцерах, штрафных изоляторах и помещениях камерного типа; организовывали каналы поступления в исправительные учреждения запрещенных предметов и веществ, а также подкуп сотрудников администрации и оказывали давление на них.

Третью категорию осужденных, существовавшую уже давно и являвшуюся самой многочисленной, составляли «мужики». За эту прослойку тюремного сообщества всегда велась негласная борьба между администрацией учреждения и «блатными», поскольку из-за их численности именно от того, чью сторону примет эта группа осужденных, во многом зависела оперативная обстановка в учреждении. В свою очередь, «мужики», не желавшие портить отношения ни с администрацией, ни с тюремной «элитой», занимали чаще нейтральную позицию. Добросовестное отношение к труду, выполнение режимных требований и стремление к условно-досрочному освобождению соседствовали с уклонениями от вступления в актив, поддержкой многих норм и обычаев криминального мира, уплатой доли в «общак» и отказом от прямого сотрудничества с администрацией учреждения.

Особое место в исправительных учреждениях занимали осужденные с самым низким социальным положением – «обиженные», «петухи», «опущенные». В эту категорию входили осужденные, склонные к гомосексуализму либо подвергшиеся сексуальному насилию, не вернувшие карточный долг, «блатные», нарушившие «воровской закон», «стукачи» и пр. Такой контингент презирался всеми вышеуказанными субкультурными группами и подвергался постоянным гонениям. Неформальными правилами запрещалось принимать что-либо от них, касаться их вещей, пить с ними чай или принимать пищу. Также для них отводились специальные места в столовой, спальных помещениях отрядов; им поручалась самая «грязная» работа (уборка мусора, мытье туалетов); личные вещи этих осужденных обозначали специальными метками (например, делали отверстие в дне миски или ложки). Существование такой прослойки осужденных приносило администрации исправительного учреждения много проблем: постоянные унижения и побои периодически приводили к тяжелым последствиям. Осужденные с низким социальным статусом совершали акты членовредительства; отмечались случаи попыток суицида; иногда «отверженные» мстили своим обидчикам, что в итоге приводило к совершению преступлений насильственной направленности [12, с. 61–123].

К концу 90-х гг. XX в. уголовно-исполнительная система Республики Беларусь насчитывала 35 учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы и меры пресечения в виде заключения под стражу. Из них 23 исправительно-трудовых колонии, 3 воспитательно-трудовых колонии для несовершеннолетних, 2 тюрьмы и 7 следственных изоляторов [7, с. 252–253].

Анализ качественного состава лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях Республики Беларусь, за последние 10 лет позволил выявить следующие тенденции: около 60 % или осуждены за противоправные деяния против собственности (кражи, грабежи), более 25 % – за преступления против жизни и здоровья (убийства, телесные повреждения), около 6 % – за преступления против здоровья населения и общественной нравственности (незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, хулиганства), более 1 % составили осужденные за преступления против половой свободы (изнасилования, развратные действия) [13, с. 45–48].

Тем не менее переполненность исправительных учреждений, осложненная оперативная обстановка, недостаток квалифицированных кадров и демократизация всех сфер деятельности общества и государства потребовали кардинального пересмотра уголовно-исполнительного законодательства и принятия нового уголовно-исполнительного кодекса. Так, в 1997 г. на рассмотрение правительства был вынесен проект уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, вступившего в законную силу в 2001 г. В законодательном акте учитывался накопленный практический исторический опыт, приняты во внимание международные нормы права и отражено современное состояние уголовно-исполнительной системы.

Принятие новых нормативных правовых актов, регулирующих исполнение и отбывание уголовного наказания в виде лишения свободы, применение актов амнистии и широкое использование иных мер уголовной ответственности позволило несколько стабилизировать обстановку

в исправительных учреждениях, однако не решило в полной мере проблемы преступности в них. Так, согласно статистике Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь прирост совершенных осужденными к лишению свободы преступлений с 2004 по 2009 г. составил 74,7 % (2004 – 43; 2005 – 50; 2006 – 58; 2007 – 132; 2008 – 161; 2009 – 170), при этом количество предупрежденных преступлений за тот же период снизилось на 51,7 % (2004 – 1 416; 2005 – 1 404; 2006 – 1 100; 2007 – 979; 2008 – 811; 2009 – 732).

Сокращение численности спецконтингента на 11 557 человек по республике привело к значительному улучшению материально-бытовых условий содержания осужденных, что позволило администрации исправительных учреждений в период с 2009 по 2014 г. добиться снижения уровня преступности в исправительных учреждениях почти в три раза. Однако начиная с 2014 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь наблюдается рост общественно опасных деяний. Так, количественный прирост пенитенциарных преступлений за период с 2014 по 2015 г. составил 37,9 %, с 2015 по 2016 г. – 25 %, а с 2016 по 2017 г. – 22 %.

В целом, с 2014 по 2017 г. прирост совершаемых преступлений в исправительных учреждениях Республики Беларусь составил 110,3 %, а удельный вес совершенных преступлений на тысячу осужденных за аналогичный период вырос почти на 92 %.

Подводя итоги, следует отметить, что борьба уголовно-исполнительной системы Беларуси с преступностью в местах лишения свободы на протяжении исследуемого периода времени отмечалась неустойчивым характером по объективным и субъективным причинам.

Междоусобная война среди криминальной элиты привела к значительным изменениям в уголовном мире. Борьба за лидерство между «ворами» старой и новой формации не просто наносила физический урон профессиональной преступности, но и предопределила эволюцию неформального «воровского закона». Это позволило профессиональным преступникам и осужденным отрицательной направленности приспособиться к законным требованиям советской власти.

Попытки администрации исправительно-трудовых учреждений использовать раскол среди «блатных» имели только временный успех. С укреплением позиций «воров» новой формации и появлением субкультурных подгрупп осужденных уголовно-исполнительная система БССР практически вернулась к состоянию режима и законности довоенного периода.

Дальнейшие события, повлекшие распад СССР, ухудшили экономическое, социальное и политическое состояние Беларуси и «отбросили» в своем развитии пенитенциарную систему страны назад. Превышение лимита осужденных, дефицит квалифицированных кадров, отсталость нормативной правовой регламентации порядка и условий отбывания наказания, правового положения осужденных, а также острая нехватка финансовых средств отразились на материально-бытовых условиях для осужденных и значительно обострили оперативную обстановку в исправительно-трудовых учреждениях.

Последующая разработка и принятие уголовно-исполнительного кодекса и других нормативных правовых актов, отвечающих современным реалиям, использование института амнистии, снижение численности спецконтингента и улучшение материально-бытового положения исправительных учреждений некоторым образом стабилизировали оперативную обстановку, однако проблему пенитенциарной преступности не решили.

Современная пенитенциарная преступность составляет незначительную долю всего массива преступности в Республике Беларусь (0,1–0,2 % по статистическим данным МВД Республики Беларусь за последние 10 лет), но из-за высокой степени ее общественной опасности и угрозы для организации и проведения воспитательной работы, порядка и условий отбывания наказания наличие этого явления предопределяет необходимость повышенного внимания в аспекте ее противодействия. Это обуславливает актуальность дальнейших научных изысканий пенитенциарной преступности на современном этапе развития белорусского общества.

Список использованных источников

1. Архив МВД Республики Беларусь. Ф. 33. Оп. 28. Д. 6.
2. Аладьина, Л.С. Российская уголовно-исполнительная система: исторические этапы формирования / Л.С. Аладьина, О.Г. Ковалев, Г.Х. Шабанов. – М. : [б. и.], 2007. – 346 с.
3. Дубягина, О.П. Криминологическая характеристика норм, обычаев и средств коммуникации криминальной среды / О.П. Дубягина. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 204 с.

4. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века : учебник / М.Г. Детков [и др.] ; под ред. А.И. Зубкова. – 3-е изд. – М. : Норма, 2006. – 720 с.
5. Казак, Б.Б. Социально-психологические особенности личности и среды осужденных : учеб. пособие / Б.Б. Казак, А.И. Ушатиков ; под общ. ред. Х.С. Шамсунова. – 2-е изд. – Псков : Псков. юрид. ин-т ФСИН, 2007. – 345 с.
6. Дмитриев, Ю.А. Пенитенциарная психология : учебник / Ю.А. Дмитриев, Б.Б. Казак. – Ростов н/Д : Феникс, 2007. – 688 с.
7. Шарков, А.В. Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь: история и современность / А.В. Шарков. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 323 с.
8. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк / А.В. Борисов [и др.] ; редкол.: В.И. Воронцов [и др.] ; гл. ред. А.Г. Горлов. – М. : Об-ние ред. МВД России, 1996. – 464 с.
9. Кутякин, С.А. Влияние «воров в законе» на криминологическую ситуацию в исправительных учреждениях / С.А. Кутякин // Уголов.-исполн. право. – 2014. – № 2. – С. 65–71.
10. Анисимков, В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы / В.М. Анисимков. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 204 с.
11. Блохин, Ю.И. Организационно-правовые меры нейтрализации негативного влияния групп осужденных отрицательной направленности в тюрьмах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю.И. Блохин. – Ростов н/Д, 1999. – 233 л.
12. Корецкий, Д.А. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение / Д.А. Корецкий, В.В. Тулегенов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. – 243 с.
13. Криминологическая характеристика преступности в Республике Беларусь и государствах – участниках СНГ / С.И. Герасимова [и др.] ; под ред. В.М. Хомича. – Минск : БГУФК, 2015. – 129 с.

Дата поступления в редакцию: 17.09.18

A.O. Legkiy, Postgraduate student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of MIA of the Republic of Belarus

THE CHARACTERISTIC OF PENITENTIARY CRIME

An attempt is made to retrospectively analyze the factors and events that have had a significant impact on the criminalization of convicts who served their sentences in the form of imprisonment in corrective labor and correctional facilities in Belarus in the Soviet and post-Soviet period (1950–2017). The reasons are investigated and conditions that allow the criminal subculture to hold positions in the penitentiary institutions of the Republic of Belarus are examined.

Keywords: penitentiary criminality, imprisonment, penitentiary policy, convicts, criminal subculture, correctional labor institutions.

УДК 343.2/.7

А.Л. Савенок, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь

ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА БЕСПИЛОТНЫМ АВТОМОБИЛЕМ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Рассматриваются уголовно-правовые проблемы использования беспилотных автомобилей. Отмечается, что отечественное законодательство, регулирующее дорожное движение, сконструировано на идее того, что за рулем конкретного транспортного средства находится водитель, который им управляет. Однако при совершении дорожно-транспортного происшествия беспилотным автомобилем с правовой точки зрения ситуация меняется кардинально. Большое число субъектов, участвующих в создании беспилотных автомобилей, а также принимающих различные решения в процессе их эксплуатации, порождает сложность в определении конкретного виновного лица при совершении аварии, повлекшей гибель людей или причинившей материальный ущерб. Обосновывается необходимость совершенствования отдельных уголовно-правовых норм, а также разработки государственной концепции развития робототехники и систем искусственного интеллекта в Республике Беларусь, которая должна стать стратегической областью деятельности на ближайшие годы.

Ключевые слова: беспилотный автомобиль, дорожно-транспортное происшествие, вина, автоматизированная техническая система (робот), робототехника, искусственный интеллект.

В различные исторические периоды жизнь людей проходила под влиянием того или иного доминирующего фактора. Так, долгое время поведение людей напрямую зависело от сил природы, что породило различные обряды, среди которых огромное значение имели жертвоприношения. В дальнейшем образ жизни людей формировался преимущественно под влиянием авраамических религий, предопределивших развитие истории человечества на протяжении последних тысячелетий. Так, к XX в. доминирующее положение в человеческом обществе заняло право, своеобразной вершиной которого стало принятие в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека. Что касается периода конца прошлого столетия и начала текущего, то люди находятся под влиянием одного из самых противоречивых и неоднозначно воспринимаемых факторов – технизации человеческой деятельности.

Пережив различные промышленные революции, современное общество оказалось во власти техники. Сегодня трудно представить жизнь людей без автоматизации производства, применения новых конструкционных материалов, использования ракетно-космической техники, широкого применения компьютерной техники и обращения к информационным технологиям. Кульминацией усилий в этом направлении представляется создание искусственного интеллекта, способного по своим возможностям превзойти человека и заменить его во многих сферах деятельности. Тем самым впервые в своей истории люди столкнулись с ситуацией, которая может привести к разрушению веками формировавшейся границы между человеком и техникой. С правовой точки зрения здесь также имеет место множество проблем, не нашедших соответствующего осмысления в современной юридической науке. Очевидно, что развитие новых технологий привело к событиям, существенно повлиявшим на социальную реальность, однако еще не решенным в правоприменительной практике и исследованиях ученых (например, использование беспилотных автомобилей (БА)).

Так, в марте 2018 г. в г. Темпе (штат Аризона) автомобиль Volvo XC90 насмерть сбил пешехода, переходившего дорогу. Обычно подобная ситуация не вызывает серьезных трудностей при квалификации действий виновного лица [1]. Но обозначенное ДТП нельзя никак отнести к обычному. Впервые в истории человек погиб в результате совершения ДТП БА. В этой связи остро возник вопрос о правовой оценке лиц, причастных к смерти пешехода. Учитывая, что Беларусь ввиду географического положения и вовлеченности в мировую экономику не может оставаться в стороне от происходящих процессов глобализации, рассматриваемая проблема для республики также является крайне актуальной. Вполне очевидно, что в ближайшем будущем дороги будут использоваться для перемещения грузов и пассажиров с помощью белорусских БА, а это всегда связано с риском совершения ДТП, в которых могут пострадать люди.

Так, отечественные нормативные правовые акты, регулирующие дорожное движение, сконструированы на идее того, что за рулем конкретного транспортного средства находится водитель, который им управляет. Такое требование вытекает из Конвенции о дорожном движении, предполагающей безусловное установление виновника ДТП со всеми вытекающими правовыми последствиями. В то же время в случае причинения вреда общественным отношениям с участием БА ситуация с правовой точки зрения меняется кардинально, особенно если речь идет об уголовной ответственности. Большое количество субъектов, участвующих в создании БА, а также принимающих различные решения в процессе их эксплуатации, порождает сложность в определении конкретного виновного лица при совершении аварии, повлекшей гибель людей или причинившей имущественный ущерб. Вообще сформировавшиеся в прошлом веке и доминирующие сегодня научные подходы в теории уголовного права однозначно не позволяют решать вопросы вины в случае причинения вреда беспилотной техникой. Уголовный кодекс Республики Беларусь с подобными проблемами ранее не сталкивался и по целому ряду позиций нуждается в переосмыслении.

Итак, изготовление и эксплуатация БА – очень сложный и трудоемкий процесс, в котором задействованы различные специалисты: математики, конструкторы, программисты, техники, операторы и др. Самое сложное в эксплуатации такой техники – «заставить» аппарат самостоятельно анализировать различные ситуации и реагировать на них безошибочно. При этом следует учитывать, что при интеллектуальном управлении программные алгоритмы заранее не задаются, а формируются самой системой управления на основе формализованных описаний целей, знаний о возможных действиях и информации о текущих изменениях состояния внешней среды [2, с. 94]. Иными словами, особенность функции искусственного интеллекта заключается

в способности обучать себя на основе накопленного опыта, собирать необходимую информацию и, обрабатывая ее, делать определенные выводы. В целом это позволяет БА с элементами искусственного интеллекта действовать по-разному в аналогичных ситуациях, что неизбежно создает проблемы контроля и предсказуемости его действий. Следовательно, правовая оценка причинения вреда общественным отношениям в процессе использования БА с разным уровнем автономности должна быть различной. Чем выше автономность, тем мягче должно быть наказание для виновных лиц в случае причинения вреда общественным отношениям. Кроме того, следует учитывать и тот факт, что чем выше уровень автономности БА, тем сложнее установить лиц, напрямую причастных к определенному событию, повлекшему причинение вреда общественным отношениям. По этой причине первостепенной задачей на пути дальнейшего развития автомобилестроения является определение вида и предела ответственности субъектов, осуществляющих разработку, эксплуатацию и сервисное обслуживание БА.

В то же время следует признать, что существующие в настоящее время в отечественном уголовном праве институты и уголовно-правовые нормы не рассчитаны на оценку причинения вреда общественным отношениям БА или иной автоматизированной технической системой (роботом), обладающей искусственным интеллектом. Анализ УК показывает, что в нем нет статей, прямо предусматривающих уголовную ответственность за нарушение правил эксплуатации автоматизированных технических систем, разработку ненадлежащего программного обеспечения, нарушение технологии его установки и обслуживания, повлекших причинение вреда общественным отношениям. И здесь важно отметить, что статьи, сформулированные в гл. 28 УК «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта», не могут быть применены в рассматриваемых случаях. В этой связи на первоначальном этапе внедрения БА необходимо внести в УК общую норму, предусматривающую ответственность за нарушение требований в области транспортной безопасности. Подобные статьи уже присутствуют в уголовном законе других стран. Так, в Уголовный кодекс Российской Федерации включена ст. 263.1 «Нарушение требований в области транспортной безопасности», предусматривающая ответственность за неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах. По мнению российских исследователей М.С. Фокина и Н.С. Рязанова, по указанной статье необходимо привлекать к ответственности за разработку ненадлежащего программного обеспечения для беспилотников, нарушение технологии его установки и обслуживания, создавшие угрозу причинения тяжкого вреда здоровью, смерти человеку либо крупного имущественного ущерба. Кроме того, по этой же статье предлагается привлекать к уголовной ответственности за ненадлежащую эксплуатацию беспилотников [3, с. 108].

С развитием технологий и широким внедрением в эксплуатацию БА потребуются дальнейшая разработка уголовно-правовых норм, которые бы соответствовали современной социальной реальности. Нормы уголовного закона, регулирующие высокотехнологическую сферу, должны обладать универсальностью и быть независимы от изменений информационных технологий, так как данная область человеческой деятельности быстро развивается и невозможно совершенно точно знать, к чему это приведет через определенное время. Очевидно, что формирующаяся правовая реальность призывает по-новому посмотреть на существующие принципы уголовного права, в том числе на принцип личной виновной ответственности. Сегодня субъектом преступлений может быть только физическое лицо. Однако использование роботов с элементами искусственного интеллекта влечет к вопросу о необходимости определения правового статуса такого автономного объекта [4, с. 42]. Кроме того, как представляется, предметом уголовно-правового регулирования должна быть не только сфера применения автоматизированных технических систем, но и собственно технология ее разработки. В этом случае необходимо предусмотреть соответствующие статьи в Особенной части уголовного закона с формальными составами преступлений, предусматривающие уголовную ответственность за сам факт незаконного производства роботов с элементами искусственного интеллекта.

Также следует учесть, что БА сами могут быть объектом посягательства со стороны хакеров, и поэтому обеспечение кибербезопасности должно стать неотъемлемым элементом общей безопасности функционирования автоматизированных технических систем. В этой связи обоснованно и логично провести анализ норм гл. 31 УК «Преступления против информационной безопасности» на предмет их соответствия общественным отношениям, регулирующим такую высокотехнологическую сферу, как робототехника.

Подводя итог сказанному, важно отметить, что внедрение БА и необходимость обеспечения безопасности движения и эксплуатации транспорта в современных условиях требуют включения в отечественный УК общей нормы, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение требований в области транспортной безопасности. Дальнейшее уголовно-правовое регулирование разработки и использования БА также не может вестись стихийно. Видится важным в максимально сжатые сроки прийти к общему пониманию сложившихся в теории уголовного права подходов и соответствующих положений технических нормативных правовых актов. В случае необходимости, а возникновение такой необходимости вполне очевидно, следует безотлагательно гармонизировать отечественное законодательство в рассматриваемой сфере, и в частности сделать это на единой, доступной каждому нормативной основе. Важно разработать государственную концепцию развития робототехники и систем искусственного интеллекта в Республике Беларусь – базу стратегической области нормотворческой деятельности на ближайшие годы. Такая концепция должна быть ориентиром для юристов и всех заинтересованных специалистов в области инновационного развития республики.

Список использованных источников

1. Комарикова, С.А. Уголовно-правовая оценка нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (статья 264 УК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.А. Комарикова ; Ом. акад. МВД России. – Омск, 2018. – 22 с.
2. Понкин, И.В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. «Юрид. науки». – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 91–109.
3. Фокин, М.С. Актуальные проблемы уголовно-правовой регламентации противоправного использования беспилотных мобильных средств / М.С. Фокин, Н.С. Рязанов // Актуал. проблемы рос. права. – 2018. – № 1. – С. 103–110.
4. Баранов, П.П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы / П.П. Баранов // Северо-Кавк. юрид. вестн. – 2018. – № 1. – С. 39–45.

Дата поступления в редакцию: 14.10.18

A.L. Savenok, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CAUSING HARM BY A SELF-DRIVING CAR: QUALIFICATION PROBLEMS

We consider the criminal law problems of self-driving cars. It is noted that the domestic legislation regulating traffic is based on the idea that the driver who drives it drives it himself. However, when a self-driving car participates in a road accident, from a legal point of view, the situation changes dramatically. A large number of subjects involved in the creation of self-driving cars, as well as making various decisions in the course of their operation, creates difficulty in identifying the specific perpetrator when committing an accident that caused death of people or caused material damage. The necessity of improving certain criminal law norms, as well as the development of the state concept for the development of robotics and artificial intelligence systems in the Republic of Belarus, which should become a strategic area of activity for the coming years, is substantiated.

Keywords: self-driving car, traffic accident, guilt, automated technical system (robot), robotics, artificial intelligence

УДК 343.541

В.В. Стальбовский, преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: vudiksvv@gmail.com)

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ПЕДОФИЛОВ (СЛЕНГ, СИМВОЛИКА, СРЕДА ОСОБОЙ АКТИВНОСТИ)

Раскрываются особенности идентификации и определения косвенных признаков, присущих преступникам-педофилам. Анализируются современные тенденции, характерные для личности педофила (речевые фразеологизмы, графические предпочтения, поведенческие особенности). Определяются зоны особой

активности лиц, имеющих склонность к совершению сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних.

Рассматриваются некоторые аспекты международного опыта по выявлению преступников-педофилов в сфере повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов (на примере Великобритании). Разработаны практические рекомендации для родителей, социальных работников, психологов, медицинских работников, сотрудников, кадровых аппаратов общеобразовательных, оздоровительных детских учреждений с целью повышения уровня безопасности несовершеннолетних в среде их наибольшей активности.

Предлагаются меры противодействия исследуемому виду преступлений против половой свободы или половой неприкосновенности несовершеннолетних, основанные на выявлении отличительных особенностей педофилов в социуме, необходимые для всех уровней субъектов, непосредственно занимающихся проблемами обеспечения безопасности несовершеннолетних от посягательств насильственно-сексуального характера.

Ключевые слова: сленг педофилов, интернет-сообщества педофилов, бойлавер, герлавер, сигнальный набор, «культура» педофилов, среда особой активности педофилов, программа «Вмешательство для защиты ребенка», даркнет, группировки линейного и иерархического типа.

Каждый индивид с момента рождения обладает индивидуально-обособленными признаками биологически обусловленного характера. По мере взросления человек приобретает новые отличительные особенности, склонности, вырабатывает иные манеры поведения. Названные процессы зависят от среды, в которой ребенок растет, взрослеет, вступает в самостоятельную жизнь.

По мере формирования личности у определенной части индивидов в силу ряда причин и условий (среды жизнедеятельности) проявляется отклоняющее поведение, противоречащее нормам морали и законодательства. Так личность становится преступным элементом с присущими ей отличительными особенностями. Последние в зависимости от вида и характера преступной деятельности, в свою очередь, имеют особые присущие только определенному виду преступной деятельности признаки. Совокупность именно этих признаков позволяет идентифицировать субъектов или группу субъектов в особую группу (касту, сообщество, секту, криминальную прослойку и др.).

Идентификация – установление тождественности неизвестного объекта известному на основании совпадения признаков. Идентификация в информационных системах – присвоение субъектам и объектам идентификатора или сравнение идентификатора с перечнем присвоенных идентификаторов, например, идентификация по штрихкоду. Личная идентификация (самоидентификация) в философии – ответ на вопрос об отношении личности к самому себе [1].

Идентификация различных индивидов и групп по особым признакам – важная составляющая в структуре постоянно изменяющегося общества для правоохранительных органов и иных заинтересованных субъектов обеспечения национальной безопасности в зависимости от политики государства, осуществляющего целенаправленную программу по противодействию тому или иному виду преступной деятельности. Именно идентификация позволяет конкретнее определиться с объектом профилактики, сберегая экономические и кадровые ресурсы, выбирая более целенаправленный вектор воздействия на преступные элементы, заранее определяя проблемные зоны наибольшей криминальной активности.

Так и в сфере педофилии как асоциального и деструктивного отклонения в обществе, определяемом международной классификацией как болезнь [2], идентификация и самоопределение особо значимы для педофилов и для их разоблачающих лиц.

В качестве подтверждения указанного выше можно привести пример особого значения косвенных признаков, вероятнее всего присущих педофилам, для правоохранительных органов, социальных работников и государственных служащих. Например, британские полицейские по американской программе проходят специальный обучающий курс по распознаванию педофила по ряду косвенных признаков (в частности, по одежде и татуировкам и др.). По программе обучения навыкам раннего распознавания потенциального растлителя детей стали обучаться полицейские графства Дарэм на северо-востоке Англии.

Вообще данная система была разработана в США при участии профессора Джо Салливана, консультанта британских полицейских, расследовавших похищение в Португалии четырехлетней М. Маккейн и убийство в Уэльсе пятилетней Э. Джоунс. Около 400 полицейских прошли обучение по программе «Вмешательство для защиты ребенка» (Intervene to Protect a Child, IPC). Для правоохранителя в работе здесь важно знать следующее: определенного типа татуировки, ма-

нера одеваться и книги – все то, что может служить достаточно четким индикатором человека, который имеет сексуальный интерес к детям. По словам начальника полиции Д.М. Бартона, обозначенная программа позволяет сотрудникам правоохранительных органов более умело разбираться в деталях поведения преступника. Так, полицейские Дарэма после прохождения обучения успешно пользуются полученными знаниями при обнаружении определенного «сигнального набора» у личности, находившейся в постоянном контакте с чужим ребенком. Обучаются по новой программе также учителя, пожарные и социальные работники.

По словам все того же автора программы, представленную методологию он выработал, проинтервьюировав несколько тысяч растлителей, и нацелил свою разработку на сотрудников, непосредственно работающих с населением и не задействованных в расследовании дел, связанных с детской сексуальной эксплуатацией. Согласно статистике в США эта методика за последние три года помогла спасти от растления более 150 детей. Также Джо Салливан подчеркивает, что не намерен делиться результатами своих исследований с широкой публикой и предпочитает, чтобы они оставались исключительно для служебного пользования [3].

Педофилы живут среди нас, а мы ходим по улицам, живем в домах, общаемся и понятия не имеем, кто на самом деле эти люди. С учетом степени латентности преступлений против половой свободы или половой неприкосновенности несовершеннолетних, по самым скромным оценкам криминологов, уровень скрытности и фальсификации окружающей действительности индивидов, совершивших или склонных совершать преступления сексуальной направленности в отношении детей, достаточно высок. Таким образом, необходима проработка группы признаков, которые с наибольшей степенью вероятности помогут как обычному гражданину, так и субъектам, занимающимся противодействием рассматриваемому виду преступности, осуществить меры предупреждения и профилактики.

Вообще выделить в обособленную группу, т. е. идентифицировать по «сигнальному набору» (наиболее ярко выраженные признаки) лиц, склонных к педофилии, возможно по ряду параметров: сленгу, символике, среде особой активности, характерному поведению.

Сами педофилы делят себя на две основные группы «по интересам»: герлаверы – любители девочек, одинокие люди, 40–50 лет, обычно тучного телосложения, очень закомплексованные, создающие фиктивные имейлы, приходящие в чаты с целью найти себе подобных и обсудить похождения, которыми они выделяются среди себе равных (обозначаются в чатах, форумах, интернет-группах, сообществах символами GL); бойлаверы ориентированы на мальчиков, средний возраст 30 лет, свои действия преступлением не считают, хотя психически здоровы (используют самоидентификационный значок BL). На их сайтах публикуются обнаженные фото подростков и муссируется тема Древнего Рима (где извращенцам было так хорошо жить).

В виртуальной среде для наибольшей активности педофилы используют в межличностном общении псевдонимы «папочка», «папаша», «дочкин папа», «взрослый», «воспитатель». При этом следует отметить, что в межличностной среде слово «педофил» является оскорбительным.

Потерпевших от своих преступных действий они называют «зайцами» и «конями». «Зайцами» или «заями» педофилы называют мальчиков в возрасте до 14 лет, с которыми вступают в «добровольный» сексуальный акт. Это обозначение исключительно славянское, в европейских странах оно не используется.

Деление по возрастным критериям (16 лет и старше) у педофилов условно. Многие разоблаченные педофилы утверждали, что для них имеет значение факт появления месячных у девочки. Если таковой имел место, то девочка рассматривается ими как женщина, если нет – то как «разновидность мальчика». На сленге педофилов такие девочки называются «двужопые». Многие преступники рассматриваемой категории интересуются только детьми препубертатного возраста (до начала полового созревания), и этот факт является принципиальным отличием от иных сексуальных лиц, склонных совершать противоправные общественно опасные деяния.

Символика играет особую роль в жизни каждой личности, а стремление выделиться среди себе равных на психосоматическом уровне есть у всех культур мира. Не является исключением и деструктивная для общества «культура» педофилов. Символика педофилов всего мира абсолютно идентична. Так, если речь идет о мальчиках, то на любом интернет-ресурсе данной тематики (чат, форум, группа в социальной сети, официальный сайт) присутствует знак – спиралевидный

треугольник, обычно светло-серого, темно-синего или черного цвета. Также иногда встречаются подобные символы зеленого или золотистого цвета, а направлены спирали всегда по часовой стрелке. Этот символ может быть размещен по всему сайту либо присутствовать в шапке сайта (совмещенный с названием форума), быть частью какой-либо картинки с изображением детских рисунков или малолетнего мальчика. Разработка этого логотипа пришлась на 70-е гг. XX в. и является «творением» голландского художника Отто Ломюллера. В славянских странах логотип стали использовать в начале 90-х гг. По словам самого Отто, логотип символизирует начало пирамиды и спираль – познание, обращенное внутрь себя. Также существует и другое мнение: спиралевидный треугольник являет собой два совмещенных треугольника, внешний из которых обозначает педофила, внутренний – маленького мальчика. Символ при этом может несколько видоизменяться в зависимости от тематики форума, но всегда четко узнаваем. Еще педофилы всего мира изготавливают для себя ювелирные украшения, делают татуировки, имеют брелоки и прочую атрибутику, содержащие в том или ином контексте названный символ.

Если говорить о любителях девочек, то символом здесь считается маленькое сердце, окруженное большим сердцем, указывающим на связь между взрослым мужчиной или женщиной и маленькой девочкой. Еще есть логотип любителей детей в виде бабочки, указывающий на половые предпочтения.

К слову сказать, вышеприведенные символы присутствуют и отображены в несколько зашифрованном виде на логотипах некоторых всемирно известных мировых компаний, рассекреченных ФБР в 2007 г.

Говоря о татуировках у педофилов, подобные рисунки (символы), описанные выше, наносятся по собственному желанию, чаще всего в местах, скрытых от внешнего взгляда. Принудительное их нанесение чаще осуществляется в местах лишения свободы. Таких насильников «опускают» (делают пассивными гомосексуалистами), соответствующая татуировка им наносится на грудь и спину, но в принципе судьба всех обладателей таких татуировок одинакова.

Вариант татуировки, по которой осужденные определяют преступника-педофила, является «чушок-вампир». «Кочегар духовки» – еще недавно такая татуировка украшала ягодицы лиц, осужденных по статье за мужеложство [4]. Например, в Австралии сокамерники принудительно наносят татуировку «слезы из глаз», клеймя насильника несовершеннолетних [5].

Среда «особой активности педофилов» ассоциируется с местами сбора наибольшего количества лиц, склонных к педофилии, с зонами наибольшей гиперреактивности обменом файлов с содержанием запрещенной информации, фото- и видеоматериалов с несовершеннолетними. Обычно такая среда особой активности формируется на основе признаков беспрепятственного объединения в группы, характеризуется широким спектром обмена информации, высоким уровнем безнаказанности, мощной конспирацией, оперативными возможностями удаления информации и последующего функционирования на иных нераспознанных правоохранительными органами площадках. Сюда относятся: интернет-сообщества педофилов, официальные сайты, чаты, форумы, группы в социальных сетях, скрытые интернет-сети.

По нашему мнению, проблема среды особой активности лиц педофилческой направленности строится на основе двух ключевых явлений: функционирование интернет-сообщества педофилов и отсутствие юридической ответственности за интернет-груминг несовершеннолетних. Для подтверждения и закрепления признаков и характеристик исследуемых явлений, а также акцентирования на них внимания предлагаются следующие авторские определения понятий. Интернет-сообщество педофилов – функционирующая в глобальной компьютерной сети интернет группа индивидов, объединенных целью оправдать педофилию как общесоциальное естественное явление (признание педофилии сексуальной ориентацией) для каждого члена которой характерно отклоняющееся сексуальное влечение к несовершеннолетним; созданная для обмена материалами или предметами порнографического характера, тактикой и методами вербовки жертв, определения приемлемых мест для возможных сексуальных контактов с несовершеннолетними, разработки способов совершения и сокрытия своей противоправной деятельности, определения мер противодействия правоохранительным органам и выработки линии поведения в случае задержания. Интернет-груминг – установление и поддержание доверительного контакта с лицом, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, а равно навязчивые предложе-

ния о встрече с жертвой с целью совершения общественно опасных деяний или эксплуатации контакта для изготовления порнографических материалов или предметов порнографического содержания с использованием глобальной компьютерной сети Интернет.

Довольно сложно в данном случае строить прогнозы на будущее в раскрытии и расследовании преступлений против половой свободы или половой неприкосновенности несовершеннолетних, качественной профилактике и противодействии, в контроле над запрещенными файлообменными системами, в изучении DarkNet – скрытой сети, соединения в которой устанавливаются только между доверенными пользователями, иногда именующимися как «друзья», с использованием нестандартных протоколов и портов.

Например, ФБР и другие правоохранительные органы используют торрент-трекеры для поиска файлов, связанных с детской порнографией. Затем они скачивают файлы, используя модифицированную версию торрент-клиента, которая загружает полные файлы из одного источника, и определяют IP-адрес компьютера, вовлеченного в распространение таких материалов [6].

Содержание и наполнение контента в вышеприведенных площадках для общения по интересам в Америке, Европе и восточнославянских странах абсолютно не различается.

Изначально у тематических форумов в пределах среды особой активности нет цели создания преступных группировок педофилов. Регистрация обычно происходит в одиночку с целью завязать знакомство и найти оправдание собственным действиям с равными себе. Затем на форумах появляется своя идеология, манифесты, иерархия, структура. В подобных неправомерных документах открыто заявляется о том, что дети сами вправе распоряжаться своей жизнью, половой свободой и делать осознанный выбор. И здесь однозначно можно утверждать, что именно на таких форумах появляются преступные группировки линейного и иерархического типа. Первые, объединяясь по предварительному сговору в количестве 2–8 человек, вместе совершают преступления (похищение с целью сексуальной эксплуатации, внедрение в качестве воспитателей в оздоровительные лагеря, совместные выезды в места наибольшей концентрации незащищенных несовершеннолетних, сельскую местность особой отдаленности, создание незаконных сект, кружков, групп в молодежной среде). Особую опасность такие группы представляют в случае наличия властного ресурса, функционирования в группе лиц, имеющих влиятельное должностное положение. Например П. Ньюэлл, осужденный за изнасилование ребенка, консультант ЮНИСЕФ, был ключевой фигурой в создании международных стандартов в области «защиты детства». Или, например, доклад, озаглавленный «Движение за запрет телесных наказаний в семье: истоки, методы, результаты», показывает, что начало движения за запрет телесных наказаний в семье восходит к деятельности легальной педофильской организации «Обмен информацией по педофилии» (Pedophile Information Exchange, PIE), существовавшей в Великобритании с 1974 по 1982 г., когда педофилия рассматривалась многими представителями английской общественности как один из аспектов прав гомосексуалистов [7].

Формирование и функционирование преступных группировок иерархического типа строится на основе создания закрытого интернет-ресурса, на котором собираются педофилы из различных социальных слоев общества. Путь попадания в подобные группы осуществляется либо по личному разрешению владельца ресурса, либо за денежные средства, либо по рекомендации не менее чем двух уже состоявшихся участников. Затем назначаются ответственные по территориальному принципу и только после личного общения с хозяином форума. Далее к владельцу ресурса поступают просьбы о сведении с проверенным человеком на закрепленном участке для получения информации об объектах возможной сексуальной эксплуатации и местах безнаказанного удовлетворения своих патологических влечений. Все это основано на принципе круговой поруки.

Например, в ходе проведенного мониторинга в числе прочих был выявлен интернет-форум «Звездный принц». По данным статистики сайта на нем было зарегистрировано более четырехсот аккаунтов. В основном это сами педофилы, а также приглашенные ими на этот сайт дети, объясняющие там, что сексуальные отношения с взрослыми – абсолютно нормальное явление. Все участники используют вместо личной фотографии изображения 8–11-летних детей. По данным запроса whois сам форум расположен на сервере компании ISPSYSTEM-MNT в Москве [8].

Важно еще подчеркнуть, что чаще всего жертвы педофилов в Сети сами записывают для них видео. К такому выводу пришли исследователи Internet Watch Foundation в рамках доклада, по-

священного проблемам сексуального насилия онлайн [9]. Данный факт еще раз подтверждает, что предупредительные меры должны исходить первоначально от родителей. Именно от контроля семьи за виртуальной жизнью детей зависит их безопасность.

Таким образом, идентификация преступников-педофилов по косвенным и присущим им ярко выраженным признакам необходима для реализации комплекса мер по обеспечению безопасности лицами, осуществляющими воспитательные и административно-управленческие функции в общеобразовательных, оздоровительных, детских культурно-развлекательных учреждениях, дошкольных детских учреждениях (зонах наибольшей активности детей, где у самих детей и у их родителей возникает так называемая иллюзия безопасности ввиду присутствия лица, которому временно вверено осуществлять воспитательные функции), и для качественной профилактики и предупреждения преступлений правоохранительными органами, индивидуальной профилактики на закрепленной административно-территориальной единице.

Так, детальный анализ косвенных признаков, раскрывающих в некоторой части возможность идентифицировать педофилов, показывает, что профилактика преступления является востребованной реалией современного интенсивно развивающегося общества. Быстро меняются нормы морали и традиции, мотивы поведения и формы реализации потребностей, нередко преступного характера. Достаточно часто в повседневной жизни люди почти не задумываются о личной безопасности, на первый план вынося собственные бытовые проблемы. Именно бдительность и внимательность к происходящему вокруг может оказаться действенным способом недопущения реализации преступного умысла.

С учетом сказанного обоснованно предложить для использования в практике работников государственных и частных учреждений, связанных с осуществлением рабочих функций непосредственно с несовершеннолетними, следующие методы: незамедлительно сообщать о подозрительных и незнакомых лицах на территории или в помещениях учреждений; проводить мониторинг социальных сетей несовершеннолетних на наличие факта участия в неформальных нетрадиционных интернет-группах раз в шесть месяцев; проводить индивидуальную беседу социальных педагогов или психологов с воспитуемыми несовершеннолетними раз в шесть месяцев о взаимоотношениях в семье; незамедлительно сообщать в органы опеки и попечительства, инспекции по делам несовершеннолетних о замкнутости и значительном изменении поведения воспитанников учреждений; проводить беседы с родителями раз в полгода на родительских собраниях с участием социальных педагогов и психологов по выявлению отличительных особенностей и психологических отклонений (как дополнительная функция подобных собраний); ежемесячно информировать несовершеннолетних об опасностях и особенностях контактов с незнакомцами (в том числе с применением водозаборов чрезвычайных происшествий с детьми для 5–11 классов); обязательно информировать представителей правоохранительных органов, персонал учреждений о новых способах, формах, методах совершения преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, ориентировать их на выявление несвойственного поведения детей; осуществлять обязательные медицинские осмотры раз в год с отметкой психолога о психоэмоциональном состоянии детей; проводить обязательные круглосуточные дежурства в летних оздоровительных лагерях с особым контролем посторонних лиц и др.

Практически все лица с подобным аномальным сексуальным влечением к детям используют информационные технологии для обмена между собой материалами запретного содержания, так как удовлетворить в реальной жизни свои инстинкты в данный момент не имеют возможности. Еще раз хочется подчеркнуть, что будущее правоохранительных органов в противодействии преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних видится именно в контроле за виртуальной средой, так называемой зоной особой активности педофилов – интернет-сетью, а именно даркнетом.

Список использованных источников

1. Идентификация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 12.09.2018.

2. Международная квалификация болезней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 12.09.2018.
3. Полицию учат узнавать педофила по косвенным признакам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/uk/2015/04/150416_child_abuse_early_detection. – Дата доступа: 12.09.2018.
4. Насильственные татуировки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://murzim.ru/jenciklopedii/jenciklopedija-banditskih-tatuirovok/19585-nasilstvennye-tatuirovki.html>. – Дата доступа: 12.09.2018.
5. Татуировка «слеза» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://barakatattoo.ru/article/tatuirovka-sleza>. – Дата доступа: 12.09.2018.
6. ФБР отслеживает педофилов с помощью модифицированных BitTorrent-клиентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.securitylab.ru/news/485898.php>. – Дата доступа: 12.09.2018.
7. Английский педофил [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravoslavie.ru/110986.html>. – Дата доступа: 12.09.2018.
8. Сеть педофилов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pedofilov.net/our-achievements/set-pedofilov-feliks-podrobnosti-rassledovaniya>. – Дата доступа: 12.09.2018.
9. Как уличить педофила в Сети [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kp.ua/life/608200-eksperty-rasskazaly-kak-ulychyt-pedofylov-v-sety>. – Дата доступа: 12.09.2018.

Дата поступления в редакцию: 05.11.18

V.V. Stalbovsky, Lecturer at the Department of Penal Law of the Faculty of Corrections of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

DISTINCTIVE FEATURES OF PEDOFILES (SLANG, SYMBOLS, FIELD OF SPECIAL ACTIVITY)

The peculiarities of identification and determination of indirect features common to pedophile criminals are disclosed. The modern tendencies in the identity of a pedophile are analyzed, such as their speech phraseological units, graphic preferences, behavioral characteristics. Areas of special activity of persons prone to commit sexual crimes against minors are determined.

Some aspects of international experience in the identification of pedophile criminals in the sphere of professional development of law enforcement officers are considered (on the example of Great Britain). Based on a detailed analysis of the indirect features common to pedophiles examined in the article proposals are made, which help to identify them, give recommendations parents, social workers, personnel units of general educational and recreational children's institutions, help to increase the level of safety of minors in the midst of their greatest activity.

Measures to combat crimes against sexual freedom or sexual inviolability of minors, based on the identification of the distinctive features of pedophiles in society, necessary for all levels of subjects directly dealing with the problems of ensuring the safety of minors from encroachments of violent-sexual nature are proposed.

Keywords: slang of pedophiles, online community of pedophiles, boylover, girlover, alarm set, «culture» of pedophiles, Pedophile Information Exchange (PIE), program Intervene to Protect a Child (IPC), darknet.

УДК 343.8

Т.Г. Терещенко, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: tati2034@yandex.ru)

ЭТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ: ВОПРОСЫ ПРИНЯТИЯ СТАНДАРТОВ ПОВЕДЕНИЯ

Рассматриваются этические стандарты поведения как база в противодействии коррупционным действиям государственных служащих (приравненных к ним лиц, иностранных должностных лиц). Трактуются положения модельных кодексов поведения должностных лиц, действующих в странах Европейского союза (Модельного кодекса поведения должностных лиц и Модельного кодекса поведения для государственных служащих). В указанных документах объединены положения нескольких рекомендаций Комитета министров Совета Европы, Программы по борьбе с коррупцией (принятой Комитетом министров в 1996 г.), а также Заключительной декларации и Плана действий (приняты в 1997 г. в Страсбурге). Предлагается авторское видение современного положения норм этического поведения применительно к административ-

ванию в Республике Беларусь, а также содержательный аспект типового кодекса государственного служащего с целью оптимизации указанного направления в работе.

Ключевые слова: этика, кодекс поведения, коррупция, должностное лицо.

Преступность выступает одним из факторов внутренних угроз для национальной безопасности современного белорусского общества. Общественно опасные последствия преступности затрагивают различные сферы жизнедеятельности, нанося часто невосполнимый ущерб (вред). Особенно актуально это для коррупционной преступности, так как по данным мировых экспертов латентность указанного вида преступлений составляет порядка 95–98 %. В то же время практика борьбы с коррупцией показывает, что даже наличие четко проработанной и действенной системы мер противодействия данному негативному явлению не гарантирует его полного искоренения. В борьбе с коррупцией одним из важных факторов выступает профессиональная этика государственного служащего.

Государственный служащий как представитель и выразитель интересов и воли народа своей деятельностью должен максимально обеспечивать достижение общественного блага; при прохождении службы (трудовой деятельности) обязан соблюдать как действующие нормативные правовые акты в сфере администрирования, так и общепринятые нормы этического поведения.

Моральные принципы и правила поведения пронизывают все сферы общественных отношений. Так, нормы права – установленные (директивные) и обязательные для исполнения требования, облеченные в законы, декреты, указы и т. п., – не способны регулировать абсолютно все жизненные ситуации. Это связано с тем, что право воздействует только на часть общественных отношений, имеющих базисное значение для общества, в силу чего нуждаются в особой охране со стороны государства. Все иные виды отношений остаются свободными от правового воздействия и могут регулироваться этическими правилами поведения, основанными на моральных принципах.

Деятельность государственных должностных, приравненных к ним лиц или иностранных должностных лиц, также подробно регламентирована нормами права, в том числе антикоррупционного законодательства. Тем не менее и сфера принятия управленческих решений не свободна от этических стандартов, основывающихся прежде всего на нравственно-психологических свойствах личности самого должностного лица. К ним относятся: уровень развития его нравственности и интеллекта, сила воли, степень уравновешенности при принятии решений, а также взаимоотношений с коллегами, подчиненными. Должный уровень развития названных признаков – надежный гарант антикоррупционного поведения, так как здесь видится образ честного и порядочного человека, уважительно относящегося к своим должностным обязанностям и коллегам по службе.

Для дальнейшей оптимизации регулирования административной этики государственной службы в Республике Беларусь как одного из важных факторов противодействия коррупционному поведению интерес для рассмотрения представляют основные положения некоторых этических правил (кодексов) поведения. Суть выбранного для рассмотрения вопроса невозможно раскрыть, не основываясь на положениях международных стандартов, облеченных в кодексы, правила и нормы администрирования, а также принимая во внимание то, что отдельные положения этического поведения служащих освещены в ряде исследований А.В. Башана, Л.Б. Волченко, А.А. Грицанова, В.П. Кохановского, Р.И. Хасбулатова, В.А. Федоровича и др.

Так, стоит отметить, что основу для закрепления морально-нравственных (этических) признаков поведения отдельных лиц традиционно представляют своды правил поведения. Истории известны религиозные кодексы (например, десять заповедей буддизма, семь законов потомков Ноя), профессиональные кодексы поведения (например, клятва Гиппократова, Бусидо) и корпоративные кодексы (например моральный кодекс строителя коммунизма). Несмотря на их деление по принципу регулирования той или иной сферы деятельности, все они основаны на моральных принципах, в центре которых – понимание достойного поведения лица в соответствии с моралью данного сообщества.

Применительно к антикоррупционной составляющей государственной службы одним из основополагающих нормативных актов, регулирующих именно поведенческий аспект службы, является Международный кодекс поведения государственных должностных лиц (далее – Кодекс) (принят резолюцией 51/59 Генеральной Ассамблеи ООН 12 декабря 1996 г.). По своему

содержанию это небольшой документ, включающий наиболее важные и концептуальные положения относительно этической стороны государственной службы. В рамках общих положений в Кодексе указано, что государственная должность – «должность, облеченная доверием», в связи с чем должностные лица обязаны проявлять абсолютную преданность государственным интересам и представляемым демократическим институтам власти. Кроме того, в Кодексе предъявляются и повышенные требования к профессиональной составляющей указанных лиц с требованием от них компетентности, добросовестности, эффективного и умелого распоряжения государственными ресурсами. Нравственно-психологическая структура личности должностного лица оценивается с позиции внимательности, справедливости и беспристрастности, в том числе и в отношении с общественностью, исключая дискриминацию и необоснованные предпочтения отдельным лицам (группам).

Особое место в системе государственной службы отводится коллизиям интересов и отказам от права (конфликтам интересов и ограничениям по службе соответственно согласно положениям Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 315-З «О борьбе с коррупцией»). Так, государственное должностное лицо не вправе использовать свое официальное положение для неподобающего поведения и извлечения личных выгод или личных (финансовых) выгод для своих семей. В силу этого прописан запрет на участие в сделках, выполнение функций, а также наличие финансовых, коммерческих или иных аналогичных интересов, несовместимых с должностью (функциями, обязанностями).

Далее Кодекс описывает механизм разрешения возможного конфликта интересов: сообщение о наличии таковой коллизии и действие сообразно мерам, установленным для того, чтобы уменьшить или устранить коллизию. Кроме того, государственным должностным лицам прописан запрет на недолжное использование денежных средств, собственности, услуг и информации для осуществления деятельности, не связанной с выполнением ими официальных функций. Также в Кодексе охраняются государственные отношения в аспекте невмешательства в определенные сферы деятельности в будущем, когда чиновник покинет свою официальную должность (например, перевод на другую должность, достижение пенсионного возраста и т. п.). Тем самым Кодекс предупреждает возникновение возможных протекционистских влияний со стороны чиновника, что является немаловажным для системы мер противодействия коррупции.

В рамках сообщения сведений об активах государственного должностного лица прописано указать до вступления в должность все сведения о личных активах (счета, имущество, доля в управлении компанией и т. п.) и довести до общественности наличие такового и у супруга (супруги), иждивенцев. В ходе осуществления полномочий чиновнику запрещается получать любые подарки и предпочтения в связи с занимаемой должностью, в том числе активно добиваться таковых знаков внимания; распространять конфиденциальную информацию, участвовать в политической деятельности вне рамок официальных обязанностей, чтобы не подрывать веру общественности в беспристрастное выполнение своих функций.

Таким образом, видится, что в Кодексе детально прописан поведенческий аспект чиновников, охраняя последних от возникновения как реальных, так и потенциальных злоупотреблений при осуществлении функциональных обязанностей, а также конфликтов интересов.

Мировому сообществу известны и иные этические кодексы, правила поведения, в том числе применительно к должностным лицам (приравненным к ним лицам) в рамках их служебной (профессиональной) деятельности. Ярким тому примером могут служить положения Модельного кодекса поведения для государственных служащих (приложение к Рекомендации № R (2000) 10 Совета Европы). Предмет указанного Кодекса – уточнение норм поведения и требование честности, которые должны соблюдаться государственными служащими для оказания им (служащим) помощи в выполнении должностных обязанностей и информировании граждан о том, какого поведения они вправе ожидать от государственных служащих. В положениях Кодекса детально прописываются нравственно-психологические свойства должностных лиц (честность, беспристрастность, вежливость, терпимость или лояльность), порядок разрешения конфликта интересов в случае противостояния личных, общественных интересов и интересов по службе, а также отдельные аспекты ведения политической жизни, обращения с конфиденциальной информацией, принятия недолжного обогащения.

Анализ показывает, что многие положения Кодекса 2000 г. сходны с положениями Кодекса 1996 г., т. е. они стали основой для дальнейшего развития вопросов этического регулирования государственной службы. В то же время Кодекс 2000 г. является более детальным в вопросах правовых принципов осуществления своей деятельности: законности, политической нейтральности, честности, беспристрастности, компетентности, справедливости, вежливости, являющихся базисными требованиями к эффективному менеджменту управления. Стоит учитывать, что рассматриваемый Кодекс вообрал в себя положения и иных международных документов, описывающих стандарты поведения: рекомендации Комитета министров Совета Европы о доступе к информации и статусе государственных служащих, Программы по борьбе с коррупцией (принята Комитетом министров в 1996 г.), а также Заключительной декларации и Плана действий (приняты в 1997 г. в Страсбурге). Кроме того, Кодекс основан на двадцати руководящих принципах борьбы с коррупцией (Резолюция (97) 24 Совета Европы).

Раскрывая далее положения Кодекса, важно остановиться и на положениях, касающихся столкновения интересов и порядка их разрешения (ст. 13). Здесь в первую очередь разъясняется, что столкновение интересов возможно лишь в случае, если государственный служащий заинтересован в том или ином вопросе, а это противоречит требованию объективного и беспристрастного исполнения служебных обязанностей, т. е. алгоритм разрешения реального или потенциального конфликта сводится к следующему:

- внимательно относиться к любому столкновению интересов;
- заблаговременно принять меры для недопущения такого столкновения интересов;
- доводить до сведения вышестоящего начальника информацию о любой коллизии интересов;
- отказаться от выгоды, породившей столкновение интересов;
- заявить о наличии любой выгоды (финансовой, экономической и т. п.) до занятия соответствующей должности (поста).

Отдельный интерес вызывают положения, раскрывающие алгоритм поведения должностного лица в целях предупреждения недолжного им обогащения или выгоды (ст. 18). Здесь механизм действий сводится в первую очередь к недопущению потенциального обогащения, т. е. к исключению создания условий для такового (например, истребование подарков, услуг взамен принятия положительного решения в интересах заинтересованного лица). При этом должностное лицо обязано:

- отказаться от недолжной выгоды;
- попытаться установить личность сделавшего такое предложение;
- избегать длительных контактов с подобного рода личностями, иметь при этом незаинтересованных свидетелей;

если подарок нельзя вернуть, отклонить, то использовать его минимально (например, поставить на баланс предприятия и ввести в общественное пользование);

доложить о данном факте непосредственному руководителю (или в компетентный правоохранительный орган), написав докладную записку;

продолжить работу в обычном порядке, избегая принятия неправомерных решений.

Подобного рода алгоритм может быть принят во внимание и белорусским законодателем, так как национальное право не конкретизирует порядок действия должностных лиц как в случае потенциального или реального конфликта интересов, так и при фактах недолжного обогащения.

Отдельно в Кодексе прописаны положения, касающиеся прекращения работы в государственной должности (ст. 26, 27). Ввиду того, что не исключена возможность дальнейшего влияния служащего на отношения, возникшие постфактум (протекционизм, фаворитизм), Кодекс прямо запрещает использовать информацию, ставшую ему (служащему) известной в связи с выполнением своих должностных обязанностей ранее, а также беспрепятственно получать доступ в административные органы.

Таким образом, важно отметить, что указанные выше кодексы поведения должностных лиц служат основой для регламентации деятельности государственного служащего при выполнении своих обязанностей начиная с момента поступления на службу и заканчивая ее окончанием. Законодателем предпринята попытка урегулирования вопросов возникновения потенциальных и реальных конфликтов интересов, а также их преодоления.

Применительно к деятельности должностных лиц в Республике Беларусь и требованиям, предъявляемым к ним с позиции морально-этического аспекта, данная сфера также подробно регламентирована. Например, отдельные положения Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь», Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» или Правил профессиональной деятельности адвокатов, медиаторов, лиц, оказывающих юридические услуги, занимающихся проведением экспертиз и т. п., предъявляют требования к этической составляющей.

Указанные выше кодексы поведения приняты во многих странах мирового сообщества. Некоторые страны пошли по пути самостоятельной разработки аналогичных правил поведения. Следовательно, Республика Беларусь не осталась безучастной в данном вопросе. Так, еще в рамках реализации Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь на 2001–2005 годы, обусловившей необходимость реализации стратегического курса на формирование социально ориентированной рыночной экономики, более глубокой интеграции страны в мировую экономическую систему, совершенствования механизма управления обществом, в качестве одной из ее стратегических задач предусматривалась разработка Этического кодекса государственного служащего Республики Беларусь. Кодекс должен был определять систему ценностных и нравственных ориентиров, этических требований к характеру взаимоотношений государственных служащих с обществом, отдельными гражданами.

Тем не менее в силу объективных и субъективных причин кодекс не был разработан. По этой причине выбран путь разрозненного закрепления морально-этических норм поведения в различных правилах поведения применительно к отдельным сферам деятельности или службам. Так, в рамках служебной деятельности сотрудников ОВД Республики Беларусь разработаны и введены в действие Правила профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь (утверждены приказом МВД от 4 марта 2013 г. № 67). Данные правила содержат положения о нравственно-психологических особенностях сотрудников ОВД, порядке их отношений с гражданами и коллегами, требованиях при принятии решений. Так, положения правил не противоречат нормам, прописанным в кодексах поведения должностных лиц на уровне стран Европейского союза и мирового сообщества в целом.

Но до сих пор в республике отсутствует единый кодекс этического поведения для должностных лиц (служащих). Представляется, что указанная практика может быть продолжена. С учетом мирового опыта в данном направлении работы можно предложить определенный алгоритм, направленный на выработку этических составляющих и облечение их в кодекс поведения должностного лица. Итак, в первую очередь целесообразно исходить из общих представлений о морально-нравственных принципах и качествах человека, включая деловой аспект любого чиновника. Здесь следует исходить из определенных нравственно-психологических свойств и качеств личности: беспристрастности, нейтральности к политической деятельности, эффективности, компетентности, вежливости.

Далее следует остановиться на содержательном аспекте кодекса, включив в него общие положения, касающиеся осуществления любой государственной (публичной) службы. В этой связи стоит упомянуть универсальные принципы общественной жизни, сформулированные Комитетом по стандартам публичной сферы (Англия, 1994 г.):

- самоотверженность (учет общественных интересов, а не личных);
- целостность (преодоление стороннего влияния и возникновения конфликта интересов);
- объективность (принятие решений без дискриминации и предвзятости);
- подотчетность (отчетность общественности о своих действиях и иным органам);
- открытость (прозрачность принятия решений, за исключением информации ограниченного распространения);
- честность (правдивость при осуществлении обязанностей);
- лидерство (реализация указанных принципов в своей жизни и стремление к самосовершенствованию).

Раскрывая особенности отправления полномочий в сфере государственного администрирования, далее необходимо конкретизировать моральный аспект чиновника до поступления на

службу и по окончании данной деятельности. В этом аспекте видится целесообразным отметить следующие моменты:

- обязательность ознакомления с содержанием кодекса;
- прохождение процедуры декларирования доходов (имущества);
- соблюдение ограничений, установленных для государственных должностных лиц;
- порядок разрешения конфликтов интересов (принятия недолжного обогащения);
- обращение с служебной информацией;
- предотвращение попыток оказания влияния после оставления государственной службы.

Также возможно включение в содержание кодекса стандартных этических правил обращения с гражданами, ведения переговоров (проведения брифингов, совещаний), содержащих требования к внешнему виду, речи, стилю поведения чиновников.

Таким образом, создание унифицированного этического кодекса поведения государственных должностных лиц (приравненных к ним лиц, иностранных должностных лиц) в Республике Беларусь в рамках любой сферы деятельности (контрольно-надзорная, в сфере охраны общественного порядка, разрешения административных процедур и т. п.) обеспечит комплексный подход при выполнении должностных обязанностей. Типовой кодекс послужит основой для формирования должной морали в сфере государственной службы, уважительного отношения к ней в общественном сознании, а также выступит средством самоконтроля служащих, что тем самым будет способствовать эффективности деятельности последних.

Дата поступления в редакцию: 17.09.18

T.G. Tereshchenko, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Head at the Department of Penal Law of the Faculty of Corrections of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

ETHNIZATION OF STATE SERVICE: ISSUES OF ADOPTION OF STANDARDS OF CONDUCT

Ethical standards of behavior as a basis for counteracting the corrupt actions of civil servants (equated to them persons, foreign officials) are considered in the article. The author reveals the provisions of model codes of conduct for officials operating in the countries of the European Union, namely the Model Code of Conduct for Officials and the Model Code of Conduct for Public Officials. These documents included the provisions of several recommendations of the Committee of Ministers of the Council of Europe, the Program to Combat Corruption (adopted by the Committee of Ministers in 1996), and the Final Declaration and Action Plan (adopted in 1997 in Strasbourg). In this regard, the author describes the current situation of norms of ethical behavior with regard to administration in the Republic of Belarus, proposes a meaningful aspect of the model code of a civil servant in order to optimize this direction in work.

Keywords: ethics, code of conduct, corruption, official.

ГРАЖДАНСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 347.122

Р.Ю. Березнёв, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: ruslan.bereznyov@gmail.com)

НЕПРАВОМЕРНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАРКЕТИНГОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ

Рассматривается проблема действительности сделок, совершаемых под влиянием агрессивного маркетинга. Исследуется правовая оценка действительности сделок, совершаемых в результате применения ненадлежащих маркетинговых технологий (установка фильтров для очистки воды, ремонт окон, диагностика компьютерного оборудования, замена электрооборудования, приобретение бытовой техники, кухонных приспособлений, косметики). На основе анализа отечественного законодательства и судебной практики, предлагается авторское видение на проблему защиты прав граждан от агрессивного маркетинга.

Ключевые слова: гражданское право, свобода договора, сделки, принуждение, маркетинговые технологии, защита гражданских прав.

Коммерческие организации с целью формирования спроса и увеличения прибыли используют различные маркетинговые технологии. Некоторые из применяемых техник продаж направлены не столько на информирование о свойствах товара или услуг, сколько на подавление воли потребителей, особенно лиц, которые в силу возраста или состояния здоровья в большей мере подвержены такому воздействию (пожилые и одинокие люди).

Например, продавцы фильтров для очистки воды проводят экспресс-исследования, показывающие, насколько плохая вода течет из крана; рассказывают о негативных последствиях для здоровья при ее употреблении; предоставляют специальную скидку и возможность приобретения товара в рассрочку. По завершении эффективной рекламы потребители не сомневаются, что им жизненно необходима предлагаемая очистительная система. Установщики окон также начинают с бесплатной диагностики, в ходе которой выясняется, что необходима замена старых окон или их ремонт и сервисного обслуживания.

Среди способов, стимулирующих и увеличивающих количество продаж, можно привести аромарекламу – использование запахов (ароматизацию). Специальные технические средства и устройства позволяют ароматизировать торговые залы, пространство вблизи рекламных стендов, помещения, в которых проходят рекламные акции, презентации, пункты общественного питания, кинозалы, художественные галереи, медицинские и косметологические центры, места проведения досуга. Распространяемые запахи оказывают неосознаваемое воздействие на людей, заставляя их приобретать рекламируемый товар или услугу.

Распространители рекламы развешивают в подъездах рекламные объявления, проводят собрания жильцов дома, осуществляют звонки на абонентские номера телефонов, в ходе которых настойчиво предлагается посетить презентации того или иного вида продукции. Некоторые клиенты считают, что они обязаны совершить покупку только потому, что продавцы потратили время на демонстрацию товара или услуги.

С одной стороны, мошенниками таких распространителей назвать нельзя, так как в большинстве случаев в их деяниях не усматриваются признаки преступлений или административных правонарушений: предпринимательская деятельность осуществляется через зарегистри-

рованных в установленном порядке юридических лиц, договоры оформляются в надлежащей форме, где перечислены все существенные условия. По результатам принятые обязательства исполняются. Вместе с тем под влиянием давления от применяемых маркетинговых технологий потребители приобретают товары и услуги, которые им не нужны или которые могут быть приобретены в другом месте в несколько раз дешевле.

Таким образом, проблема защиты гражданских прав, нарушенных в результате неправомерного использования маркетинговых технологий (агрессивного маркетинга), нуждается в научном исследовании, так как в отечественной цивилистике практически отсутствуют исследования в рассматриваемой сфере.

Согласно наиболее распространенной юридической конструкции в гражданском праве в качестве одного из условий действительности сделки называется соответствие волеизъявления внутренней воле лица [1, с. 500; 2, с. 223]. Волеизъявление является юридической категорией и обычно не выделяется в психологии, с точки зрения которой воля выступает как единый психический процесс. Наиболее удачным видится здесь научное определение воли предложенное В.А. Ойгензихтом, который на основе анализа существующих научных позиций рассматривает данную категорию как «психическое регулирование поведения, заключающееся в детерминированном и мотивированном желании достижения поставленной цели, в выборе решения, разработке путей, средств и применении усилий для их осуществления» [2, с. 24]. Так, по общепринятому в юриспруденции утверждению волеизъявление состоит в выражении воли лица вовне, благодаря которому она становится доступной восприятию другими. Разграничение воли и волеизъявления в гражданском праве является необходимым. Здесь очень четко отмечает Ф.С. Хейфец, что «только в их единстве заложена сущность сделки. Отсутствие любого из этих элементов означает отсутствие сделки» [3, с. 8].

Свобода осуществления предпринимательской деятельности, выражающаяся в том числе в свободном рекламировании производимых и реализуемых товаров, работ или услуг, заложена в основе современной рыночной экономики. При этом для создания благоприятной экономической среды, обеспечения поддержки добросовестной конкуренции и прав участников гражданского оборота государство гарантирует защиту прав и интересов потребителей. В соответствии со ст. 5 Закона Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» потребитель имеет право на свободный выбор товара (работы, услуги).

Кроме того, посредством принятия соответствующих нормативных правовых актов предусматриваются необходимые ограничения распространения рекламы. Так, Закон Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» (далее – Закон о рекламе) устанавливает запрет на ненадлежащую рекламу, к которой относится недобросовестная, недостоверная, неэтичная, скрытая и иная реклама, при производстве и (или) размещении (распространении) которой допущены нарушения законодательства. Также законодательством предусмотрены последствия такой рекламы. В частности, п. 2 ст. 31 Закона о рекламе предусматривает возможность лица, права и интересы которого нарушены в результате производства и (или) размещения (распространения) ненадлежащей рекламы, в установленном законодательством порядке обратиться в суд с исками, в том числе с исками о компенсации морального вреда.

По причине того, что в п. 4 ст. 26 Закона о рекламе не содержится исчерпывающего перечня способов воздействия скрытой рекламой на восприятие потребителя рекламы, рассмотренные выше способы распространения рекламной информации можно отнести к ряду явлений, оказывающих воздействие «иными способами». Признание рассмотренных способов воздействия скрытой рекламой позволяет также отнести их в соответствии с абз. 5 ст. 2 Закона о рекламе к ненадлежащей рекламе со всеми правовыми последствиями.

Таким образом, сделка, совершенная в результате ненадлежащего применения маркетинговых технологий, повлекшая неблагоприятное воздействие на формирование воли потребителя, может быть признана недействительной. Вместе с тем давление, оказываемое на формирование воли и волеизъявления в результате применения маркетинговых технологий, труднодоказуемо, что подтверждается отечественной судебной практикой.

Суды признавали названные сделки недействительными только в случае несоответствия продукции технической документации, указания недостоверной или неполной информации о продукции или услугах, реализации недоброкачественного товара или бывшего в употреблении.

Субъекты хозяйствования также учитывают судебные решения и устраняют обстоятельства, которые могут повлиять на признание сделок недействительными. Они проводят обучение своих работников, делают договоры более качественными, что уменьшает вероятность возврата товара. И здесь суды все чаще отказывают в удовлетворении исковых требований потребителей в связи с отсутствием достаточных оснований.

На основании сказанного видится обоснованным предложение нескольких вариантов решения обозначенной проблемы.

Первый. Предложить судам рассматривать дела о признании недействительными сделок, которые совершены под давлением маркетинговых технологий, по аналогии с кабальными сделками. Так, в соответствии с п. 1 ст. 180 Гражданского кодекса Республики Беларусь под кабальной понимается сделка, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств на крайне невыгодных для себя условиях, чем другая сторона воспользовалась. Однако вместо стечения тяжелых обстоятельств учитывать психологическое и иное давление на потребителя, т. е. признавать недействительными сделки, совершенные на крайне невыгодных условиях под влиянием психологического или иного давления. Но в то же время данный подход может породить случаи злоупотребления правом со стороны потребителей.

Второй. Уточнить сложившийся в отечественной цивилистической доктрине и получивший закрепление в гражданском законодательстве подход, в соответствии с которым способами неправомерного принуждения признаются насилие и угроза. Автор считает целесообразным закрепить возможность признания недействительными сделок и иных юридических волеизъявительных действий, совершенных под влиянием иных способов неправомерного принуждения, в числе которых ненадлежащее использование маркетинговых технологий.

Так, обоснованно внести изменения в ст. 180 ГК, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 180. Недействительность сделки, совершенной под влиянием принуждения, обмана, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или вследствие стечения тяжелых обстоятельств.

1. Сделка, совершенная под влиянием принуждения, за исключением случаев, когда такое принуждение допускается законодательными актами, обмана, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной, а также сделка, которую лицо было вынуждено совершить вследствие тяжелых обстоятельств на крайне невыгодных для себя условиях, чем другая сторона воспользовалась (кабальная сделка), может быть признана судом недействительной по иску любого заинтересованного лица».

Третий. Признание указанных сделок недействительными в судебном порядке требует определенных временных и материальных затрат и не гарантирует защиту прав потребителей, особенно пожилых и одиноких лиц. В связи с этим необходимо обратиться к опыту зарубежных стран, в которых есть понятие «периода охлаждения». Так, лицу, которое совершило импульсивную сделку, предоставляется определенное время, в течение которого оно может в одностороннем порядке расторгнуть договор. В Республике Беларусь данный подход реализован частично и распространяется лишь на определенный перечень товаров надлежащего качества.

С учетом проведенного анализа целесообразно закрепить в гражданском законодательстве право потребителя в течение 14 дней («период охлаждения») с момента приобретения вернуть товар, который был приобретен «у порога» за счет продавца, и соответственно обязанность продавца принять такой товар обратно.

В данном случае реализация одного из предложенных подходов позволит обеспечить надлежащую защиту прав участников гражданских правоотношений, в том числе лиц, которые в силу возраста, состояния здоровья или психических особенностей подвержены такому воздействию.

Список использованных источников

1. Гражданское право : учебник : в 3 т. / под общ. ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2008–2010. – Т. 1 / А.В. Каравай [и др.]. – 2008. – 864 с.
2. Колбасин, Д.А. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / Д.А. Колбасин. – Минск : Акад. МВД, 2016. – Ч. 1. – 496 с.
3. Ойгензихт, В.А. Воля и волеизъявление: очерки теории, философии и психологии права / В.А. Ойгензихт. – Душанбе : Дониш, 1983. – 256 с.

4. Хейфец, Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву / Ф.С. Хейфец. – М. : Юрайт, 1999. – 162 с.

Дата поступления в редакцию: 21.09.18

R.Y. Bereznoyv, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Civil and Labour Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CIVIL MEASURES OF PROTECTION AGAINST ILLEGAL MARKETING TECHNOLOGIES

The problem of validity of transactions made under the influence of aggressive marketing is considered.

The purpose of this work is to study the legal assessment of the validity of transactions made as a result of improper marketing technologies (installation of filters for water purification, repair of windows, diagnostics of computer equipment, replacement of electrical equipment, purchase of household appliances, kitchen appliances, cosmetics). The author, having analyzed the national legislation and judicial practice, offers his opinion on the problem of protecting the rights of persons from aggressive marketing.

Keywords: civil law, transactions, coercion, aggressive marketing, protection of civil rights.

УДК 349.225.6

Е.В. Боровая, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: borev@yandex.ru)

**ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
КАК ОСОБЫЙ ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Рассматриваются различные подходы к юридической ответственности, акцентируется внимание на дисциплинарной ответственности. Анализируется суть дисциплинарной ответственности, изучаются ее отличия от иных видов юридической ответственности.

Предлагается внести изменения и дополнения в Трудовой кодекс Республики Беларусь относительно дисциплинарной ответственности с учетом проведенного исследования.

Ключевые слова: юридическая ответственность, дисциплинарная ответственность, признаки дисциплинарной ответственности

Необходимость поддержания законности и дисциплины – важные условия эффективного функционирования любого современного государства и общества. Именно состояние законности и уровень правопорядка – одни из самых наглядных показателей уровня развития правовой культуры. Только законная, обоснованная и целесообразная реализация мер юридической ответственности способствует установлению правопорядка в государстве и поддержанию исполнительской дисциплины, а также выступает одной из гарантий законности. По этой причине вопросы правовой регламентации юридической ответственности в условиях реформирования государственности и совершенствования правовой системы актуальны.

Вообще суть и понятие юридической ответственности выступают предметом исследования многих юридических наук: и фундаментальных, и отраслевых. В теории права выделяется несколько видов юридической ответственности: уголовная, гражданско-правовая, административная, материальная и дисциплинарная. Дискуссионными являются также вопросы выделения и иных видов юридической ответственности: уголовно-процессуальной, конституционной и др.

Вместе с тем следует отметить, что относительно самого определения юридической ответственности, понимания ее сути единого подхода до настоящего времени не выработано, что создает трудности при ее реализации.

Согласно С.И. Ожегову понятие «ответственность» может рассматриваться двояко: как необходимость, обязанность отдавать кому-нибудь отчет в своих действиях, поступках, т. е. как позитивное качество с акцентом на нравственном аспекте, в частности чувстве ответственности; как вынужденная ответственность за плохой ход дела, за проступки [1], т. е. как возложение ответственности за какие-либо поступки (с негативной точки зрения).

С научной точки зрения ответственность как таковая рассматривается в философии, социологии, политологии, психологии и т. д. При этом выделяются различные виды социальной ответственности: нравственная, политическая, религиозная, юридическая и т. д.

Большинство ученых-юристов обращаются к изучению юридической ответственности и рассматривают ее именно с точки зрения негативного аспекта: как реакцию со стороны государства на совершенное правонарушение. Основными особенностями юридической ответственности (в негативном аспекте) являются следующие: юридическая ответственность выступает как защитная реакция общества и государства на совершенное противоправное деяние и выражается в общественном порицании, осуждении правонарушителя и применении к нему государственно-принудительного воздействия за содеянное на основе соответствующего правоприменительного акта; меры воздействия в отношении лица, совершившего противоправный поступок, установлены санкциями юридических норм; основанием привлечения к юридической ответственности является такое деяние, которое можно квалифицировать как правонарушение; государственно-принудительное воздействие связано с претерпеванием лицом, совершившим противоправное деяние, определенных лишений личного, имущественного или организационного характера; властно-принудительные меры в отношении правонарушителя применяются компетентными органами государства при соблюдении установленного законодательством процессуального порядка [2, с. 157].

Вместе с тем в юридической науке имеет место выделение так называемой позитивной юридической ответственности. Например, Э.А. Калинина и А.Л. Козик определяют юридическую ответственность как реакцию (меру) государства на правовое поведение, которая может быть положительной (позитивной) в случае активного правомерного поведения лица (премия, перевод на высокооплачиваемую должность, награда и т. д.) и отрицательной (негативной) в случае совершения им правонарушения (штраф, лишение свободы и т. д.) [3, с. 129]. Однако данная точка зрения широкого распространения среди ученых-юристов не получила.

Тем не менее к пониманию сущности юридической ответственности в юриспруденции все-таки выделяется два наиболее распространенных подхода. В первом случае это особая (связанная с правонарушением) субъективная обязанность правонарушителя претерпевать предусмотренные нормами права неблагоприятные для него карающие меры за противоправное поведение (например, подход В.А. Кучинского [4, с. 177]). Согласно второй точке зрения юридическая ответственность – это разновидность, определенная мера государственного принуждения, выражающаяся в претерпевании лицом, совершившим правонарушение, определенных, предусмотренных законодательством лишений за свое противоправное деяние (например, Н.А. Горбаток) [5, с. 156]. Традиционно принято выделять пять видов юридической ответственности: уголовная, административная, гражданско-правовая, дисциплинарная и материальная. Но сегодня специалистами предпринимаются попытки обосновать выделение и иных видов юридической ответственности: конституционной, уголовно-процессуальной и др.

Говоря об особенностях дисциплинарной ответственности, следует рассмотреть ее характеристики, позволяющие отграничить ее от иных видов юридической ответственности. Здесь прежде всего следует говорить об обусловленности наступления дисциплинарной ответственности трудовыми отношениями, т. е. о наличии основанной на заключенном трудовом договоре особой юридической связи между работником и нанимателем. Следующей позицией является то, что дисциплинарная ответственность наступает перед нанимателем, с которым у работника заключен трудовой договор. Наложение мер дисциплинарной ответственности связано с применением так называемых делегированных санкций, которые вправе налагать только орган (руководитель), которому предоставлено право приема (избрания, утверждения, назначения на должность) и увольнения работников. Таким образом, привлечение к дисциплинарной ответственности осуществляется не органом государства (уполномоченным должностным лицом), а непосредственно нанимателем, с которым у работника заключен трудовой договор, выступающим как уполномоченный государства. Основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности является совершение работником дисциплинарного проступка, т. е. противоправного виновного неисполнения или ненадлежащего исполнения трудовых обязанностей. Формой реализации дисциплинарной ответственности будет применение нанимателем к работнику, нарушившему трудовую дисциплину, мер дисциплинарного взыскания и иных мер дисциплинарного воздействия.

В настоящее время в действующей редакции Трудового кодекса Республики Беларусь не содержится легального определения дисциплинарной ответственности, что порождает споры по поводу понимания ее сути и формулировки самой дефиниции данного вида юридической ответственности.

Рассматривая дисциплинарную ответственность, следует отметить, что единой точки зрения по поводу ее понимания среди исследователей не существует. Отмечается, что она выступает как реакция на совершение работником дисциплинарного проступка.

Так, М.С. Мищенко, например, считает, что дисциплинарная ответственность как применение нанимателем мер дисциплинарного воздействия (взыскания) наступает за совершение дисциплинарного проступка [6, с. 197]. Но данное определение видится не вполне точным, так как дисциплинарная ответственность может заключаться не только в наложении нанимателем на работника дисциплинарных взысканий, но и в применении иных мер дисциплинарного воздействия.

В.В. Воробьев, в свою очередь, рассматриваемый вид ответственности считает обязанностью работника нести наказание, предусмотренное нормами трудового права, за виновное, противоправное неисполнение своих трудовых обязанностей. Основанием наступления такой ответственности является совершение конкретным работником дисциплинарного проступка [7, с. 217]. Аналогичной позиции придерживается К.Н. Гусов. Вместе с тем с позицией названных ученых сложно согласиться, так как за совершение дисциплинарного проступка на работника могут налагаться различные меры дисциплинарного взыскания и иные меры дисциплинарного воздействия, но никак не наказание, предусмотренное только в случае осуждения судом лица, совершившего преступление (совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными УК, и запрещенное им под угрозой наказания).

Определяя понятие дисциплинарной ответственности, Л.А. Сыроватская говорит об обязанности работника ответить перед работодателем (его администрацией) за совершенный им дисциплинарный проступок и претерпеть те меры, которые указаны в дисциплинарных санкциях трудового права [8, с. 47].

Е.А. Волк, К.Л. Томашевский в определение дисциплинарной ответственности вкладывают понятие обязанности работника претерпевать определенные лишения и ограничения, применяемые к нему нанимателем за совершенный дисциплинарный проступок [9, с. 157].

Г.Б. Шишко придерживается сходного мнения, уточняя основания для привлечения работника к ответственности: обязанность работника понести наказание, предусмотренное Трудовым кодексом Республики Беларусь, применяемую нанимателем за противоправное и виновное неисполнение правил поведения по месту работы, установленных также локальными нормами внутреннего трудового распорядка [10, с. 216].

По мнению А.А. Греченкова, дисциплинарная ответственность представляет собой обязанность работника ответить перед нанимателем (или иным должностным лицом) за совершенным им дисциплинарный проступок и понести меры воздействия, указанные в дисциплинарных санкциях трудового законодательства. Данное определение отражает подход с точки зрения субъективной обязанности, однако исследователь отмечает, что дисциплинарная ответственность является одним из видов юридической ответственности, т. е. мерой государственного принуждения [11, с. 216].

Таким образом, формулируя определение дисциплинарной ответственности, ученые-юристы подчеркивают различные ее признаки, акцентируя внимание на отдельных сторонах, рассматривая данную ответственность прежде всего как особую обязанность. Вместе с тем с такой позицией достаточно сложно согласиться, так как обязанность предполагает в какой-то мере определенную свободу воли обязанного лица, которое может выбирать вариант поведения, а лицо, привлекаемое к дисциплинарной ответственности, такого выбора лишено. Дисциплинарная ответственность предполагает принудительное воздействие на работника, совершившего дисциплинарный проступок, со стороны нанимателя, которое не зависит от желания работника, нарушившего трудовую дисциплину.

Привлечение работника к дисциплинарной ответственности может предупредить совершение им иных правонарушений, в том числе преступлений. Особое значение в данном контексте приобретает своевременность привлечения к дисциплинарной ответственности работников различных правоохранительных органов как представителей государственной власти, от которых во многом зависят престиж государства и обеспечение соблюдения законности и правопорядка.

Следует согласиться с мнением тех ученых-юристов, которые предлагают отразить в ст. 197 действующего Трудового кодекса Республики Беларусь легальное определение дисциплинарной ответственности.

В этой связи видится обоснованным ст. 197 Трудового кодекса назвать «Дисциплинарная ответственность работника» и изложить ч. 1 данной статьи в следующей редакции: «Дисциплинарная ответственность – мера государственного принуждения, применяемая нанимателем к работнику, совершившему дисциплинарный проступок, путем наложения дисциплинарных взысканий и (или) иных мер дисциплинарного воздействия».

Список использованных источников

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов. – Режим доступа: <http://www.oyhegov.org/words/21208.shtm>. – Дата доступа: 05.06.2018.
2. Горбатов, Н.А. Общая теория государства и права в вопросах и ответах : учеб. пособие / Н.А. Горбатов. – Минск : Акад. МВД, 2005. – 184 с.
3. Калинина, Э.А. Общая теория государства и права / Э.А. Калинина, А.Л. Козик. – Минск : Молодежное, 2011. – 160 с.
4. Теоретические и практические проблемы юридической ответственности / под ред. В.А. Кучинского. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 327 с.
5. Мищенко, М.С. Трудовое право: краткий курс / М.С. Мищенко. – Минск : ТетраСистемс, 2012. – 256 с.
6. Воробьев, В.В. Трудовое право : курс лекций / В.В. Воробьев. – Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2012. – 242 с.
7. Сыроватская, Л.А. Ответственность за нарушение трудового законодательства / Л.А. Сыроватская. – М. : Юрид. лит., 1990. – 176 с.
8. Волк, Е.А. Трудовое право : учеб.-метод. комплекс / Е.А. Волк, К.Л. Томашевский. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. – 216 с.
9. Греченков, А.А. Трудовое право : учеб. пособие / А.А. Греченков. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 376 с.

Дата поступления в редакцию: 05.07.18

A.V. Borovaya, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

DISCIPLINARY LIABILITY AS A SPECIAL KIND OF LEGAL LIABILITY

Various approaches to legal liability and disciplinary liability in particular are considered. The essence of disciplinary responsibility and its difference from other types of legal responsibility is analyzed.

On the basis of the analysis of various scientific approaches to the nature of disciplinary responsibility, the author proposes amendments to the Labor Code of the Republic of Belarus.

Keywords: legal liability, disciplinary liability, disciplinary liability signs.

УДК 341

А.И. Бородич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

Рассматриваются некоторые международные договоры по противодействию коррупции. Обосновывается позиция, что коррупционные деяния, криминализация которых предписывается международными конвенциями, относятся к преступлениям международного характера и входят в структуру международной преступности. Обращается внимание на то, что особую опасность представляют международная (международная политическая) и транснациональная формы коррупции. Определяются суть международного сотрудничества по противодействию коррупции и направления деятельности. Акцентируется внимание на признаках и формах коррупции.

Ключевые слова: международная коррупция, международное сотрудничество, направление, противодействие коррупции, транснациональная коррупция, форма.

В современном мире, связанном единими информационными технологиями, системой финансовых институтов, взаимообусловленностью и взаимовлиянием экономических, социальных, политических и иных процессов в разных частях мира и в различных государствах, коррупция приобретает глобальный характер, оказывая негативное влияние на правоотношения акторов международного права. Такая характеристика может быть отнесена к любому негативному социальному явлению, например преступлениям в сфере экономики, наркотрафика, торговли людьми, оружия, боеприпасов и т. д., так как сегодня ничто не может иметь исключительно внутригосударственного значения. Вместе с тем именно коррупция ввиду ее внутренних свойств, сложной структуры ее последствий оказывает наиболее серьезное влияние на многие процессы, позволяющее говорить о ее международном характере. Масштаб угрозы, которую несет собой коррупция для развития человечества, обусловил озабоченность мирового сообщества данной проблемой. Как результат это нашло выражение в международных антикоррупционных инициативах, выработке фундаментальных международных документов по противодействию коррупции, в частности в заключении в Стасбурге 27 января 1999 г. Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию [1]. Данным международным правовым документом предусматриваются порядок и основания уголовной ответственности физических и юридических лиц за участие в коррупционной деятельности, а также механизмы реализации уголовной ответственности на национальном и международном уровнях. Также в Страсбурге 4 ноября 1999 г. Советом Европы заключена Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, в которую включены гражданско-правовые материальные и процессуальные нормы, регулирующие вопросы возмещения ущерба, причиненного фактом коррупции, получения доказательств, действительности договоров и др.

Исключительную опасность для международной безопасности представляет тесная связь коррупции с транснациональной организованной преступностью, обеспечивающая благоприятные условия существования, повышая ее жизнестойкость. Это обстоятельство обусловило принятие антикоррупционных норм в Конвенции ООН «Против транснациональной организованной преступности», заключенной в Палермо 15 ноября 2000 г. Так, в указанном документе в ст. 8 (Криминализация коррупции) предписывается необходимость криминализации следующих деяний: а) обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей; б) вымогательство или принятие публичным должностным лицом, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица с тем, чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей.

В Конвенции ООН против коррупции, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 г., направленной на принятие и укрепление мер по более эффективному и ответственному предупреждению коррупции, дается широкий взгляд на коррупцию, не сводимую к взяточничеству, а включающую в себя широкий спектр корыстных служебных злоупотреблений. Так, гл. III Конвенции («Криминализация») относит широкий спектр корыстных служебных злоупотреблений: активный и пассивный подкуп в публичном и частном секторах, подкуп иностранных должностных лиц и служащих международных организаций, злоупотребление служебным положением, хищение или нецелевое использование имущества публичным должностным лицом, воспрепятствование осуществлению правосудия, отмывание доходов от коррупции и т. д. Таким образом, Конвенция стала базисом, на котором основываются усилия государств по искоренению коррупции.

Процессы глобализации, развитие внешних связей, становление международных политических и экономических институтов четко определили отличительную черту современных исследований коррупции – междисциплинарный подход, т. е. коррупция сегодня – предмет исследований не только юристов, социологов, но и экономистов, политологов, философов, историков и др. Такое положение обусловлено сложностью данного социально опасного явления и его причинно-следственных связей во всех областях жизнедеятельности личности, общества, государства.

Поддерживая точку зрения А.Е. Епифанова и А.Л. Симона, следует отметить, что коррупция – международное явление и последствия коррупционных процессов оказывают влияние на общемировое развитие, а коррупционные деяния, криминализация которых предписывается международными конвенциями, относятся к преступлениям международного характера и входят в структуру международной преступности [1, с. 30].

Исходя из обозначенных обстоятельств, результатов 2-го этапа «Международный договорный процесс в обеспечении сотрудничества Республики Беларусь в противодействии современным вызовам и угрозам в сфере правопорядка» темы НИР «Международное сотрудничество Республики Беларусь в противодействии современным вызовам и угрозам в сфере правопорядка», определены разновидности коррупции, требующие осмысления и углубленного научного изучения во всех сферах ее проявления, – транснациональная и международная (международная политическая) формы.

К транснациональной коррупции следует относить коррупционные проявления, связанные с присутствием иностранного элемента. В международном праве принято различать три вида иностранного элемента: субъект, обладающий иностранным гражданством (иностранное юридическое или физическое лицо); объект, находящийся за границей (например, наследственное имущество, интеллектуальная собственность); юридический факт, имевший место за границей (причинение вреда, смерть гражданина, заключение сделки и т. д.). В конкретном правоотношении иностранные элементы могут присутствовать в любом сочетании: относиться к одному из видов, либо к двум, либо все три вида могут иметь иностранный элемент. В связи с этим ключевым свойством транснациональной коррупции является подкуп должностного лица, осуществляемый иностранным субъектом (гражданин, организованная группа, должностное лицо иностранного государства или иностранной компании). Обычно транснациональная коррупция связана с экономической деятельностью хозяйствующих субъектов в иностранном государстве. На коррупцию в значительной степени опирается транснациональная организованная преступность, часть которой, в свою очередь, должна рассматриваться как транснациональная коррупция.

К международной коррупции следует относить прежде всего подкуп должностных лиц международных организаций и транснациональных корпораций, злоупотребление данными лицами своими полномочиями в личных или групповых интересах. Международная коррупция отличается высочайшей латентностью. Для деятельности большинства крупных международных организаций характерна тенденция «не выносить сор из избы», имеющиеся факты коррупции крайне редко становятся достоянием гласности, чаще всего дело ограничивается внутренними расследованиями без принятия надлежащих мер. Так, Венская Конвенция ООН 1969 г. «О праве международных договоров» перечисляет основания, которые могут послужить поводом для признания недействительности такого рода договоров. Ст. 50 названной Конвенции гласит: «Если согласие государства на обязательность для него международного договора было выражено в результате прямого или косвенного подкупа его представителя другим участвующим в переговорах государством, то первое государство вправе ссылаться на такой подкуп как на основание недействительности его согласия на обязательность для него такого договора». Предусмотренные этой же статьей основания можно назвать проявлением международной политической коррупции. Международный характер коррупции обуславливает степень международной озабоченности данным явлением, серьезное изменение в его восприятии мировой общественностью. Сегодня во многих уголках мира коррупция воспринимается как тяжелое преступление с разрушительными последствиями, как циничное, порочное, серьезное нарушение безопасности гражданина из-за узкой, жадной, личной корысти подкупленного должностного лица.

Таким образом, коррупция – это злоупотребление публичной властью для получения выгоды в личных целях, в интересах третьих лиц или групп; противоправная деятельность (действие или бездействие), заключающаяся в использовании должностным лицом предоставленных ему полномочий для незаконного достижения личных и (или) имущественных интересов [2, с. 40]. Коррупция, являясь преступлением, требует противодействия. В.И. Берестень предполагает целенаправленную деятельность органов государственного управления, юридических и физических лиц, общественных и иных организаций по предупреждению нарушений нормативных правовых актов, повышению уровня социальной ответственности (моральной, нравственной,

юридической и др.) субъектов правоотношений, складывающихся в процессе осуществления хозяйственной деятельности с целью предотвращения нанесения экономического ущерба государству [3, с. 107].

Ввиду того, что коррупция является одним из вызовов мировому развитию, противодействие ей представляется возможным рассматривать как подсистему в общей системе борьбы мирового сообщества с преступностью и иными негативными социальными явлениями: нарко-тизмом, незаконной миграцией, торговлей оружием, фальшивомонетничеством и т. п. В большинстве случаев данные патологические формы поведения, опасные для мирового сообщества, криминализированы национальным уголовным правом согласно международным конвенциям и являются разновидностями международной преступности.

Таким образом, международное противодействие коррупции не может рассматриваться вне системы международного сотрудничества в борьбе с преступностью, нормативная основа которого – международное уголовное право, и является одним из главных направлений международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Здесь имеется в виду регулируемая нормами международного и национального права совместная деятельность субъектов (государств) международного права и внутригосударственных правоотношений (правоохранительных органов и др.) по реализации защиты сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать их конституционные права, свободы, жизненно важные интересы и мирового сообщества от международных и имеющих международный характер преступлений, транснациональных преступлений, посягающих на международный (внутригосударственный) правопорядок [9, с. 336].

Таким образом, международное сотрудничество по противодействию коррупции предлагается возможным считать одним из направлений международного сотрудничества по противодействию преступности, включающее систему отношений между государствами в лице их органов, международными правительственными и неправительственными организациями, транснациональными корпорациями и иными организациями в сфере противодействия коррупции.

Между тем важно понимать, что международное сотрудничество по противодействию коррупции обладает рядом специфичных признаков, характеризующих его как направление международного сотрудничества в борьбе с преступностью:

предметом воздействия является угроза, исходящая от коррупции;

одно из направлений правоохранительной деятельности, в силу чего в нем участвуют субъекты международного права и субъекты национального права государств;

осуществляется в определенных, установленных нормами международного и национального права формах;

правовое регулирование связано нормами как международного, так и внутригосударственного права государств-участников противодействия коррупции.

Предлагаемое понятие позволяет выделить основные формы международного сотрудничества по противодействию коррупции, составляющие его содержание и определяющие его основные направления.

Итак, основываясь на вышеизложенном, важно выделить основные направления международного сотрудничества по противодействию коррупции:

1. Выработка международной правовой основы противодействия коррупции на универсальном и региональном уровнях. Универсальный уровень представлен главным образом документами ООН, играющей ведущую роль в формировании антикоррупционной политики, регулирующей противодействие акторов международного права по противодействию коррупции. Региональный уровень, например, представлен документами региональных международных организаций, таких как Совет Европы, Содружество Независимых Государств, Организация Договора о коллективной безопасности и др. Так, среди представляющих интерес антикоррупционных документов СНГ следует назвать «Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией» (Заключено в г. Астане 25 апреля 2007 г.). Цель данного документа заключается в том, что Стороны, руководствуясь национальным законодательством, международными обязательствами своих государств и настоящим Соглашением, в пределах своей компетенции осуществляют сотрудничество в целях совершенствования борьбы с коррупцией, усиления защиты прав и законных интересов граждан,

охраняемых законом интересов общества и государства, выработки согласованной стратегии и совместных мер в этой сфере. В Соглашении даны определения понятия «коррупционное правонарушение» (не влекущее уголовной ответственности нарушение существующего порядка несения службы и исполнения своих профессиональных обязанностей, допущенное лицами, которые национальным законодательством государств Сторон отнесены к категории должностных лиц или приравненных к ним, если такое нарушение содержит признаки коррупции, а равно невыполнение ими запретов, правил, установленных национальными нормативными правовыми актами) и «коррупционное преступление» (совершение лицами, которые национальным законодательством государств Сторон отнесены к категории должностных лиц или приравненных к ним, умышленного уголовно наказуемого деяния с использованием своего статуса, статуса представляемого ими органа, должностных полномочий или возможностей, вытекающих из данного статуса и полномочий, если такое деяние содержит признаки коррупции).

2. Унификация антикоррупционного законодательства, предполагающая адекватное восприятие международных правовых норм по противодействию коррупции в национальное законодательство.

3. Сотрудничество в рамках неправительственных организаций, позволяющее использовать гражданское общество в области противодействия коррупции.

4. Организационное, процессуальное, техническое сотрудничество как важнейшее условие международного сотрудничества правоохранительных органов в процессуальной, криминалистической и иных областях.

5. Научное сотрудничество, позволяющее разрабатывать проблемы противодействия коррупции национальными и международными средствами.

Формами международного сотрудничества по противодействию коррупции предлагается считать следующие: разработку, обмен нормативными правовыми актами в сфере противодействия коррупции; консультации по вопросам практического сотрудничества, согласование общих подходов и принципов противодействия коррупции; рабочие встречи, изучение опыта противодействия коррупции, ознакомление с деятельностью учреждений и организаций, занимающихся проблемами коррупции; создание рабочих групп специалистов для разработки предложений по формированию нормативной правовой базы сотрудничества, международных договоров, совместных программ противодействия коррупции, изучения правоприменительной практики, подготовки и проведения научно-практических конференций, семинаров, круглых столов и др.; осуществление совместных научных исследований, издание методических рекомендаций и др.

Современная коррупция – международное явление. Ее проявления даже на национальном уровне оказывают серьезное влияние на мировые экономические, социальные и политические процессы. Глобальное измерение коррупции обуславливает выделение ее новых разновидностей – транснациональной и международной (международной политической), исключительно опасных для мирового сообщества.

Несмотря на то, что за последние годы на различных уровнях сделаны значительные шаги в объединении государств в единый антикоррупционный фронт, международное сотрудничество в рассматриваемой области в целом находится в стадии становления. В этой связи видится необходимой выработка единой международной антикоррупционной политики, включающей не только международные правовые механизмы, но и конкретные меры, направленные на предупреждение коррупционных проявлений.

Список использованных источников

1. Епифанов, А.Е. Противодействие коррупции в международном сообществе (вопросы права) / А.Е. Епифанов, А.Л. Симон // Право и практика. – 2011. – № 1. – С. 30–42.
2. Противодействие коррупции : учеб. и практикум для акад. бакалавриата / И.В. Левакин [и др.] ; под общ. ред. Е.В. Охотского. – М. : Юрайт, 2016. – 367 с.
3. Берестень, В.И. Методологические основы противодействия коррупции и экономическим правонарушениям / В.И. Берестень // Проблемы упр. – 2016. – № 3. – С. 107–111.
4. Бородич, А.И. О сущности международного сотрудничества в противодействии преступности : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию милиции Беларуси (г. Минск, 10 февраля 2017 г.) /

учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.В. Яскевич [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2017. – С. 336–337.

Дата поступления в редакцию: 27.02.18

A.I. Borodich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

INTERNATIONAL COOPERATION ON COUNTERACTION TO CORRUPTION

Some international treaties on combating corruption are considered. It is shown that the corruption acts, the criminalization of which is prescribed by international conventions, refer to crimes of an international character and are a part of the structure of international crime, and international (international political) and transnational forms of corruption are especially dangerous. The essence of international cooperation on counteracting corruption, signs, directions and forms are defined.

Keywords: international corruption, international cooperation, direction, counteraction to corruption, transnational corruption, form.

УДК 340.1

В.А. Волков, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: 6414506@mail.ru)

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ АКТОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматривается правовая природа актов Конституционного Суда Республики Беларусь. Анализируются положения Закона о нормативных правовых актах Республики Беларусь в части, касающейся отнесения актов Конституционного Суда к нормативным правовым актам. Аргументируется вывод о том, что к нормативным правовым актам следует относить такие принимаемые Конституционным Судом Республики Беларусь акты, как решения и заключения. Остальные акты Конституционного Суда (послания, определения, запросы и представления) надлежит относить к ненормативным правовым актам. Предлагается авторская классификация принимаемых Конституционным Судом актов и внесение изменений в Закон о нормативных правовых актах Республики Беларусь.

Ключевые слова: нормативный правовой акт, ненормативный правовой акт, норма права, нормотворчество.

Несмотря на то, что акты Конституционного Суда Республики Беларусь в соответствии с положениями Закона о нормативных правовых актах Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З (далее – Закон о НПА) отнесены к нормативным правовым актам, однозначного мнения о целесообразности их отнесения к данной категории в научных кругах не наблюдается. В данном случае рассматриваемый вопрос видится недостаточно исследованным, что обуславливает необходимость проведения исследования для выяснения сути правовой природы актов Конституционного Суда.

Исторически сложилось так, что Беларусь относится к странам романо-германской (континентальной) правовой семьи, и в национальной правовой системе республики доминирующей формой права является нормативный правовой акт. Исчерпывающий перечень принимаемых отечественных нормативных правовых актов, а также перечень правовых актов, которые не являются нормативными, содержится в Законе о НПА.

В соответствии со ст. 1 Закона о НПА под нормативным правовым актом понимается «официальный документ установленной формы, принятый (изданный) в пределах компетенции уполномоченного государственного органа (должностного лица) или путем референдума с соблюдением установленной законодательством Республики Беларусь процедуры, содержащий общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределенный круг лиц и неоднократное применение». А в ст. 3 Закона о НПА, содержащей положения, касающиеся правовых актов, не являющиеся нормативными, указано, что правовые акты, которые принимаются (издаются) с целью осуществления конкретных (разовых) организационных, контрольных или

распорядительных мероприятий либо рассчитанные на иное однократное применение, не являются нормативными.

Таким образом, можно заключить, что фактически единственными отличительными признаками разделения нормативных и ненормативных правовых актов являются кратность их применения и круг лиц, на которых они распространяются. Если нормативные акты исходя из текста Закона о НПА рассчитаны на многократное применение и неограниченный круг лиц, то правовые акты, не являющиеся нормативными, рассчитаны на однократное применение и конкретных лиц.

В ст. 2 Закона о НПА указывается, что акты Конституционного Суда Республики Беларусь являются нормативными правовыми актами, принятыми в пределах его компетенции по регулированию общественных отношений, установленной Конституцией Республики Беларусь, и принятыми в соответствии с ней иными законодательными актами. Следовательно, законодателем в норме данной статьи закреплено, что акты Конституционного Суда Республики Беларусь признаются одним из видов нормативных правовых актов.

В то же время исходя из положений Закона о НПА явно не видно, какие принимаемые Конституционным Судом акты относятся к нормативным правовым, т. е. можно сделать вывод, что все принимаемые им акты являются нормативными, но перечня этих актов в Законе о НПА нет. Необходимо отметить, что само слово «акт» (от лат. *actus* – «действие») применяется во многих сферах деятельности и обозначает отдельное действие или его оформление (документальную фиксацию). Например, акт ревизии, акт в истории, акт в театре, правовой акт и т. д.

Примечателен тот факт, что Конституционный Суд, входя в судебную систему Республики Беларусь, является одним из тех органов государственной власти, основы статуса которого закреплены непосредственно в Конституции. В соответствии с ч. 7 ст. 116 Конституции Республики Беларусь компетенция, организация и порядок деятельности Конституционного Суда определяются Законом.

Сегодня специальными законами, определяющими компетенцию, организацию и порядок деятельности Конституционного Суда, является Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. № 139-З (далее – Кодекс о СиСС) и Закон о конституционном судопроизводстве от 8 января 2014 г. № 124-З (далее – Закон о КС). Кроме того, действует Регламент Конституционного Суда Республики Беларусь, утвержденный решением Конституционного Суда от 8 апреля 2014 г. № Р-916/2014 (далее – Регламент).

В соответствии со ст. 24 Кодекса о СиСС полномочия Конституционного Суда Республики Беларусь реализуются посредством принятия им заключений и решений. Перечень вопросов, по которым Конституционный Суд рассматривает дела и дает заключения, указан в ст. 22 названного Кодекса. Особое место среди актов Конституционного Суда Республики Беларусь занимают акты, оформляемые как послание Конституционного Суда (далее – послание) Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания Республики Беларусь о состоянии конституционной законности в стране в истекшем году (ст. 22 Кодекса о СиСС).

Перечень вопросов, по которым Конституционный Суд Республики Беларусь дает заключения, и вопросов, по которым принимает решения, устанавливается также ст. 74 Закона о КС. Заключения Конституционного Суда оформляются в виде отдельного документа, решения – в виде отдельного документа или протоколно. Согласно ст. 89 Закона о КС Конституционный Суд, Председатель Конституционного Суда по вопросам процедурного характера и иным вопросам, возникающим в ходе конституционного судопроизводства, принимают определения. Обращения Конституционного Суда к государственным органам, иным организациям, должностным лицам излагаются в форме запросов и представлений. Определения, запросы и представления Конституционного Суда оформляются в порядке, определяемом Конституционным Судом.

Следовательно, можно сделать вывод, что понятие «акт» – собирательное понятие, куда входят заключения, решения, послания, а также определения, запросы и представления, т. е. издаваемые Конституционным Судом акты следует понимать как всю совокупность принимаемых им решений, облакаемых в письменную форму¹.

¹ В данном случае под решением понимается соответственно не один из видов актов Конституционного Суда, а собирательное понятие для обозначения юридически значимых действий, осуществляемых Конституционным Судом.

Так, в ст. 1 Закона о НПА содержится определение нормотворческой деятельности: научная и организационная деятельность по подготовке, экспертизе, изменению, дополнению, принятию (изданию), толкованию, приостановлению действия, признанию утратившими силу либо отмене нормативных правовых актов. Следовательно, нормотворческая деятельность может включать один или несколько из перечисленных видов деятельности.

Исследованием понятия «нормотворческая деятельность» занимались многие ученые. Одним из наиболее соответствующих определений видится высказанное А.В. Кузуровым. Ученый считает, что: «Нормотворческая деятельность представляет собой организационно оформленную процедурную деятельность государства и его структур по созданию правовых норм, а также важнейшую форму государственного управления, позволяющую осуществлять результативное и целенаправленное правовое воздействие на общественные отношения» [1].

Норма права (правовая норма) являет собой особую разновидность социальных норм наряду с нормами морали. От других социальных норм она отличается определенными признаками: всеобщим характером, т. е. распространением на индивидуально неопределенный круг лиц – участников общественных отношений независимо от их воли и желания. Правовая норма призвана регулировать внешнее поведение людей, обращена к их воле и сознанию в расчете на определенный поступок. Норма права отличается от других и субъектом своего подтверждения в качестве таковой. Прерогатива признания нормы правовой принадлежит только государству, а пока она не признана правовой государством, она может существовать, обосновываться учеными, ею могут руководствоваться участники общественных отношений, т. е. только после признания (санкционирования) государством в лице его органов норма считается правовой. И здесь обоснованно обратиться к определению В.Г. Афанасьева: «Норма права – признаваемое и обеспечиваемое государством общеобязательное правило, из которого вытекают права и обязанности участников общественных отношений, чьи действия призвано регулировать данное правило в качестве образца, эталона, масштаба поведения» [2, с. 189].

Таким образом, можно полагать, что только деятельность, в результате которой происходит создание новой нормы права или санкционирование в качестве таковой уже имеющейся нормы, можно считать нормотворческой. Но в данном случае возникает вопрос: как рассматривать деятельность по изменению, толкованию и т. д.? Как быть с этими видами деятельности, отнесенными законодателем к нормотворческой и характеризующими данный вид деятельности?

Например, А.Н. Бодак говорит, что «нормотворчество охватывает абсолютное большинство сфер человеческой жизнедеятельности, расширяет границы своего регулирующего воздействия на общественные отношения по мере усложнения социального бытия, непосредственно сопровождая людей в их общении друг с другом» [3, с. 7–8].

В свою очередь, В.А. Кучинский пишет о том, что «одним из актуальных и дискуссионных вопросов в национальной правовой системе в части нормотворческой функции Конституционного Суда Республики Беларусь является вопрос о правовой природе и юридической силе актов Конституционного Суда Республики Беларусь» [4, с. 91].

Итак, в рамках рассматриваемого вопроса видится, что одной констатации того, что акты Конституционного Суда и есть нормативные правовые акты, недостаточно. Из положений Закона о НПА следует только то, что акты Конституционного Суда являются таковыми, так как признаны таковыми самим Законом о НПА. В данном случае следует разобраться, по какой причине законодатель отнес акты Конституционного Суда к нормативным правовым актам, а не к ненормативным, и всем ли актам Конституционного Суда присуща нормативность по своей природе?

Определения, запросы и представления не следует относить к нормативным правовым актам по причине отсутствия у них таких существенных признаков, присущих нормативным правовым актам, как неоднократное применение и рассчитанность на неопределенный круг лиц, т. е. они не содержат правовых норм, а носят разовый характер, по сути и предназначению не относятся к нормативным правовым актам, а являются ненормативными правовыми актами, принимаемыми с целью осуществления конкретных организационных, контрольных или распорядительных мероприятий, либо могут быть рассчитаны на иное однократное применение.

Ежегодные послания о состоянии конституционной законности занимают особое место среди актов Конституционного Суда Республики Беларусь. Детальное их изучение позволяет сделать вывод о том, что они являются «своего рода итоговой оценкой развития национальной

правовой системы в истекшем году» [5, с. 4]. Конституционный Суд Республики Беларусь акцентирует в них внимание на наиболее значимых проблемах. Однако их, как видится, не следует относить к нормативным правовым актам, так как они не содержат общеобязательных правил поведения и по своему предназначению не имеют цели создания либо отмены норм права. Соответственно, их следует относить к ненормативным правовым актам.

Такие акты Конституционного Суда Республики Беларусь, как решения и заключения, не содержат в себе норму права в ее классическом понимании. Однако юридическая сила заключения и решения Конституционного Суда Республики Беларусь состоит в том, что этими видами актов может быть признана не имеющей юридической силы норма любого акта законодательства в случае признания ее несоответствия Конституции. Конституционный Суд устанавливает точную дату, с которой нормативный правовой акт следует считать недействующим. Независимо от последующей отмены признанного неконституционным акта органом, его принявшим, все равно он прекращает свое действие с момента, определенного Конституционным Судом Республики Беларусь. Таким образом можно сказать, что решения и заключения Конституционного Суда Республики Беларусь носят нормативный характер.

Также необходимо сказать о том, что 27 июня 2018 г. принят Закон Республики Беларусь о НПА в новой редакции, который начнет действовать с 1 февраля 2019 г. В соответствии с п. 2 ст. 1 указанного Закона он не будет распространяться на акты Конституционного Суда Республики Беларусь. В отличие от действующего Закона о НПА в его новой редакции акты Конституционного Суда не выделяют в качестве вида нормативных правовых актов, и о них вообще не упоминается. В.А. Кучинский по данному поводу пишет: «...проблема нормативности заключений и решений Конституционного Суда является в большей степени доктринальной, хотя следует признать, что в то же время она имеет и важное практическое значение» [4, с. 93]. И здесь сложно не согласиться с таким утверждением.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. К нормативным правовым актам, принимаемым Конституционным Судом Республики Беларусь, следует относить только заключения и решения, а не все акты.

2. В ст. 17 Закона о НПА от 17 июля 2018 г. № 130-З необходимо внести дополнение о том, что Конституционный Суд Республики Беларусь принимает нормативные правовые акты в форме решений и заключений в пределах компетенции, установленной Конституцией Республики Беларусь, Кодексом Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей и иными законодательными актами, а также Регламентом Конституционного Суда Республики Беларусь.

3. В Законе о НПА следует выделить акты, принимаемые органами судебной власти, в отдельную группу. Эту группу логично именовать «Нормативные правовые акты судебной власти» и включить в нее акты Конституционного Суда, подчеркнув их особенность в структуре нормативных правовых актов Республики Беларусь.

4. В силу того, что законодательно за Конституционным Судом Республики Беларусь закреплено право на издание определенного перечня видов актов, их следует классифицировать на основные и дополнительные. К основным актам, как видится, надлежит относить заключения и решения, так как именно заключения и решения Конституционного Суда выступают исходя из смысла положений Закона о НПА и своей правовой природы в качестве нормативных правовых актов. К дополнительным – все остальные, т. е. послания, определения, запросы и представления как акты, носящие ненормативный характер.

Список использованных источников

1. Кузуров, Д.В. Актуальные вопросы нормотворческой деятельности в Республике Беларусь / Д.В. Кузуров // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Общая теория права и государства : учебник / В.С. Афанасьев [и др.] ; под ред. В.В. Лазарева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : Инфра-М, 2010. – 592 с.
3. Бодак, А.Н. Правотворческий процесс в Республике Беларусь / А.Н. Бодак. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 220 с.
4. Правотворческий процесс : учеб. пособие / А.Ф. Вишневский [и др.] ; под общ. ред. В.А. Кучинского, В.И. Павлова. – Минск : Акад. МВД, 2016. – 139 с.

5. Василевич, Г.А. Послания Конституционного Суда Республики Беларусь о состоянии конституционной законности – реальный вклад в развитие правовой системы / Г.А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2007. – 199 с.

Дата поступления в редакцию: 13.11.18

V.A. Volkov, Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CONCEPT AND TYPES OF ACTS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The legal nature of acts of the Constitutional Court of the Republic of Belarus is investigated. The article analyzes the provisions of the Law on Regulatory Legal Acts of the Republic of Belarus in the part concerning the classification of acts of the Constitutional Court to regulatory legal acts. It is argued that the normative legal acts should include such acts adopted by the Constitutional Court of the Republic of Belarus as decisions and conclusions. The remaining acts of the Constitutional Court: messages, definitions, requests and submissions - should be referred to as non-regulatory legal acts. A classification of acts adopted by the Constitutional Court and amending the Law on Regulatory Legal Acts of the Republic of Belarus is proposed.

Keywords: regulatory legal act, non-regulatory legal act, rule of law, rule-making.

УДК 347.63

Е.Н. Григорьева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экономики предпринимательства и права специализированного факультета «Консалтторгцентр» Института повышения квалификации и переподготовки экономических кадров Белорусского государственного экономического университета
(e-mail: bir-helen@yandex.ru)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВ РЕБЕНКА В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Анализируется современное состояние международных договоров и национального законодательства Беларуси в области реализации и защиты прав ребенка. Исследование положений международных договоров в области прав ребенка позволило разработать этапы развития международного сотрудничества в рассматриваемом направлении. Рассматривается вопрос взаимосвязи детства с устойчивым развитием белорусского государства, который прослеживается в положениях об обеспечении приоритетности охраны здоровья матери и ребенка как фундаментальной основы здоровья нации и вопрос о возрастании роли человеческого капитала как важного ресурса инновационного развития страны, что предусматривает обеспечение высокого уровня жизни, здоровья, развития, образования каждого ребенка. Обозначены основные тенденции развития прав ребенка на современном этапе развития общественных отношений.

Ключевые слова: права ребенка, международные стандарты в области прав ребенка, концепция устойчивого развития, этапы и направления развития прав ребенка.

Постоянный интерес к проблеме закрепления и реализации прав ребенка на международном и национальном уровнях является прямой закономерностью отражения таких последствий негативной социальной действительности, как локальные вооруженные конфликты, ограниченный доступ к природным ресурсам, торговля людьми (в том числе детьми), вовлечение детей в наркотрафик, привлечение к труду, терроризм, участие несовершеннолетних в незаконной миграции. Вместе с тем с негативными тенденциями существуют и негативные ситуации, не связанные с насилием и войнами, но наносящие ребенку нравственно-психологическую травму. К таким, например, О.С. Скакун предлагает относить злоупотребление одним из родителей своими правами в случае развода путем похищения ребенка, в том числе пребывание с ним в дальнейшем на территории иностранного государства [1, с. 4].

В данном контексте актуализируются не только вопросы правоприменения в области повышения эффективности прав детей и обеспечения их надлежащей реализации, а также высокого уровня безопасности детей в международном и национальном пространствах, но и теоретико-методологические вопросы разработки доктринальных положений в области понятийно-категориального аппарата, в числе которых дефинирование понятий «интерес ребенка» и «за-

щита прав ребенка», взаимосвязи рассматриваемого правового явления с другими правовыми и социальными явлениями и т. д.

Общеизвестно, что фундаментальным международным документом в истории человечества стала Конвенция ООН о правах ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. и ратифицированная 191 государством, в числе которых и Республика Беларусь. В данном документе впервые сформулировано понятие «ребенок» – каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее (ст. 1). За основу взято соблюдение четырех основополагающих принципов: отсутствие дискриминации (ст. 2); обеспечение наилучших интересов ребенка (ст. 3); обеспечение права ребенка на жизнь, выживание и развитие (ст. 6); уважение взглядов ребенка (ст. 12). Все положения рассматриваемого международного акта сводятся к основным требованиям, которые призваны обеспечивать права детей на жизнь, развитие, защиту и обеспечивать их активное участие в жизни общества. В этой связи актуально мнение П. Альстона о том, что одним из наиболее важных положений стал принцип о наилучшем обеспечении интересов ребенка [2, с. 140]. Положения и идеи рассматриваемого международного договора нашли отражение на конституционном уровне белорусского государства. Так, например, в ст. 32 Конституции Республики Беларусь закреплена норма о нахождении детства под защитой государства. В обеспечение конституционной нормы и норм Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. в Беларуси был принят Закон от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка». Являясь основой социально-правового и организационно-педагогического механизма защиты детства, рассматриваемый закон определяет правовой статус ребенка как самостоятельного субъекта и направлен на обеспечение его физического, нравственного и духовного здоровья, формирование национального самосознания на основе общечеловеческих ценностей мировой цивилизации. В данном документе закреплены основные личные, политические, социальные, экономические и культурные права детей [3, с. 305–306]. Также п. 4 «Развитие человеческого потенциала и рост качества жизни» Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года направлен на реализацию рассматриваемого конституционного положения в контексте обеспечения приоритетности охраны здоровья матери и ребенка как фундаментальной основы здоровья нации. Вопрос детства во взаимосвязи с устойчивым развитием белорусского государства прослеживается и в тезисе о возрастании роли человеческого капитала как важного ресурса инновационного развития страны, что предусматривает стремление Республики Беларусь к обеспечению высокого уровня жизни, здоровья, развития, образования каждого ребенка в будущем.

Право прав ребенка как самостоятельного субъекта общественных отношений – межотраслевой институт, представляющий собой совокупность свобод и законных интересов ребенка, его прав, обязанностей, ответственности, а также правовых средств их реализации, признаваемых и гарантируемых мировым сообществом и государством. Фактически термин «правовой статус ребенка» отражает законодательно закреплённое положение ребенка в обществе как самостоятельного субъекта правовых общественных отношений. Интересно определение, предложенное по данному вопросу О.В. Бутько, согласно которому правовой статус ребенка представляет собой объективированные и формализованные в праве возможности, необходимые ребенку для его всестороннего развития, т. е. для перевода потенциальных ресурсов в фактические [4, с. 2]. Также вызывает интерес исследование Е.А. Лактюниной, в котором в рамках теории государства и права показана взаимосвязь Концепции устойчивого развития с правами ребенка. Исследователь указывает, что «Концепция устойчивого развития пронизывает все направления деятельности государства и его правовой системы», а «достижение цели устойчивого развития – сохранение человечества – невозможно без обеспечения прав ребенка как основы будущего поколения» [5, с. 3].

С учетом изложенного выше автором предлагается рассматривать права ребенка как самостоятельную юридическую категорию – устойчивую и относительно автономную систему, обладающую отличительными чертами по отношению к правам человека и правовому положению личности. Основанием разграничения служат такие признаки, как строго ограниченные временные рамки действия (с момента рождения и до совершеннолетия) и комплексный межотраслевой характер прав ребенка [5, с. 8, 19].

Исследование международных договоров – источников права ребенка – позволило выявить следующие основные этапы развития международного права в рассматриваемой сфере:

первый этап: 20–40-е гг. XX ст. – принятие Генеральной Ассамблеей Лиги Наций 24 сентября 1924 г. в Женеве Декларации прав ребенка (определен вектор деятельности международного общества в области защиты прав детей: «человечество должно дать ребенку все лучшее, что у него есть»), Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Всеобщей декларации прав человека (закреплены нормы о защите прав детей, провозглашено право детей на особую заботу и помощь);

второй этап: 50–60-е гг. XX ст. – принятие 20 ноября 1959 г. Генеральной Ассамблеей ООН Декларации прав ребенка (гарантируется обеспечение детям счастливого детства и пользования на их собственное благо и на благо общества соответствующими правами и свободами; звучит призыв к признанию и соблюдению прав детей путем осуществления законодательных и других мер); Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (устанавливаются особые меры охраны и помощи в отношении всех детей и подростков), Международного пакта о гражданских и политических правах (содержатся положения, касающиеся неотъемлемых прав, свобод и интересов детей);

третий этап: 70-е – начало 80-х гг. XX ст. – принятие Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1974 г. Декларации о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов (устанавливаются нормы, возлагающие на государства, участвующие в вооруженных конфликтах, обязанность принимать все усилия для того чтобы уберечь женщин и детей от разрушительных последствий войны); Генеральной Ассамблеей ООН 3 декабря 1986 г. Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (закрепляются основные принципы благополучия семьи и ребенка, а также международные стандарты передачи детей на воспитание));

четвертый этап: конец 80-х – начало 90-х гг. XX ст. – принятие Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. и ратифицирование 191 государством, в том числе Республикой Беларусь, Конвенции ООН о правах ребенка (впервые сформулировано понятие «ребенок» – каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее. Все ее положения сводятся к основным требованиям, призванным обеспечивать права детей на жизнь, развитие, защиту и обеспечение их активного участия в жизни общества); Генеральной конференцией МОТ 1 июня 1999 г. в Женеве Конвенции о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда; ряда международных договоров, касающихся прав заключенных и осужденных несовершеннолетних (Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), принятые 29 ноября 1985 г. Генеральной Ассамблеей ООН; Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы), принятые 14 декабря 1990 г. Генеральной Ассамблеей ООН; Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, принятые 14 декабря 1990 г. Генеральной Ассамблеей ООН);

пятый этап: конец 90-х XX ст. – начало XXI ст. – принятие на Всемирной встрече на высшем уровне в интересах детей 30 сентября 1999 г. в Нью-Йорке в рамках ООН Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей и Плана действий по осуществлению Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей, в рамках которой государства-участники возлагают на себя обязательства: по улучшению жизни детей; укреплению их здоровья; снижению детской смертности и уровня безграмотности путем предоставления всем детям возможности получения образования и т. д.; Генеральной Ассамблеей ООН 25 мая 2000 г. Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах, и Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка относительно торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, в которых государства-участники возложили на себя обязательства по принятию всевозможных мер для обеспечения недопущения прямого участия в военных действиях военнослужащих, не достигших 18-летнего возраста, торговлей детьми, детской проституции и детской порнографии; 8 сентября 2000 г. Генеральной Ассамблеей ООН Декларации тысячелетия ООН (провозглашается право жить и растить своих детей в достойных человека условиях, свободных от голода и страха насилия, угне-

тения и несправедливости); Генеральной Ассамблеей ООН 10 мая 2002 г. Декларации и Плана действий «Мир, пригодный для жизни детей» (содержится обращение ко всем членам общества с призывом сформировать движение, направленное на построение мира, пригодного для жизни детей) [5, с. 86–88].

Итак, вышеприведенная периодизация развития международного права в области права прав ребенка констатирует объективность высказывания О.В. Бутько о том, что в настоящее время актуализация проблем реализации ребенком его прав, свобод и обязанностей, а также привлечения его к ответственности обусловлена развитием человеческой индивидуальности, возрастанием личностного фактора в экономических, социальных, демографических, политических и других процессах, общими переменами, происходящими в мировом сообществе и отдельном государстве [4, с. 2].

Таким образом, эволюция международно-правовых отношений в области закрепления и реализации прав ребенка находится в непосредственной взаимосвязи с вызовами и угрозами, возникающими в определенный период развития человечества. Следующий этап развития международных соглашений в области защиты прав детей видится направленным на создание эффективного механизма международного противостояния негативным процессам глобализации в области вовлечения детей в международный терроризм и национальный экстремизм посредством информационных систем. Актуальной тенденцией в защите прав ребенка в настоящее время на международном и национальном уровнях являются борьба с насилием над детьми и укрепление международной и национальной систем защиты детства.

Список использованных источников

1. Скакун, О.С. Актуальные вопросы реализации международных договоров Российской Федерации в сфере защиты прав ребенка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / О.С. Скакун ; Дипломат. акад. МИД РФ. – М., 2013. – 32 с.
2. Пянзина, Н.А. Влияние Конвенции о правах ребенка на статус ребенка во внутригосударственном праве стран Карибского региона / Н.А. Пянзина // *Междунар. и зарубеж. право.* – 2012. – № 12. – С. 140–144.
3. Григорьева, Е.Н. Права ребенка / Е.Н. Григорьева // *Основы права : учебник / под общ. ред. Л.М. Рябцева, Г.Б. Шишко.* – Минск : РИПО, 2014. – С. 296–316.
4. Бутько, О.В. Правовой статус ребенка: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О.В. Бутько ; Куб. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2004. – 26 с.
5. Лактюнина, Е.А. Права ребенка к контексте концепции устойчивого развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.А. Лактюнина ; Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2005. – 26 с.
5. Григорьева, Е.Н. Международные стандарты в области прав ребенка: основные тенденции и перспективы развития / Е. Н. Григорьева // *Научные чтения памяти профессора В.И. Семенкова : сб. материалов Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 7 дек. 2017 г. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь ; редкол.: С.М. Сивец [и др.].* – Минск : Четыре четверти, 2017. – С. 86–89.

Дата поступления в редакцию: 28.03.18

E.N. Grigorieva, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of business Economics and law of the special faculty "Consultorgcentr" Institute of improvement of qualification and retraining economic cadres of the Belarusian state economic University

MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CHILD RIGHTS IN THE NEW MILLENNIUM

The article examines the current state of international treaties and national legislation of Belarus in the field of implementation and protection of the rights of the child. The study of the provisions of international treaties in the field of the rights of the child has made it possible to develop stages in the development of international cooperation in this area. Based on the analysis of the provisions of the national strategy for sustainable socio-economic development of the Republic of Belarus until 2030, it was found that the question of the relationship of childhood with the sustainable development of the Belarusian state is traced in the provisions on ensuring the priority of maternal and child health as a fundamental basis of the health of the nation and the increasing role of human capital as an important resource of innovative development of the country, which provides for ensuring a high standard of living, health, development, education of every child. The basic tendencies of development of the rights of the child at the present stage of development of public relations are revealed.

Keywords: the rights of the child, international standards on the rights of the child, the concept of sustainable development, stages and directions of development of the rights of the child.

УДК 347.25

Е.В. Ермоленко, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: evgerms4@gmail.com)

НОТАРИАТ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГРАЖДАНСКОЙ ЮРИСДИКЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Анализируется и определяется место нотариата в системе органов, осуществляющих защиту гражданских прав и законных интересов. Констатируется целесообразность выделения в рамках юрисдикционной формы защиты нотариального порядка защиты. Рассматриваются его правовые особенности, форма, применяемые способы и средства защиты.

Ключевые слова: нотариат, нотариальный порядок, нотариальные действия, исполнительная надпись, защита гражданских прав.

Институт защиты гражданских прав и законных интересов достаточно детально разработан в цивилистической науке. Однако современные направления и реализованные проекты по совершенствованию деятельности органов гражданской юрисдикции до настоящего времени не нашли отражения в Гражданском кодексе Республики Беларусь.

Начало 20-х гг. XXI в. в Республике Беларусь ознаменовано проведением реформы органов гражданской юрисдикции, коснувшейся реорганизации судебной системы в республике и систем органов принудительного исполнения и органов нотариата.

Так, Декрет Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» и Указ Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 529 «О некоторых вопросах деятельности судов Республики Беларусь» были призваны реструктуризировать отечественную судебную систему. Указом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 530 «О некоторых вопросах совершенствования организации исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов» создана система органов принудительного исполнения. Указ Президента Республики Беларусь от 27 ноября 2013 г. № 523 «Об организации нотариальной деятельности» принят с целью создания новой системы органов нотариата.

Однако совершенствование деятельности органов гражданской юрисдикции было начато еще в 2011 г., когда Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности судов общей юрисдикции Республики Беларусь» (далее – Указ № 454) была признана необходимость передачи бесспорных требований, вытекающих из гражданско-правовых отношений, на разрешение другим органам. Это было в последующем осуществлено путем изъятия из подведомственности судов общей юрисдикции дел, рассматриваемых в порядке приказного производства, как в гражданском, так и в хозяйственном судопроизводствах, и передачи их в компетенцию органов нотариата.

Ранее Указом Президента Республики Беларусь 11 августа 2011 г. № 366 «О некоторых вопросах нотариальной деятельности» (далее – Указ № 366) был установлен перечень бесспорных требований физических и юридических лиц, подлежащих удовлетворению во внесудебном порядке с помощью исполнительной надписи нотариуса. Вступившем в силу Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2015 г. № 195 был расширен перечень требований, по которым взыскание осуществляется в бесспорном порядке.

Многие теоретики и практики говорят о недопустимости передачи функций суда другим органам, например нотариату, что, по мнению автора, не является умалением роли и функций, стоящих перед судебной системой, а будет способствовать укреплению системы норм, регулирующих общественные отношения, связанных с защитой гражданских прав. Так, например, А.В. Клигман отмечает, что «органов, занимающихся рассмотрением вопросов, связанных с защитой нарушенных прав, не может быть слишком много или слишком мало, их должно быть достаточно для законного разрешения каждого такого вопроса» [1, с. 6].

Вообще проблематика защиты гражданских прав и законных интересов – актуальное направление деятельности любого правового социального государства. И, как отмечает М.Е. Харитонов, «пробелы права, существующие в системе норм, регулирующих связанные с защитой прав и законных интересов граждан и юридических лиц правоотношения, создают большие пробле-

мы для правозащитной практики. Дефекты же последней препятствуют нормальному развитию экономических отношений, консервируют кризисные явления» [2, л. 18–19].

Гарантия судебной защиты гражданских прав предусмотрена ст. 60 Конституции Республики Беларусь: каждому человеку гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки. В ст. 10 ГК Республики Беларусь «Судебная защита гражданских прав» предусматривается, что защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет суд общей юрисдикции, третейский суд в соответствии с подведомственностью, установленной процессуальным законодательством, а в предусмотренных законодательством случаях – в соответствии с договором.

Однако, по мнению автора, название указанной статьи не соответствует ее содержанию, так как наряду с общим (судебным) порядком защиты в ней регламентирован и административный порядок защиты, а также порядок защиты, которые могут инициировать стороны спорного правоотношения в соответствии с заключенным между ними соглашением до обращения в суд (претензионный порядок). Выделяется ст. 10 ГК и смешанный порядок защиты гражданских прав – административно-судебный (п. 3).

Кроме того, в связи с принятием вышеуказанных законодательных актов, направленных на совершенствование деятельности судов общей юрисдикции и органов нотариата, можно говорить о существовании пятого порядка защиты гражданских прав – нотариального. Одна из ключевых задач отечественной нотариальной деятельности – обеспечение защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, государственных интересов путем совершения нотариальных действий (ст. 4 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З «О нотариате и нотариальной деятельности» (далее – Закон о нотариате)). Нотариат в Республике Беларусь выполняет правоохранительную и превентивную функции, направленные на охрану в широком смысле имущественных и личных неимущественных прав граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, юридических лиц и государства посредством совершения нотариальных действий. В связи с этим представляется целесообразным название ст. 10 ГК Республики Беларусь «Судебная защита гражданских прав» заменить на «Защита гражданских прав».

Что же представляет собой «нотариальный порядок защиты»?

В научных публикациях и содержании норм действующего гражданского законодательства Республики Беларусь можно встретить смешение понятий «форма защиты» и «порядок защиты», но, по мнению автора, данные категории не равнозначны, хотя взаимосвязаны и оказывают влияние на содержание понятий друг друга.

Правовая категория «форма защиты» не предусмотрена гражданским законодательством, однако наиболее значима в цивилистическом учении об институте защиты гражданских прав и законных интересов. Так что под формой защиты гражданских прав следует понимать совокупность правовых норм и институтов материального и процессуального права, предоставляющих управомоченному субъекту возможность реализации права на защиту в рамках процедуры, определенной законодательством или соглашением между сторонами спора, путем обращения к уполномоченному законодательством лицу (органу, субъекту) либо путем совершения самостоятельных действий, с использованием способов и средств, направленных на предупреждение, пресечение нарушения, а также восстановление нарушенных или оспоренных гражданских прав и законных интересов [3, с. 62].

Правовая категория «порядок защиты гражданских прав» используется законодателем, но не имеет законодательно закрепленного определения. Например, С.И. Ожегов порядок определяет как «правила, по которым совершается что-нибудь; существующее устройство, режим чего-нибудь» [4, с. 459]. Таким образом, «порядок защиты гражданских прав и законных интересов» понимается как установленные законодательством или соглашением сторон правила, регламентирующие способы, средства защиты и условия реализации субъективного гражданского права на защиту. Наличие указанных элементов позволяет выделять тот или иной порядок защиты. И здесь каждый из них следует рассмотреть отдельно.

1. Условия реализации права на защиту в нотариальном порядке. В настоящее время правовой основой таковых являются принятые нормативные правовые акты (Указ № 454, Указ № 366), передающих ряд требований, взыскание по которым осуществляется в бесспорном порядке, в компетенцию нотариата. Такое взыскание осуществляется на основании исполнительной надписи. Перечень документов, по которым взыскание производится в бесспорном порядке

на основании исполнительных надписей, устанавливается Советом Министров Республики Беларусь (п. 2 ст. 105 Закона о нотариате) и утвержден постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2006 г. № 1737.

Совершать исполнительные надписи согласно действующему законодательству Республики Беларусь имеют право только нотариусы (ст. 54 Закона о нотариате), а также дипломатические агенты дипломатических представительств Республики Беларусь и консульские должностные лица консульских учреждений Республики Беларусь (далее – должностные лица заграничных учреждений) (ст. 54 Закона о нотариате). Однако понятия «исполнительная надпись» в действующем законодательстве не содержится.

Так, п. 1 ст. 105 Закона о нотариате предусмотрено, что нотариусы в случаях, предусмотренных законодательными актами, совершают исполнительные надписи о взыскании денежных сумм (задолженности) с должника для удовлетворения бесспорных требований. Проанализировав правовую природу данного правового явления, видим возможным следующее ее определение: «Исполнительная надпись – это распорядительный акт нотариуса или должностного лица заграничных учреждений о взыскании денежных сумм (задолженности) с должника для удовлетворения бесспорных требований».

Форма исполнительной надписи приведена в постановлении Министерства юстиции Республики Беларусь от 10 декабря 2012 г. № 293 «Об установлении форм реестров для регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных и исполнительных надписей, протестов векселей и распоряжения о возмещении расходов за счет наследства» (приложения № 101 и № 102). Порядок совершения исполнительной надписи регламентирован гл. 32 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23 октября 2006 г. № 63 (далее – Инструкция № 63).

Исполнительные надписи являются исполнительными документами и подлежат исполнению в порядке, установленном законодательством (п. 7 ст. 105 Закона о нотариате). Придание исполнительной надписи нотариуса силы исполнительного документа позволяет признать ее юридическим фактом, являющимся основанием возникновения гражданских прав и обязанностей. А в силу того, что в ч. 2 ст. 7 ГК Республики Беларусь исполнительная надпись не названа, предлагается внести в ГК соответствующее дополнение.

2. Способы защиты. В ст. 11 ГК Республики Беларусь предусмотрен примерный перечень способов защиты гражданских прав. Каждый способ защиты гражданского права может применяться в определенном процессуальном или процедурном порядке. В рамках нотариального порядка защита гражданских прав и законных интересов осуществляется путем совершения нотариальных действий, о чем говорится в ст. 4 Закона о нотариате. В связи с этим обоснованно дополнить ст. 11 ГК Республики Беларусь абзацем 13 следующего содержания: «совершения нотариального действия». При этом абзац 13 нынешней редакции ст. 11 ГК Республики Беларусь соответственно считать абзацем 14.

3. Средства защиты. В рамках реализации нотариального порядка защиты гражданских прав и законных интересов таковым будет выступать заявление заинтересованного лица. Требования к его содержанию регламентированы п. 212 Инструкции № 63.

Все вышеизложенное позволяет закрепить нотариальный порядок защиты гражданских прав и законных интересов в содержании ст. 10 ГК Республики Беларусь. В связи с этим целесообразно п. 3 ст. 10 ГК Республики Беларусь изложить в новой редакции: «3. Защита гражданских прав в административном и нотариальном порядке осуществляется лишь в случаях, предусмотренных законодательством. Решение, принятое в административном порядке, может быть обжаловано в суд. Совершенное нотариальное действие или отказ в его совершении могут быть обжалованы в суд».

Таким образом, можно сделать следующие выводы и предложения:

1. Название ст. 10 ГК Республики Беларусь не в полной мере отражает содержание предусмотренных в ней правовых норм. В связи с этим предлагается слова в названии ст. 10 ГК Республики Беларусь «Судебная защита гражданских прав» заменить словами «Защита гражданских прав», что позволит отразить все существующие в настоящее время доктринальные подходы и направления цивилистической науки в данной сфере.

2. Под порядком защиты гражданских прав и законных интересов следует понимать установленные законодательством или соглашением сторон правила, регламентирующие способы, средства защиты и условия реализации субъективного гражданского права на защиту.

3. Несмотря на предусмотренный ст. 11 ГК Республики Беларусь открытый перечень способов защиты гражданских прав предлагается дополнить данную статью абзацем 13 следующего содержания: «совершения нотариального действия». Абзац 13 нынешней редакции ст. 11 ГК Республики Беларусь соответственно считать абзацем 14.

4. Часть вторую ст. 7 ГК Республики Беларусь дополнить таким юридическим фактом, порождающим права и обязанности субъектов гражданского оборота, как исполнительная надпись.

5. Под исполнительной надписью следует понимать распорядительный акт нотариуса или должностного лица заграничных учреждений о взыскании денежных сумм (задолженности) с должника для удовлетворения бесспорных требований.

6. Наряду с судебным, претензионным, административным и смешанным порядком защиты гражданских прав и законных интересов в рамках юрисдикционной формы защиты следует выделять нотариальный порядок такой защиты. В связи с этим предлагается п. 3 ст. 10 ГК Республики Беларусь изложить в новой редакции: «3. Защита гражданских прав в административном и нотариальном порядке осуществляется лишь в случаях, предусмотренных законодательством. Решение, принятое в административном порядке, может быть обжаловано в суд. Совершенное нотариальное действие или отказ в его совершении могут быть обжалованы в суд». Данное предложение будет способствовать популяризации нотариального порядка защиты прав и законных интересов всех субъектов гражданского оборота.

Список использованных источников:

1. Клигман, А.В. Защита субъективных гражданских прав: некоторые проблемы / А.В. Клигман // Защита субъективных гражданских прав / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М. : ВЮЗИ, 1989. – 82 с.

2. Харитонов, М.Е. Защита субъективных гражданских прав судами и органами несудебной юрисдикции: гражданско-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М.Е. Харитонов. – Ростов н/Д, 2003. – 184 л.

3. Ермоленко, Е.В. К вопросу о содержании правовой категории «форма защиты гражданских прав и законных интересов»: постановка проблемы / Е.В. Ермоленко // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: И.А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. – Вып. 2. – Минск, 2016. – С. 57–66.

4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : ок. 52 000 слов / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1988. – 750 с.

Дата поступления в редакцию: 27.07.18

E.V. Ermolenko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

NOTARIATE IN THE SYSTEM OF BODIES OF CIVIL JURISDICTION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The place of a notariate in the system of the bodies which are responsible for protection of civil rights and legitimate interests is determined in the article. The expediency of allocation within a jurisdictional form of protection of a notarial order of protection of civil rights and legitimate interests is stated. Its legal features, a form, ways and means of protection are considered.

Keywords: notariate, notarial order, notarial actions, executive inscription, protection of civil rights.

УДК 347.51

Д.А. Колбасин, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА, ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Раскрываются характерные признаки нравственно-правовых категорий чести, достоинства, деловой репутации. Анализируются особенности, теоретико-правовая природа указанных категорий. Акцентируется внимание на защите чести, достоинства, деловой репутации физических и юридических лиц, определении размера компенсации морального вреда.

Ключевые слова: деловая репутация, достоинство, компенсация, моральный вред, размер морального вреда, честь.

В какую бы эпоху жизни человечества мы ни заглянули, так или иначе главенствующее положение в ней занимал человек с присущим ему менталитетом и защитой его прав. Особую актуальность защита прав человека приобрела уже давно, но в современных условиях продолжает свое наступательное движение, являясь квинтэссенцией и одной из доминант общественного прогресса. В Конституции Республики Беларусь (ст. 2, 21) закреплено, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации – высшая ценность и цель общества и государства, из чего следует, что государство не только их декларирует, но и гарантирует их обеспечение. С учетом перспективы развития общественных отношений по восходящей линии и постоянно возрастающих требований по защите прав, интересов, свобод, которые напрямую связаны с нравственными категориями чести, достоинства, деловой репутации, судьбоносность, репутационность данных категорий будет только возрастать. В то же время не следует забывать о том, что человек, живя в обществе, не может быть свободен от него. Нарушая приоритет общечеловеческих ценностей, человек тем самым противопоставляет себя обществу, вызывая осуждение окружающих. И наоборот, если действие человека соотносится с требованиями общества, его моральными и правовыми принципами, это делает такому гражданину честь. Иными словами, честь – общественное признание заслуг конкретного лица, признание обществом его моральных и иных заслуживающих внимания качеств. Именно с помощью этого понятия дается оценка поступков личности с точки зрения интересов общества.

Понятие чести неразрывно связано с понятием достоинства, которое также имеет определенную направленность. Необходимые условия, созданные для жизни гражданина, подчеркивают гарантированность человеческого достоинства – нравственных и физических качеств человека, его духовную принадлежность. Таким образом, честь означает оценку лица со стороны окружающих, а достоинство означает оценку лицом самого себя с учетом сложившегося о нем общественного мнения.

Рядом с категориями чести и достоинства находится нравственная категория деловой репутации. В данной своеобразной триаде при их оценке различия между ними проявляются только в субъективном или объективном подходах. Определение деловой репутации гражданина в сфере делового оборота, в том числе в сфере предпринимательства и юридического лица как субъекта хозяйствования, дано в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации».

Под деловой репутацией гражданина, не являющегося индивидуальным предпринимателем, понимается приобретаемая гражданином общественная оценка его деловых и профессиональных качеств при выполнении им трудовых, служебных и общественных обязанностей.

Под деловой репутацией юридического лица и индивидуального предпринимателя понимается его оценка в области хозяйственной (экономической) деятельности как участника хозяйственных (экономических) правоотношений другими участниками имущественного оборота и гражданами, таковыми не являющимися.

Защита прав человека вообще и чести, достоинства, деловой репутации в частности на современном этапе развития – одна из важнейших и первостепенных задач государства. Это означает, что государство при принятии нормативных правовых актов вправе, а также обязано обращать внимание на возможные возникающие проблемы и иные моменты защиты прав и свобод. Право на честь, достоинство впервые было закреплено в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Данные права, признанные и охраняемые государством, занимают особое место в системе субъективных прав граждан.

И здесь следует отметить, что в рассматриваемом направлении в нашей стране проделана значительная работа. Однако некоторые проблемные моменты еще имеют место, нуждаются в теоретическом осмыслении и в дальнейшем совершенствовании законодательной базы. Подтверждением здесь является то, что вопросы, касающиеся защиты чести, достоинства и деловой репутации, при рассмотрении и разрешении дел по ним представляют определенную сложность для судей. Особенно это касается компенсации морального вреда при вынесении решений по таким делам, чему в значительной степени способствуют имеющиеся недоработки в некоторых нормативных правовых актах.

Попытаемся определиться по некоторым имеющимся, как представляется, в этом плане недоработкам. Так, согласно п. 1 ст. 153 ГК Республики Беларусь гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Подтверждением тому является ст. 152 ГК, согласно которой в случае причинения гражданину морального вреда (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством, гражданин вправе требовать от нарушителя денежной компенсации указанного вреда. В целом данная правовая установка при рассмотрении в судах таких дел является определяющей. В то же время, как представляется, некоторые ее составляющие элементы не имеют конкретного обоснования, что в первую очередь касается определения размера компенсации морального вреда. Анализ литературных источников показывает, что такие исследования велись и ведутся, и также проводилось обобщение судебной практики.

Признавая ценность проводимых исследований, обобщений судебной практики в данном направлении, приходится констатировать, что в настоящее время как таковых общепризнанных единиц размера денежной компенсации за причинение морального вреда, связанного с защитой чести, достоинства и деловой репутации с учетом особенностей того или иного правонарушения, не имеется. Но попытки разработать методику определения размера компенсации морального вреда при возникающих такого рода обстоятельствах продолжаются.

Как уже отмечалось, с научной точки зрения представляют интерес разработки А.М. Эрделевского по определению размера компенсации морального вреда [1, с. 175]. Ученым подготовлена таблица, в которой приведены размеры компенсации морального вреда в зависимости от вида правонарушения (повреждения, менее тяжкого, легкого телесного повреждения и др.) суммами, выраженными в минимальных заработных платах. Для определения конкретного размера возмещения компенсации морального вреда в зависимости от вида правонарушения автором разработана четкая формула. Признавая научную ценность данных разработок, очень важно отметить их уязвимость. В частности, имеется неопределенность в их смысловом понимании, сложность в практическом применении предложенной формулы. При этом затруднительность практического применения разработок А.М. Эрделевского отмечают и другие ученые [2].

Изменения в определении размера компенсации морального вреда произошли с принятием постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 сентября 1996 г. № 10 «О применении законодательства, регулирующего возмещение морального вреда»; от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации»; от 28 сентября 2000 г. № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда». Так, впервые закреплены критерии, в соответствии с которыми должен был определяться размер возмещения морального вреда. Значимость данных критериев неоспорима, но тем не менее следует отметить, что некоторые из них носят рекомендательный характер. Другими словами, правовая судьба некоторых критериев заключается в том, что одни из них для суда при определении им размера компенсации морального вреда носят так называемый обязательный характер, другие – вспомогательный. Думается, что на некоторую неопределенность указывает и тот факт, что согласно действующему законодательству компенсация морального вреда заключается во взыскании в пользу потерпевшего определенной денежной суммы. Истец может указать в исковом заявлении любую сумму, но конкретный размер ее взыскания в пользу потерпевшего согласно законодательству определяет суд с учетом требований разумности и справедливости.

Базируясь на данном принципе, у судей формируется внутреннее убеждение при вынесении решений по конкретным гражданским делам. Но внутреннее убеждение ничем не регламентировано, оно может формироваться у каждого судьи по-разному. Как показывает практика, при определении размера компенсации морального вреда в пользу потерпевшего в расчет берутся предоставленные причинителем вреда доказательства в виде различного рода справок о материально-бытовых условиях, семейном положении и т. п. В то же время часто не учитывается, что жизненная ситуация у потерпевшего может быть не только лучшей и даже не такой же,

а еще хуже, чем у причинителя вреда. Иными словами, внутреннее убеждение судей может не совпадать с учетом требований разумности и справедливости.

Так, следует более конкретно определиться и в отношении сведений, порочащих деловую репутацию юридических лиц. Согласно п. 7 ст. 153 ГК правила о защите чести, достоинства и деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица кроме возмещения морального вреда. Не отвергая в целом определенность и важность данной формулировки, хотелось бы обозначиться и со своей позицией относительно возмещения нематериального вреда юридическому лицу. В частности, в настоящее время значительное внимание уделяется рекламе, суть которой не всегда соответствует действительности при регламентации действий того или иного юридического лица. В результате могут возникнуть издержки, вызванные изменением различных как организационных, так и запланированных мероприятий, возможным репрофилированием уже подготовленного к производству или уже производимого товара (выполняемой работы, оказываемой услуги). Все это в условиях рыночной экономики может привести к снижению конкурентоспособности юридического лица, а в конечном итоге и к возмещению убытков. Но причиненные убытки необходимо возмещать.

Не подлежит сомнению то, что реальные субъекты правоотношений в юридическом лице – физические лица, т. е. юридическое лицо – простая фикция. Дееспособны только органы, состоящие из людей. И если следовать логике, информация о распространении сведений, не соответствующих действительности, не может быть получена непосредственно юридическим лицом, так как юридическое лицо здесь фикция, нечто «аморфное». И такая информация будет получена какими-то конкретными физическими лицами.

В этой связи думается что, юридические лица также, как и граждане, вправе требовать не только опровержения таких сведений с возмещением причиненных убытков, но и компенсации так называемого нематериального вреда. Так, если речь идет о юридическом лице, то не следует руководствоваться субъективными критериями, каковыми являются, в частности, нравственные и физические страдания, а исходить из несоответствующей негативной оценки деятельности юридического лица по производству им товаров, проведению работ, оказанию услуг. Аргументированным подтверждением изложенному является ст. 14 ГК, где в п. 2 под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно было произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которое это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Наряду с изложенным возникают и другие нерешенные вопросы. В частности, п. 6 ст. 153 ГК определено, что если установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, невозможно, гражданин, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений, не соответствующих действительности. Но в данной статье ничего не сказано о компенсации морального вреда и о том, кто конкретно должен нести ответственность в случае его причинения.

Еще более ощутимо проявляется неопределенность в этом направлении при появлении негативных сведений, затрагивающих честь, достоинство, деловую репутацию лица в интернете. Через эту так называемую «информационную супермагистраль» за довольно короткие промежутки времени проходит огромное количество различного рода информации, в том числе негативного характера, касающегося чести, достоинства и деловой репутации как физических, так и юридических лиц. Все это подтверждается в СМИ. При этом распространившие такую информацию часто остаются неизвестными, поэтому предъявить требования по компенсации причиненного морального вреда некому. В этой связи возникают вопросы, связанные с совершенствованием правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации в глобальной сети. Думается, таким решением могло бы быть законодательное определение ответственности интернет-провайдеров, соответствующих администраторов в случаях размещения на их сайтах сведений, не соответствующих действительности, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию лиц, в интернете.

При анализе рассматриваемых нравственно-правовых категорий их так называемая «объектоспособность» обозначается нематериальными благами, что не находит всеобщей поддержки среди научного сообщества. Как известно, в действующем законодательстве названные катего-

рии именуется нематериальными благами и ст. 128 ГК отнесены к объектам гражданских прав. Что касается авторских позиций по отношению к терминологии «нематериальные блага», то в литературе мнения разнятся. Другими словами, как и легальное определение нематериальных благ в законодательстве отсутствует, так и однозначного мнения в отношении их не существует, и дискуссии по данному вопросу продолжаются до сих пор. В частности, одни ученые считают необходимым заменить закрепленный в законодательстве термин «нематериальные блага» на «неимущественные блага», утверждая, что это позволит подчеркнуть правовую природу и сущность нематериальных благ, регулируемых и охраняемых законом [3, с. 7]. Другие считают, что более предпочтительно именовать нематериальные блага личными неимущественными, обосновывая свою позицию тем, что новый термин позволит лучше отразить их особенности [4, с. 413]. Некоторые ученые предлагают вместе с термином «нематериальные блага» использовать и термин «личные нематериальные блага», понимая под последними блага, неотделимые от личности их носителя, а под нематериальными – те, которые могут быть отделены от субъекта посредством их воплощения в каком-либо внешнем по отношению к человеку материальном объекте [5, с. 374]. Также имеются и другие теоретические конструкции, определяющие термин «нематериальные блага», и для каждой имеется обоснование.

Не вдаваясь в подробности обсуждаемого дискуссионного процесса, важно все-таки отметить заслуживающую внимания позицию ученых, относящих нематериальные блага (честь, достоинство, деловую репутацию) к личным неимущественным благам. В то же время отрицать в целом их связь с имущественными отношениями представляется неверным. Как следует из законодательства, компенсация морального вреда заключается не только в отрицании в установленном порядке порочащих сведений в виде извинений, опровержений, соглашений, но и в переводе потерпевшему денежных средств. Таким образом, можно сделать вывод, что они не лишены экономического содержания, т. е. проявляется связь личных неимущественных отношений с имущественными.

Анализ приведенных некоторых суждений показывает, что необходимо разработать, обосновать и законодательно закрепить конструкцию концептуальных теоретических основ правовой регламентации института компенсации морального вреда в целом и определения морального вреда, его конкретных критериев и форм компенсации в частности. Комплексный и разноотраслевой характер этих нравственно-правовых категорий обуславливает необходимость разработки четкого юридического инструментария, обеспечивающего надлежащее функционирование всех элементов этого института, усиления направленности усовершенствованных публично-правовых механизмов их защиты.

Список использованных источников

1. Эрделевский, А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом : практ. пособие / А.М. Эрделевский. – М. : Форум : Инфра-М, 1997. – 239 с.
2. Корень, Т.А. Компенсация морального вреда / Т.А. Корень. – Минск : БИП-С, 2002. – 57 с.
3. Тимешов, Р.П. Нематериальные блага в гражданском праве и их защита : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р.П. Тимешов ; Куб. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2010. – 26 с.
4. Гражданское право : учебник : в 3 т. / Е.Н. Абрамова [и др.] ; под ред. А.П. Сергеева. – М. : ТК Велби, Проспект, 2008. – Т. 1. – 1008 с.
5. Гражданское право : учебник : в 3 т. / В.В. Байбак [и др.] ; под ред. Ю.К. Толстого. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Проспект, 2009. – Т. 1. – 784 с.

Дата поступления в редакцию: 26.10.18

D.A. Kolbasin, Candidate of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Department of Civil and Labor Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THEORETICAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF THE DEFINITION AND PROTECTION OF HONOR, DIGNITY, BUSINESS REPUTATION OF PHYSICAL AND LEGAL PERSONS

The characteristic signs of such moral-legal categories as honor, dignity, business reputation are revealed. The features, the theoretical and legal nature of these moral-legal categories are analyzed. Attention is focused on the protection of honor, dignity, business reputation of individuals and legal entities, determining the amount of compensation for moral harm.

Keywords: business reputation, dignity, compensation, moral damage, the amount of moral damage, honor.

УДК 347

В.И. Пенкрат, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: valentinpenkrat@tut.by)

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА СЕМЬИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Анализируются различные теоретические подходы к определению правовой защиты семьи. Предпринята попытка научного обоснования понятия «правовая защита семьи». Рассматриваются вопросы правовой защиты семьи в Республике Беларусь.

Ключевые слова: семья, социологические и правовые признаки семьи, право, правовая защита, защита семьи государством, государственная политика в отношении семьи.

Современная семья сформировалась в результате многовекового исторического развития разноплановых отношений между людьми, органически входит в структуру общества, предполагая рождение и воспитание детей, будущих создателей материальных ценностей и духовной культуры общества. Семейные отношения во многом определяют облик людей, от семьи также зависит трудовая и общественная активность каждого. Вместе с тем семья формируется и изменяется в зависимости от социума, отражая его развитие.

Впервые понятие «семья» законодательно было закреплено в ст. 59 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье 1999 г.: «Семья – это объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления».

Другие родственники супругов, нетрудоспособные иждивенцы, а в исключительных случаях и иные лица могут быть признаны в судебном порядке членами семьи, если они проживают совместно и ведут общее хозяйство.

Анализируя приведенное в КоБС определение семьи, можно выделить следующие две группы признаков семьи: социологические и правовые.

В социологическом плане семья представляет собой союз лиц (или малую социальную группу), взаимодействующих друг с другом во имя достижения единой осознанной цели. По этой причине семью можно рассматривать как социально организованное объединение людей. Членов семьи связывает наличие брачных или родственных отношений, а также отношений, вытекающих из усыновления (удочерения). Этот признак отличает семью от иных малых социальных групп. Как правило, семья возникает с момента заключения брака, поэтому и бездетный брак создает семью. Типичной является семья, у которой помимо супругов имеются и дети. Ядром семьи являются родители и дети, но в ее состав могут входить и другие родственники (в исключительных случаях и не родственники). Следовательно, родство можно рассматривать в качестве основы создания семьи. Члены семьи ведут общее хозяйство и, как правило, проживают совместно, т. е. можно считать, что для семьи характерна общность быта.

Рассматривая семью в правовом отношении, можно выделить юридический характер семейных отношений: регулирование их нормами права в той мере и в тех пределах, в которых государство с помощью общеобязательных норм может воздействовать на поведение членов семьи, направляя развитие семьи в желаемом для общества направлении. Семейные отношения могут возникать только при наличии обстоятельств, указанных в законе. В соответствии со ст. 64 КоБС основаниями возникновения прав и обязанностей в семье являются следующие:

а) брак, зарегистрированный в государственных органах, регистрирующих акты гражданского состояния. Следовательно, фактические брачные отношения не влекут возникновения семейных прав и обязанностей.

По утверждению немецкого философа И. Канта, фактическое сожитительство сторон без договора, а также простой договор без сожитительства (фиктивный брак) не являются браком, так как не отвечают требованиям закона.

Аналогичной точки зрения придерживаются и многие современные ученые-юристы, которые считают, что «семья как форма личной жизни основана только на браке. Без брака, хотя бы языческого, семья существовать не может» [1, с. 275];

б) родство, удостоверенное в установленном законом порядке (например, происхождение детей от родителей становится юридическим фактом только после его регистрации в органах записи актов гражданского состояния);

в) усыновление (удочерение), которое влечет возникновение таких же прав и обязанностей между усыновителем и усыновленным, как между родителями и детьми по кровному происхождению;

г) установление отцовства в судебном порядке также является юридическим фактом, влекущим возникновение семейных правоотношений между отцом и ребенком в случае рождения детей у родителей, не состоящих в браке.

Взаимные права и обязанности, которые сохраняются и при фактическом распаде семьи: супруги не поддерживают брачных отношений, проживают и ведут хозяйство отдельно, правовые отношения между ними сохраняются до расторжения брака со всеми вытекающими юридическими последствиями.

На основании указанных признаков семья в юридическом смысле – это объединение лиц, связанных между собой взаимными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления, и являющихся самостоятельными субъектами семейных отношений.

Ценность семьи и ее особая роль в общественном развитии и формировании каждого человека признается мировым сообществом. Так, в международно-правовых документах в области прав человека (ст. 16 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.; ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.; ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и др.) констатируется, что семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства.

Названные важнейшие положения закреплены в конституционном законодательстве большинства развитых стран Европы. Так, например, в Конституции Италии (ст. 29) семья – естественный союз, основанный на браке; в Конституции Греции (ст. 21) – фундамент сохранения и развития нации. В Конституции Ирландии (ст. 41) государство признает семью естественным первоисточником и объединяющей основой общества.

Нормы международного права о защите семьи нашли свое закрепление и в новых конституциях стран – участниц СНГ. В частности, ст. 38 Конституции РФ провозглашает, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства. В ст. 32 Конституции Республики Армения, ст. 48 Конституции Республики Молдова, ст. 63 Конституции Республики Узбекистан указано, что семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства, а в ст. 33 Конституции Республики Таджикистан семья называется основой общества.

Так, в ст. 2 Конституции Республики Беларусь закреплено, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Это важнейшее конституционное положение соответствует Уставу Организации Объединенных Наций (1945 г.), Всеобщей Декларации прав человека (1948 г.), Международному пакту о гражданских и политических правах (1966 г.), Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Конвенции о правах ребенка (1989 г.), другим международно-правовым актам и нашло отражение в настоящем законодательстве Республики Беларусь.

Не менее важным положением является закрепление в ст. 21 Конституции Республики Беларусь обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Так, под государственной защитой прав и свобод понимается совокупность мер экономического, политического, социального, организационного и правового характера, используемых государством для реализации прав и свобод граждан, регулирования общественных отношений. Также государственная защита прав и свобод включает деятельность правомочных органов государства, общественных организаций и органов местного самоуправления как до нарушения прав и свобод, состоящую в создании условий для их реализации, так и после нарушения субъективных прав, заключающуюся в восстановлении (признании) прав и свобод.

По мнению В.С. Тадевосяна, защита семьи со стороны государства охватывает все виды и формы заботы государственных органов по охране материнства и детства, по укреплению семьи, охране прав и законных интересов всей семьи и ее членов, борьбе с безответственностью в семейных отношениях [2, с. 4–5]. О защите семьи как о создании ей условий для нормального развития указывает Ю.А. Королев [3, с. 73].

А.М. Нечаева, например, утверждает, что защита семьи государством – это ее всяческая охрана, осуществляемая благодаря использованию разнообразных мер социальной поддержки семьи обществом, куда входит социально-экономическая помощь семье, участие государства в воспитании детей, влияние законодательства на брачно-семейные отношения [4, с. 2–4].

С учетом приведенных примеров, государственная защита семьи – это комплекс различных идеологических, социально-правовых мер, направленных на создание ей оптимальных условий функционирования.

Многие правоведы рассматривают правовую защиту семьи с различных точек зрения. Так, Н.С. Малеин говорит в данном случае о системе юридических норм, направленных на предупреждение правонарушений и устранение их последствий [5, с. 192]. П.П. Гуреев называет совокупность предусмотренных законом способов рассмотрения и разрешения споров в целях восстановления нарушенных или подтверждения оспоренных прав [6, с. 6]. Аналогичных взглядов придерживается С.С. Алексеев, указывая на государственно-принудительную деятельность, направленную на восстановление нарушенного права, обеспечение исполнения юридической обязанности [7, с. 180]. Такого же мнения придерживается и О.В. Иванов, который определял правовую защиту как применение юрисдикционными органами специальных мер, направленных на обеспечение правомочному лицу реальной возможности осуществления его права [8, с. 40]. Общим в приведенных трактовках является признание правовой защиты как деятельности специальных органов.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что правовая защита – это не только наличие закона, запрещающего определенные деяния и устанавливающего наказание за них, но и процесс реализации специально уполномоченными государственными органами законодательных и подзаконных нормативных правовых актов с целью устранения нарушенного права (смягчения причиненного вреда), предупреждения подобных нарушений и наказания виновного.

Также правовую защиту можно рассматривать и в динамике: имеющий начало и окончание процесс защиты, возникающий с момента предъявления иска и завершающийся исполнением решения.

Для обеспечения интересов заинтересованных лиц законодатель устанавливает сроки рассмотрения исковых заявлений и исполнения решений. Эти сроки, однако, часто не соблюдаются, что недопустимо в случаях, когда речь идет о защите прав и интересов несовершеннолетних детей и прежде всего их права на надлежащее воспитание.

Рассмотрим, например, в какой степени конституционный принцип защиты семьи государством отражается в действующем законодательстве.

Так, Гражданским кодексом Республики Беларусь отношение к семье определяется преимущественно косвенным образом при установлении правил относительно опеки (попечительства) – ст. 32–37, личной и семейной тайны – ст. 151. В ст. 253 допускается преимущественное право покупки доли в общей собственности, в ст. 259 затрагивается общая совместная собственность супругов. Согласно ч. 2 ст. 272 ГК собственник жилого помещения может использовать его для личного проживания и проживания членов его семьи отдельно или вместе с семьей. Термин «права членов семьи» фигурирует в ст. 275, где говорится о правах членов семьи собственника жилого помещения. Также незначительное упоминание о семье в Общей части Гражданского кодекса объясняется спецификой регулируемых отношений.

В Жилищном кодексе Республики Беларусь широко используется термин «семья» в разном контексте. Например, учет граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, – ст. 37; права и обязанности нанимателя жилого помещения – ст. 55; права и обязанности членов, бывших членов семьи нанимателя жилого помещения – ст. 57 и др. В указанном кодексе постоянно фигурирует термин «член семьи» (члены семьи собственника, нанимателя – ст. 1, осуществление учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий – ст. 41; сохранение за членами

семьи гражданина права состоять на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий – ст. 47; права и обязанности членов, бывших членов семьи нанимателя жилого помещения – ст. 57 и др.). Таким образом, семья, ее интересы как коллектива занимают свое место при определении правовых основ регулирования жилищных отношений.

К основным задачам семейного законодательства Кодекс Республики Беларусь о браке и семье относит укрепление семьи, охрану материнства и отцовства – ст. 1, в сфере социальной политики государство считает приоритетной задачей защиту брака, семьи, охрану материнства, отцовства и детства – ст. 3. Особо в кодексе говорится об осуществлении прав, вытекающих из брачных и семейных отношений, за исключением случаев, когда эти права осуществляются в противоречии с их назначением, – ст. 5. Самостоятельно регулируется защита прав, вытекающих из брачных и семейных отношений, – ст. 6. О расторжении брака, когда суд обязан принимать меры, направленные на сохранение семьи, указывается в ч. 5 ст. 36. Допускается отступление от начала равенства долей супругов в их общем имуществе, если имело место уклонение супруга от трудовой деятельности и он расходовал общее имущество в ущерб интересам семьи – ч. 1 ст. 24. Предусматривается обращение взыскания на общее имущество супругов, если один из них полученное по обязательствам использовал в интересах всей семьи, – ч. 2 ст. 28. Все дети имеют право на жизнь в семье – ч. 1 ст. 185.

Раздел III Кодекса Республики Беларусь о браке и семье специально посвящен семье. Так, гл. 9 кодекса регулирует права и обязанности семьи в обществе, гл. 10 – личные неимущественные правоотношения в семье. Кроме того, КоБС предусматривает и другие меры по защите семьи и имущественных прав ее членов. В этой связи можно сделать вывод о том, что почти все положения Кодекса служат семье, направлены на ее охрану и защиту.

Действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. впервые выделил специальную гл. 21 «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних». Так, в ст. 172 УК запрещается вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, ст. 173 – вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение. Устанавливается запрет на уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении, – ст. 174; уклонение детей от содержания родителей – ст. 175; относится к преступлениям злоупотребление правами опекуна или попечителя – ст. 176; разглашение тайны усыновления – ст. 177; умышленная подмена ребенка – ст. 180. Перечисленное служит еще одним доказательством того, что семья занимает все более прочное и самостоятельное место в числе объектов, защищаемых правом.

Законодательство по социальному обеспечению в Республике Беларусь ориентировано на помощь как семье, так и отдельному гражданину. Подтверждением может служить Закон Республики Беларусь «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей» от 29 декабря 2012 г. № 7-3.

Аналогичен по своему содержанию Указ Президента Республики Беларусь «Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь» от 21 января 1998 г. № 46. Основанием для разработки указанных Закона и Указа послужило следующее:

признание непреходящей ценности семьи для жизни и развития человека;

понимание важности роли семьи в жизни общества, в воспитании и социализации новых поколений, сохранении и передаче культурных и нравственных ценностей, традиций нации, достижении общественной стабильности и прогресса;

необходимость учета коренных интересов семьи и принятия специальных мер по их социальной поддержке;

признание государственной и общественной потребности в определении стратегии и тактики, принципов, основных целей и первоочередных мер социальной политики в отношении семьи, проводимой законодательной и исполнительной властью.

Кроме того, в Республике Беларусь существует и законодательная поддержка отдельных категорий семей, в частности молодых.

В других законодательных актах Республики Беларусь, непосредственно касающихся вопросов жизнеобеспечения семьи, обычно нет прямого упоминания о семье либо оно имеет косвен-

ный характер. В число таких актов входят Законы «О всеобщей воинской обязанности и военной службе», «О занятости населения Республики Беларусь», «О подоходном налоге с граждан», «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь», «О прожиточном минимуме в Республике Беларусь», «О государственных пособиях семьям, воспитывающих детей», «О пенсионном обеспечении» и др.

Показательно на этот счет законодательство ряда других государств. Например, во Франции существуют Кодекс социальной и семейной помощи, Закон по социальному обеспечению семьи, Декрет о правах семей в их взаимоотношениях со службами защиты семьи и детства; в Польше – Закон о социальной помощи, где указывается, что социальная помощь со стороны государства должна способствовать укреплению семьи (ст. 2, 3). В Финляндии – Закон о социальном обслуживании, направленный на обеспечение развития отдельного человека, семьи, сообщества. В Германии – Закон о социальной помощи, где содержатся специальные статьи, посвященные помощи семье для приобретения средств к существованию, поддержке в особых жизненных ситуациях. Интересно, что при оказании социальной помощи семье предлагается учитывать семейные взаимоотношения тех, кто нуждается в этой помощи. Причем в качестве цели ее оказания, закрепленной в законе, фигурирует поддержание «собственных сил» семьи, «самопомощь, укрепление солидарности ее членов». В США, например, нет специального закона об охране семьи, но материальная помощь, как правило, оказывается именно ей. Таким образом, практически во всех странах семья признана важнейшим социальным институтом.

В Республике Беларусь в отношении семьи государственная политика осуществляется на основе целого ряда действующих нормативных правовых актов. К ним относятся основные направления государственной семейной политики, Кодекс Республики Беларусь о браке и семье, Законов Республики Беларусь «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей», «О правах ребенка» и др. Цель государственной семейной политики – обеспечение улучшения социально-экономических условий жизнедеятельности семьи для выполнения ею репродуктивной, экономической и воспитательной функций, а также укрепление нравственных основ семьи, повышение ее престижа в обществе.

Таким образом, государственная семейная политика представляет собой систему мер экономического, правового, социального, информационно-пропагандистского и организационного характера, направленных на улучшение жизнедеятельности семьи. Сложившиеся взаимоотношения в семье формируют соответствующее отношение к близким, в частности социуму в целом.

Список использованных источников

1. Забелин, И.Е. История русской жизни с древнейших времен / И.Е. Забелин. – М. : Политиздат, 1990. – 526 с.
2. Тадевосян, В.С. Защита семьи – конституционный принцип Советского государства / В.С. Тадевосян // Развитие законодательства о браке и семье : сб. ст. / редкол.: М.Я. Булошников (гл. ред.) [и др.]. – М. : ИГПАН, 1978. – 159 с.
3. Королев, Ю.А. Семейное право России : учеб. пособие. / Ю.А. Королев. – М. : Юрид. лит., 1999. – 336 с.
4. Нечаева, А.М. Семейное право : курс лекций / А.М. Нечаева. – М. : Юристъ, 1998. – 336 с.
5. Малеин, Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР / Н.С. Малеин. – М. : Юрид. лит., 1981. – 215 с.
6. Гуреев, П.П. Защита личных и имущественных прав / П.П. Гуреев. – М. : Наука, 1964. – 112 с.
7. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 360 с.
8. Иванов, О.В. Право на судебную защиту / О.В. Иванов // Совет. государство и право. – 1970. – № 7. – С. 40–48.

Дата поступления в редакцию: 26.09.18

V.I. Penkrat, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Civil and Labor Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

LEGAL PROTECTION OF THE FAMILY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article analyzes various theoretical approaches to the definition of legal protection of the family. An attempt is made to substantiate scientifically the concept of "legal protection of the family". The issues of legal protection of the family in the Republic of Belarus are considered.

Keywords: family, sociological and legal features of the family, law, legal protection, protection of the family by the state, state family policy.

УДК 342.721

А.А. Подупейко, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Рассматривается содержание права на неприкосновенность личности. Прослеживается зависимость его гарантированности и защиты от развития современных информационно-коммуникационных технологий. Анализируется действующее законодательство Республики Беларусь по регулированию и защите персональных данных физических лиц.

Ключевые слова: право на неприкосновенность личности, информационно-коммуникационные технологии, персональные данные физических лиц, гарантированность и защита.

Одним из основных приоритетов государство определяет обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь (ст. 21 Конституция Республики Беларусь).

Генезис современного общества тесно связан с возрастающим влиянием на все сферы жизнедеятельности интернет-среды и стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий. Последние оказывают значимое влияние в первую очередь на сферу личных прав и свобод человека, среди которых особое место отводится праву на неприкосновенность личности.

Понятие права на неприкосновенность личности достаточно широко, касается сферы биологической и социальной жизни и включает физическую неприкосновенность (жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность), нравственную неприкосновенность (честь, достоинство, свобода), психическую неприкосновенность (нормальное течение психических процессов), индивидуальную неприкосновенность (свобода личности, выражающаяся в возможности располагать самими собой, своим свободным временем, по своему усмотрению определять место пребывания и т. д.).

Правом на неприкосновенность личности обладает каждый с момента рождения, что предоставляет ему возможность совершать любые действия, не противоречащие закону.

Кроме того, рассматриваемое право связано со всем комплексом личных прав и свобод человека, гарантированных государством мер по недопущению и пресечению правонарушений в отношении личности, недопустимостью незаконного ограничения прав и свобод человека, обеспечением личной безопасности, уголовно-правовой защитой. Содержание понятия «право на неприкосновенность личности» предполагает возможность требовать от других субъектов не нарушать это право, а также право на собственные действия по обеспечению своей неприкосновенности и право на обращение за защитой в государственные органы в случае его нарушения.

Так, право на неприкосновенность личности является базисом для многих конституционных прав и свобод, одним из наиболее значимых социальных благ, и его полное обеспечение свидетельствует о демократичности развития общества. Данное право индивидуализирует человека, способствует наилучшему проявлению его духовных интересов, способностей, склонностей и индивидуальных особенностей. В категории «неприкосновенность» воплощается недопустимость неоправданного, незаконного применения насилия в отношении личности, недопустимость ограничения свободы и излишнего вмешательства.

Неприкосновенность личности, как право, «перекликается» с другими личными правами, дополняется и конкретизируется ими. Здесь идет речь о праве человека на достоинство, праве на свободу от пыток, праве на личную жизнь, праве на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, праве на неприкосновенность жилища, свободу передвижения, выбор места жительства и т. д.

Согласно ст. 151 ГК Республики Беларусь «жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу акта законодательства,

неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Нематериальные блага защищаются в соответствии с гражданским законодательством...».

Так, ключевой проблемой обеспечения прав и свобод человека и гражданина в целом и права на неприкосновенность личности в частности представляется потенциал информационно-коммуникационных технологий, современного программного обеспечения, управляющего процессом сбора, обработки и анализа информации, в том числе личного, конфиденциального характера.

В настоящее время резко возросло количество электронных, информационных, коммуникационных систем, которые предоставляют различные возможности для постороннего вмешательства в личную жизнь человека и тем самым нарушают или ограничивают его права и свободы. Повсеместное появление камер, развитие специального программного обеспечения, прежде всего в государственных структурах, а также создание различных баз данных о жизнедеятельности граждан (различные учеты в ОВД, налоговых органах, жилищно-коммунальном хозяйстве; сеть мобильных операторов и интернет-провайдеров; системы осуществления банковских транзакций, учета в поликлинике и т. д.) позволяет контролировать информацию о личности. При этом личность спокойно существует во множестве этих электронных баз данных, тем самым практически утрачивая право на личную жизнь, право на неприкосновенность личности, и не задумывается об этом.

Более того, человек самостоятельно и сознательно размещает информацию о себе, личной жизни, предоставляет персональные данные, выкладывает фото и т. д. в различные информационные сети. Они не только служат «окном» в информационный мир, но и могут способствовать иной роли, в том числе причинять вред самой личности, например передавать сведения личного характера посторонним лицам, организациям, маркировать местонахождение и др. Этим могут воспользоваться правонарушители, специализирующиеся в сфере высоких технологий.

Тем не менее законодательством Республики Беларусь предусматриваются определенные гарантии защиты персональных данных. Так, Закон об информации, информатизации и защите информации важнейшими принципами регулирования информационных отношений определяет «защиту информации о частной жизни физического лица и персональных данных», а также «обеспечение безопасности личности, общества и государства при пользовании информацией и применении информационных технологий» (ст. 4). Кроме того, Законом предусматривается, что распространение и (или) предоставление информации о частной жизни физического лица и персональные данные носят ограниченный характер (ст. 17).

Также в Законе об информации, информатизации и защите информации закреплено, что никто не вправе требовать от физического лица предоставления информации о его частной жизни и персональных данных, включая сведения, составляющие личную и семейную тайну, тайну телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, касающиеся состояния его здоровья, либо получать такую информацию иным образом помимо воли данного физического лица, кроме случаев, установленных законодательными актами Республики Беларусь (ст. 18). Сбор, обработка, хранение информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользование ими осуществляются с письменного согласия данного физического лица, если иное не установлено законодательными актами Республики Беларусь. Порядок получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения и предоставления информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользования ими устанавливается законодательными актами Республики Беларусь.

Важным является и то, что распространяемая и (или) предоставляемая информация должна содержать достоверные сведения о ее обладателе, а также о лице, распространяющем и (или) предоставляющем информацию, в форме и объеме, достаточных для идентификации таких лиц (ст. 20 Закона об информации, информатизации и защите информации). В свою очередь, меры по защите персональных данных от разглашения должны быть приняты с момента, когда персональные данные были предоставлены физическим лицом, к которому они относятся, другому лицу либо когда предоставление персональных данных осуществляется в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь. Последующая передача персональных данных разрешается только с письменного согласия физического лица, к которому они относятся, либо в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь (ст. 32).

В соответствии с Законом Республики Беларусь о регистре населения персональными данными физических лиц является совокупность основных и дополнительных персональных данных, а также данных о реквизитах документов, подтверждающих основные и дополнительные персональные данные конкретных физических лиц (ст. 8).

К основным персональным данным относятся: идентификационный номер; фамилия, собственное имя, отчество; пол; число, месяц, год рождения; место рождения; цифровой фотопортрет; данные о гражданстве (подданстве); данные о регистрации по месту жительства и (или) месту пребывания; данные о смерти или объявлении физического лица умершим, признании безвестно отсутствующим, недееспособным, ограниченно дееспособным.

Данными о гражданстве (подданстве) являются: гражданство (подданство); основания приобретения или прекращения гражданства Республики Беларусь; дата приобретения или прекращения гражданства Республики Беларусь.

Данными о регистрации по месту жительства и (или) месту пребывания являются: место жительства и (или) место пребывания; дата регистрации по месту жительства и (или) месту пребывания; дата снятия с регистрационного учета по месту жительства и (или) месту пребывания.

Данными о смерти или объявлении физического лица умершим, признании безвестно отсутствующим, недееспособным, ограниченно дееспособным являются: дата, место и причина смерти, место захоронения; дата объявления физического лица умершим, признания безвестно отсутствующим, дата отмены соответствующего решения; дата признания физического лица недееспособным, ограниченно дееспособным, дата отмены соответствующего решения; дата установления опеки, попечительства; дата прекращения опеки, попечительства; дата отстранения опекунов, попечителей от выполнения их обязанностей (ст. 8 Закона о регистре населения). Кроме того, в данном законе содержится и перечень дополнительных персональных данных (о родителях, опекунах, попечителях, семейном положении, супруге, ребенке (детях) физического лица; о высшем образовании, ученой степени, ученом звании; о роде занятий; о пенсии, ежемесячном денежном содержании по законодательству о государственной службе; о налоговых обязательствах; об исполнении воинской обязанности (ст. 10)).

При анализе законодательства Республики Беларусь о персональных данных необходимо обратить внимание, что значительная часть таких сведений находится за рамками его правового регулирования (биометрические, коммуникационные, медицинские, финансово-экономические, политические, религиозные и иные данные). Такое положение может способствовать неограниченному распространению информации о человеке и тем самым привести к нарушению права на неприкосновенность личности. В этой связи видится обоснованным принятие закона о персональных данных, в котором бы детально определялись персональные данные и предусматривались гарантии их сохранности (защиты) и ответственности в случае несанкционированного распространения.

Следует отметить, что в Российской Федерации Закон о персональных данных принят в 2006 г. и вступил в силу с 2007 г. Одними из последних изменений в законодательстве в этой области в Российской Федерации стало значительное увеличение размера административных санкций за нарушения, связанные с неправомерным сбором, хранением, обработкой и использованием персональных данных. В Европейском союзе в 2016 г. был принят новый Общий регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном перемещении таких данных.

В Законе о регистре населения также предусмотрены гарантии защиты персональных данных. Защита персональных данных, содержащихся в регистре, – деятельность распорядителя регистра, направленная на предотвращение несанкционированного вмешательства в процесс ведения регистра, в том числе попыток незаконного доступа к персональным данным, содержащимся в регистре, их блокирования, копирования, предоставления, распространения, искажения, уничтожения, а также иных неправомерных действий в отношении этих персональных данных. Персональные данные и связанные с ними отметки, содержащиеся в регистре, являются конфиденциальными. Уполномоченные сотрудники регистрирующей службы несут ответственность в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь за незаконное предоставление или распространение персональных данных, которые стали им известны в свя-

зи с исполнением ими служебных (трудовых) обязанностей, в том числе после прекращения исполнения таких обязанностей (ст. 31–32).

Важнейшим аспектом неприкосновенности личности является юридическое обеспечение тайны сведений о личной жизни человека. Объект охраны данного права – информация о различных сторонах и обстоятельствах личной жизни человека.

Так, основным гарантом соблюдения права на неприкосновенность личности выступает государство, что неоспоримо и неопровержимо, но основная сложность здесь заключается в нахождении баланса между свободой, возможным поведением человека и обеспечением национальной и общественной безопасности. В публично-правовых отношениях государственными органами все чаще используются специализированные информационные системы, для полноценного функционирования которых необходимо расширение полномочий органов власти в сфере обработки в автоматизированном режиме различного рода личной информации. Данные процессы наряду с мерами, которые предпринимаются для обеспечения национальной безопасности, приводят к формированию в законодательстве ограничений права на неприкосновенность личной жизни.

Согласно содержания ст. 59 Конституции «Государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией. Государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности. Эти органы и лица несут ответственность за действия, нарушающие права и свободы личности».

Одними из таких органов, деятельность которых направлена на обеспечение и защиту прав и свобод граждан, являются органы внутренних дел. В задачи ОВД входит: защита жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства от преступных и иных противоправных посягательств, обеспечение их личной и имущественной безопасности, защита прав и законных интересов организаций от преступных и иных противоправных посягательств в соответствии с компетенцией ОВД. Также ОВД не имеют права разглашать: сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина; сведения, относящиеся к его личной жизни, если иное не предусмотрено законодательными актами Республики Беларусь (ст. 6 Закона об ОВД).

Специфика деятельности ОВД относительно обеспечения права на неприкосновенность личности двоякая. С одной стороны, это защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на неприкосновенность личности, независимо от каких-либо обстоятельств; с другой – наделение компетенцией по ограничению неприкосновенности личности в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (ст. 23 Конституции).

При проведении оперативно-розыскных мероприятий ОВД получают различные сведения, в том числе персональные данные, о гражданах, должностных лицах, организациях и т. д., законодательно предусмотренные необходимостью сохранения их в тайне. При этом граждане, привлеченные органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, к подготовке проведения оперативно-розыскных мероприятий и (или) участию в них, обязаны: сохранять в тайне сведения об оказании ими содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность; сохранять в тайне сведения, ставшие известными им в связи с участием в оперативно-розыскном мероприятии; указывать источник своей осведомленности при предоставлении сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности, органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность и т. д. (ст. 10 Закона об ОРД).

Таким образом, государство и его органы стремятся выполнять взятые на себя обязательства по обеспечению прав и свобод человека в целом и право на неприкосновенность личности в частности. При этом развитие информационно-коммуникационных технологий и использование их прежде всего государственными органами ведет к формированию новой реальности, когда человек на виду и под контролем, а его права ограничиваются. В современных условиях очень важно найти и еще важнее сохранить равновесие между личностью, заинтересованной в свободе и реализации своих прав и государством, для которого важна безопасность и благо-

состояние в целом. Современное демократическое правовое государство обеспечивает права и свободы личности и развивает гражданское общество.

Дата поступления в редакцию: 27.09.18

A.A. Podupeyko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and International law of the Academy of MIA of the Republic of Belarus

THE RIGHT TO PERSONAL INTEGRITY AND INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

The content of the right to personal integrity is considered. The dependence of its security and protection against the development of modern information and communication technologies is traced. The current legislation of the Republic of Belarus on the regulation and protection of personal data of individuals is analyzed.

Keywords: the right to personal integrity, information and communication technologies, personal data of individuals, security and protection.

УДК 342.76

*Р.А. Середа, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: Sereda_R@mail.ru)*

ПРАВООХРАНЕНИЕ И ПРАВООГРАНИЧЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ И ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

В двух частях

Часть 2

Рассматривается применение сотрудниками ОВД Республики Беларусь огнестрельного оружия с позиции выполнения ими приоритетной функции охраны прав и свобод человека. Анализируются нормы отечественного и зарубежного законодательства в указанной области с точки зрения соответствия принципам международных стандартов.

Ключевые слова: права человека, милиция, правоохранительная деятельность, ограничение прав, применение оружия, международные стандарты.

Исключительность значимой и социально-острой меры правоограничения – применение огнестрельного оружия – определяется ее посягательством на самое высшее право каждого человека – право на жизнь. Последствия применения данной меры могут иметь необратимый характер – причинение смерти. Для того чтобы разобраться в сути вопроса, обоснованно и логично провести анализ рассматриваемой меры.

Большинство международных стандартов в рассматриваемой области прав человека провозглашают право на жизнь в качестве неотъемлемого права, принадлежащего каждому человеку от рождения и пользующегося особой охраной. Вместе с тем в этих же стандартах предусмотрены ситуации, при которых в результате необходимого применения силы допускается лишение человека жизни (п. 9 Основных принципов применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, принятых 8-м Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, Куба от 27 августа – 7 сентября 1990 г.).

Очевидно, что подобные изъятия из неотъемлемого права на жизнь являются объективно необходимыми для выполнения правоохранительной функции прежде всего для защиты жизни других лиц от посягательств и угроз. Однако полагается, что данные изъятия должны быть подвергнуты строжайшей оценке с точки зрения соответствия применяемых ограничений и достигаемых правоохранительных результатов. В частности, подобным вопросам применения правоохранительными органами оружия посвящены положения стандартов правоохранительной

деятельности, принятых ООН (см. первую часть статьи). Также эти вопросы получили детальное закрепление в отечественном законодательстве (Закон об ОВД).

На основании анализа положений обозначенных документов можно сформулировать три принципа применения силы и огнестрельного оружия: законность, необходимость и соразмерность.

Принцип законности предусматривает обязательное закрепление в законодательстве оснований и условий применения огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных структур. При этом перечень таких оснований должен быть исчерпывающим, не допускающим двоякого толкования и применения аналогий.

Принцип необходимости обязывает сотрудника оценивать каждую ситуацию на предмет возможности достижения правоохранительного результата ненасильственными способами. В ст. 2 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка указывается, что должностные лица по поддержанию правопорядка (далее – должностные лица) могут применять силу только в случае крайней необходимости. Пункт 4 Основных принципов раскрывает это положение, закрепляя, что должностные лица могут применять силу и огнестрельное оружие только в тех случаях, когда другие средства являются неэффективными или не дают каких-либо надежд на достижение намеченного результата. Аналогичная норма закреплена в ст. 26 Закона об ОВД, в соответствии с которой сотрудник ОВД при выполнении своих задач в правоохранительной сфере применяет оружие, если иными способами выполнение данных задач не представляется возможным.

Принцип соразмерности предусматривает оценку и сопоставление правоохраняемого интереса или блага и степени вмешательства в права человека, которое предпринимается с целью такой охраны. Главной этической проблемой здесь является вопрос о допустимости применения огнестрельного оружия против человека с возможностью лишения его жизни в случае охраны общественных либо государственных интересов.

В этом смысле четкой видится позиция, изложенная в п. 9 Основных принципов, согласно которой должностные лица применяют оружие в отношении людей только в случаях самообороны или защиты других лиц от неминуемой угрозы смерти или серьезного ранения; с целью предотвращения преступления, влекущего большую угрозу для жизни; с целью ареста лица, представляющего такую опасность, или с целью предотвращения его побега. Другими словами, всякое причинение вреда жизни и здоровью человека путем применения в отношении него огнестрельного оружия должно носить исключительный характер и выступать только как защитная мера, соразмерная угрозе, которую представляет данный человек для жизни и здоровья другого. Правомерное лишение жизни для защиты других правоохраняемых интересов (собственность, общественный порядок, государственные интересы) является недопустимым. И такая позиция видится вполне логичной и обоснованной. Более того, она должна касаться всех случаев правомерного лишения жизни человека от имени государства. В частности, она уже получила отражение при регулировании вопросов применения смертной казни в Республике Беларусь, которая применяется только за некоторые особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах.

Вместе с тем в ст. 29 Закона об ОВД данный вопрос не получил достаточно четкого определения. Некоторые основания применения оружия в отношении человека, закрепленные в указанной норме, предусматривают более широкий спектр правоохранительных целей, возможно и не связанных с защитой жизни и здоровья. Так, абзац седьмой части первой указанной статьи допускает возможность применения оружия в отношении лица, совершающего побег из-под стражи, конвоя. Однако какой-либо дифференциации таких лиц по их общественной опасности и направленности исходящей от них угрозы не делается.

Таким образом, можно сделать вывод, что оружие допустимо применять и в отношении лица, совершившего кражу, хулиганство либо уклоняющегося от уплаты налогов и совершающего при этом побег. Является ли при этом причинение вреда его здоровью, а возможно и лишение жизни, мерой, адекватной и соответствующей провозглашенному неотъемлемому праву на жизнь? Думается, что нет. И приведенное выше положение Основных принципов четко указывает на то, что главная и единственная правоохранительная цель применения огнестрельного оружия в отношении человека – защита жизни и здоровья других от противо-

правного насилия. Например, российский законодатель к данному вопросу подошел более дифференцированно, ограничив применение оружия в при побеге лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений (согласно Федеральному закону Российской Федерации «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (далее – Федеральный закон о полиции)).

В свою очередь, иные основания применения оружия, предусмотренные ст. 29 Закона об ОВД, напротив, не в полной мере обеспечивают возможность применения правоохранных мер, адекватных предотвращаемой угрозе. В частности, абзац второй части первой указанной статьи допускает применение огнестрельного оружия в отношении лица, совершающего нападение на гражданина, сопряженное с угрозой жизни или здоровью. Очевидно, что в данном случае речь идет о непосредственном пресечении противоправного посягательства и недопущении причинения вреда охраняемым правам и свободам. При этом опасность действий нападающего лица для жизни либо здоровья и соразмерность возможного вреда при их пресечении сомнений не вызывает.

Сохраняется ли эта опасность, если лицо, будучи застигнутым после совершения либо в ходе такого нападения, пытается скрыться, избежав задержания и наказания? Полагается, что да. Сходной позиции придерживаются и международные эксперты, указав в п. 9 Основных принципов возможность применения огнестрельного оружия в случае ареста лица, представляющего угрозу жизни или серьезного ранения. Однако согласно абзацу шестому части первой ст. 29 Закона об ОВД сотрудник ОВД Республики Беларусь в рассматриваемой ситуации имеет право применить оружие только при условии, если это лицо в целях избежания задержания применяет (угрожает применением) оружие, взрывчатое вещество, взрывное устройство или другие предметы, представляющие опасность для жизни или здоровья сотрудника ОВД или иных граждан. Иными словами, применение оружия в отношении лица, застигнутого при покушении на убийство, пытающегося скрыться и при этом не совершающего никаких опасных или угрожающих действий, будет неправомерным.

Так, подобная ситуация видится не вполне согласуемой с вышеуказанной правоохранительной целью применения огнестрельного оружия – защитой жизни и здоровья от посягательств. Здесь скрывшийся преступник представляет реальную угрозу указанным правам и свободам. Такая же позиция закреплена и в аналогичной норме российского законодательства. В частности, п. 4 ч. 1 ст. 23 Федерального закона о полиции допускает применение огнестрельного оружия для задержания лица в описываемой ситуации, если иными средствами задержать это лицо не представляется возможным.

Таким образом, с целью совершенствования правового регулирования указанной сферы предлагается целесообразным внесение изменений в ст. 29 Закона об ОВД, дополнив абзац второй части первой словами «...а равно застигнутого при совершении такого нападения и пытающегося скрыться». При этом цели защиты права на жизнь и здоровье человека будут достигаться в полной мере с точки зрения пресечения реального посягательства и с позиции недопущения потенциальной угрозы.

Итак, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Концепция места и роли ОВД в государстве и обществе должна постепенно трансформироваться путем смещения акцента в выполняемых функциях с организационно-управленческих, ориентированных на выполнение задач в интересах государства и общества в целом, на социально-обеспечивающие, обусловленные ролью ОВД как службы общественного доверия. В свою очередь, ограничения прав и свобод принудительного характера (в особенности личных) должны быть прежде всего связаны с достижением социально значимых целей, связанных выполнением сотрудниками ОВД указанной роли.

2. Несмотря на имеющийся в деятельности ОВД диссонанс, вызванный одновременным исполнением правоохранительных и правоограничительных функций, задача по обеспечению и защите прав и свобод человека должна быть приоритетной во всем спектре применяемых сотрудниками ОВД полномочий независимо от статуса лица и характера его поведения.

3. Требуется переосмысления правовое регулирование оснований применения огнестрельного оружия сотрудниками ОВД. В частности, применение указанной крайней формы правоограничения должно быть адекватно предотвращаемой угрозе и соответствовать приоритетной цели

деятельности ОВД – защите жизни, здоровья, прав и свобод человека. Понимание данной цели на уровне законодателя и на уровне правоприменителя позволит более полно оценить морально-этические основания применения огнестрельного оружия и более четко расставить приоритеты правоохранительной деятельности.

Дата поступления в редакцию: 28.05.18

R.A. Sereda, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Constitutional and International Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

LAW-ENFORCEMENT AND LEGAL RESTRICTION IN ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES: CORRELATION AND CAUSALITY (Part 2)

The use of fire weapons by officers of Internal affairs agencies of the Republic of Belarus is viewed from the position of fulfilling execution of the priority function of protecting human rights and freedoms. The norms of national and foreign legislation in this area are analyzed in terms of their compliance with the principles of international standards.

Keywords: human rights, militia, law enforcement activity, restriction of rights, use of weapons, international standards.

УДК 347.518

А.В. Чигилейчик, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ПРИ РАСПРОСТРАНЕНИИ ПОРОЧАЩИХ СВЕДЕНИЙ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Рассматриваются особенности гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации при распространении порочащих, не соответствующих действительности сведений в средствах массовой информации. При этом учитываются исследования законодательства и судебной практики. Обосновываются предложения по совершенствованию нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в изучаемой сфере.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, средства массовой информации.

Конституция Республики Беларусь гарантирует свободу мнений, убеждений и их свободное выражение (ст. 33). Пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав (ст. 34). Право на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на честь и достоинство (ст. 21, 28) означает, в частности, «гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе и препятствовать разглашению сведений личного характера» [1, с. 21]. Среди основных принципов деятельности СМИ в ст. 2 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ) названы принципы достоверности информации, законности, уважения прав и свобод человека, защиты нравственности. Журналисты в своей деятельности должны неукоснительно соблюдать нормы профессиональной этики и общепринятые нормы морали (принцип соблюдения норм профессиональной этики журналистов и общепринятых норм морали).

Сегодня особенно актуально разрешение споров, связанных с гражданско-правовой защитой чести, достоинства и деловой репутации при распространении порочащих, не соответствующих действительности сведений в СМИ – форме периодического распространения массовой информации с использованием печати, вещания теле- или радиопрограммы, глобальной компьютерной сети Интернет (п. 20 ст. 1 Закона о СМИ). Реабилитация имени гражданина, обеспечение соответствия действительности распространенных сведений способствуют соблюдению прав и свобод человека, гарантированных Конституцией и иными актами законодательства. Опровержение указанных сведений оказывает воспитательное воздействие, вырабатывает уважение к

чести, достоинству граждан, деловой репутации граждан и юридических лиц. В то же время выражение критических замечаний, распространение различных мнений и взглядов, обозначение имеющихся недостатков при соответствии действительности такой информации способствует реализации права на получение полной, достоверной и своевременной информации, а также обеспечивает свободу мнений, убеждений и их свободное выражение.

Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации при распространении порочащих сведений в СМИ являлась предметом исследования правоведов: Р. Филипчик [1], Е. Гаврилова [2], В.Н. Парашенко, С.Ф. Сокола [3], М.Г. Прониной, А.Н. Романович [4] и др. Вместе с тем, несмотря на значимость их трудов, рассматриваемые правоотношения требуют дальнейшего научно-теоретического исследования.

Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности (ст. 153 ГК). Так, в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации» (далее – постановление № 15) указывается, что «под распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица, следует понимать опубликование таких сведений в печати, сообщение по радио, телевидению, с использованием других средств массовой информации или технических средств». Под распространением порочащих сведений следует понимать также их опубликование с использованием интернета, относящегося к иным СМИ.

Свободное выражение мнений и убеждений, недопустимость принуждения к выражению своих мнений или отказу от них – право, гарантированное Конституцией. В этой связи «не могут признаваться обоснованными требования об опровержении сведений, содержащих соответствующую действительности критику недостатков в работе, поведения в общественном месте, коллективе, быту» (п. 8 постановления № 15). Возникает вопрос: подлежат ли удовлетворению требования об опровержении сведений, содержащих не соответствующую действительности критику, и является ли предметом судебной защиты в порядке ст. 153 ГК не соответствующее действительности мнение, распространенное в СМИ?

Например, в Российской Федерации на уровне Верховного Суда сформулирована правовая позиция, в силу которой при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо учитывать, что содержащиеся в оспариваемых высказываниях ответчиков оценочные суждения, мнения, убеждения не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ (ст. 153 ГК Республики Беларусь), если только они не носят оскорбительный характер. В правовой литературе данный подход подвергается обоснованной критике. В частности, Е. Гаврилов, отмечает, что оскорбительный характер мнения не может являться условием для защиты чести, достоинства и деловой репутации. От оскорбительного характера мнений физическое лицо может защищаться в административном и уголовно-правовом порядке и при этом по своему усмотрению дополнительно требовать компенсации морального вреда [2, с. 8].

Таким образом, можно полагать, что субъективное мнение, распространенное в СМИ, изложенное в вопросительной форме, с использованием сравнений, метафор и других средств, не подлежит опровержению в порядке, предусмотренном ст. 153 ГК. Следовательно, отграничение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, от реализации конституционного права на свободу мнения видится в содержании публикации (сюжете), в неутвердительной форме изложения, исключая категоричность формулировок, в проблемной подаче материала. Лицо, распространяющее такие сведения, не употребляет словесных конструкций и речевых оборотов, имеющих явно выраженную отрицательную оценку лиц, в отношении которых опубликованы соответствующие сведения. Высказывая субъективные оценочные суждения, даже в форме острой полемики, автор тем самым реализует свое конституционное право на свободу мнения. В рассматриваемой ситуации критика не сводится к распространению порочащих другое лицо сведений, а выступает средством выражения своего субъективного мнения.

Интересен следующий пример из судебной практики. Газетой «П» и на интернет-сайте ООО «П» опубликованы статьи Т. об использовании в спорте допинга. В исковом заявлении о защите чести и достоинства А. указал, что написанные своим стилем и распространенные ответчиками

статьи содержат оценки и выводы, не основанные на достоверных фактах, что формирует негативное представление общественности о его деятельности. Ответчики утверждали, что действовали в рамках Закона о СМИ, в статьях освещали проблемные вопросы использования допинга спортсменами. Отказывая в удовлетворении иска, суд пришел к выводу о том, что опубликованные ответчиками сведения не отражают объективно существующей действительности, а являются субъективным оценочным суждением и мнением автора, реализовавшего в своих статьях конституционное право на свободу мнения, высказавшего в вопросительной тональности критическое отношение к деятельности истца, которое не умаляет его деловую репутацию.

В то же время нельзя не признать, что необоснованная критика, распространяемая в СМИ, может иметь серьезный резонанс в соответствующей среде и формировать отрицательное мнение о личных качествах гражданина, его профессиональной деятельности, а также о хозяйственной деятельности организаций, порочить их деловую репутацию. Можно полагать, что при предоставлении суду доказательств, свидетельствующих о порочащем характере распространенных сведений, умаляющих честь, достоинство и деловую репутацию, иск подлежит удовлетворению. Вместе с тем предоставление таких доказательств является затруднительным. И здесь характерен следующий пример. Первичная профсоюзная организация обратилась в суд с иском о защите деловой репутации к М., УП «Издательский дом П» и Н. Отказывая в удовлетворении иска, суд указал, что ответчик, председатель первичной профорганизации Н., давая интервью, опубликованное в газете, высказывал свое индивидуальное мнение, свою точку зрения, в связи с чем изложенные сведения в объективном подтверждении не нуждаются и не могут быть опровергнуты в порядке ст. 153 ГК. Доводы истца о том, что опубликованная в газете статья содержит практически не завуалированные, оскорбительные и порочащие деловую репутацию истца сведения, противоречат содержанию данной статьи. Также суд счел субъективным и неподтвержденными доводы истца о том, что ответчик Н. умышленно принижал работу профсоюза истца, пороча его деловую репутацию. Истцом не представлены доказательства, подтверждающие, что выход из профсоюза истца 63 человек обусловлен публикацией статьи.

Тем не менее представляется целесообразным закрепить обязанность редакции СМИ при размещении публикации критического, субъективного содержания в обязательном порядке делать ссылку на то, что данная публикация является личным мнением автора. Стоит полагать, что лицо, в отношении которого распространены такие сведения, вправе изложить свою позицию в данном СМИ либо требовать опубликования в СМИ информации о том, что распространенные сведения не отражают объективно существующей действительности и носят критический характер (даже при отказе в удовлетворении иска). Также видится возможным предоставить право на уточнение распространенных сведений (не порочащих честь, достоинство и деловую репутацию) в случае их неполноты, тенденциозного подбора фактов, иного их искажения. В данном случае несмотря на то, что ответственность по ст. 153 ГК исключена, лицо, в отношении которого распространены данные сведения, вправе их уточнить, что обеспечит достоверность информации, размещенной в СМИ.

Распространение порочащих сведений в СМИ не всегда влечет гражданско-правовую ответственность. В частности, такая ответственность исключена в случаях, предусмотренных в ст. 52 Закона о СМИ. Например, при рассмотрении иска о защите чести, достоинства и деловой репутации суд указал, что оснований для удовлетворения иска к ГУ «Редакция газеты «П» не имелось, поскольку публикация являлась дословным воспроизведением выступления должностного лица государственного органа в ходе прямой линии, что в силу ст. 52 Закона о СМИ освобождает редакцию от ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности.

По мнению автора, перед распространением полученных из любых источников сведений, которые могут порочить честь, достоинство или деловую репутацию, СМИ обязаны принять меры по их нераспространению. Предложенный подход позволит минимизировать распространение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, повысить качество распространенной информации и ответственность за ее опубликование.

Гражданско-правовую ответственность по ст. 153 ГК влечет распространение порочащих сведений в СМИ в отношении конкретного гражданина либо юридического лица, а не в отношении неопределенного круга физических или юридических лиц. Если исходя из содержания

распространенной информации нельзя идентифицировать личность истца, иск о защите чести, достоинства и деловой репутации не подлежит удовлетворению.

Показателен еще один пример из судебной практики. При рассмотрении иска Б. о защите чести, достоинства и деловой репутации судом установлено, что в передаче на телевизионном канале был показан сюжет о фактах заключения сделок, связанных с куплей-продажей транспортных средств, результатом которых явилось возбуждение уголовного дела по фактам мошенничества в отношении П. В сюжете были освещены некоторые обстоятельства заключения сделок при посредничестве П., отражены определенные моменты рассмотрения в суде уголовного дела в отношении последнего, прозвучали интервью с лицами, пострадавшими от действий обвиняемого и иных лиц. Отказывая в иске, суд указал, что информация, прозвучавшая в сюжете, касалась неопределенного круга владельцев автомобилей, а также потерпевших по уголовному делу, а не конкретного истца Б. Распространенная в эфире информация об автомобиле истца, новом собственнике автомобиля, о том, что Б. забрал автомобиль на ответственное хранение, а также о том, что переданный на хранение автомобиль эксплуатируется, не является недействительной. Следовательно, та информация, которая прозвучала в сюжете и касалась непосредственно истца, соответствует действительности, не является порочащей, поскольку не умаляет честь и достоинство Б, о котором в сюжете говорится как о законопослушном гражданине, соблюдающем обычаи и нормы морали. В удовлетворении иска отказано.

Полагаем, что идентификация лица, в отношении которого были распространены оспариваемые сведения, воспринимается всеми, а не только участниками спорного правоотношения. Если гражданин понимает, что речь идет о нем, но иные граждане не могут его идентифицировать, нельзя вести речь о распространении порочащих сведений. Тем более «сообщение сведений лишь лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением» (п. 7 постановления № 15). Не могут признаваться обоснованными требования об опровержении сведений научного характера, за исключением научных публикаций, в которых распространены не соответствующие действительности, порочащие другое лицо сведения.

Проблемный характер имеет решение вопроса об опровержении сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, при размещении в СМИ сатирических произведений в виде фельетонов, карикатур, коллажей и т. д. Так, например, М.Г. Пронина и А.Н. Романович полагают, что нельзя требовать опровержения такой формы изложения сведений в порядке, предусмотренном ст. 7 ГК БССР (ст. 153 ГК), так как данная статья имеет в виду содержание сведений, а не форму их изложения. Нельзя опровергать форму в отрыве от содержания сведений, в отдельных случаях можно вести речь об ответственности за оскорбление [3, с. 36]. В то же время В.Н. Парашенко и С.Ф. Сокол приводят пример гражданского дела, в котором рассматривался иск к редакции журнала «Крокодил». В решении суда отмечено, что хотя фельетон и представляет собой особый жанр, однако и он должен быть основан на конкретных, надлежаще проверенных фактах. При этом подчеркивается, что использование такого жанра не может быть оправданием сообщения сведений, порочащих честь и достоинство граждан, если они не соответствуют действительности [2, с. 17, 18].

В п. 7 постановления № 15 при уточнении, что понимается под распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, названы их изложение, в том числе в листовках, демонстрация (вывешивание) в публичных местах плакатов, лозунгов, а также сообщение в иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Следовательно, при распространении в СМИ сатирических произведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, защита названных нематериальных благ представляется возможной. Важным является отличие распространенных порочащих сведений, подлежащих правовой защите по ст. 153 ГК, от оскорбления, критики либо «троллинга». Оскорблению свойственно умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме; критике – субъективная оценка и анализ явлений человеческой деятельности; «троллингу» – провокационный характер, издевательство в сетях, форумах, блогах и т. д., в том числе без персонификации субъектов и умаления их чести, достоинства и деловой репутации. В отличие от критики и «троллинга» оскорбление влечет административную и уголовную ответственность и подлежит гражданско-правовой защите путем компенсации морального вреда.

Особое значение по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации имеет определение надлежащих ответчиков – субъектов, несущих гражданско-правовую ответственность по ст. 153 ГК. В качестве соответчиков по спорам о защите чести, достоинства или деловой репутации гражданина либо деловой репутации юридического лица привлекаются:

1) автор и соответствующий орган массовой информации (редакция, информационное агентство, другой орган, осуществляющий выпуск информации) – если иск содержит требование об опровержении сведений, распространенных в печати, других СМИ (по радио, телевидению и т. п.);

2) редакция СМИ¹ и орган или лицо, явившиеся источником информации, – если оспариваемые истцом сведения были воспроизведены СМИ из официальных сообщений, выступлений, идущих в эфир, или получены от информационных агентств;

3) учредитель данного СМИ – если редакция СМИ не является юридическим лицом (ст. 62 ГПК, п. 11, 12 постановления № 15).

Таким образом, данной категории дел свойственно процессуальное соучастие – многосубъектность на стороне ответчика, «пассивный» вид соучастия, что обусловлено спецификой подготовки и опубликования информации в СМИ. Изложенное подтверждают примеры из судебной практики. Так, на интернет-сайте «К.бай» ЧТУП «Н» появились две статьи З., распространившего сведения, не соответствующие действительности, из которых следует, что сотрудник ГАИ Ф. вынудил Ш. совершить административное правонарушение, а затем составил в отношении его протокол о том же правонарушении. В отношении Ф. назначена служебная проверка, по результатам которой действия сотрудника ОВД признаны правомерными. Судом в качестве ответчиков привлечены ЧТУП «Н» и автор обеих статей З. Решением суда иск Ф. о защите чести, достоинства и деловой репутации удовлетворен, ЧТУП «Н» обязана опровергнуть вышеуказанные сведения на том же интернет-сайте и в той же рубрике путем публикации резолютивной части решения суда, с Ф. и ЧТУП «Н» взыскана компенсация морального вреда.

Полагаем, что в качестве ответчика по данной категории дел также должно привлекаться лицо, предоставившее автору публикации сведения (в вышеизложенном примере – Ш.), об опровержении которых заявлен иск. Процессуальное соучастие в данном случае может возникнуть в том числе и по инициативе суда (ч. 3 ст. 62 ГК). Предъявление впоследствии к такому лицу самостоятельных исковых требований не способствует реализации принципа процессуальной экономии, полному и объективному выяснению всех обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Предложенный подход позволит обеспечить своевременное рассмотрение спора и минимизировать случаи предоставления подобной информации к опубликованию в СМИ.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1) гражданско-правовая защита чести, достоинства граждан и деловой репутации граждан и юридических лиц возможна при распространении несоответствующих действительности порочащих сведений в СМИ в отношении конкретного гражданина или юридического лица с обязательной персонификацией последних. При доступности информации в СМИ опровержение распространенных порочащих сведений позволяет обеспечить соблюдение общепринятых норм нравственности и морали, способствует уважению прав и свобод человека, деловой репутации граждан и юридических лиц;

2) сведения, распространенные в СМИ, являющиеся личным мнением автора, выраженные в полемической форме и вопросительной тональности с использованием общепринятых литературных приемов, не затрагивающие личных неимущественных прав, не могут оспариваться в порядке, предусмотренном ст. 153 ГК. При размещении в СМИ публикации критического, субъективного содержания видится возможным предусмотреть обязанность редакции делать ссылку о том, что данная публикация – личное мнение автора, либо предоставлять возможность лицу, в отношении которого размещен критический материал, изложить свою позицию в данном СМИ, либо опубликовать информацию о том, что распространенные сведения не отражают объективно существующей действительности и носят критический характер;

¹ Юридическое лицо, на которое возложены функции редактора СМИ, может быть определено на основании свидетельства о государственной регистрации СМИ, выданного Министерством информации Республики Беларусь (п. 2 ст. 3 Закона о СМИ).

3) целесообразно в ст. 42 Закона о СМИ предусмотреть в том числе право на уточнение распространенных в СМИ сведений (не порочащих честь, достоинство и деловую репутацию) в случае их неполноты, тенденциозного подбора фактов, иного их искажения, что повысит качество подготовки информации для распространения в СМИ, а также обеспечит реализацию основного принципа СМИ – принципа достоверности информации, обязывающего СМИ распространять информацию, исключительно соответствующую действительности;

4) спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации свойственна многосубъектность на стороне ответчика (пассивный вид процессуального соучастия), что обусловлено спецификой подготовки и распространения оспариваемых сведений в СМИ. Соответчиком по данной категории дел целесообразно также привлекать лицо, предоставившее автору публикации сведения, об опровержении которых заявлен иск, что будет способствовать реализации принципа процессуальной экономии.

Список использованных источников

1. Филипчик, Р. Особенности рассмотрения гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации / Р. Филипчик // Суд. весн. – 2013. – № 4. – С. 21–28.
2. Гаврилов, Е. Об оскорбительном характере мнения / Е. Гаврилов // ЭЖ-Юрист. – 2017. – № 30. – С. 8.
3. Паращенко, В.Н. Защита чести и достоинства гражданина в судебном порядке / В.Н. Паращенко, С.Ф. Сокол. – Минск : Веды, 1998. – 108 с.
4. Пронина, М.Г. Защита чести и достоинства гражданина (гражданско-правовые средства) / М.Г. Пронина, А.Н. Романович. – Минск : Беларусь, 1976. – 72 с.

Дата поступления в редакцию: 22.03.18

A.V. Chigileychik, *Candidate of Juridical Sciences, Lecturer at the Department of Civil and Labour Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

CIVIL PROTECTION OF HONOUR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION AT DISSEMINATION OF THE DAMAGING EVIDENCE IN MASS MEDIA

Features of civil-law protection of honor, dignity and business reputation are considered when disseminating defamatory information that does not correspond to reality in the mass media. Based on the study of legislation and judicial practice, proposals on improving the regulatory legal acts governing public relations in this area are grounded.

Keywords: honor, dignity, business reputation, mass media.

УДК 351.74

А.Ф. Вишнеvский, доктор исторических наук, профессор права, профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь;

А.В. Григорьев, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: grigor-alex@mail.ru)

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПОЛИЦИЯ» И «МИЛИЦИЯ» В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ: ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Рассматривается соотношение понятий «милиция» и «полиция» в дореволюционный, советский и современный периоды развития законодательства и юридической науки. Анализируются перспективы переименования милиции в полицию в Республике Беларусь. Обращается внимание на необходимость реформирования существующей системы органов внутренних дел Республики Беларусь, что позволит сделать важный шаг в их оптимизации ее организационных форм с учетом отечественного и передового зарубежного опыта работы правоохранительных органов.

Ключевые слова: милиция, органы внутренних дел, полиция, реформа.

После распада СССР большинство постсоветских государств провели реформу правоохранительных органов, в результате чего милиция в этих государствах была переименована в полицию. В настоящее время в Армении, Грузии, России, Казахстане, Молдове, Латвии, Литве и ряде других стран бывшего СССР система государственных органов, призванных осуществлять охрану личности, общества и государства от преступных посягательств и иных антиобщественных проявлений, вновь стала называться полицией.

Согласно Закону Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон об ОВД) один из структурных элементов системы ОВД по-прежнему традиционно называется милицией. Однако дальнейшее совершенствование ОВД на основе формирования гражданского общества и построения правового государства в Республике Беларусь в XXI в. предполагает анализ возможных перспектив переименования милиции в полицию с учетом современных тенденций. Разрешение обозначенного вопроса имеет не только теоретическую, но и практическую значимость, в связи с чем целесообразно обратиться к теме соотношения названных понятий.

Термин «полиция» имеет греческое происхождение (государство, форма правления) и оказался востребованным в Средние века в новых государствах Европы. В современном понимании прообразом полиции являлись существовавшие со времен античности и призванные выявлять правонарушения и осуществлять борьбу насильственными мерами с ними особые аппараты. Потребность в них возникала у каждого народа, создававшего национальную государственность, это было обусловлено тем, что лишь с появлением государства функция охраны правопорядка (и, следовательно, наличие специальных органов ее реализации) становится важнейшим средством обеспечения стабильности общества. Здесь видится оправданной позиция И.М. Серебряковой, полагающей, что на протяжении многих веков термин «полиция» обозначал не конкретный орган государства, а государственную деятельность, охватывавшую все внутреннее государственное управление и получившее название полицейской [1, с. 260–261].

Сегодня в большинстве стран полицией называется аппарат, представляющий собой универсальный инструмент принуждения, в полномочия которого входит выполнение важнейших

обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Именно данный аппарат в первую очередь охраняет общественный порядок, публичную безопасность, жизнь, здоровье и имущество граждан [2, с. 60]. В то же время термин «полиция», одновременно широкий и компактный, объединяет в единую систему все надзорно-принудительные органы (и милитаризованные, и гражданские), которые применяют административное принуждение и административную юрисдикцию для охраны общественного порядка, т. е. осуществляют полицейскую деятельность.

В конце 90-х гг. XX в. в юридической литературе утвердилось мнение о необходимости переименования милиции в полицию. В качестве обоснования приводилось существенное отличие созданной еще в советский период милиции от современной, выполняющей функции полиции, но остающейся перегруженной целым рядом задач, не свойственных полиции зарубежных государств [2, с. 60]. Выполнение таких задач характерно и для милиции как структурного элемента в системе ОВД Республики Беларусь. Так, сегодня реализация возложенных на систему функций осуществляется посредством выполнения ими определенных задач, основные из которых изложены в ст. 2 Закона об ОВД (защита жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, обеспечение их личной и имущественной безопасности, защита прав и законных интересов организаций и т. п.).

Особенность указанных задач состоит в том, что их перечень не является исчерпывающим, так как согласно ч. 2 ст. 2 Закона об ОВД «на органы внутренних дел законодательными актами Республики Беларусь могут быть возложены иные задачи». Например, в настоящее время на ОВД возложена обязанность по реализации профилактических мероприятий по предупреждению гибели людей в результате пожаров; по установлению местонахождения граждан, подлежащих призыву на воинскую службу, и вручению им повесток военного комиссариата для прибытия в военный комиссариат в случае невыполнения ими обязанностей, причины которого не установлены, и иные задачи, что противоречит назначению ОВД и отвлекает сотрудников от выполнения основных задач.

Выполнение несвойственных функций милицией или полицией и, как следствие, их реформирование было характерно и для дореволюционного периода функционирования правоохранительной системы. Так, в 1878 г. И.Е. Андреевский указывал, что на небольшой состав полиции возлагались громадные массы обязанностей, среди которых вместе с борьбой за безопасность граждан были и обеспечение населения продовольствием, и предупреждение голода, и контроль за деятельностью приказов общественного призрения, и борьба с пожарами [3, с. 133].

Известный полицейист А.И. Елистратов в объяснительной записке к Заключению междуведомственной комиссии по преобразованию полиции в Российской Империи указывал: «Общая полиция у нас должна быть всегда готова к услугам всех ведомств; к ней должны обращаться не только в случаях, когда необходимо применить к обывателю принуждение, но и тогда, когда потребуется просто непосредственно к нему обратиться: вручение всякого рода повесток и объявлений от административных учреждений каждого ведомства производится по закону не иначе, как через полицию» [4, с. 103]. Примечательно, что ученый в начале XX в., анализируя проблемы преобразования полиции в дореволюционный период, по сути, охарактеризовал и спрогнозировал дальнейшее развитие милиции в советский и современный периоды, что подтверждается конкретным историко-правовым материалом.

Решение вопроса о соотношении понятий «милиция» и «полиция» в юридической литературе и законодательстве советского периода осуществлялось исключительно на основе марксистко-ленинской методологии, руководствуясь которой, советская юридическая наука указывала на коренное отличие советской милиции от буржуазной полиции. Так, советская юридическая наука рассматривала милицию «как орган пролетарской диктатуры, как антипод полиции; и если последняя была верным слугой эксплуататоров, то милиция призвана быть защитницей трудящихся и ревностным проводником на местах всех мероприятий Советской власти, направленных ко благу последних» [5, с. 6–7]. Причем функционирование как царской полиции, так и полиции западноевропейских буржуазных государств рассматривалось советскими учеными с классовых позиций. Примером может служить статья А.И. Елистратова «Бюджет полиции в Западно-Европейских государствах» (1922 г.), где на материалах Франции, Пруссии и Англии критиковались особенности европейского опыта финансирования полиции в этих государствах [6]. Как

видится, дело здесь было вовсе не в особенностях финансирования, а в наличии буржуазной полиции как таковой. В лекции П.Ф. Зайцева «Рабоче-крестьянская милиция» (1930 г.) полицейский режим в буржуазно-капиталистических государствах сравнивается с расцветом средневековых истязаний. При этом четко определено, что «...рабоче-крестьянская милиция ни с организационной, ни с какой-либо другой стороны не может быть сравниваема с милицией и тем более полицией капиталистической...» [7, с. 8]. Даже в начале 80-х гг. XX в. В.П. Маслов указывал, что «история советской милиции является объектом самых злобных инсинуаций и клеветнических измышлений буржуазной пропаганды» [8, с. 30]. Из этого следует, что официальная парадигма научных исследований в лице представителей советской историко-правовой науки по проблемам истории ОВД всячески критиковала полицию как структурный элемент вражеского буржуазного государственного механизма, защищая при этом советскую милицию как орган пролетарской диктатуры.

Вместе с тем термин «милиция» не относится к терминологии исключительно социалистической государственности. Само слово «милиция» восходит к латинскому *militia*, обозначавшему комплектовавшиеся в тысячные отряды в древнеримском государстве в военное время вооруженные силы. Со времени организации постоянной армии милицией стали называть отряды тылового ополчения, формируемые в военное время преимущественно из добровольцев. Однако главное отличие от регулярных воинских формирований состояло в том, что «милиция составлялась из людей, не обязанных по различным причинам к несению обязательной военной службы по законам данного государства, поступающих на военную службу добровольно» [7, с. 5]. Так, вполне объяснимо, почему французский ученый Г. Мох в работе «Постоянная армия и милиция» (1896 г.) милицию понимал как тщательно обученную и подготовленную для национальной обороны армию [9, с. 5]. Анализируя практику применения рассматриваемого термина, но уже в белорусских условиях, интересно обратиться к утверждению академика М.П. Костюка: «Менавіта міліцыяй называліся апалчэнні ў магнатскіх гарадах ВКЛ у XVI–XVIII стст. Яны мелі дастаткова шырокія сацыяльныя функцыі па ахове парадку і нават абароне ад знешніх нападаў. Міліцыяй таксама называлася прыватнае войска беларускіх магнатаў. Самае значнае яно было ў Радзівілаў. Гэтыя фарміраванні мелі статуты „Артыкулы вайсковыя“. Тагачасная міліцыя валодала дастаткова шырокімі функцыямі, у тым ліку звязанымі з аховай княжацкіх палацаў, гаспадарчых аб'ектаў, дастаўкай пошты, падтрыманнем грамадскага парадку і г. д.» [10, с. 20]. Таким образом, термин «полиция» отражает ее профессиональную сущность, в то время как термином «милиция» подчеркивается народный или рабоче-крестьянский характер органов правопорядка.

Рассматривая перспективы преобразования милиции в полицию в Республике Беларусь, следует иметь в виду, что еще в 1990 г. после принятия Декларации о государственном суверенитете Республики Беларусь в рамках обсуждения проекта Закона «О милиции» было представлено несколько проектов, которые принципиально отличались названием правоохранительного органа. Тогда на рассмотрение Верховного Совета БССР было представлено три варианта проекта Закона: проект Закона «О милиции», подготовленный Советом Министров БССР и МВД БССР, проект Закона «О полиции», представленный группой сотрудников минской милиции, и проект Закона «О полиции (милиции)», предложенный оппозицией Белорусским народным фронтом в Верховном Совете БССР [11, с. 134].

Необходимо констатировать, что отсутствие единства мнений по обозначенному вопросу было характерно и для других союзных республик. Так, проект Закона РСФСР назывался «О полиции (милиции)», УССР – «О милиции», Молдовы, Латвии и Эстонии – «О полиции», а проект Закона СССР – «О советской милиции». Такое положение было неслучайным, так как большинство членов рабочих групп исходило из понимания милиции как ополчения, вооруженной силы в мирное время из состава граждан, несших кратковременную службу в свободное от работы время. С этим были согласны и члены рабочих групп, предлагавших в качестве названия проекта варианты «О полиции» или «О полиции (милиции)».

Таким образом, научный подход к проблеме закономерно привел законодателя к названию проекта Закона «О полиции», а новое название позволило бы привести форму в соответствие с содержанием. Тем более ни у ученых, ни у сотрудников ОВД не вызывало сомнения, что советская милиция, по сути, преобразовалась в полицию как орган исполнительной власти по обеспечению охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, так как существовала

не добровольно, а являлась штатным постоянным, профессиональным государственным органом охраны правопорядка. Вместе с тем несмотря на прогрессивное по сравнению с советской эпохой содержание законодательного процесса (впервые были представлены альтернативные проекты) все же был принят Закон «О милиции». По-видимому, одной из главных причин этого явилось следующее обстоятельство: «заканадаўчы працэс адбываўся ў межах савецкага права, у якім ужо традыцыйна склалася ўяўленне аб месцы і ролі міліцыі ў сацыялістычнай дзяржаве як перш за ўсё рабоча-сялянскай, народнай міліцыі, але не прафесійнай паліцыі» [11, с. 142]. Кроме того, в современных условиях необходимо учитывать и отношение старшего поколения, ветеранов ОВД к термину «полиция». У них, воспитанных на материалах советской историографии, отмечает Г.Г. Небрятенко, укоренились собственные представления о рассматриваемом институте: «царская полиция – душительница трудового народа», «полицай – фашистские прихвостни», «полисмены и констебли – бездушные истуканы» и т. д. [12].

Принятый Закон Республики Беларусь «О милиции» урегулировал взаимоотношения милиции Беларуси и общества, определил место милиции в механизме государства, обозначил структурную организацию, регламентировал задачи, права и обязанности служителей закона. В ст. 1 Закона «О милиции» приводилось определение милиции как «государственного вооруженного правоохранительного органа, призванного защищать жизнь, здоровье, права, свободы и законные интересы граждан, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств». В ныне действующем законе милиция понимается уже как система подразделений ОВД, призванная защищать жизнь, здоровье, честь, достоинство, права, свободы и законные интересы граждан, права и законные интересы организаций, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств. Полагается, что приведенное определение достаточно актуально, потому как объективно отражает существующие конституционные положения, в том числе о признании прав и свобод человека высшей ценностью и целью государства.

Считаем, что термин «полиция» исторически и филологически апробирован и имеет ряд несомненных достоинств, однако этимологические особенности не могут выступать основаниями проведения реформ, так как изменение формы без изменения содержания не может принести ожидаемого результата. Тем более что исторический опыт свидетельствует о переименовании полиции в милицию без изменения содержания ее деятельности, когда «Временное правительство, осознавая, что авторитет полиции достиг отметки низшего предела, приняло решение полицию реформировать и сменило вывеску. Прежний аппарат был централизован, служба в нем демократизирована, а суть сохранена» [13, с. 4]. Оценивая шаги Временного правительства по реформированию полиции царской империи, вряд ли есть основание делать вывод, что оно стремилось возродить старую полицейскую систему, потому что якобы осознавало, что без этого ему не удержать власть. Естественно желание любого правительства иметь реальную власть, которая, как показывает история, не эффективна без дееспособного органа охраны правопорядка. Скорее всего, следует вести речь не о возрождении, а о сохранении важных функций регулярной профессиональной полиции как общепризнанного государственного института, несмотря на то, что в сложившейся конфликтогенной социально-политической ситуации ему пришлось дать новое наименование – «народная милиция» [14, с. 172].

Уже после Октябрьской революции партия большевиков во главе с В.И. Лениным настойчиво искала формы воплощения в жизнь лозунга «Всеобщее вооружение народа». При этом лидер большевиков особенно настойчиво подчеркивал классовое содержание данного требования. Отвечая в заключительном слове по докладу ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике меньшевикам и эсерам на VIII Всероссийском съезде Советов, Ленин сказал: «Лозунгом наших врагов является вооружение народа, а мы стоим на базе классового вооружения, на ней мы побеждали и на ней будем побеждать всегда» [15, с. 174].

Вооруженные формирования народа в лице рабочей милиции, по мнению В.И. Ленина, были призваны защищать завоевания революции не только от посягательств нарушителей общественного порядка, но и от антисоветских выступлений. А так как милиция создавалась Советами и осуществляла свои функции от их имени, то она выступала как орган государственной власти. С другой стороны, отряды рабочей милиции носили характер добровольных организаций людей, занятых прежде всего в сфере производства, так как не имели или почти не имели постоянного штата кадров [14, с. 173]. Следовательно, первоначально милиция фактически сочтала в себе черты государственного органа и общественной организации.

Анализ организационно-правовых форм советской милиции свидетельствует о выполнении ею с октября 1918 г. по сути полицейских функций, что подтверждается выводом К.И. Барвинка и И.А. Сороковика: «...з організації Чырвонай Арміі і ўтварэннем прафесійнага апарата аховы правапарадку (1918 г.) тэрмін «міліцыя» згубіў сваю ранейшую значнасць» [11, с. 134]. Однако возврат к прежнему названию не произошел, что и неудивительно, потому как переименование рабоче-крестьянской милиции в полицию означало бы официальное признание несостоятельности ленинской идеи о создания народной милиции, заменяющей собой армию, полицию и чиновничество. В результате «поруганная общественным мнением, революционной публицистикой и идеологизированной наукой, полиция тем не менее была закономерно возрождена... в 1918 г. под несвойственным для нее названием „милиция“» [16, с. 96]. Следует полагать, что термином «милиция» все же подчеркивался прежде всего народный или рабоче-крестьянский характер органов правопорядка.

В то же время в постсоветском научном сообществе термин «полиция» давно укоренился. По результатам исследования зарубежного опыта высказываются мнения о необходимости реформирования милиции по примеру западных государств или стран ближнего зарубежья. Однако такому заимствованию должна предшествовать серьезная научная проработка вопроса о возможности использования такого опыта. Тем более, как свидетельствует исторический опыт функционирования ОВД, в советский период непродуманные решения о проведении реорганизационных преобразований оказывались в итоге ошибочными и не приносили ожидаемых результатов. В подобной ситуации оказались ОВД Российской Федерации в 2011 г. Так, например, характеризуя реформирование ОВД Российской Федерации, С.И. Балабкин, отмечал: «Происходящие в настоящее время изменения в системе МВД являются попыткой адаптации (приспособления) ее к новым общественным потребностям в правоохранительной сфере. Однако ни у властных структур, ни в обществе, ни в научном сообществе нет обоснованного понимания оптимального варианта и даже направления (общей концепции) построения и функционирования правоохранительной и полицейской (как ее части) систем. По каждому значимому вопросу существуют различные, в том числе противоположные, позиции» [17].

Таким образом, вполне очевидно, что процесс переименования милиции в полицию в Республике Беларусь не исключается, однако он должен протекать постепенно и быть связан с коренными преобразованиями, направленными на совершенствование ее деятельности. При этом в основу должна быть положена не этимология или семантика, а объективная необходимость, обусловленная соответствием эффективности системы ОВД развитию общественных отношений, связанных с формированием гражданского общества и построением правового государства. В этой связи только эффективное реформирование существующей системы ОВД Республики Беларусь позволит сделать важный шаг в оптимизации организационных форм ОВД с учетом отечественного и передового зарубежного опыта работы правоохранительных органов. В этом направлении уже сделаны определенные шаги. Так, для современного периода функционирования ОВД характерно преобразование их организационных и правовых основ в соответствии с новыми социально-экономическими и политическими условиями. Одной из особенностей развития ОВД суверенной Беларуси является постепенная оптимизация их функций, связанная с образованием новых правоохранительных органов (Следственный комитет Республики Беларусь, Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь).

Список использованных источников

1. Серебрякова, И.М. Генезис правоохранительной функции и содержания правоохранительной деятельности / И.М. Серебрякова // Государства. Демократия. Закон : сб. науч. ст., посвящ. 80-летию проф. А.А. Головки / редкол.: Г.А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2005. – С. 260–264.
2. Гончаров, И.В. Создание в России полиции: переименование или изменение содержания? / И.В. Гончаров // Рос. юстиция. – 2010. – № 12. – С. 60–62.
3. Андреевский, И.Е. Реформа исполнительной полиции в России / И.Е. Андреевский // Сборник государственных знаний : в 8 т. / под ред. В.П. Безобразова. – СПб. : Изд-во Д.Е. Кожанчикова, 1874–1880. – Т. 5. – 1878. – 460 с.
4. Краткая объяснительная записка к Заключению междуведомственной комиссии под председательством сенатора А.А. Макарова по преобразованию полиции в Империю. – СПб. : Гос. тип., 1911. – 133 с.
5. Хвесин, Т.С. Милиция на шестом году жизни / Т.С. Хвесин // Раб.-крестьян. милиция. – 1922. – № 1. – С. 6–7.

6. Елистратов, А.И. Бюджет полиции в Западно-Европейских государствах / А.И. Елистратов // Раб.-крестьян. милиция. – 1922. – № 1. – С. 19–22.
7. Зайцев, П.Ф. Рабоче-крестьянская милиция / П.Ф. Зайцев. – М. : Власть Советов, 1930. – 45 с.
8. Маслов, В.П. Труды В.И. Ленина как методологическая основа и источник изучения истории советской милиции / В.П. Маслов // История органов внутренних дел Советского государства (вопросы методологии и историографии) : сб. науч. тр. / Акад. МВД СССР ; редкол.: А.П. Косицин (отв. ред.) [и др.]. – М., 1981. – С. 26–34.
9. Мох, Г. Постоянная армия и милиция / Г. Мох ; пер. с фр. А.Ф. Каган-Шабашая. – М. : Просвещение, 1902. – 277 с.
10. Касцюк, М.П. Характер Беларускай дзяржаўнасці ў XX ст. і задачы міліцыі / М.П. Касцюк // Милиции Беларуси 90 лет: история и современность : материалы науч.-практ. конф., Минск, 27 февр. 2007 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под ред. К.И. Барвинка. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – С. 18–22.
11. Барвінок, К.І. Закон Беларусі «Аб міліцыі»: гісторыя распрацоўкі і прыняцця / К.І. Барвінок, І.А. Саракавік // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2003. – № 1. – С. 132–142.
12. Небрятенко, Г.Г. Возрождение российской полиции: история и современные перспективы / Г.Г. Небрятенко // История гос-ва и права. – 2011. – № 9. – С. 22–24.
13. Булавин, С.П. Федеральный закон «О полиции»: предпосылки и концептуальные идеи / С.П. Булавин, В.В. Черников // Адм. право и процесс. – 2011. – № 4. – С. 3–9.
14. Вишневский, А.Ф. Проблемы научного осмысления реализации ленинской идеи «всеобщего вооружения народа» на примере становления советской милиции / А.Ф. Вишневский // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 1. – С. 170–176.
15. Ленин, В.И. Заключительное слово по докладу ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике 23 декабря / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М., 1971. – Т. 42. – 607 с.
16. Сизиков, М.И. Полицейская реформа Петра I / М.И. Сизиков // Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 88–96.
17. Балабкин, С.И. О реформировании органов внутренних дел: текущее состояние / С.И. Балабкин // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.

Дата поступления в редакцию: 28.09.18

A.F. Vishnevsky, Doctor of Historical Sciences, Professor of Law, Professor at the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; A.V. Grigoriev, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer at the Department of theory and history of state and law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

PROBLEMS OF SCIENTIFIC THINKING THE RATIO OF THE CONCEPTS „POLICE“ AND „MILITIA“ IN LEGAL DOCTRINE

The correlation between the concepts of „militia“ and „police“ in the pre-revolutionary, Soviet and modern periods of development of legislation and legal science is considered. The prospects of renaming the militia into the police in the Republic of Belarus are analyzed. Attention is drawn to the need for reform of the existing system of internal Affairs bodies of the Republic of Belarus, which will make it possible to take an important step in their optimization of its organizational forms, taking into account domestic and foreign best practices of law enforcement agencies.

Keywords: militia, internal affairs bodies, police, reform.

УДК 340.130

*А.В. Григорьев, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: grigor-alex@mail.ru)*

ПРОБЛЕМА ЭЛЕМЕНТНОГО СОСТАВА ПРАВОВОЙ НОРМЫ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ОТРАСЛЯХ БЕЛОРУССКОГО ПРАВА

В четырех частях

Часть 1

Предпринята попытка обоснования необходимости проведения исследования различных подходов к структуре правовой нормы в теоретической и отраслевых юридических науках. Обращается внимание на

дореволюционные представления о структуре нормы права в общетеоретической и отраслевой юридической науках. Приводятся аргументы в пользу трехэлементного подхода к структуре правовой нормы.

Ключевые слова: гипотеза, диспозиция, норма права, санкция, структура, теория права, юридическая наука.

Понятие «структура правовой нормы» большинством ученых понимается как ее внутреннее строение, наличие в ней взаимосвязанных между собой и предполагающих друг друга необходимых составных частей (элементов). В современной юридической науке до сих пор не выработано единое мнение по поводу таких составных элементов, но при этом наиболее распространенным является подход, согласно которому структура любой нормы представлена тремя элементами: гипотезой, диспозицией и санкцией. Такая трехэлементная структура нормы права была предложена еще в советском правоведении и параллельно развивалась наряду с дореволюционными представлениями о двухэлементной структуре нормы права.

Гипотеза содержит указание на конкретные жизненные обстоятельства, условия, при которых данная норма вступает в действие, реализуется.

Диспозиция представляет собственно само правило поведения, указание на права и обязанности сторон – участников правоотношений, возникающих и реализующихся на базе соответствующей нормы; является основой, ядром нормы права, существование которой немыслимо без диспозиции.

Санкция правовой нормы определяет последствия нарушения или неисполнения, предусматривает меры государственного воздействия в отношении ее нарушителей.

Все указанные элементы правовой нормы взаимосвязаны и могут быть выражены формулой: «Если... (гипотеза), то... (диспозиция), иначе... (санкция)».

В дальнейшем в рамках учения о норме права стали появляться новые подходы к структуре правовой нормы, согласно которым она могла состоять как из трех, так и из двух элементов. Более того, предлагался и четвертый элемент, содержащий «указание на условия действия санкции» [1, с. 174] или «указание на субъект» [2, с. 11] и т. п. Однако сегодня по-прежнему нет единства взглядов на структуру нормы права даже у сторонников двухэлементного подхода. В качестве структуры нормы права называется сочетание либо гипотезы и диспозиции, либо гипотезы и санкции, либо диспозиции и санкции. При этом также утверждается, что структурные элементы нормы права могут ставиться в зависимость от позитивного или ретроспективного аспекта правового регулирования [3, с. 43–44].

На необходимость уточнения структуры нормы права претендует и антропологическое правопонимание, согласно которому при построении структуры правовой нормы следует учитывать лингвистические понятия «знак», «текст», «смысл» и т. п. [4, с. 158]. А окончательно усомниться в четкости собственных и существующих представлений о структуре нормы права предлагает идея многообразия вариантов строения норм права: от морфологической нерасчлененности (неразложимости), свойственной нормам-принципам, до полиструктурности норм, когда у одной нормы наличествует нескольких конструктивных элементов одного вида [5, с. 92].

В чем же причина столь неоднозначной оценки структуры нормы права? Почему ни один из существующих подходов не стал доминирующим в отечественном правоведении? Зависит ли структура нормы права от понимания нормы права? Существует ли зависимость структуры нормы права от ее классификации по специально-юридическим функциям? Чем отличается структура нормы права в англосаксонской и романо-германской правовых семьях? Существуют ли отличия в структуре нормы права в национальном и международном праве? Зависит ли структура нормы права от ее отраслевой принадлежности? Какова связь между структурой правовой нормы и ее текстуальным выражением? Существует ли единая универсальная модель структуры, свойственная всем юридическим нормам? Гипотеза, диспозиция и санкция представляют собой подразумеваемые элементы правовой нормы или ее неперемennые составные части? Может ли в структуре правовой нормы отсутствовать санкция, диспозиция и т. д.? Оказывает ли влияние структура нормы права на ее правовую определенность (неопределенность)? Применима ли

трехэлементная структура для специализированных (нетипичных) правовых норм? Какое значение имеет структура нормы права для нормотворчества и субъектов применения права?

Теоретическое осмысление наиболее важных дискуссионных вопросов и возможный поиск ответов на них предполагает проведение критического анализа учения о норме права и ее структурных элементах в дореволюционный, советский и современный периоды развития юридической науки.

Существенное влияние на развитие законодательства и юридической науки, в том числе на учение о норме права и ее структурных элементах, оказало древнеримское право. Законодательный механизм Рима был достаточно эффективным и производил формальные законы, состоявшие из надписи *praescriptio*, содержащей сведения об обстоятельствах издания закона, инициаторах и принявшем его народном собрании (*populus*); из контекста *rogatio*, непосредственно состоявшем из формулировок закона; санкции (*sanctio*), выступавшей в качестве определенной формулы, которая защищала закон от нарушений и иных злоупотреблений со стороны граждан Рима и со стороны судей. Так, в Дигестах Юстиниана на основе анализа текста можно логично вычленив элементы, схожие с современной структурой правовой нормы: «повелевать (обязывать), запрещать, разрешать, наказывать (карать)» [6, с. 33].

Таким образом, классическая римская юридико-технической триада «прескрипция – рогация – санкция» явилась прообразом трехэлементной структуры «гипотеза – диспозиция – санкция».

Однако впервые выделение частей нормы права было предложено только в XVIII в. английским ученым Г. Блэкстоном, по мнению которого норма права состоит из четырех частей: объявительной; повелевательной; способствующей; наказательной [7, с. 5]. Что касается доктринальной разработки структуры нормы права, то она была предпринята и дореволюционными юристами в рамках учения о двухэлементной структуре. Как указывал Н.М. Коркунов, «каждая юридическая норма состоит, естественно, из двух элементов: из определения условий применения правила и изложения самого правила». Первый элемент называется гипотезой или предположением, второй – диспозицией или распоряжением. При этом каждая юридическая норма может быть выражена в форме «если – то» [8, с. 162].

Представители отраслевых наук также разделяли мнение о двухэлементной структуре. Правда, цивилисты полагали, что норма права состоит из гипотезы и диспозиции, а специалисты по уголовному праву считали, что она представлена диспозицией и санкцией. В этой связи Л.И. Петражицкий утверждал: «В условных нормах различают две части: гипотезу (условие) – часть, содержащую указание условий, и диспозицию (распоряжение) – часть, содержащую само веление. Категорические нормы содержат только диспозиции. В науке уголовного права принято, впрочем, называть первую часть уголовных законов, предусматривающую преступление, не гипотезой, а санкцией. Под санкциями в науке права разумеются вообще невыгодные последствия, связанные правом с нарушениями для нарушителей» [9, с. 269]. Подтверждением служат лекции Н.С. Таганцева по русскому уголовному праву: «Описание того посягательства, которое запрещается под страхом наказания, – часть определительная, или диспозитивная, и указание на самую ответственность – часть карательная, или санкция. Наличие обоих этих условий есть необходимая принадлежность всякого уголовного закона» [10, с. 78]. Что касается санкции, то в теоретической литературе она не рассматривалась в качестве структурного элемента нормы права, а выступала, по утверждению Н.М. Коркунова, «средством понуждения» [8, с. 171–175].

Итак, различные представления о структуре нормы права в общетеоретической и отраслевой юридических науках сложились еще в дореволюционный период.

Дальнейшая разработка проблемы строения нормы права осуществлялась в рамках советской юридической науки. В первом учебнике по теории государства и права в 1940 г. С.А. Голунским и М.С. Строговичем была предложена трехэлементная структура нормы права [11]. С этого момента в связи с установлением официального правопонимания взгляды дореволюционных ученых на двухэлементную структуру нормы права стали подвергаться критике, что, возможно, объясняется идеологической необходимостью «подправить» взгляды буржуазных ученых на структуру норм права. Дело в том, что на совещании Института права АН СССР по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) было одобрено следующее опреде-

ление: «Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» [12]. В этой связи среди ученых-юристов наметилась тенденция критического переосмысления многих теоретических подходов и концепций, сложившихся до 1938 г. с точки зрения их враждебности и антисоветского содержания.

Основная аргументация представителей трехэлементной структуры нормы права (М.И. Байтин, В.М. Сырых, Д.А. Керимов, М.И. Абдулаев, В.К. Бабаев и др.) заключалась в серии позиций.

Во-первых, не всегда в словесной формулировке отдельной статьи можно обнаружить все три известных нам элемента соответствующей правовой нормы, не говоря о том, что и тогда, когда норма права и статья нормативного правового акта совпадают, структурные элементы нормы часто не лежат на поверхности, требуется их вычлнить путем мыслительного процесса. Непринятие во внимание этого обстоятельства ведет к утверждениям о двухэлементной структуре некоторых правовых норм, когда у одних из них якобы отсутствует гипотеза, а у других – санкция.

Во-вторых, только при наличии всех трех элементов властное государственное веление образует качественно новое явление – правовую норму. При отсутствии хотя бы одного элемента властное веление может рассматриваться лишь как часть правовой нормы либо положение ненормативного характера.

В-третьих, каждая правовая норма логична, если содержит ответы на три обязательных вопроса: какое поведение она предусматривает для субъектов правового отношения; при каких условиях это поведение должно (или может) иметь место и какими будут последствия для лиц, не исполняющих или нарушающих установленное правило? Немыслима норма права, из которой прямо или косвенно, но вполне определенно не вытекают бы ответы на эти вопросы. В этой связи утверждается, что правовая норма не может быть одноэлементной или двухэлементной, она всегда состоит из трех элементов.

В-четвертых, в статье нормативного правового акта не всегда содержатся все структурные элементы юридической нормы. Даже если статья нормативного акта содержит только один или два элемента структуры правовой нормы, это означает, что остальные элементы ее логической структуры находятся в других статьях того же или другого нормативного правового акта. Законодатель предпочитает, учитывая правила законодательной техники, для удобства изложения и применения правовых норм сформулировать их в одной статье или, наоборот, расположить элементы одной и той же нормы в разных статьях закона.

В-пятых, трехэлементный состав юридической нормы обеспечивает четкое определение самого варианта поведения, ситуации его действия (недействия), побудительных средств, обеспечивающих реализацию правового предписания. Отсутствие какого-либо структурного элемента нормы права свидетельствует о ее ущербности и приводит к сбоям в правовом регулировании: норма либо теряет связь с конкретными жизненными обстоятельствами (становится беспредметной), либо не предлагает варианта поведения, либо утрачивает свои побудительные свойства [13, с. 323; 14, с. 124; 15, с. 40; 16; 17, с. 386].

В целом доводы названных ученых сводится к тому, что норма права не выполнила бы своей регулятивной роли, если бы в ней отсутствовал какой-либо из трех упомянутых структурных элементов, а отдельные структурные части нормы могут находиться не только в разных статьях нормативного правового акта, но и в разных нормативных правовых актах, нормативных правовых актах различных отраслей права, могут прямо не формулироваться, не получать текстуального закрепления. В этой связи отмечается, что подобная структура исключительно значима для правотворческой и правоприменительной деятельности, так как позволяет создавать жизнеспособную, проверенную практикой, эффективную систему государственно-правового воздействия на поведение человека.

Список использованных источников

1. Протасов, В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства / В.Н. Протасов. – М. : Новый юрист, 1999. – 240 с.
2. Лейст, О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О.Э. Лейст. – М. : Зерцало-М, 2002. – 240 с.
3. Прохоров, В.С. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В.С. Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарабаев. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 208 с.
4. Павлов, В.И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / В.И. Павлов. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 262 с.
5. Безверхов, А.Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей / А.Г. Безверхов // Lex russica. – 2015. – № 10. – С. 76– 92.
6. Еременко, А.С. Взаимосвязь гипотезы и диспозиции нормы гражданского права с юридическими основаниями и гражданско-правовыми последствиями / А.С. Еременко // Адвокат. практика. – 2011. – № 3. – С. 33–40.
7. Пугачев, А.Н. Особенности структуры конституционно-правовых норм / А.Н. Пугачев // Гос. власть и мест. самоупр. – 2011. – № 1. – С. 5–10.
8. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 430 с.
9. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. – СПб. : Лань, 2000. – 698 с.
10. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. / Н.С. Таганцев. – М. : Наука, 1994. – Т. 1. – 389 с.
11. Голунский, С.А. Теория государства и права : учебник / С.А. Голунский, М.С. Строгович. – М. : НКЮ СССР, 1940. – 304 с.
12. Основные задачи советского социалистического права : материалы первого совещ. науч. работников права, Москва, 16–19 июня 1938 г. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 192 с.
13. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М. : Юристъ, 1997. – 672 с.
14. Сырых, В.М. Теория государства и права : учебник для вузов / В.М. Сырых. – 5-е изд., стер. – М. : Юстицинформ, 2006. – 704 с.
15. Керимов, Д.А. Законодательная техника / Д.А. Керимов. – М. : Норма-Инфра-М, 1998. – 127 с.
16. Абдулаев, М.И. Теория государства и права : учебник / М.И. Абдулаев. – М. : Магистр-Пресс, 2004. – 410 с.
17. Теория государства и права : учебник / В.К. Бабаев [и др.] ; под ред. В.К. Бабаева. – М. : Юрист, 1999. – 587 с.

Дата поступления в редакцию: 16.10.18

A.V. Grigoriev, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE PROBLEM OF ELEMENTAL COMPOSITION OF LEGAL NORMS IN THE THEORETICAL LEGAL SCIENCE AND BRANCHES OF BELARUSIAN RIGHT (Part 1)

An attempt has been made to substantiate the need to conduct a study of various approaches to the structure of the legal norm in theoretical and sectoral legal sciences. Attention is drawn to the pre-revolutionary ideas about the structure of the rule of law in the general theoretical and sectoral legal sciences. Arguments are made in favor of a three-element approach to the structure of the legal norm.

Keywords: hypothesis, disposition, rule of law, sanction, structure, theory of law, legal science.

УДК 34(091)

*А.А. Козел, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь
(kozalg@list.ru)*

**РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСТОКИ РИМСКОГО ПРАВА
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

Исследуются генезис и основные этапы развития римского права. Прослеживается связь феномена римского права с религией и военным устройством как фундирующими его факторами. Обосновывается

вывод о сформированности религией у римлян сакрально-благоговейного отношения к праву, а также о сформированном нормативно-императивном характере военизированного общественного устройства. Подчеркивается значение римского права в его византийской версии как источника древнерусского права и отмечается его значимость для современной отечественной юриспруденции и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: римское право, древнеримская религия, архаика, предклассика, классика, постклассика, сакральное право, понтификальное право, жреческое право, справедливость, общее благо, номоканон.

Античная культура, созданная греками и римлянами, до сих пор интересна для исследования в социальной, гуманитарной сфере, а также в области техники, естествознания. Например, проблема непрерывного и дискретного, конечного и бесконечного, поставленная античными учеными, актуальна и сегодня для наук физико-математического цикла. Занимавшее древних греков и римлян исследование соотношения и взаимосвязи микрокосма и макрокосма в современных условиях актуализировано глобальными экологическими проблемами и т. д.

Остаются незыблемы и неоспоримы достижения античной цивилизации в философии, психологии, логике, эстетике, этике, юриспруденции. Так, Платон и Аристотель, занимаясь поиском наилучших форм общественного устройства, обращают внимание на закон и право, как на обязательные атрибуты полисного общежития, создают оригинальные теоретические конструкции права-справедливости и политики как искусства управления людьми. Рассмотрение права-справедливости в сопряжении с политикой как искусством управления фундировало политико-правовую теорию и практику как далекого прошлого, так и современную.

Политические и правовые концепции, редуцированные древнегреческой философией, были знакомы и римскому политическому классу. Так, у греков право ассоциировалось с богиней Дике (справедливостью), следившей за соблюдением порядка в обществе, а римляне, приняв греческую трактовку права как справедливости, вербализовали право понятием *jus* (то, что связывает всех; норма), было принято обществом и ставшим правом, уполномочием граждан (справедливостью). Вследствие данного обстоятельства гражданское право в Древнем Риме обрело приоритет по сравнению с государственным (публичным правом). Гегель объяснял это тем, что у греков отсутствовало понятие всеобщей абстрактной личности, а их духовность проявлялась как особая радость и веселие, дух существовал в единстве с природой. В Риме впервые оформляется свободная всеобщность, абстрактная свобода, «которая, с одной стороны, ставит абстрактное государство, политику и власть выше конкретной индивидуальности и подчиняет последнюю, а с другой... создает личность... Ведь личность является основным определением права: она приобретает наличное бытие и преимущественно в собственности» [1, с. 303]. В императорский период все жители Италии уравниваются в правах с римскими гражданами и отдельные индивидуумы становятся правовыми личностями. Вместе с тем в отношении права в Риме Р. Иеринг писал, что ничто не заимствуется извне за исключением международного права; государство, право, религию производит Рим из самого себя [2, с. 84]. Он также отметил, что хотя религия в Риме появляется после права, оно вместе с тем носило четко выраженный религиозный характер. При этом следует иметь в виду, что древнеримская религия по своему характеру была близка к праву, а древнеримские боги в пределах своих компетенций, по мнению римлян, оказывали им помощь. Правовой формализм оказал в этом случае прямое воздействие и на римскую религию – она также была четко регламентирована. Это нашло выражение в содержании составляемого коллегией понтификов «индигаменты» – собрания молитвенных формул с указанием, к каким богам и в какие дни следует обращаться с молитвами, и календаря с днями, отмеченными как благоприятные для проведения общественных собраний, заключения договоров и т. д. [2, с. 84]. Таким образом, право, выступая как своеобразная форма религии, обретает у римлян ореол святости. Может, именно поэтому римляне благоговели перед законами – правом, а первыми юристами стали понтифики? Синкретизм права и религии в их генезисе объясняется историей римского общества, которое вначале представляло собой разрозненные группы, подчинить и сплотить которые мог только единый порядок – право. И здесь Гегель опять писал, что «дух строгой законности римлян возник из их происхождения, из их первого разбойничьего общества» [1, с. 344]. Военная дисциплина для римлян была и порядком, и законностью, которые превратились в их вторую природу. Иеринг в этой связи подчеркивал, что в римском праве народ видел ту же дисциплину и порядок, которую он находил и в военном лагере [2, с. 227].

Военная организация римского общества и вытекающая из нее дисциплина отразились в четко выраженном формализме, логичности и лаконичном характере римского права. Тот же Иеринг полагал, что воинский дух населения имеет главную заслугу в величии римского права [2, с. 227].

Таким образом, феномен римского права в самом начале своего генезиса был обусловлен двумя факторами, оказавшими влияние на весь процесс его становления и функционирования, – военной организацией общества и религией. Если военная организация требовала безусловного подчинения порядку-праву (правопорядку), что обеспечивало устойчивую жизнедеятельность римского общества, то религия придавала этому порядку-праву сакральный характер, а его императивы выступали как божественные повеления. Соглашаясь с исследователями в данной области, можно полагать, что в Древнем Риме все право носило религиозный характер и считалось божественным установлением [4, с. 67].

Формирование римского права в теснейшей взаимосвязи с религией обусловило его сакральную императивность в римском обществе на многие столетия. В современных условиях эта особенность находит выражение в правовой культуре, культивируемой романо-германской правовой традицией, ориентированной на неукоснительное исполнение гражданами действующего закона.

В развитии римского права как права древнеримского государства от возникновения Рима как полиса-государства до римско-византийской империи исследователи выделяют четыре периода: архаический (754–367 гг. до н. э.), предклассический (367–27 гг. до н. э.), классический (27 г. до н. э. – 305 г. н. э.), постклассический (305–565 гг.) [5, с. 14].

В архаический период были заложены основы римского права, вначале публичного, а затем частного. Политическая история этого времени делится на два подпериода: монархию (*regnum* – царство) и республику (*res publica* – достояние народа). В царский период элементами структуры политической власти являлись: царь (*rex*), осуществлявший политическую, религиозную и судебную власть с помощниками: уголовными квесторами и дуумвирами, в ведении которых были государственные преступления и дела об отцеубийстве, народные собрания и сенат. Зарождение республиканской формы правления связывают с учреждением в Риме должностей консулов. Консульская власть в отличие от царской была временной (один год). В чрезвычайные для римского государства периоды консулы уступали власть на шесть месяцев диктатору. Право периода архаики существовало как древние обычаи (*mores maiorum*), освященные религией, как публичные законы римского народа (*leges publicae populi Romani*), плебисциты плебеев (*plebiscita*). Завершают этот период приблизительно в середине V в. Законы XII таблиц (*leges duodecim tabularum*), которые уравнивали положение перед законами патрициев и плебеев и установили равное право для граждан и равную защиту интересов всех членов общества на основе требования общего блага. Ведущую роль в тот период в правотворчестве, правоприменении и интерпретации римского права сыграли понтифики (верховные жрецы).

Учитывая то обстоятельство, что в то время вся жизнедеятельность римской общины была регламентирована целой системой религиозных обычаев, запретами и ритуалами в гораздо большей степени, чем жизнь современного человека законами и моралью, исследователи говорят о другом виде римского права периода архаики – сакральном праве [6, с. 7–14]. К нему относят царские законы от Ромула до Тарквиния Гордого. Среди них следует особо выделить конституцию Нумы Помпилия, которая регламентировала функции жреческих и ремесленных коллегий. Нума Помпилий установил должности первосвященников (понтификов) и сам был первым среди них. Это свидетельствует о том, что римские цари соединяли в себе царскую и понтификальную власть. Верховный понтифик был своего рода и верховным юристом в римском обществе: являлся толкователем воли божества, надзирал за порядком жертвоприношений и соблюдением религиозных правил [7, с. 135–136]. Жрецы обладали правом регулировать в религиозной форме аспекты древней римской общины: осуществлять религиозный культ, разрабатывать право и определять его применение. Из нераздельности права и религии и ведущей роли в организации жизнедеятельности Рима жрецов можно сделать вывод о существовании особого жреческого права, подразделявшегося на понтификальное (*jus pontificium*), авгуральное (*jus augurale*), право фециалов (*jus fetiale*), фламинов и религиозное право [6, с. 15].

Главную роль в жреческом праве играли авгуры и понтифики. Первые на основе гаданий полета птиц выявляли волю богов, только в соответствии с которой можно было приступить к тем

или иным действиям. Если авгура́льное право носило разрешающе-запрещающий характер, то понтифика́льное хранило божественную волю, контролировало соблюдение жреческого права, деятельность магистратов и частную жизнь. Понтифики были и единственными толкователями права. Изначально в римском праве огромное значение придавалось юридическим процедурам, которые должны были соответствовать установленным юридическим формулам. Разработкой данных формул занимались в то время только понтифики, рекрутировавшиеся из верхних слоев римского общества. С уравниванием в правах плебеев с патрициями первые получили доступ и к должности понтифика, что позволило римскую юриспруденцию сделать более открытой и доступной. Например, Тиберий Корнелий Сципион, первый понтифик из плебеев, разрешил присутствовать на своих юридических консультациях всем желающим. При этом также следует отметить, что в архаическую эпоху началось разграничение права светского (*jus*), за исполнением которого должна была следить государственная власть, и права божественного установления (*fas*), за нарушение которого должна была следовать божественная кара.

Римское право предклассического периода кроме древних обычаев и плебисцитов включало законы, принятые в комициях (*lex publica*), сенатусконсульты (*senatus-konsulta*) – властные суждения сената, эдикты магистратов, ответы мудрецов (*responsa prudentium*). Последние вербализуются как римская юриспруденция, в которой выделяют два этапа – понтифика́льно-оракульский и светский. Если в оракульский период юриспруденция была окружена ореолом тайны и избранности, то светский период начался с того, что ответы на запросы граждан и судебных магистратов стали публичными.

Римская юриспруденция в отличие от современной трактовки не наука, не римское правове́дение в буквальном прочтении, а правоприменительная деятельность трех видов: ответы и советы гражданам (*respondere*); указание на процессуальную формулу, которую можно применить в конкретном случае (*agere*); своего рода подсказка, как приспособить нормы древнего права для достижения желаемого результата (*cavere*).

Предклассический период персонифицируется именами Клавдия, Секста Эмелия Пета «Катона»; основателями гражданского права Марка Юния Брута, Манья Манилия, Квинта Муция Сцевола «Понтифика». Также в это время начали формироваться первые юридические школы. Далее право вообще и римское в частности становится объектом научного анализа. Ученик Квинта Муция Сцевола – Марк Туллий Цицерон посвятил исследованию права работы «О государстве» и «О законах». Цицерон, являясь сторонником стоицизма, полагал, как и римские юристы, что все разнообразие отношений между людьми должно подчиняться неизменным законам, установленным разумной природой. По этой причине право понимается как соответствие естественным законам человеческих отношений. В этой связи при создании новых норм римские юристы скрупулезно исследовали природу тех вещей и отношений, которые данные нормы будут регулировать. В современной юридической науке обозначенная проблема рассматривается в контексте социальной обусловленности права. Кроме необходимости соответствия норм регулируемым общественным отношениям римские юристы выработали новое требование к вновь создаваемым нормам: обязательность их соответствия общему благу и справедливости. Согласно убеждению Цицерона, не всякие законы, принятые в государстве соответствуют своему названию, а только те которые «придуманы ради блага граждан, целостности государства и спокойной и счастливой жизни людей» [8, с. 177]. Понимая закон как заложенный в природе высший разум, он тем не менее вводит в него элемент субъективности – выбор. Такая интеграция Цицерона дала в последствии возможность выработать ключевые понятия современного права: вину, юридическую ответственность, девиантное поведение. Также заслуживает внимания идея Цицерона о том, что основой права является природная склонность людей любить себе подобных. И хотя это еще не христианская любовь, но сама постановка вопроса о любви как основе права трансформировалась в правове́дении в принцип гуманизма – основополагающий конструкт современного права.

Начало классического периода римского права олицетворяют с принятием Августом полномочий принцепса, в соответствии с которыми им было получено право вето относительно деятельности магистратов и право управления всеми провинциями Римской империи. Законы, плебисциты, сенатусконсульты, эдикты магистратов и ответы знатоков права как источники права в республиканскую эпоху стали уступать праву принцепса [5, с. 31]. Система римского права в

классической юриспруденции обретает свой завершённый тип. Основопологающим ориентиром для юристов классического периода было положение, что справедливое право должно предоставить каждому члену общества полную самостоятельность и независимость в сфере субъективных прав [9, с. 51]. В это время обретают широкую известность юридические школы сабиниан и прокулианцев и институализируется право публично давать ответы на правовые вопросы (*ius publice respondenti*), что превращало римское право в доступный социальный институт. В начале II в. н. э. заявили о себе такие юристы, как Гай – автор знаменитых Институций (первого учебника для юридических школ, представлявшего собой систематическое изложение римского права), Секст Помпоний, Секст Педий, Секст Цецилий Африкан, Ульпий Марцелл, Квинт Цервдий Сцевола, Папирий Юст, Эмилий Папиан, Юлий Павел, Домиций Ульпиан, Горенний Модестин, которые отметились написанием комментариев к Законам XII таблиц, сенатусконсультам, эдиктам магистратов. Римское право совершенствовалось и благодаря вошедшему в практику взаимному комментированию авторами юридических трактатов. Завершился классический период добровольным отречением от власти императоров Диоклекциана и Максимиана (305 г. н. э.), правивших совместно 20 лет.

Постклассический период (305–565 гг. н. э.) начался разделением империи на Восточную со столицей в Константинополе и Западную со столицей в Риме. Императорские конституции (акты императора: эдикты, рескрипты, декреты и мандаты, имевшие высшую юридическую силу, – закона) имели силу только в своих регионах. Некоторое время еще ссылаются на работы и суждения всех известных юристов периода классики, но с принятием в 426 г. закона о цитировании судьи могли ссылаться только на признанных авторитетов: Гая, Модестина, Павла, Папиниана, Ульпиана. В сложных делах рекомендовалось отдавать предпочтение только суждениям Папиниана. Между Западной и Восточной империями в юриспруденции произошло своеобразное разделение труда: западная ориентировалась в основном только на практику; восточная – на разработку юридической теории и юридическое образование, отражающие реалии политико-правовой и церковной жизни Византийской империи. Юриспруденция представляла собой комментирование сочинений юристов классиков и императорских конституций. Достижением постклассики являются Институции Юстиниана, византийская кодификация римского права.

И все-таки главной особенностью развития римского права в постклассический период становится его сопряженность с христианством. В 313 г. с изданием императором Константином I Миланского эдикта кардинально изменился правовой статус христианской церкви: она из гонимой и преследуемой становится равноправной с языческой, культуры которой постепенно уступают христианству, а в конце IV в. и вовсе запрещаются императором Феодосием I [3, с. 596]. В связи с формированием христианской церковью своего канонического права возникла проблема его соотношения с традиционным римским. Исследователи отмечают особенности взаимосвязи церкви и права в Восточной и Западной частях империи. Так Западная церковь в условиях появления варварских правд стала единственным хранителем в своем регионе римской правовой традиции, что превращало церковь в учреждение наподобие государству. В Византии правовое регулирование основывалось на синтезе светского и канонического права при одновременном различии на уровне правотворчества [10, с. 65]. Это позволило создать новые формы актов светско-церковного содержания – номоканоны, которые атрибутировали законы к соответствующим религиозным канонам. В связи с христианизацией Руси в конце X в. через византийские номоканоны римское право оказало влияние и на формирование древнерусской правовой традиции [10, с. 69].

Таким образом, феномен римского права связан с его детерминацией религией и военным распорядком Древнего Рима, которые задали ему сакральность и жесткую императивность исполнения. Римское право конструировалось исходя из практических потребностей римского общества, и в этой связи носило четко формализованный характер, а юридическая терминология, выработанная им, продолжает функционировать и в современном праве. Римское правоведение и юридическая практика ориентировались на требование адекватного отражения в нормах регулируемых общественных отношений, что является актуальным и для современного правотворчества. Сформулировав принципы справедливости и гуманизма, римская юриспруденция заложила основы современного демократического права. Византийская правовая система, син-

тезировав римское право и христианское каноническое право, стала одним из источников древнерусского права, тем самым продолжая оказывать влияние на отечественное правоведение и юридическую практику, предлагая им нравственно-гуманистические ориентиры.

Список использованных источников

1. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории = *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte* / Г.В.Ф. Гегель. – Изд. 2-е, стереотип. – СПб. : Наука, 2005. – 477 с.
2. Иеринг, Р.И. Дух римского права на различных ступенях его развития / Р.И. Иеринг. – СПб., 1875. – 309 с.
3. Всеобщая история религий мира. – М. : Эксмо, 2008. – 736 с.
4. Хвостов, В.М. Опыт характеристики понятий *aeguitas* и *aequum jus* в римской классической юриспруденции / В.М. Хвостов. – М. : Университет. тип., 1985. – 309 с.
5. Франчози, Д. Институционный курс римского права = *Corso istituzionale di diritto Romano* / Д. Франчози. – М. : Статут, 2004. – 426 с.
6. Формирование системы римского права // Жреческие коллегии в Раннем Риме / Л.Л. Кофанов [и др.]. – М. : Наука, 2001. – С. 299–309.
7. Плутарх. Нума Помпилий : пер. с древнегреч. / Плутарх // Избранные жизнеописания : в 2 т. – М. : Правда, 1986. – Т. 1. – 592 с.
8. Цицерон, М.Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма / М.Т. Цицерон. – М. : Мысль, 1999. – 782 с.
9. Хвостов, В.М. История римского права / В.М. Хвостов. – 6-е изд. – М., 1916. – 478 с.
10. Павлов, В.И. Особенности формирования византийской правовой системы и византийского канонического права в контексте проблемы определения путей рецепции римского права на Руси / В.И. Павлов // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. – Вып. 11. – Минск : СтройМедиаПроект, 2016. – С. 62–71.

Дата поступления в редакцию: 04.06.18

A.A. Kozel, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

RELIGIOUS ORIGINS OF ROMAN LAW IN THE CONTEXT OF MODERN JURISPRUDENCE

The genesis and main stages of development of the Roman law are investigated. The correlation of the phenomenon of Roman law is associated with religion and the military device as thunderously its factors. The conclusion about the formation of religion among the Romans sacred and reverent attitude to law, as well as about the formed normative-imperative nature of the paramilitary social system is substantiated. The importance of Roman law in its Byzantine version as a source of old Russian law is emphasized and its importance for modern domestic jurisprudence and law enforcement is noted.

Keywords: Roman law, Roman religion, archaic, preclassics, classics, postclassics, sacred law, Pontifical law, priestly law, justice, common good, nomocanon.

УДК 351.74(476)(091)

С.Ф. Лапанович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: sergl976@tut.by)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНСКОЙ ШКОЛЫ МИЛИЦИИ ИМЕНИ М.В. ФРУНЗЕ (вторая половина 20–30-х гг. XX в.)

В двух частях

Часть 2

Рассматриваются основные направления деятельности первой милицейской школы в столице советской Беларуси по подготовке сотрудников среднего начальствующего состава в период 30-х гг. прошлого века.

Ключевые слова: история советской милиции, довоенный период, кадровая политика, милицейское образование, школа милиции, образовательный процесс.

После ликвидации НКВД союзных и автономных республик (по решению Политбюро 15 декабря 1930 г.) милиция переходит под оперруководство Объединенного государственного политического управления при СНК СССР, что оказало в определенной степени влияние и на деятельность школ милиции. В учебном процессе появились регулярные учебные боевые тревоги как свидетельство военизации школьной жизни. Одновременно с военной подготовкой активно развивалась система политической учебы: приоритет отдавался политграмоте.

По мнению М.В. Кожевиной, в сложившихся обстоятельствах система профессиональной подготовки кадров милиции постепенно теряла самостоятельность, происходила еще большая политизация процесса обучения. Постоянно менялись структуры учебных заведений, ориентиры и приоритеты в учебном процессе, что нарушало стабильность образовательного процесса [1]. Профессиональную подготовку кадров милиции стремились ускорить различными политико-идеологическими акциями (ударничество, соцсоревнования и т. п.), которые имели и положительное (в плане мотивации), и отрицательное (кампанейщина и формализм) значение.

Преподаватели и курсанты Минской школы также массово брали на себя повышенные обязательства, объявляли свой коллектив ударным отрядом (ударный – работающий с полным напряжением сил, ориентированный на превышение установленных норм и сроков), вызывали друг друга на социалистические соревнования. Например, курсанты и командно-преподавательский состав школы так отозвались на XIV годовщину Рабоче-крестьянской милиции: «Мы, курсанты, начальствующий и политический состав школы среднего начсостава Рабоче-крестьянской милиции БССР им. Фрунзе, в день XIV годовщины Рабоче-крестьянской милиции посылаем вам большевистский привет и заверяем вас, что все возложенные на нас партией и Советской властью задачи будут выполнены... Заверяем вас, что мы, фрунзенцы, под руководством начальствующего и политического состава, партийной организации школы и в дальнейшем будем придерживаться большевистских темпов в учебе и практической работе, готовясь стать волевыми командирами-большевиками, достойными быть руководителями милицейской массы...» [2, с. 66].

В 1931 г. на базе школы подготовки младшего комсостава милиции создается Минская школа среднего начсостава (командного состава) РКМ БССР имени М.В. Фрунзе. В этой связи были образованы новые отделения: строевое, политическое и оперативное. Школа готовила строевых командиров, политработников, участковых уполномоченных и помощников оперативных уполномоченных. Начальником школы в 1931 г. был Соропинкин, а с 1932 г. – Атаманов.

В соответствии с приказом «О комплектовании школы среднего начсостава» (1932 г.) слушателями могли быть зачислены только имеющие практический стаж работы не менее трех лет для рядового состава и двух лет для младшего начсостава. Кроме того, будущие курсанты должны были быть членами партии, либо кандидатами в члены КП(б), либо комсомольцами [3, с. 130].

Таким образом, количество обучающихся в Минской школе значительно увеличивалось, всего было принято 120 курсантов (4 взвода по 30 человек, которые подразделялись на отделения по 7–8 человек). За время учебы три человека убыло, одного дозачислили. Во факту осталось 118 человек.

Согласно архивным документам состав курсантов по социальному положению был следующим: из рабочих – 49 человек, из колхозников – 40, из служащих – 22, из крестьян-единоличников – 5, из кустарей – 2 человека. По национальному составу – 87 белорусов, 20 евреев, 10 русских и 1 украинец. Членами КП(б)Б были 42 человека и 26 кандидатов на вступление в партию и 18 комсомольцев [4].

На заседании педсовета Соропинкин заявил: «Нужно забыть школу, которая была раньше. В связи с реорганизацией в школу среднего начсостава мы должны дать стране 120 личностей, это значит 120 командиров» [5].

Учебные предметы также подразделялись на 4 цикла: общеобразовательный (белорусский язык, арифметика, общая и экономическая география, всего 145 часов); политический (история ВКП(б), политэкономика, теория советского хозяйства, политработа, всего 290 часов для строевого отделения и оперативников, 440 – для политработников); специальный (включал советское строительство, организацию и службу милиции, кодексы (уголовный и уголовно-

процессуальный), криминалистику, технику дознания, автодело, судебно-медицинскую экспертизу, всего 404 часа для строевого отделения, 369 – для политработников и 471 – для оперативников); военный (включал строевую подготовку, борьбу, тактику, топографию, химическое дело, верховую езду, охрану объектов, армейские уставы, физподготовку, всего 402 часа для строевого отделения, 282 – для политработников и 294 – для оперативников). Так, правовой цикл был заметно сокращен и реализовывался в рамках других циклов только частично [6].

Срок обучения оставался коротким (6,5 месяцев), набор произвели в сентябре 1931 г. Успеваемость курсантов отражена в таблице, из анализа которой следует отметить, что наилучших результатов курсанты достигали при изучении политического и военного циклов, наибольшую сложность вызвало изучение общеобразовательных предметов [7].

Циклы	Хорошо		Удовлетворительно		Неудовлетворительно	
	баллы	%	баллы	%	баллы	%
политический	24	20,3	82	69,5	12	10,2
общеобразовательный	7	6	86	72,8	25	21,2
специальный	14	13	96	82	6	5
военный	18	15,5	90	76,2	10	8,3

Первый выпуск среднего начсостава школы состоялся 18 марта 1931 г. Накануне выпуска прошли выпускные экзамены, которые принимала представительная комиссия: старший инспектор отдела кадров (председатель), начальник школы, секретарь бюро парткома, представители столичной милиции. В результате на должности старшего начсостава было направлено 7 человек (6 % выпуска), на должности среднего начсостава – 100 (84 %), на должности младшего начсостава – 11 (10 %). На торжественное собрание, посвященное первому выпуску командиров и политруководителей, были приглашены руководители белорусского государства: председатель ЦИК А.Г. Червяков, председатель СНК Н.М. Голодед, первый секретарь ЦК КП(б) В.Ф. Шарангович, начальник Главного управления РКМ, представители городского комитета партии и городского Совета депутатов. По результатам соцсоревнования курсантам-победителям были вручены ценные подарки (собрания сочинений В.И. Ленина, полевые сумки, а одному выпускнику подарили мандолину [8]).

Архивные документы свидетельствуют о том, что в те годы преподаватели и курсанты школы занимались не только учебным процессом, но и принимали активное участие в борьбе с бандитизмом, разбоями, грабежами, другими опасными преступлениями, а также с противниками советской власти. Борьба включала выступления с лекциями и беседами перед сельскими жителями, проведение агитационной работы по вовлечению их в колхозы, охрану общественного порядка в Минске [9, с. 6–7]. Когда отделом кадров ОГПУ СССР была подготовлена программа на 1932/33 учебный год, предусматривающая короткий срок обучения (полгода), начальник Минской школы ходатайствовал об увеличении сроков обучения, мотивируя это тем, что $\frac{2}{3}$ состава школы откомандированы для работ по обеспечению коллективизации, а 20 человек привлечены к паспортизации населения в столице [10].

Итак, в начале 1930-х гг. структура учебных заведений белорусской милиции включала среднюю школу командирского состава в Минске и двухмесячные курсы при Витебском, Гомельском, Минском и Могилевском оперативных секторах милиции [11].

Начиная с 1933 г. (по другим источникам – с 1936 г.) школа переходит к подготовке оперативных и строевых работников милиции, политработников и участковых уполномоченных с двухгодичным сроком обучения. На учебу уже принимаются сотрудники с образованием не менее семи классов, курсанты находятся на полном государственном обеспечении. Кроме того, начали функционировать постоянно действующие курсы переподготовки милицейских кадров. А в 1937 г. в Минске открываются курсы краткосрочной подготовки и переподготовки рядового и начальствующего состава милиции, а также курсы участковых инспекторов РКМ (переименованные в 1938 г. в курсы сержантов РКМ).

26 апреля 1936 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О специальных званиях и знаках различия личного состава Рабоче-крестьянской милиции НКВД Союза ССР», с этого времени выпускникам Минской школы милиции имени М.В. Фрунзе стали присваиваться звания сержантов, а окончившим с отличными показателями – младших лейтенантов милиции [9, с. 6–7].

В 1939 г. условия приема в школу милиции изменились: на учебу могли быть зачислены не только сотрудники, работающие в органах милиции, но рабочие и служащие, которых рекомендовали партийные и комсомольские организации, а также члены бригад содействия милиции (бригадмильцы), вновь стали принимать демобилизованных красноармейцев. Условия приема в школы милиции были опубликованы в ведомственной газете «На варце Кастрычніка» (1939 г.), где сообщалось, что школы милиции готовят начальствующий состав на должности от участкового инспектора до начальника районного, городского отделения. Также объявлялось, что поступающие в школы работники милиции из рядового и младшего начсостава должны были иметь положительные характеристики по работе, а также положительные характеристики партийных и комсомольских организаций [3, с. 130]. Устанавливался и возраст для поступающих: от 22 до 35 лет. Прием заявлений производился в течение всего года (приемные испытания с середины ноября), учеба начиналась 1 декабря. На время приемных испытаний кандидаты обеспечивались бесплатным общежитием и питанием, а во время учебы получали денежное содержание в размере оклада по должности, занимаемой до поступления в школу. Слушатели, не работавшие до поступления в школу в органах, обеспечивались денежным содержанием в размере 225 рублей. За семьями слушателей сохранялись все виды льгот. Форма одежды устанавливалась общемилицейская [3, с. 130].

В летние месяцы курсанты школы выезжали на сборы в лагерь. За короткий лагерьный период школа должна была подготовить курсантов к практической части зачетов по военным предметам. Кроме программных занятий курсанты вели массовую работу по сдаче норм на значок ГТО I и II ступени, а также по подготовке ворошиловских стрелков 1 и 2-го класса [3, с. 131].

Планомерная работа школы по подготовке милицейских кадров была прервана в 1941 г. нацистской агрессией. В годы Великой Отечественной войны командный и преподавательский составы, курсанты школы решительно встали на защиту Родины. Сразу после начала войны личный состав Минской школы милиции был выведен за город, где курсанты, разбившись на группы, выполняли задания по истреблению вражеских десантов. Их обучали тактике уничтожения диверсантов и провокаторов, выявления паникеров и дезертиров. После оккупации Минска курсанты были переведены в Могилев (туда же переехал и НКВД БССР), где вместе с сотрудниками ОВД западных областей республики несли караульную службу на аэродроме [3, с. 155].

Особой страницей в истории Минской школы стало ее участие в героической обороне Могилева летом 1941 г. в составе милицейского батальона под командованием К.Г. Владимирова. Комиссаром батальона был назначен преподаватель марксизма-ленинизма К.Ф. Чернов, начальником штаба – преподаватель В.И. Горбачев. Батальон состоял из трех рот, в рядах которых насчитывалось более 250 бойцов и командиров. Курсанты и преподаватели Минской школы милиции были включены во вторую роту [12, с. 81–82].

Несколько дней бойцы милицейского батальона героически сражались, удерживая позиции под непрерывным пулеметным и минометным огнем, стояли насмерть, выполняя приказ. Гитлеровцы пытались сломить сопротивление батальона, но всякий раз их попытки разбивались о стойкость и мужество бойцов-милиционеров. Несмотря на превосходящие силы противника, ураганный огонь артиллерии и минометов, постоянную бомбежку, работники милиции не дрогнули, не отступили. Из 250 бойцов батальона в живых осталось только 19 раненых, одни из которых долго выходили из окружения, другие остались залечивать раны в близлежащих деревнях, чтобы потом вступить в партизанские отряды [12, с. 83–85]. «Нельзя не отметить самоотверженность и храбрость личного состава милиции», – писал об этих мужественных бойцах Маршал Советского Союза А.И. Еременко. В 1980-х гг. на месте подвига батальона был открыт мемориал сотрудникам милиции [9, с. 8–9].

Рассматривая исторические вехи становления Минской школы милиции, следует отметить, что, по мнению ряда исследователей истории белорусской милиции, именно с момента возникно-

вения довоенной Минской школы милиции имени М.В. Фрунзе следует отсчитывать и историю послевоенных столичных милицейских образовательных учреждений – Минской специальной средней школы милиции имени М.В. Фрунзе и Минской высшей школы МВД СССР (сейчас – Академия МВД Республики Беларусь). И здесь видится, что с учетом специфики довоенного милицейского образования обозначенная позиция требует уточнения и дальнейшего изучения. Действительно, именно в Минской школе были заложены основы милицейского образования в БССР и с точки зрения традиции она является родоначальницей всех современных учебных заведений системы МВД Республики Беларусь. При этом, однако, можно считать спорным определение довоенной Минской школы милиции имени М.В. Фрунзе в качестве предшественницы какого-либо конкретного современного милицейского учреждения образования. Здесь важно подчеркнуть, что в рассматриваемый период по разным причинам Советское государство не способствовало развитию милицейской школы как полноценной многоступенчатой системы профессионального образования (в отличие от других ведомственных (военной, педагогической и т. п.) систем образования). Одной из причин является отсутствие в довоенный период хотя бы одного милицейского среднего специального и высшего учебного заведения. А первые средние специальные и высшие учебные заведения в системе МВД СССР появятся только в 1950-х гг. XX столетия [1].

Таким образом, созданная в начале 20-х гг. XX в. Минская школа милиции имени М.В. Фрунзе при Управлении милиции и уголовного розыска НКВД БССР в межвоенный период являлась базовым милицейским учебным учреждением на территории БССР. В деятельности школы отразилась вся сложная история нашей страны в период 1920–30-х гг. XX в. Школа прошла значительный путь развития от командных курсов до милицейской школы по подготовке кадров младшего, а затем и среднего состава милиции. Дальнейшая история Минской школы была прервана событиями Великой Отечественной войны, в боях и сражениях которой преподаватели и курсанты показали примеры героизма и самопожертвования во благо Родины.

Список использованных источников

1. Кожевина, М.А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование (1918–1991 гг.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / М.А. Кожевина. – М. : Моск. ун-т МВД России, 2005. – 56 с.
2. История милиции Белорусской ССР. 1917–1967. Краткий очерк. – Минск, 1967. – 70 с.
3. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987. – Минск : Беларусь, 1987. – 535 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 37. Оп. 1. Д. 57. Л. 42–43.
5. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 59. Л. 2–5.
6. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 77. Л. 1–2.
7. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 57. Л. 49–50.
8. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 57. Л. 17–21.
9. Болотников, В.Г. Минская специальная средняя школа милиции имени М.В. Фрунзе / В.Г. Болотников, Л.Т. Макаров. – Минск, 1982. – 20 с.
10. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 27. Л. 52–53.
11. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 9. Л. 38.
12. Шарков, А.В. НКВД Беларуси в вооруженной борьбе с нацистским агрессором и националистическим подпольем в годы Великой Отечественной войны / А.В. Шарков ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 279 с.

Дата поступления в редакцию: 28.03.18

S.F. Lapanovich, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE ACTIVITIES OF MINSK SCHOOL OF MILITIA NAMED AFTER M.V. FRUNZE (second half of the 20's and 30's of the XX-th century) (Part 2)

The article deals with main areas of activity of the first militia school on training of middle ranking command staff in the capital of Soviet Belarus during the second half of the 30's of the last century.

Keywords: history of the soviet militia, prewar period, staff policy, militia education, school of militia, educational process.

УДК 930

*А.М. Сувалаў, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі і ідэалагічнай работы Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь
(e-mail: suvalau@tut.by)*

ІДЭАЛАГІЧНАЯ СКЛАДАЮЧАЯ Ў ВЫЗНАЧЭННІ ЭТНІЧНАЙ ПРЫНАЛЕЖНАСЦІ БЕЛАРУСАЎ У НАВУЦЫ 20–30-х гг. ХХ ст.

Разглядаюцца працэсы станаўлення новых падыходаў да разгляду пытанняў гісторыі Беларусі ў цэлым і этнагенезу беларусаў у прыватнасці ў перыяд пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. ва ўзаемасувязі з фарміраваннем і развіццём марксісцка-ленінскай ідэалогіі. Выкладаецца сутнасць асноўных тэорый і канцэпцый этнагенезу беларусаў, якія існавалі ў айчыннай гістарыяграфіі 20–30-х гг. ХХ ст. Робіцца выснова аб выршальнай ролі барацьбы з «нацыянальнымі дэмакратамі» ў фарміраванні тагачасных поглядаў і падыходаў да праблемы этнагенезу беларусаў, а таксама паступовым спыненні даследаванняў у гэтым накірунку.

Ключавыя словы: беларусы, этнас, гістарыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя, марксісцка-ленінская ідэалогія.

Адзін з цэнтральных перыядаў у фарміраванні пануючых у савецкі час канцэпцый гістарычнага развіцця Беларусі ў цэлым і праблемы этнагенезу беларусаў у прыватнасці прадстаўляюць сабой 20–30-я гг. ХХ ст. Пасля падзей 1917 г. старая ідэалагічная і палітычная машына Расійскай імперыі была зламана, а новая ідэалогія прыйшоўшых да ўлады бальшавікоў яшчэ не заняла свайго дамінуючага становішча. Перыяд з 1917 г. да канца 20-х гг. ХХ ст. адзначыўся фарміраваннем ідэалогіі новай савецкай дзяржавы, выпрацоўкай на яе аснове марксісцка-ленінскай трактоўкі гістарычнага мінулага і паступовым узрастаннем уплыву ідэалагічнага фактара на навуковыя пазіцыі даследчыкаў.

Разгляд дамінуючых, вызначаючых фактараў, якія аказвалі ўплыў на пазіцыі даследчыкаў таго часу, а ў дадзеным выпадку ідэалогіі, патрабуе разумення дыялектыкі і дынамікі развіцця саміх ідэалагічных схем і пазіцый (ідэалагем). Самі ідэалагемы фарміраваліся і з цягам часу карэкціраваліся. У дачыненні да характарыстыкі ўзаемадачынення, узаемадзяння і ўзаемаадносін гістарычнай навукі і ідэалогіі неабходна памятаць наступнае. Гісторыя ў той час разглядалася перш за ўсё як інструмент ідэалагічнага выхавання грамадства. Таму пэўны перыяд пасля падзей 1917 г., у выніку якіх да ўлады прыйшлі бальшавікі, гісторыя як вучэбная дысцыпліна была выключана са школьнага курса. Патрабаваўся пэўны час для выпрацоўкі таго варыянта трактоўкі гістарычнага мінулага, які будзе прызнаны марксісцкім ці марксісцка-ленінскім. Так, першым марксісцкім гісторыкам у маштабе вялікай савецкай краіны стаў М.М. Пакроўскі. У савецкай Беларусі марксісцкі варыянт прадстаўлялі публікацыі У.М. Ігнатоўскага [1, 2]. Некалькі перавыданняў «Кароткага нарысу гісторыі Беларусі» даследчыка [2] сведчаць аб прызнанні яго трактовак гістарычнага мінулага Беларусі тагачаснымі партыйнымі структурамі. У 20-х гг. ХХ ст. «Кароткі нарыс» У.М. Ігнатоўскага выкарыстоўваўся ў якасці школьнага падручніка па гісторыі Беларусі.

У плане ідэалогіі 20-я гг. ХХ ст. – час надзвычай складаны, паколькі не існавала (і не магло існаваць) дакладна вызначанага плана пабудовы новага грамадства, таксама не было адзінства ў пазіцыях бальшавікоў у іх бачанні накірункаў развіцця новага грамадства. Калі да гэтага дадаць наяўнасць цэлага шэрагу пазіцый і падыходаў прадстаўнікоў небальшавіцкай арыентаванасці, то ў плане гістарычнага асэнсавання мінулага погляды даследчыкаў вызначаліся няўпэўненасцю і нестабільнасцю. Менавіта ў гэты перыяд пазіцыі вучоных пачынаюць адчуваць на сабе найбольш значны ўплыў і нават ціск ідэалагем, якія самі знаходзіліся ў сітуацыі развіцця і перманентнай зменлівасці ў залежнасці ад палітычнай кан'юнктуры часу.

Для пазіцый, якія займалі бальшавікі, дамінуючым момантам выступаў сацыяльны фактар – неабходнасць ліквідацыі ў сусветным маштабе праз сусветную пралетарскую рэвалюцыю галоўнай (з пазіцый ідэалогіі бальшавізму) заганы грамадства – эксплуатацыі чалавека чалавекам. У рэчышчы гэтай задачы павінна была вырашацца і праблема барацьбы супраць нацыянальнага прыгнёту нацыянальных меншасцей і «інородцев» былой Расійскай імперыі. Адпаведна перамога бальшавікоў павінна была прывесці не толькі да ліквідацыі эксплуатацыі чалавека

чалавекам, але і да вырашэння нацыянальнага пытання праз прадастаўленне нацыянальным меншасцям права на самавызначэнне да аддзялення і ўтварэння незалежных дзяржаў. Трэба таксама ўлічваць, што вырашэнне нацыянальнага пытання для бальшавікоў – пытанне другаснае ў параўнанні з задачамі сусветнай пралетарскай рэвалюцыі. А права на нацыянальнае самавызначэнне давалася не народу ў цэлым, а толькі частцы народа – пралетарыяту (рабочым і працоўным сялянам). Гэта ўвасобілася ў трактоўцы, згодна з якой толькі дзякуючы Кастрычніку 1917 г. беларусы (маюцца на ўвазе толькі працоўныя) упершыню ў сваёй гісторыі атрымалі дзяржаўнасць. Калі звярнуць увагу, што дзяржаўнасць у дадзенай трактоўцы прадастаўлялася не ўсяму беларускаму народу, а толькі працоўным, то названы тэзіс не мае прычанняў (пры ўмове таго, што ССРБ, а таксама пазнейшыя ЛітБелССР і БССР прадстаўлялі сабою дзяржавы, у якіх улада рэальна належала пралетарыяту і працоўным сялянам). Тым больш, што ні адзін працоўны народ у свеце да Кастрычніка 1917 г. не меў сваёй дзяржавы.

Важна памятаць і тое, што права на самавызначэнне не прадугледжвала абавязковага адасаблення нацыянальных меншасцей былой царскай Расіі ў самастойныя дзяржаўныя ўтварэнні. Асабліва ў кантэксце барацьбы бальшавікоў за сусветную сацыялістычную пралетарскую рэвалюцыю, якая павінна была ліквідаваць буржуазныя дзяржавы як сродак ажыццяўлення прыгнёту малалікай багатай часткаю грамадства беднай і эксплуатаемай большасці.

Першыя гады пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. давалі надзею на здзяйсненне ў хуткім часе сусветнай пралетарскай рэвалюцыі. Таму стварэнне нейкіх дзяржаў, нават дзяржаў сацыялістычных для малых народаў былой Расійскай імперыі, бачылася несвоечасовым і непатрэбным. Такія сацыялістычныя дзяржавы маглі аб'ектыўна стаць пэўнаю перашкодаю для ўзаемадзеяння пралетарскіх мас паміж сабою, паслабіць агульны фронт барацьбы працоўных супраць эксплуатацараў. У кантэксце ўказанага зразумела, чаму бальшавікі, якія дзейнічалі на тэрыторыі Беларусі (В.Г. Кнорын, А.Ф. Мяснікоў, І.Я. Алібегаў і інш.), выступалі супраць беларускай савецкай дзяржаўнасці і супраць любой, хай сабе і сацыялістычнай, дзяржаўнасці нацыянальных меншасцей былой царскай Расіі. Яшчэ адной падставай, па якой указаныя вышэй дзеячы бальшавіцкага руху ў Беларусі выступалі супраць беларускай савецкай дзяржаўнасці, з'яўлялася тое, што яны не бачылі ў беларусах асобнага народа. Цяжка чакаць ад прафесійных рэвалюцыянераў, арыентаваных на сацыялістычную рэвалюцыю і кардынальную перабудову грамадства, часта маючых невысокі агульнаадукацыйны ўзровень, глыбокіх ведаў у галіне, напрамую не звязаных з іх дзейнасцю, – ведаў пра малыя народы ўскраін Расійскай імперыі, іх гісторыю, культуру, этнаграфію, фальклор, мову, асаблівасці антрапалагічнага тыпу і г. д.

Такім чынам, прыведзеная вышэй сітуацыя дазваляе больш рэльефна вызначыць аб'ектыўныя ўмовы, у якіх фарміраваліся і развіваліся пазіцыі навукоўцаў, што даследавалі пытанне этнагенезу беларусаў. Фактычна перад імі існавала дылема: зыходзячы са сваіх навуковых перакананняў, даказваць факт існавання самастойнага народа – беларусаў і тым самым уступаць у пэўную канфрантацыю з паслядоўнымі прыхільнікамі сусветнай пралетарскай рэвалюцыі ці ва ўгоду палітычнай кан'юнктуры проста абыходзіць «слізкую» тэму, пакідаючы яе разгляд да лепшых часоў. Забягаючы наперад, трэба сказаць, што такі варыянт паводзін, калі пэўныя тэмы гістарычнага мінулага працяглы перыяд не даследаваліся па прычыне апасенняў вучоных быць абвінавачанымі ў «пасобніцтве», «контррэвалюцыйнасці», прыналежнасці да «нацдэмаў» («нацыянальных дэмакратаў») і атрымаць іншыя падобныя ярлыкі, сталі прычынаю фарміравання гэтак званых «белых плям» у гістарычных даследаваннях і пасля Другой сусветнай вайны. Паступова фарміравалася сітуацыя ў гістарычнай навуцы, калі канцэптальныя тэмы, у тым ліку праблема этнагенезу беларусаў, доўгі час пакідаліся па-за разглядам вучоных.

Парадокс сітуацыі з вывучэннем праблемы этнагенезу беларусаў састаяў у тым, што, з аднаго боку, бальшавікі змагаліся за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне прыгнечаных у часы царскай Расіі малых народаў, з другога – акцэнт вучоных на этнічнай самастойнасці беларусаў разглядаўся як спроба адарваць беларусаў ад братняга рускага (велікарускага) народа. Такі дуалізм тлумачыць, чаму фактычна першы марксіст у айчыннай гістарычнай навуцы У.М. Ігнатоўскі быў абвінавачаны ў нацыяналізме і скончыў жыццё самагубствам. Указанае вышэй паказвае, як далёкае на першы погляд ад палітычнай кан'юнктуры пытанне этнагенезу беларусаў на

бывала ідэалагічнае гучанне і прыцягвала пільную ўвагу далёкіх ад навукі палітычных структур. У гэтым плане больш зразумелымі становяцца і падставы, на аснове якіх ажыццяўляліся рэпрэсіі ў дачыненні да вучоных і іх навуковыя тэмы палягалі досыць далёка ад праблем палітычнай барацьбы за светлую будучыню чалавецтва.

Нягледзячы на складанасці разглядаемы перыяд дае шэраг поглядаў, гіпотэз і канцэпцый паходжання і этнічнай гісторыі беларусаў. Агульнай выступала канцэпцыя Я.Ф. Карскага і М.В. Доўнар-Запольскага [4–6]. Пры гэтым часта праблема паходжання і этнічнай гісторыі беларусаў разглядалася ў кантэксце пэўнай тэмы даследавання і пэўнай ідэалагемы, блізкай таму ці іншаму даследчыку. Сярод аўтараў падобнай літаратуры можна назваць У.М. Ігнатоўскага [1], А.С. Канчара [3], Ф.Ф. Турука [7] і інш.

Агульныя дасягненні навукі па праблеме этнагенезу беларусаў за разглядаемы перыяд можна вызначыць наступным чынам. Перш за ўсё быў канчаткова прызнаны факт існавання беларусаў у якасці трэцяга ўсходнеславянскага народа; акрэслена этнічная аснова беларускага этнасу (усходнеславянскія плямёны крывічоў, дрыгавічоў, радзімічаў разам з паасобнымі групамі іншых славян, а таксама шэраг неславянскіх (балцкіх) плямёнаў); вызначаны час фарміравання беларускай мовы і ахарактарызаваны яе асноўныя асаблівасці; выяўлены асноўныя фактары, якія ўплывалі на працэс утварэння беларускага этнасу.

Паколькі савецкая гістарычная навука традыцыйна адмаўляла спадчыну дарэвалюцыйнай навукі, то і самі даследаванні вучоных дасавецкага перыяду, якія не падзялялі марксісцкіх устаноў, працяглы час не публікаваліся і не падлягалі сур'ёзнай навуковай ацэнцы. Да гэтага дадалася яшчэ і неабходнасць крытыкі гэтак званых буржуазных і нацыяналістычных канцэпцый паходжання беларусаў, якія ўзніклі пасля 1917 г. Складанасць падобнай крытыкі абцяжарвалася адсутнасцю саміх прац «нацдэмаў» у бібліятэках, паколькі рэпрэсіі супраць вучоных суправаджаліся «ачышчэннем» фондаў архіваў і бібліятэк ад «шкоднага нацдэмаўскага хлама».

У перыяд 30-х гг. XX ст. рэпрэсіі супраць шэрагу айчынных даследчыкаў прывялі да сітуацыі, калі іх навуковыя пазіцыі або наогул не ўзгадваліся (каб не папулярызаваць погляды ворагаў савецкай улады), або ўказваліся ў шэрагу прац ідэалагічных праціўнікаў без навуковага аналізу і з канстатацыяй факта контррэвалюцыйнай дзейнасці даследчыка.

Такім чынам, можна вызначыць наступнае. За перыяд 20–30-х гг. XX ст. адбываецца імклівая эвалюцыя ў развіцці даследаванняў па гісторыі Беларусі ў цэлым і праблемы этнагенезу беларусаў у прыватнасці. Амаль поўная свабода навуковай творчасці першых гадоў пасля Кастрычніка 1917 г. змяняецца жорсткім кантролем пазіцый вучоных на прадмет адпаведнасці іх трактовак мінулага марксісцка-ленінскай ідэалогіі. Не ўлічваць ідэалагічную складаючую ў навуковых даследаваннях вучоных разглядаемага перыяду, ігнараваць яе нельга. Гэта можа прывесці да свядомай фальсіфікацыі працэсаў, якія працякалі ў разглядаемы перыяд.

Агульная тэндэнцыя развіцця навуковых даследаванняў 20–30-х гг. XX ст. пад уплывам пастаянна ўзрастаючага ідэалагічнага кантролю ахарактарызавалася паступовым змяненнем публікацый на тэму этнагенезу беларусаў. Фактычна ўказаная тэма з 30-х гг. XX ст. практычна не даследавалася.

У некаторай ступені сітуацыя мяняецца толькі з пачатку 50-х гг. XX ст., калі Інстытутам гісторыі АН БССР было распачата комплекснае даследаванне тэмы паходжання беларусаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Ігнатоўскі, У.М. Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя : лекцыі, чытаныя студэнтам Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту / У.М. Ігнатоўскі. – Выд. 3. – Мінск : Белдзяржвыд, 1928. – 251 с.
2. Ігнатоўскі, У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У.М. Ігнатоўскі. – 5-е выд. – Мінск : Беларусь, 1992. – 190 с.
3. Канчар, А. Класавае, нацыянальнае і рэлігійнае змаганне на Беларусі / А. Канчар. – Вільня : Нашы думкі, 1921. – 31 с.
4. Карский, Е.Ф. Этнографическая карта белорусского племени / Е.Ф. Карский. – СПб. : Тип. Рос. акад. наук, 1917. – 32 с.
5. Карский, Е.Ф. Русская диалектология / Е.Ф. Карский. – Л. : Сеятель Е.В. Высоцкого, 1924. – 172 с.
6. Сувалаў, А.М. Погляды М.В. Доўнар-Запольскага на фарміраванне беларускага этнасу / А.М. Сувалаў // Даследчык гісторыі трох народаў: М.В. Доўнар-Запольскі : зб. навук. арт. і дак. па матэрыялах Пер-

ших і Другіх Доўнар. чытаньні / Гом. дзярж. ун-т ; пад рэд. В.М. Лебедзевай. – Гомель : Рэчыца, 2000.– С. 201–206.

7. Турук, Ф.Ф. Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф.Ф. Турук. – М. : Тип. подотдела инвалидов, 1921. – 144 с.

Дата поступления в редакцию: 14.09.18

A.M. Suvalau, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Lecturer at the Department of Philosophy and Ideological Work of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE IDEOLOGICAL COMPONENT IN DETERMINING THE ETHNIC AFFILIATION OF THE BELARUSIANS IN SCIENCE OF THE 20's –30's OF THE XX CENTURY

The article examines the processes of formation of new approaches for dealing with questions of Belarusian history in general and the ethnogenesis of the Belarusians in particular in the aftermath of the October Revolution of 1917 in connection with the formation and development of the Marxist-Leninist ideology. It contains the substance of the basic theories and concepts of the ethnogenesis of the Belarusians, which existed in the national historiography of 20's - 30's of the XXth century. The conclusion about the decisive role of the struggle with the "national democrats" in the formation of the then views and approaches to the problem of the ethnogenesis of the Belarusians is made, and also the gradual termination of investigations in this direction.

Keywords: Belarusians, ethnos, historiography, ethnogenesis, ethnic history, the Marxist-Leninist ideology.

УДК 159.9

А.Н. Пастушэня, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, заслуженный работник образования Республики Беларусь (e-mail: anp-1308@yandex.ru)

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И ИДЕИ ДЛЯ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Обсуждается предмет психологической теории управления. Излагаются идеи и проблемные вопросы, значимые для ее парадигмы и содержательной структуры. В частности, рассматриваются понятие «управление трудовой деятельностью», его главные свойства и психологическая сущность, понимание оптимальности управления деятельностью органов внутренних дел и главное предназначение внутреннего контура системы управления. Обращается внимание на проблему психологии управляемого субъекта как объекта управленческих влияний, а также на параметры правоохранительной деятельности и критерии оценки ее результатов как значимые явления в оптимизации управления.

Ключевые слова: управление органами внутренних дел, управляющий и управляемые субъекты, психологические проблемы управления.

Научно обоснованное совершенствование управления органами внутренних дел требует развития соответствующей теории, которая имеет систему знаний, выработанных с использованием специального понятийного аппарата на основе базовых идей, образующих ее теоретико-методологическую парадигму. Как известно, в любой продуктивно функционирующей системе (в отличие от хаотичной и распадающейся) есть системообразующее ядро, выступающее ее организующим стержнем и задающее ее качественную определенность. Это вполне можно интерпретировать для системы знаний, образующих определенную теорию. Для нее таким системообразующим стержнем выступают базовые категории и идеи. Теория управления трудовой деятельностью людей, входящих в организацию, в том числе управления ОВД, должна содержать знания не только описательного, но и объяснительного и рекомендательного характера. Для обеспечения глубины и практической полезности этой теории входящие в нее знания должны исходить из отраслей наук, относящихся к социальному управлению, быть не только обобщенными, но и максимально конкретными, особенно в плане рекомендаций. Только в этом случае они становятся практически полезными. Необходимо отметить, что к настоящему времени в научной печати крайне мало работ, посвященных комплексному раскрытию вопросов теории управления ОВД и ее психологической составляющей. В основном они представлены российскими учеными из Академии управления МВД СССР и нынешней Академии управления МВД России (Г.А. Туманов [1], А.П. Ипакян, В.С. Четвериков [2], Л.М. Колодкин, А.И. Китов, А.М. Столяренко, В.И. Черненилов, М.И. Марьин, О.И. Котенев, В.Н. Смирнов [3]). Также необходимо отметить вклад в теорию управления ОВД белорусских ученых: А.П. Леонова [4], Ю.Л. Сивакова, А.А. Урбановича. В изданных работах сформирована определенная структура знаний, которая остается стабильной и нуждается в дальнейшем развитии и углублении.

Рассмотрим ряд вопросов, значимых для развития психологической теории управления ОВД.

1. Управление ОВД осуществляется в отношении людей, выступающих субъектами специфической трудовой деятельности (правоохранительной и деятельности по ее обеспечению) и является внешней детерминантой этой деятельности, ее качественных и количественных ха-

рактических и результативности. Однако любая внешняя детерминация трудовой деятельности человека, в том числе управленческая, опосредована психической деятельностью этого человека. Это означает, что управленческие влияния и условия, в которых человек трудится, субъективно воспринимаются и оцениваются им исходя из его ценностей, установок и других свойств личности. Он испытывает в связи с субъективно воспринимаемыми управленческими влияниями, условиями и характером деятельности определенные побуждения, принимает цели и планы по ее осуществлению, активизирует волевые усилия, использует собственные знания, умения и способности для их исполнения. Весь этот механизм психической деятельности человека детерминирует его трудовую деятельность, и это означает, что от его внутренней психической деятельности зависят качественные и количественные характеристики внешне проявляемой профессиональной деятельности. Обобщая данный тезис, можно сказать, что поскольку психическая деятельность работников выступает сущностью качественных характеристик их профессиональной деятельности, системообразующей основой теории управления трудовой деятельностью людей является познание его психологической стороны, т. е. предмета психологической науки. Именно психологические знания призваны определять основные рекомендации по правильному осуществлению управления, и в согласованности с ними должны использоваться полезные знания, полученные другими отраслями наук. В этой связи можно считать, что системообразующим ядром теории управления является ее психологическая теория.

2. Разработка теории управления применительно к трудовой деятельности требует определения базовой категории «управление трудовой деятельностью», которая может обозначаться по-разному, имея одно и то же значение: управление трудом, управление профессиональной деятельностью, управление организацией (как коллективным субъектом трудовой деятельности), в том числе управление органом внутренних дел или органами внутренних дел как их организованной совокупностью. В научной литературе определение управления основывается на его понимании как деятельности управляющих лиц (управляющей системы, субъектов управления) в отношении подчиненных им лиц (управляемой системы). Эти управляемые люди субъективно воспринимают и реагируют на управленческие влияния в отношении себя, а поэтому являются управляемыми субъектами. Определение управления как деятельности видится наиболее продуктивным для практического использования научных знаний, так как это предполагает формулирование рекомендаций по правильному осуществлению этой деятельности, что определяет требование к их конкретности. Для обозначения специфики управления как деятельности необходимо указать на наиболее существенные ее свойства, признаки, особенности. Такими особенностями могут быть цели управленческой деятельности, ее функции, основные составляющие (элементы), качественные характеристики. Наиболее существенным свойством и отличительной особенностью управленческой деятельности является ее функциональная миссия в отношении управляемых субъектов труда: что она должна обеспечивать в отношении их. Обобщая функциональные направления управленческой деятельности, можно выделить наиболее важные, имеющие высокую степень самостоятельности:

направление и упорядочение деятельности управляемых субъектов с приданием ей необходимого содержания, в том числе ее соответствия нормативным правовым предписаниям (что и как делать, какого результата достичь);

обеспечение высокой работоспособности управляемых, развитие их профессионального потенциала;

обеспечение совершенствования трудовой деятельности управляемых субъектов с включением их самих в этот процесс;

создание условий для продуктивной деятельности работников.

В связи с выделением этих функций можно предложить следующее определение понятия «управление трудовой деятельностью» – деятельность руководителей, обеспечивающая направление, упорядочение и необходимое содержание деятельности подчиненных работников, совершенствование этой деятельности, поддержание высокой работоспособности работников и развитие их профессионального потенциала, создание условий для их продуктивного труда. Предложенное определение выражает понимание управления как процесса, ориентированного не только на продуктивное функционирование организации, но и на совершенствование ее дея-

тельности, а также ее субъектов, т. е. как развивающегося управления, что в реальности является важным и социально необходимым его свойством.

3. Важнейшим вопросом научного обеспечения управления является обоснование системы знаний, полезных для его правильного осуществления (о чем они должны быть), и их наполнение конкретным содержанием. Данная система знаний должна быть оптимально выстроенной, предполагающей выделение их основных сфер определением в каждой из них значимых вопросов и проблем. Опираясь на приведенное выше определение управления, следует акцентировать внимание на деятельности управляющих субъектов в отношении управляемых. В этой деятельности прослеживаются две основные составляющие: руководители должны направлять деятельность подчиненных, придавая ей определенное содержание и обеспечивая ее совершенствование; они же должны обеспечивать состояние высокой работоспособности подчиненных и развитие их профессионального потенциала. Исходя из такого подхода предметом управления как отрасли науки являются принципы, методы и правила моделирования управляющими субъектами деятельности управляемых субъектов, воплощаемого в принятии управленческих решений, и оказание управленческих влияний на управляемых субъектов, обеспечивающих соответствие их деятельности этим решениям, включая обеспечение работоспособности. Сущность управленческого анализа, моделирования для выработки решений кроется в информационных процессах, а также в психологии восприятия управляемой действительности и мыслительной деятельности по выработке решений. Сущность управленческого влияния на подчиненных заключается во влиянии на их психическую деятельность, детерминирующую их трудовую деятельность и профессиональное поведение. В этой связи психологический аспект в системе знаний об управлении является определяющим в сфере управленческих влияний и важным в сфере выработки управленческих решений, где определяющим является кибернетический (информационный) аспект.

4. Теория управления (и ее психологическая составляющая) призвана решать главную практическую задачу – выработать знания, позволяющие осуществлять управление наилучшим образом, что в научных публикациях отмечается как оптимальное управление и эффективное управление. Здесь понимается управление, обеспечивающее наиболее продуктивную деятельность управляемой организации при минимальных издержках времени, человеческих, экономических и материальных ресурсов. Такое управление исходя из двух его главных составляющих требует принятия оптимальных решений и осуществления оптимальных влияний на управляемых субъектов, а также создания благоприятных условий для их деятельности с учетом экономических возможностей. Важным критерием оптимальности управления следует признать и минимизацию ущерба для социально значимых ценностей, в частности для здоровья, морально-психологического состояния, выполнения семейных и родительских функций работниками (экологическое управление). Также критерием оптимальности управления и обращения с работниками является поддержание социальной справедливости и авторитета государственной власти. В современных условиях, характеризующихся быстро изменяющимися запросами и возникающими вызовами, оптимальность управления предполагает развитие содержания, технологии и средств деятельности (прогрессивное управление), а также развитие профессионального потенциала работников и организации в целом (формирующее управление).

Оптимальность в управлении предполагает развитие в управляемой организации самоуправления и самоуправления, которые, в свою очередь, должны быть оптимальными. Соуправление – способствование осуществлению управленческих функций и участие в их осуществлении – и самоуправление – правильная самостоятельная деятельность работников – выражают один из признаков организованности коллектива, что присуще высокому уровню развития его работоспособности. Такому коллективу свойственны многие социально-психологические качества: взаимопомощь, взаимная ответственность, организующие взаимовлияния, самостоятельное принятие напряженных задач и др. При этом уместным является вопрос об оптимальном уровне развития самоуправления: в чем оно может проявляться и до какой степени может доходить в этом проявлении?

5. Оптимальное управление организацией должно основываться на определении того, кто является основным субъектом деятельности, от труда которого зависит в наибольшей мере наиболее значимый результат. Это необходимо для того, чтобы правильно определить миссию

управления в плане ее субъектного предназначения. В ОВД таким субъектом являются сотрудники, непосредственно осуществляющие правоохранительные функции, которые обеспечивают социально значимый результат функционирования ОВД – поддержание правопорядка в соответствующих его сферах. Это означает, что функционирование всей управленческой пирамиды в ОВД должно быть направлено на обеспечение эффективной деятельности этих сотрудников, что предполагает:

совершенствование законодательных основ правоохранительной деятельности, исключающее правовые неопределенности, противоречия и оптимизирующее с точки зрения трудовых затрат осуществление всех составляющих правоохранительной деятельности;

совершенствование функций сотрудников каждой службы ОВД, предусматривающее повышение возможности осуществления именно тех, которые непосредственно обеспечивают укрепление правопорядка, и снижение трудовых затрат на функции второстепенные или сопутствующие реализации главных;

оптимизация организационно-штатной структуры, которая должна обеспечить такой количественный баланс сотрудников различных служб ОВД, при котором обеспечиваются распределение сил на предупреждение и раскрытие противоправных деяний в различных сферах (по линиям различных служб), осуществление иных функций ОВД;

улучшение материально-технического обеспечения деятельности ОВД, которое имеет свои ограничения, обусловленные экономическими возможностями государства;

поддержание высокой работоспособности личного состава правильным осуществлением управленческих и воспитательных влияний;

поддержание высокого уровня соблюдения законности и требований служебной дисциплины.

В реализации принципа направленности системы управления на эффективную деятельность непосредственных субъектов правоохранительной деятельности с максимальным использованием их рабочего времени на выполнение основных функций и его минимизацией на выполнение второстепенных обнаруживается противоречие. Выражается оно в том, что управленческая структура предрасположена обеспечивать интересы собственного функционирования (подготовка справок, отчетов, аналитических материалов, проведение проверок и др.), отвлекая силы и время управляемых субъектов от осуществления правоохранительной деятельности. Из этого следует, что оптимизация управления требует минимизации затрат рабочего времени управляемых сотрудников на обеспечение деятельности управляющей системы.

6. Еще одной важной проблемой является подход к пониманию субъекта управления. Реальность заключается в том, что управляет людьми не один руководитель, а управленческая структура, при которой влияние на работников транслируется от вышестоящих к нижестоящим руководителям и управленческим звеньям. Непосредственное управляющее влияние, направляющее и упорядочивающее деятельность сотрудников, оказывает в большей мере непосредственный руководитель, который должен действовать в рамках требований вышестоящих линейных и функциональных руководителей, а также нормативно установленных функций сотрудников с их правами и обязанностями. В этой связи возникает проблема оптимизации функционирования управленческой пирамиды, в которой имеет значение оптимизация информационной (кибернетической) и психологической составляющих ее функционирования. Важными проблемами является включение всей пирамиды с ее обратными связями, искажениями и взаимодополнениями в создание оптимального управленческого взаимодействия, где значимы интересы, взаимоотношения, взаимовлияния различных управленческих уровней и структур. В этой связи возникает необходимость говорить об управленческом взаимодействии и интеграции, об управлении управленцами с учетом их двойственной статусно-ролевой позиции, включающей сочетание статуса руководителя и подчиненного. В субординированных взаимодействиях субъектов управления есть свои закономерности и механизмы, свои оптимальные модели и деструктивные явления, требующие анализа и преодоления.

7. Важной проблемой теории управления является психология подчиненного, внимание которому уделяется крайне мало, несмотря даже на то, что оптимизация управления, обеспечивающая повышение эффективности трудовой деятельности, как раз и заключается в правильной активизации ее субъекта. Подчиненные сотрудники – это люди, выступающие субъектами этой

деятельности, со своим сложным внутренним миром, в силу которого они определенным образом осуществляют служебную деятельность, реализуют социальные функции, совершают поступки, имеющие значение с точки зрения олицетворения государственной власти. Именно через анализ эффектов управленческой деятельности, проявляющихся во внутреннем мире подчиненных и далее в их профессиональной деятельности, заключается научный путь психологического изучения и объяснения управления. Реализация этого подхода должна затрагивать не только индивидуального управляемого субъекта, но и коллективного, раскрывая социально-психологические эффекты управленческой деятельности, проявляющиеся в служебных коллективах ОВД.

8. Оптимизация управления не может не учитывать особенности профессиональной деятельности сотрудников различных служб ОВД, которая заключается в следующих характеристиках:

индивидуальном или коллективном (взаимозависимом) характере деятельности;

степени насыщенности деятельности новыми задачами и вызовами либо преимущественно выполнении однотипных функций в типичных условиях;

степени самостоятельности планирования и осуществления деятельности с определением задач и способов их решения (действуют преимущественно самостоятельно либо при детальной управляемости);

степени контролируемости деятельности сотрудников;

характере и показателях конечного результата, его объективности и непротиворечивости (например, количество преступлений может оцениваться противоположно: с точки зрения их выявляемости и с точки зрения их предупреждения).

9. Оценка деятельности различных служб ОВД, осуществляемая вышестоящими управленческими структурами, играет ведущую роль в определении руководителями и сотрудниками приоритетов в ее осуществлении и применении стимулирующих влияний. Так, существует оценка деятельности по нескольким критериям:

результатам, выражающимся в показателях правопорядка, как правило в виде снижения/увеличения зарегистрированных противоправных деяний;

объему выполненной работы (количеству проведенных мероприятий, количеству лиц, в отношении которых осуществлены правоохранительные функции);

качеству осуществления деятельности – отсутствию/наличию ошибок, нарушений законности, методической правильности и т. д.;

по своевременности осуществления деятельности в соответствии с процессуальными и плановыми сроками.

Каждый из этих критериев отражает только некоторые стороны деятельности, задавая вектор приложения усилий. Однако всегда требуется комплексная ее оценка, что вызывает существенные затруднения и неоднозначность в применении стимулирующих влияний. При этом необходимо учитывать возможные методы изучения и оценки деятельности. Так, деятельность сотрудников и их подразделений может оцениваться по цифровым показателям, экспертным оценкам, результатам опроса, анализу обращений граждан, наблюдаемым признакам правопорядка, обратной связи в виде оценок управляемыми сотрудниками.

Есть социально значимые результаты деятельности, непосредственно связанные с целями деятельности подразделений ОВД, однако они могут не иметь однозначных и непротиворечивых оценочных показателей. Не имеет общепринятых оценочных показателей и управленческая деятельность руководителей как таковая. Ее обычно оценивают по формально-бюрократическим признакам (планы, отчеты, проведенные организационные мероприятия), по результатам деятельности подчиненных подразделений, по отзывам и жалобам подчиненных сотрудников. Вместе с тем оценка управленческой деятельности должна предусматривать изучение ее наиболее значимых качественных характеристик, преломляющихся в психологии и реальной деятельности подчиненных сотрудников, тенденциях изменений в этих явлениях, что требует научного обоснования.

Таким образом, в рамках статьи рассмотрено ограниченное количество проблемных вопросов и связанные с ними идеи по развитию психологической теории управления как составляющие системообразующей основы общей теории оптимального управления. Обозначенные вопросы могут определять часть проблемного поля научно-исследовательской работы, а также входить в программу знаний в области психологии управления как учебной дисциплины.

Список использованных источников

1. Туманов, Г.А. Теоретические проблемы научной организации управления в органах внутренних дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М. : Акад. МВД СССР, 1974. – 31 с.
2. Четвериков, В.С. Основы управления в органах внутренних дел / В.С. Четвериков, В.В. Четвериков. – М. : Новый Юрист, 1997. – 128 с.
3. Психология управления : учебник / под ред. В.И. Черненилова. – М. : Акад. упр. МВД России, 2011. – 352 с.
4. Леонов, А.П. Научно-методологические основы управления органами внутренних дел : учеб. пособие : в 2 ч. / А.П. Леонов. – Минск : Акад. МВД, 2013.

Дата поступления в редакцию: 26.11.18

A.N. Pastushenya, Doctor of Psychological Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Psychology and Pedagogy of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Honores Educator of the Republic of Belarus

THE PROBLEMATIC ISSUES AND IDEAS FOR THE DEVELOPING PSYCHOLOGICAL THEORY OF MANAGING THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

A subject of psychological management theory is discussed in the article; it outlines the ideas and problematic issues that are important for its paradigm and content structure. In particular, the concept of labor management, its main properties and psychological essence, understanding of the optimal managing the Internal Affairs Bodies and the main purpose of the internal circuit of the management system are considered. Attention is paid to the psychological problem of the controlled subject as an object of managerial influences, as well as to the parameters of law enforcement activities and the criteria for evaluating its results, as significant phenomena in management optimization.

Keywords: managing the Internal Affairs Bodies, a managing and controlled subject, psychological problems of managing.

УДК 159.9:34

В.Г. Стуканов, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, начальник кафедры психологи и педагогики Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: Stukanov1972@gmail.com)

ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Исследуется правовое сознание личности, рассматривается психологическая суть деформации правосознания. Выделяются и обосновываются психологические характеристики деформаций правосознания предкриминогенного, криминогенного и криминального типов.

Характеризуются деформации правового сознания как совокупность психологических свойств, детерминирующих искаженное отражение правовой действительности, отрицательное отношение к правовым предписаниям, законности и правопорядку, а также асоциальную направленность поведения индивида или группы. Обосновывается, что предкриминогенные деформации правосознания характерны для индивида, склонного к законопослушному поведению, а криминогенные деформации, сочетая положительные и отрицательные представления о явлениях правовой действительности, выражаются в наличии отрицательных (противоправных) социально-правовых взглядов, убеждений и ожиданий.

Ключевые слова: правосознание, деформации правосознания, свойства правосознания, правовое воспитание, социально-правовое поведение, отношение к закону.

Одна из приоритетных задач государства сегодня – социальная профилактика правонарушений, предусматривающая устранение причин и условий преступности и правовое воспитание членов общества. Последнее представляет собой процесс формирования правосознания личности, направленный на усвоение личностью системы правовых норм, регулирующих юридически значимое поведение, и формирование готовности к их соблюдению.

Правовоспитательный процесс предполагает, с одной стороны, образование свойств правосознания, обуславливающих нормоправную (правомерную) направленность поведения, укрепление позиции личности на законопослушный образ жизни и активное участие в защите правопорядка. С другой – направлено на устранение (исправление) свойств, образующих деформации правосознания, формирование антикриминальной устойчивости личности и готовности к

правомерному решению жизненных проблем в различных сферах жизнедеятельности. В этой связи эффективность правового воспитания во многом зависит от знания сущности деформаций правосознания личности, выступающих одной из детерминант девиантного (отклоняющегося) и противоправного поведения.

Традиционно в научной литературе выделяют деформации общественного, группового и индивидуального правосознания, которые подразделяются на следующие основные типы: правовой инфантилизм, правовой нигилизм, правовой фетишизм и перерожденное правосознание [1–4]. Вместе с тем данные типы деформаций не в полной мере отражают психологическую сущность деформации личности. Здесь важно изучить правосознание с точки зрения его детерминации социально-правового поведения. В этой связи деформации необходимо рассматривать исходя из сущности правового сознания, системы и содержательных характеристик его свойств, обуславливающих девиантное (асоциальное, противоправное) поведение.

Под правосознанием личности понимается система психологических свойств, относящихся к ее когнитивной и эмоциональной сферам и детерминирующих субъективное отражение правовой действительности и социально-правовое поведение человека [5]. Правосознание вообще охватывает основные сферы юридически значимого поведения человека (обеспечения материальных интересов, взаимодействия с другими людьми и потребления и досуга), а также социальные роли человека, реализация которых регламентирована правом и предусматривает определенные обязанности и запреты (родителя, труженика, свидетеля, водителя, пассажира и т. д.) [5].

Изучая элементы правосознания, детерминирующие социально-правовое поведение, необходимо выделить его свойства, которые играют первоочередную роль в обуславливании нормативного и противоправного поведения человека, его готовности соблюдать требования правовых предписаний либо совершать определенного вида преступления, и определить их психологическую характеристику. В ранее проведенных исследованиях автором было обосновано, что ядро правосознания личности составляют знания правовых предписаний, оценочные отношения к ним, правомерному и противоправному поведению, субъектам такого поведения (законпослушному человеку, преступнику, потерпевшему), правоохраняемым социальным ценностям, органам государственной власти (в том числе органам правопорядка и их деятельности), выполнению гражданского долга по участию в поддержании правопорядка и социально-правовые ожидания [6]. Данные свойства, с одной стороны, – это предмет их образования (формирования), с другой – исправления (устранения).

Деформации правосознания личности выражаются в специфической характеристике его свойств. С учетом содержательной характеристики ядра правосознания выделяются существенные психологические признаки деформаций правового сознания: отсутствие знаний либо неполное знание правовых предписаний; отрицательное (противоречивое) отношение к требованиям закона; негативное восприятие правомерного образа жизни; отрицательное отношение к законопослушным способам удовлетворения потребностей и разрешения жизненных проблем; убежденность в том, что большинство людей неуважительно относятся к закону и отклоняются от соблюдения требований правовых предписаний, что абсолютное большинство людей совершают либо могут совершить преступления; личностное принятие преступного образа жизни, положительное восприятие правонарушителя; идентификация себя с личностью преступника определенного типа; готовность удовлетворять потребности и решать жизненные проблемы противоправными способами; негативное отношение к органам правопорядка, их деятельности, личности правоохранителя; убежденность в возможности избежать ответственности за совершенное злодеяние; социальная неподготовленность личности (отсутствие необходимых профессиональных, социально значимых умений и навыков), несформированность социально одобряемых личностных норм и принципов поведения и т. д.).

Таким образом, под деформациями правового сознания понимаются совокупность психологических свойств, детерминирующих искаженное отражение правовой действительности, отрицательное отношение к правовым предписаниям, законности и правопорядку, а также асоциальная направленность поведения индивида или группы.

В зависимости от степени выраженности, представленности свойств, обуславливающих асоциальное поведение, деформации правосознания можно типологизировать на предкриминальные, криминальные и криминальные (см. таблицу).

Содержательная характеристика деформаций правосознания

Ядро правосознания личности	Деформации правосознания		
	предкриминогенные	криминогенные	криминальные
Знание правовых предписаний	+	+/-	+; +/-; -
Отношение к закону, правовым предписаниям	+	+/-	-
Знание конкретных и реальных представлений о правомерных способах удовлетворения потребностей и решения жизненных проблем	+/-	+/-	+/-; -
Отношение к правомерным способам удовлетворения потребностей	+	+/-	-
Отношение к преступным способам удовлетворения потребностей	-	+/-	+
Отношение к правопослушному поведению	+	+/-	-
Отношение к противоправному поведению	-	+/-	+
Отношение к законопослушному человеку	+	+/-	-
Отношение к преступнику	-	+/-	+
Отношение к правоохраняемым социальным ценностям	+	+; +/-	-; +/-
Социально-правовые ожидания	+	+; +/-	-; +/-
Отношение к органам правопорядка	+	+/-	-
Отношение к выполнению гражданского долга по участию в поддержании правопорядка	+/-	+/-	-

«+» – положительное отношение (знает);

«-» – отрицательное отношение (не знает);

«+/-» – противоречивое отношение (неполное (фрагментарное) знание)

Так, носитель предкриминогенных деформаций правосознания отличается преобладанием правопослушной направленности поведения, правомерных взглядов, убеждений и ожиданий, личной неприемлемостью противоправного способа удовлетворения потребностей, интересов и притязаний, достаточным уровнем знаний правовых предписаний и запретов, необходимых для того, чтобы умышленно не нарушать закон, однозначно уважительным отношением к закону. К психологическим признакам предкриминогенных деформаций правосознания относятся:

отсутствие конкретных и реальных представлений о правомерных способах удовлетворения потребностей в сферах материального обеспечения жизни; взаимодействия с окружающими (разрешения конфликтных ситуаций), обеспечения собственных прав и интересов, прав и интересов других людей; развлечения и досуга (проведения свободного времени);

несоответствие правомерных жизненных притязаний объективным и субъективным возможностям субъекта. Часто индивид ставит перед собой завышенные жизненные цели, не подкрепленные необходимыми личностными качествами. Деформации правосознания данного типа могут быть обусловлены завышенными (гипертрофированными) потребностями;

отсутствие безусловной готовности оказывать помощь органам государственной власти в поддержании правопорядка в обществе. Это проявляется, например, в демонстрации индивидом готовности принять участие в расследовании преступления в качестве свидетеля только при определенных условиях – материальном вознаграждении, предоставлении отгула, налоговых льгот и т. д.

Наличие у индивида указанных проявлений предкриминогенных деформаций правосознания свидетельствует о его недостаточной антикриминальной устойчивости, что является одним из существенных условий возможности вовлечения в противоправную деятельность.

Носитель криминогенных деформаций правосознания сочетает положительные и отрицательные представления о явлениях правовой действительности, а также признаки девиантного (в том числе противоправного) поведения. К психологическим признакам криминогенных деформаций правосознания относятся:

недостаточный (пробельный, фрагментарный) уровень знаний правовых норм и запретов, необходимых индивиду для реализации собственных основных прав и обязанностей; отсут-

ствие понятных и конкретных представлений об уголовной или административной ответственности за те или иные правонарушения, что может способствовать совершению неумышленных и умышленных правонарушений;

двойственное отношение к закону: уважительное отношение к закону и убежденность в том, что отдельные правовые требования не являются справедливыми и обязательными для исполнения (например, оплачивать проезд в общественном транспорте);

незнание правомерных способов удовлетворения потребностей, решения жизненных проблем, обеспечения собственных прав и интересов. Криминогенные деформации правосознания выражаются в представлениях о сложности и проблемности правомерных способов, требующих больших усилий и затрат по сравнению с противоправными;

отрицательное отношение к отдельным сторонам правопослушного образа жизни (например, добросовестный труд), эгоистичное, потребительское отношение к окружающим;

положительное (оправдательное) отношение к отдельным сторонам преступного образа жизни, отдельным преступлениям;

представления о том, что значительная часть преступников избегает ответственности (либо это достаточно легко сделать, совершив правонарушение). Данный признак криминогенных деформаций свидетельствует о неверии в неотвратимость наказания;

неаргументированное отрицательное отношение к правоохранительным органам; нежелание оказывать им помощь в поддержании правопорядка в обществе.

Носитель криминальных деформации правосознания – это индивид с отрицательными социально-правовыми взглядами, убеждениями и ожиданиями, имеющий склонности к совершению правонарушений. К психологическим признакам криминальных деформаций правосознания относятся:

отрицательное отношение к закону. Правовые требования воспринимаются как вредные и ненужные для людей (данное отношение наиболее выражено, например, в среде лиц, исповедующих экстремистские, анархические взгляды, «воровские законы»). Правовая система государства, нравственно-правовые нормы и требования общества воспринимаются как несправедливые, защищающие только власть, а не человека, не обязательные для исполнения;

значительная часть людей воспринимается индивидом как неуважительно относящаяся к закону, уклоняющаяся от соблюдения требований правовых предписаний («Все чиновники воры!»);

неуважительное (отрицательное) отношение к правомерным способам удовлетворения материальных потребностей, решения жизненных проблем, межличностных конфликтов, обеспечения собственных прав и интересов; представления о невозможности законно удовлетворять потребности, интересы и притязания. Правопослушный образ жизни воспринимается как неприемлемый, невыгодный, неправильный;

противоправное поведение воспринимается как нормальное, индивиду характерно выражение положительного отношения к преступному образу жизни;

принятие и культивирование норм и обычаев криминальной субкультуры. Так, криминальные деформации правосознания проявляются в положительном отношении к лицам, ведущим преступный образ жизни, в стремлении завоевать криминальный авторитет, оправдательном отношении к большинству преступлений. Преступник наделяется положительными волевыми и моральными качествами, его судьба преподносится как достойная уважения. В таких неформальных группировках широко распространены криминальные песни, жаргон, татуировки, прозвища. Центральной характеристикой криминальных деформаций (дефектов) правосознания выступает наличие у индивида личностной приемлемости преступных способов удовлетворения определенных потребностей либо разрешения жизненных проблем [5].

Таким образом, знание содержания правосознания, его деформаций необходимо для постановки дифференцированных психолого-педагогических задач правового воспитания. Так, в отношении личности, сформированной в духе законопослушного поведения (предкриминогенные деформации), задачи должны быть направлены на укрепление позиции на правопослушный образ жизни, на активное участие в защите правопорядка, конкретизацию правомерных способов удовлетворения потребностей и интересов. В отношении лиц, отличающихся криминогенными и криминальными деформациями правосознания, задачи должны быть направлены на устранение свойств, их образующих (исправительный аспект), и на образование свойств, детерми-

нирующих правомерную ориентацию поведения, антикриминальную устойчивость личности, готовность к правомерному решению жизненных проблем в различных сферах жизнедеятельности (формирующий аспект).

Список использованных источников

1. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский. – 2-е изд. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2014. – 479 с.
2. Гулевич, О.А. Правосознание и правовая социализация. Аналитический обзор : учеб. пособие / О.А. Гулевич, Е.О. Голыничик. – М. : Междунар. о-во им. Л.С. Выготского, 2003. – 270 с.
3. Еникеев, М.И. Общая и юридическая психология : учеб. для вузов / М.И. Еникеев. – М. : Юристъ, 1996. – 631 с.
4. Погребная, Ю.К. Кризис современного российского правосознания / Ю.К. Погребная. – М. : Альфа-М, 2013. – 192 с.
5. Пастушеня, А.Н. Психологическая характеристика индивидуального и общественного правосознания: структурно-содержательный аспект [Электронный ресурс] / А.Н. Пастушеня // Психология и право. – 2012. – № 1. – Режим доступа: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n1/50322.shtml>. – Дата доступа: 18.10.2018.
6. Стуканов, В.Г. Информационно-педагогическая система формирования правосознания личности / В.Г. Стуканов. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2016. – 279 с.

Дата поступления в редакцию: 24.09.18

V.G. Stukanov, Doctor of Education, Candidate of Psychological Science, Associate Professor of the Chair of Psychology and Pedagogics of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

PSYCHOLOGICAL APPROACH TO RESEARCH OF THE DEFORMATIONS OF THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF PERSONALITY

The object of the study is the legal consciousness of the individual, and his subject is the deformation of the sense of justice. The result of the theoretical analysis is the isolation and justification of the psychological characteristics of the deformations of the sense of justice of the pre-criminogenic, criminogenic and criminal types.

Deformations of legal consciousness are a combination of psychological properties that determine the distorted reflection of legal reality, a negative attitude to legal prescriptions, the rule of law and the rule of law, as well as the antisocial orientation of the behavior of an individual or group. The carrier of pre-criminogenic deformations of sense of justice is distinguished by the prevalence of the right-minded orientation of behavior. The carrier of criminogenic deformations of sense of justice combines positive and negative ideas about the phenomena of legal reality. Criminal deformations of sense of justice are expressed in the presence of negative social and legal views, beliefs and expectations.

Keywords: legal consciousness of personality, deformation of the sense of justice, the features of legal awareness, legal education, social and legal behavior, attitude to the law.

УДК 159.9:34

*С.А. Стульба, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры белорусского и иностранных языков Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: лана2205@tut.by)*

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматривается проблема стресса в целом, а также особенности профессионального стресса применительно к управленческой деятельности руководителей органов внутренних дел. Анализируются основные стресс-факторы и описываются их особенности. Изучены основные причины, способствующие возникновению стрессовых состояний личности. Акцентируется внимание на необходимости формирования соответствующего профессии копинг-поведения, позволяющего во всех случаях адекватно реагировать на стрессовое раздражение.

Ключевые слова: профессиональный стресс, руководитель органов внутренних дел, стресс-факторы, управленческая деятельность, копинг-поведение

В последние годы все больше внимания уделяется изучению проблемы влияния специфики профессиональной деятельности на состояние здоровья специалистов, работа которых тесно связана с интенсивным и эмоционально напряженным взаимодействием с людьми. У них наиболее часто наблюдаются разнообразные психические и физиологические реакции на достаточно широкий круг ситуаций в трудовой деятельности, являющихся следствием профессионального стресса.

Человек, сталкиваясь с какой-либо сложностью, не может полноценно реализовать вызванную физиологическим механизмом стресса энергию, копившуюся длительное время, и тогда эта энергия начинает разрушать его самого. В итоге растет психическое, эмоциональное напряжение, связанное со стрессом на рабочем месте.

Впервые понятие «стресс» было введено Г. Селье в 1936 г. Феномен неспецифической реакции организма в ответ на разнообразные повреждающие воздействия ученый назвал адаптационным синдромом или стрессом [1]. С конца 60-х гг. XX в. понятие «стресс» стало широко применяться в исследованиях, направленных на изучение особенностей профессиональной деятельности разных специалистов. В прикладных исследованиях появились термины «профессиональный стресс», «рабочий стресс», «трудовой стресс», «производственный стресс», «индустриальный стресс», «организационный стресс».

Социальная и экономическая «цена» профессионального стресса очень высока. По этой причине в последние годы значительно возрос интерес к вопросам, связанным со стрессом и механизмами формирования стрессоустойчивости человека в различных профессиях (В.А. Абабков, В.А. Винокур, Е.А. Климов, А.Б. Леонова, А.К. Маркова, А.И. Папкин, В.Ю. Рыбников, А.М. Столяренко и др.).

Существование различных подходов к изучению профессионального стресса показывает многоплановый характер этого явления. Работы в области исследования профессионального стресса в целом имеют эмпирическую направленность и представляют собой описание разнообразных факторов, обуславливающих развитие стресса, способов и механизмов адаптации человека к условиям рабочей ситуации, набора диагностических методик и оптимизационных процедур.

На определенных стадиях своего развития стресс становится опасным для здоровья и деятельности: иногда в самом начале, когда сила экстремального воздействия явно превышает индивидуальные ресурсы, и главным образом на последней фазе, т. е. на стадии истощения, когда несмотря на длительную мобилизацию внутренних сил устранить влияние стресс-фактора не удается. В этой связи можно говорить о двух формах стресса: продуктивном и деструктивном. Продуктивный, или эустресс (eustress), позволяет не только справиться с затруднением, но и накопить полезный опыт по преодолению сходных «трудных» ситуаций. Деструктивный, или дистресс (distress), разрушает поведение, является источником многочисленных неприятных переживаний и болезней [2]. Бороться с его проявлениями не только бесперспективно, но и вредно. Дистресс нужно стараться предотвратить или, если человек уже оказался в состоянии дистресса, его необходимо лечить.

Длительный стресс оказывает сильное воздействие на человека и даже может вызывать различные заболевания. Наиболее глубокими деструктивными изменениями в личности являются: психическое истощение, десоциализация, специфичные формы профессионально-личностных деформаций. Вследствие этого особо остро встает проблема преодоления личностью негативных воздействий профессиональной среды для сохранения психического здоровья и эффективного решения профессиональных задач [3].

Любая профессиональная деятельность предъявляет к человеку определенные требования и накладывает своеобразный отпечаток на его личность и образ жизни. Для ряда профессий фактор стресса является сопутствующим, связан с переживанием психической напряженности в силу высочайшей ответственности за принимаемые решения. Анализ различных профессий привел к выводу о том, что в условиях современной действительности одной из наиболее сложных, предъявляющих повышенные требования к ресурсам личности является профессия руководителя. Профессиональная деятельность руководителей ОВД не является исключением. Данная деятельность характеризуется высокой стрессогенностью, определяя повышенные требования к их социально-психологическому и психофизиологическому статусу.

Руководитель планирует, организует, мотивирует и контролирует подчиненных, несет ответственность за положение дел. В этой связи управленческая деятельность представляет собой гораздо более сложный, насыщенный различными неопределенными ситуациями, спрессованный во времени процесс, чем узкоспециализированная деятельность специалиста правоохранительной деятельности.

Экстремальные ситуации, возникающие в процессе служебной деятельности, заставляют принимать руководителей ОВД ответственные решения в условиях действия стрессогенных факторов: дефицита времени, недостатка информации, опасности, повышенной ответственности за жизнь и здоровье граждан, сотрудников и др. Принимая во внимание тот факт, что выработка и принятие решений выступают в качестве центральной составляющей управленческой деятельности, можно сделать вывод о том, что руководители находятся в состоянии постоянного стресса.

С учетом перечисленного важно подчеркнуть, что разнообразие функций, структурных и интерактивных компонентов деятельности требует от руководителей ОВД тщательной организации своей собственной деятельности. Руководителям ОВД приходится параллельно включаться в решение многих задач подразделения, выполняемых одновременно и разными сотрудниками. В один и тот же период времени решение одних задач может находиться на этапе постановки, других – поиска и принятия решений, третьих – планирования, четвертых – координации реализации решений, пятых – контроля промежуточных результатов.

Таким образом, психологический анализ профессиональной деятельности руководителей ОВД и их основных служебных функций с учетом специфики правоохранительной деятельности позволил выделить ряд ее особенностей, среди которых наиболее важными являются следующие:

многоплановый и эвристический характер решаемых служебных задач, реализующих деятельность по охране и поддержанию правопорядка в обществе;

высокий уровень вариативности, нестандартности, а часто экстремальности ситуаций, возникающих в процессе служебной деятельности в условиях дефицита времени;

выраженная организаторская и коммуникативная направленность деятельности с большим числом коммуникативных контактов, связанных с установлением взаимодействия, организацией служебной деятельности;

индивидуальный характер деятельности с достаточно высокой ответственностью и социальной значимостью.

Исходя из проведенного анализа управленческой деятельности в правоохранительных органах, необходимо отметить, что вся деятельность руководителя ОВД как профессионала-управленца сопряжена со стрессом различной этимологии.

Профессиональная деятельность руководителей ОВД по большей части протекает в условиях крайнего нервно-эмоционального напряжения. Характер, частота и выраженность отрицательных проявлений во многом зависят от силы (интенсивности) испытываемого нервно-эмоционального напряжения и подготовленности к его преодолению [4].

Таким образом, руководитель ОВД включен в разнообразные виды деятельности и имеет невероятное количество функций и зон ответственности. Он решает колоссальное количество самых разных профессиональных задач, вынужден работать с большими потоками информации, часто – в условиях функциональной и ролевой неопределенности при дефиците времени, принимает высокоответственные решения, осуществляет руководство и координацию работы своих подчиненных, работает в условиях экономических рисков.

С целью оптимизации профессиональной деятельности руководителя, сохранения его физического и психического здоровья важными становятся исследование актуальных стрессоров в профессиональной деятельности и поиск личностных ресурсов, позволяющих эффективно справляться с ними. Результаты такого исследования могут послужить основой для разработки практических рекомендаций для построения личностно-ориентированных программ управления стрессами в профессиональной деятельности.

Любая профессиональная деятельность сопровождается многочисленными стресс-факторами, разнообразными по типу и содержанию. Исходя из анализа управленческой деятельности руководителей ОВД можно выделить в их профессиональном стрессе общие и специфические стрессоры. Под термином «стрессор» понимается чрезвычайный или патологический раздражитель, значительное по силе и продолжительности неблагоприятное воздействие, вызывающий стресс.

К общим стрессорам управленческой деятельности руководителей ОВД можно отнести следующие: большой объем работы, связанные с ним перегрузки, постоянное переключение с одного вида деятельности на другой; повышенная ответственность за качество работы подчиненных и деятельность организации в целом; необходимость принимать решения при недостатке необходимой служебной информации; высокие требования к безошибочности принимаемых решений; необходимость принятия решений в непредвиденных, экстремальных ситуациях; нарушение режима рабочего времени (работа в сверхурочные и неудобные часы) [4].

Специфические стрессоры присущи не столько самой деятельности, сколько способу, с помощью которого осуществляется управленческая деятельность руководителей ОВД. К специфическим стрессорам, воздействующим на руководителей ОВД, можно отнести следующие: нечеткие служебные обязанности; необходимость принимать слишком много ответственных решений; особенности взаимодействия с вышестоящим руководством; особенности взаимодействия с коллегами по горизонтали; перспектива ухода, в том числе преждевременного, на пенсию [4].

Проанализировав специфику профессиональной деятельности руководителей ОВД, можно выделить большое количество общих и специфических стрессоров, способных держать руководителей в постоянном стресс-напряженном состоянии, приводящем к целому ряду негативных последствий и в конечном итоге существенно снижающих эффективность их управленческой деятельности. По этой причине успех деятельности правоохранительных органов во многом зависит от умения руководителей ОВД планировать свое рабочее время, их способности установления приоритета задач, правильного распределения усилий. Неумение справляться со стрессом, управлять своим поведением в сложных и напряженных ситуациях снижает успешность и качество выполнения должностных обязанностей, при этом также требуются дополнительные усилия для поддержания оптимального психофизиологического уровня. Перечисленное в результате приводит к следующим последствиям: повышению текучести кадров, снижению удовлетворенности трудом, деформации личностных и характерологических качеств [5].

Различные негативные проявления (психосоматические заболевания, межличностные конфликты, дезадаптивные типы поведения, посттравматические стрессовые расстройства, агрессивность) прямо или косвенно связаны с несформированностью адаптивного копинг-поведения у руководителей ОВД, использованием ими неадекватных или дезадаптивных копинг-стратегий и «слабостью» личностно-средовых копинг-ресурсов [6].

Есть основания полагать, что за определенный период профессиональной деятельности руководители ОВД формируют новое, особое (соответствующее профессиональной деятельности) копинг-поведение, позволяющее эффективно бороться со стрессом в повседневной и экстремальной деятельности независимо от характера и силы стрессора и адекватно реагировать на многочисленные стрессовые воздействия профессиональной деятельности.

Для формирования этого особого копинг-поведения руководителей ОВД, как показателя его профессионализма, необходим теоретически обоснованный подход и практическая программа поэтапного обучения адаптивному копинг-поведению и умению противодействовать негативным влияниям стресс-факторов в различных повседневных, стандартных и нестандартных, экстремальных ситуациях, профессиональной деятельности.

Итак, психопрофилактика профессионального стресса предполагает обучение эффективным навыкам преодоления стресса и оказания поддержки, формирование эффективного личностного и социального копинг-ресурса на всех уровнях профилактической работы, включая формирование потребности к постоянному саморазвитию и личностному росту. В современных условиях эта способность является одной из составляющих профессионализма и в условиях реформирования является важной при отборе кадров в резерв на выдвижение или при назначении на руководящую должность.

Список использованных источников

1. Водопьянова, Н.Е. Психодиагностика стресса / Н.Е. Водопьянова. – СПб. : Питер, 2009. – 336 с.
2. Управленческая деятельность: структура, функции, навыки персонала / К.Д. Скрипник [и др.]. – М. : Приор, 2000. – 188 с.

3. Безносов, С.П. Профессиональная деформация личности / С.П. Безносов. – СПб. : Речь, 2010. – 272 с.
4. Бодров, В.А. Психология профессиональной деятельности / В.А. Бодров. – М. : ПЕРСЭ, 2009. – 511 с.
5. Бабкина, Н.А. Устойчивость сотрудника ОВД в сложных профессиональных ситуациях / Н.А. Бабкина // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2007. – № 4. – С. 56–57.
6. Рыбников, В.Ю. Психологические механизмы копинг-поведения специалистов экстремальных профессий / В.Ю. Рыбников, Е.Н. Ашанина // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2009. – № 2. – С. 46–50.

Дата поступления в редакцию: 23.10.18

S.A. Stulba, *Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Belorussian and Foreign Languages of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PROFESSIONAL STRESS IN THE MANAGEMENT ACTIVITY OF THE HEADS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

The problem of stress in general, as well as the features of professional stress with regard to the management activity of the Heads of the Internal Affairs Bodies, is considered. The main stress factors are analyzed and their features are described. The main reasons, contributing to occurrence of stressful states of the individual, are studied. Attention is focused on the need to form an appropriate coping-behavior to the profession that allows responding adequately to stressful irritation in all cases.

Keywords: professional stress, Head of Internal Affairs Bodies, stress-factors, management activity, coping-behavior.

УДК 005.582.1

А.А. Урбанович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: ural_55@rambler.ru)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЕТОДАХ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОДЧИНЕННЫХ КАК ЭЛЕМЕНТЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РУКОВОДИТЕЛЯ

Рассматриваются представления руководителей о методах воздействия на подчиненных. Основное внимание уделяется результатам опроса, выявившего представления руководителей о правильных (приемлемых) и неправильных (неприемлемых) методах воздействия на подчиненных. Описывается суть «феномена вынужденной приемлемости»: рассогласование между методами, которые руководитель считает правильными и реально используемыми под воздействием особенностей восприятия складывающейся ситуации.

Ключевые слова: индивидуальная управленческая концепция, образ явления, представления, методы воздействия, феномен вынужденной приемлемости.

Осуществляя управленческую деятельность, руководитель опирается на складывающуюся у него индивидуальную управленческую концепцию (ИУК). К числу важнейших позиций, включенных в ИУК, следует отнести представления о себе как субъекте управленческой деятельности и необходимом самоизменении; о субъективно важных целях и содержании своей управленческой деятельности; об условиях своей управленческой деятельности и необходимой адаптации к ним; об объекте управленческой деятельности (подчиненных) и характере взаимодействия с ним, способах воздействия на него и др. Особо значимое место в концепции отведено представлениям о методах воздействия на подчиненных.

По мнению А.Н. Пастушени, целостный образ некоторого явления (в том числе и управленческой деятельности), получаемый как интериоризированный результат психического отражения, можно рассматривать как системную совокупность представлений личности об отдельных сторонах и свойствах этого явления. По своему содержанию представление может проявляться в различных видах и аспектах: как знания, взгляды и убеждения, мнения, понимания, верования, ожидания, надежды, опасения и т. д. [1, с. 42]. Таким образом, данный подход к представлению не равнозначен традиционному для психологии значению, где оно выступает звеном в переходе от восприятия к мышлению, от ощущения к мысли [2, с. 162; 3, с. 273]. Обозначенный подход созвучен теории социальных представлений С. Московиси, называющего представления формой познания социальной

действительности, объяснением смысловых связей человека с миром [4, с. 207]. По нашему мнению, представление в таком понимании интегрирует значительное число феноменов психического склада индивида и приобретает в определенном смысле универсальный характер. Иными словами, данный подход видится наиболее адекватным цели и задачам исследования феномена ИУК.

Говоря в целом о значении представлений в деятельности руководителя, следует подчеркнуть, что на уровне представлений у него появляется возможность мысленно оперировать с объектом независимо от фона: происходит выход за пределы наличной (актуальной) ситуации. Этот уровень формирует мысленное оперирование представлениями при помощи анализа, синтеза, дедукции, индукции, абстрагирования, комбинации, рекомбинации и т. д. [5, с. 12]. Становление ИУК происходит путем мыслительной обработки результатов собственного включения в управленческую деятельность (в качестве подчиненного, руководителя, при реализации разнообразных управленческих задач, при заявлении окружающим своей лидерской роли и т. д.). Образ ИУК на уровне представлений интегрирует различные варианты отражения многообразных сторон, связей и отношений действительности. Таким образом, без тех или иных представлений о сути и особенностях своей управленческой деятельности управления как системного процесса не существует.

Очень важны в ИУК руководителя представления о методах управленческой деятельности. Речь идет о совокупности приемов и способов воздействия на управленческий объект для достижения поставленных целей [6, с. 107]. С их помощью руководители воздействуют на управляемые объекты для преобразования их из исходного состояния в желательное. Обычно выделяют организационно-административные, социально-экономические и морально-психологические методы [7, с. 24]. На наш взгляд, разделение методов управления на три указанные группы – процесс условный. Как правило, на практике различные методы и их сочетания действуют одновременно. При этом психологическими аспектами совместной деятельности в организации буквально пронизаны методы двух первых групп. Именно по обозначенной причине трудно найти «непсихологический» метод управления, так как в этом процессе участвуют субъекты, наделенные сознанием и индивидуально-психологическими качествами.

В рамках нашего исследования был проведен опрос руководителей ОВД (240 чел.), средний возраст которых составил 37 лет, средняя продолжительность службы в ОВД – 17 лет, средняя продолжительность работы в качестве руководителя в системе органов внутренних дел – 5 лет. Участникам опроса было предложено ответить на вопросы специально подготовленной анкеты, раскрывающей их представления об эффективном руководителе в системе ОВД. Ответы на ряд вопросов анкеты позволили выявить представления опрошенных о правильных (приемлемых) и неправильных (неприемлемых) методах воздействия на подчиненных. Большинство при ответе указывали несколько позиций. После опроса с частью опрошенных проводилось интервью для уточнения ряда ответов, в частности – развернутых интерпретаций¹.

Полученные ответы руководителей позволили обобщить их опыт и выявить ключевые тенденции рассматриваемого сложного процесса. Так, достаточно важны в ИУК руководителя его представления о наиболее правильных (приемлемых) методах управленческой деятельности (в общей сложности – 44), которые можно условно разделить на три группы:

1-я группа: позволяющие выстраивать отношения с подчиненными (11 объединенных позиций, 57,4 % всех ответов на данный вопрос);

2-я группа: обеспечивающие организацию управленческого процесса (18 объединенных позиций, 31,8 % всех ответов на данный вопрос);

3-я группа: опирающиеся на определенные личностные качества руководителя (15 объединенных позиций, 10,8 % всех ответов на данный вопрос).

Методы первой группы – мотивация и стимулирование сотрудников (34,4 % ответов), их убеждение (18,8 %), требовательность, спрос и контроль (17,4 %), принуждение и наказание (13,7 %). Значительная часть опрошенных указали на то, что меры убеждения и принуждения, поощрения и наказания должны использоваться в комплексе.

Методы второй группы – организация процесса, эффективные управленческие решения, грамотная и конкретная постановка задач, плановость в работе (38,4 % ответов по этой группе), личный пример отношения к делу руководителя (31,3 %), создание системы управления и ко-

¹ Наиболее яркие ответы респондентов, подтверждающие ту или иную позицию, будут приводиться в кавычках.

манды единомышленников (12,4 %), постоянная забота о создании условий для деятельности подчиненных («сначала обеспечить, а потом спроси»), использование опыта других руководителей, подбор и расстановка кадров («управление есть искусство нахождения того, кто лучше других справится с поставленной задачей»).

По мнению респондентов, на формирование ряда методов управленческой деятельности оказывают серьезное влияние такие личностные качества руководителя, как справедливость, принципиальность, целеустремленность и настойчивость («вера в Дело, которому служишь»), стремление к успеху, последовательность, профессионализм и компетентность, поведенческая гибкость и т. д.

Определенный интерес представляет анализ неправильных (неприемлемых) методов управленческой деятельности, отмеченных респондентами. Часть из них указали, что не допускают даже мысли об использовании неправильных (неприемлемых) методов. Так, один из опрошенных написал, что данные методы «незаконны и недопустимы по своей аморальной сути». Некоторые давали абстрактные ответы – «отрицательные», «не приводящие к успеху», «выходящие за рамки положенного», «те, которые запрещены законом» и т. п. Один респондент обозначил данные методы в афористической форме: «Так делают все!», «Так было всегда!», «Причем здесь я?». Пять затруднились ответить на вопрос.

В свою очередь, данные методы управленческой деятельности также можно условно разделить также на три группы:

1) методы, основанные на сложных отношениях с подчиненными (6 объединенных позиций – 24,6 % опрошенных). В данном случае респонденты указали на субъективизм, предвзятое отношение, мелочные придирки, запугивание (27,5 % ответов по этой группе), абсолютизацию возможностей метода принуждения, неадекватность наказания проступку и т. д. (25,2 %), бездушие, черствость к подчиненным, нежелание их понять и защитить (17,2 %), отрицательные методы «работы» со служебным коллективом (нагнетание отрицательных эмоций по принципу «Все плохо!», интриги, шантаж и т. д.) (16 %);

2) методы, затрудняющие организацию процесса управленческой деятельности (12–18,4 %). Здесь были названы следующие: достижение целей любой ценой (58,4 % ответов по этой группе), абстрактная постановка задач («Сделай, а как – это твои проблемы!»), отдача заведомо невыполнимых команд (15,3 %) и т. д. Примечательно, что к авралам и штурмовщине респонденты относятся сдержаннее, нежели к «безбрежной демократии» и излишнему либерализму (3 % ответов против 7 %), т. е. на мнение респондентов предположительно повлияли представления о правоохранительной деятельности, экстремальной по своей сути, требующей напряжения и самоотдачи в каждый данный момент профессиональной деятельности;

3) методы, опирающиеся на определенные личностные качества руководителя (8–57 %).

По мнению респондентов, неправильные (неприемлемые) методы управленческой деятельности индуцируются при опоре на такие личностные качества, как высокомерие, грубость, хамство и т. д. (28,7 % ответов по этой группе), склонность ко лжи, обману, неискренности (12,4 % ответов по этой группе), несправедливость («наказание невиновных, поощрение непричастных») (8,9 % ответов по этой группе), управленческая трусость, беспринципность, отсутствие собственной позиции (6,9 % ответов по этой группе), корыстные мотивы службы и т. д.

Таким образом, по мнению респондентов, правильные (приемлемые) методы управления влияют в первую очередь на выстраивание гармоничных отношений с подчиненными; неправильные (неприемлемые) базируются на определенных личностных качествах руководителя.

Последующее после анкетирования интервью выявило «феномен вынужденной приемлемости», заключающийся в рассогласовании между методами, которые руководитель считает правильными и теми, которые реально использует под воздействием особенностей восприятия складывающейся ситуации. Опрос показал, что неприемлемость тех или иных средств допускает их использование в своей управленческой деятельности. Отдельные респонденты оговаривали, что при некоторых условиях возможно эпизодическое использование неправильных (неприемлемых) методов («средства могут быть правильными или неправильными, в зависимости от конкретной ситуации»; «неприемлемые средства плохи, но в ряде случаев действенны» и др.). Среди условий назывались важность выполняемой задачи, дефицит времени, в ходе решения задач «что-то пошло не так» и др. Таким образом, часть руководителей пребывает в ситуации

определенного смыслового диссонанса, когда ряд деятельностных параметров управления («считаю правильным», «хочу» и «реально делаю») находятся в некоторой дисгармонии.

Проведенное исследование позволяет предположить, что изложенные респондентами методы взяты из своего жизненного и управленческого опыта. Серьезными задачами процесса формирования ИУК выступают ориентация руководителей относительно предпочтительных методов управленческой деятельности, формирование готовности к их реализации, формирование таких личностных качеств, как принципиальность, стремление к успеху, последовательность, поведенческая гибкость и т. д.

Список использованных источников

1. Пастушеня, А.Н. Индивидуальная профессиональная концепция специалиста: структурно-функциональная и содержательная характеристика / А.Н. Пастушеня // Психол. журн. – 2007. – № 3. – С. 38–48.
2. Вайнштейн, Л.А. Психология восприятия / Л.А. Вайнштейн. – Минск : Тесей, 2007. – 224 с.
3. Краткий психологический словарь / ред.-сост. Л.А. Карпенко ; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., расш., испр. и доп. – Ростов н/Д : Феникс, 1998. – 512 с.
4. Андреева, Г.М. Психология социального познания : учеб. пособие / Г.М. Андреева. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 288 с.
5. Завалова, Н.Д. Образ в системе психической регуляции деятельности / Н.Д. Завалова, Б.Ф. Ломов, В.А. Пономаренко. – М. : Наука, 1986. – 111 с.
6. Самыгин, С.А. Менеджмент персонала / С.А. Самыгин, Л.Д. Столяренко. – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – 480 с.
7. Основы менеджмента: учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений и слушателей системы переподготовки / Э.М. Гайнутдинов [и др.] ; под ред. Э.М. Гайнутдинова. – Минск : БНТУ, 2014. – 256 с.

Дата поступления в редакцию: 14.11.18

A.A. Urbanovich, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Professor of Department of Psychology and Pedagogy of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

UNDERSTANDING OF METHODS OF INFLUENCE ON SUBORDINATES AS AN ELEMENT OF INDIVIDUAL MANAGERIAL CONCEPTS OF THE HEAD

The article considers the views of managers on the methods of influence on subordinates. Focuses on the results of a survey revealing the views of leaders on the right (acceptable) and wrong (unacceptable) methods of influencing subordinates. The essence of the “phenomenon of forced acceptability” is revealed, which consists in the mismatch between the methods that the Manager considers correct and those that are actually used under the influence of the perception of the current situation.

Keywords: individual management concept, the image of the phenomenon, representation, methods of influence, the phenomenon of forced acceptability.

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

УДК 343

И.И. Басецкий, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, главный редактор журнала «Вестник Академии МВД Республики Беларусь»

О ВОЗМОЖНОСТЯХ СБЛИЖЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Рассматриваются положения гл. 30, включенные в УПК Республики Казахстан вкуче с предложениями о роли оперативных подразделений и их должностных лиц в ходе реализации уголовно-процессуальной функции уголовного преследования.

Ключевые слова: оперативно-розыскное, уголовно-процессуальное законодательство, оперативно-розыскные мероприятия, негласные следственные действия.

С возвращением оперативно-розыскной деятельности в научную специальность 12.00.09 (уголовный процесс; криминалистика; судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность) представляется возможным сближение оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательств.

Предположения специалистов системы сыска Республики Беларусь о возможности сближения законодательства¹ стали реальностью в Республике Казахстан, законодатели которой внесли по предложению ученых Академии МВД Казахстана в действующий отечественный Уголовно-процессуальный кодекс гл. 30 «Негласные следственные действия».

Так, в ст. 231 УПК Республики Беларусь определены следующие виды негласных следственных действий, допустимых к применению в уголовном процессе:

негласный видеоконтроль и (или) видеоконтроль лица или места;

негласный контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи;

негласное получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами;

негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации;

негласный контроль почтовых и иных отправок;

негласное проникновение и (или) обследование места;

негласное наблюдение за лицом или местом;

негласная контролируемая поставка;

негласный контрольный закуп;

негласное внедрение в преступную среду и (или) имитация преступной деятельности.

При этом подчеркивается, что негласные следственные действия проводятся тогда, когда иными средствами невозможно обеспечить выполнение задач, предусмотренных ст. 8 УПК Республики Казахстан.

¹ Нами опрошены 83 % из 300 научных и практических работников, специалистов в области теории и практики ОРД, а также подавляющее большинство отечественных экспертов (23 из 25) из числа руководителей оперативных подразделений и известных ученых, специалистов в области ОРД и смежных наук, которые поддержали данные предложения.

В анализируемой гл. 30 УПК Республики Казахстан даются определения всех видов негласных следственных действий, содержатся условия и основания их проведения; установлены порядок и содержание постановления о проведении негласных следственных действий; порядок их санкционирования; особенности проведения в случаях, не терпящих отлагательства; установлены сроки проведения негласных следственных действий, а также порядок представления результатов негласных следственных действий, исследования информации, полученной в результате проведения негласного следственного действия, и ее использования в качестве доказательств; предусмотрена оценка и использование результатов негласных следственных действий в документировании; установлен порядок ознакомления с материалами, не приобщенных к протоколам негласных следственных действий; определены мероприятия по защите информации в уголовном процессе¹. В частности, орган досудебного расследования использует все предусмотренные законом средства «для ограничения распространения полученных в результате негласного следственного действия сведений, если они затрагивают тайну частной жизни лица или касаются иной охраняемой законом тайны» (ч. 3 ст. 241).

В гл. 30 УПК, других новеллах уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан не остались без внимания и традиционные следственные действия, которые могут получить развитие в сторону повышения и эффективности за счет негласного компонента.

Если говорить о Республике Беларусь, то предусмотренные в ст. 5 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскные мероприятия относятся к категории наиболее сложных и рискованных с точки зрения возможности обоснованного, но на практике иногда и необоснованного вторжения в сферу охраняемых Конституцией Республики Беларусь прав и свобод человека, ограничение которых допускается «только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц» (ст. 23 Конституции). К таким оперативно-розыскным мероприятиям относятся: сбор образцов; исследование предметов и документов; оперативный осмотр; наблюдение; проверочная закупка; контролируемая поставка; слуховой контроль; контроль в сетях электросвязи; контроль почтовых отправлений; оперативное внедрение; оперативный эксперимент.

Несмотря на незначительные различия в наименовании отдельных видов оперативно-розыскных мероприятий согласно Закону «Об оперативно-розыскной деятельности» в Республике Беларусь и негласных следственных действий в соответствии со ст. 231 УПК Республики Казахстан суть новелл уголовно-процессуального законодательства Казахстана от этого не меняется и остается наглядным примером адекватного государственного реагирования на происки современного криминалитета.

Возвращаясь к системе сыска Республики Беларусь, следует отметить, что научных и практических работников формирующейся в стране системы сыска, руководителей оперативных подразделений правоохранительных органов Республики Беларусь беспокоят, несмотря на устойчивую тенденцию к снижению количества регистрируемых на территории республики преступлений, глубинные процессы в криминальной сфере, обусловленные рецидивной преступностью, постоянно притягивающей на свою орбиту новых членов, в том числе молодежь, несовершеннолетних, подростков и даже детей.

Система сыска предусматривает тесное взаимодействие оперативных подразделений, их руководителей и сотрудников между собой, с другими службами МВД, МЧС, КГБ Республики Беларусь, с подразделениями и сотрудниками Следственного комитета и Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, государственными органами, организациями, имеющими, согласно ст. 113 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», права и обязанности в связи с осуществлением оперативно-розыскной деятельности.

¹ В ч. 1 ст. 241 подчеркнута, что «сведения о факте производства негласного следственного действия и информация, полученная в результате его проведения, до окончания негласного следственного действия являются конфиденциальными, за разглашение которых лица, вовлеченные в его производство, несут установленную законом ответственность».

Сведения о методах проведения негласных следственных действий, лицах, которые их проводят, в том числе лицах, осуществляющих деятельность на конфиденциальной основе и в конспиративной форме, составляют государственные секреты и не подлежат разглашению» (ч. 2 ст. 241 УПК Республики Казахстан).

Статья 10 Закона предусматривает также права и обязанности граждан в связи с осуществлением оперативно-розыскной деятельности, а гл. 8 этого закона целиком посвящена содействию граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, их защите.

Анализируя публикации А.Ю. Шумилова [3], мы приходим к однозначному выводу о том, что в развитии теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел произошел прорыв в область новой науки о профессиональной сыскной деятельности, которая названа сыскологией.

Рассматривая новеллы законодателей Казахстана, включивших в УПК негласные следственные действия, необходимо в сотрудничестве с учеными Академии МВД Республики Казахстан, по чьей инициативе включена в УПК гл. 30 «Негласные следственные действия», направить взаимодействие исследователей в русло изучения опыта применения этих кардинальных новшеств. Во-первых, если негласные следственные действия будут осуществлять непосредственно следователи, то они и их подразделения должны стать субъектами оперативно-розыскной деятельности (сыска). Во-вторых, если подразумевается и будет осуществлено использование для проведения негласных следственных действий сил, средств и методов ОРД (сыска), важно разобраться с характером, системой и порядком взаимодействия следователей и оперативных работников (сыщиков), с их правовым положением, фактическим и правовым статусом. Следовательно, оперативные подразделения и их должностные лица должны по УПК стать субъектами не только органа уголовного преследования, но и предварительного расследования в целом [1, с. 165–167].

Необходимость учета человеческого фактора в сыске и сыскологии потребует пристального внимания к их субъектам и участникам, вопросам профессионального обучения и повышения профессиональной квалификации, научно-педагогической подготовки.

Для этого необходимо будет научное и учебно-методическое, дидактическое обеспечение, а значит, и научное исследование проблем обучения, нравственно-психологической закалки и воспитания сыщиков.

Завершая рассмотрение избранной темы, выскажем убеждение, что выводы делать рано, необходимо и дальше расширять изыскания, научные поиски адекватных требованиям времени способов и средств защиты прав и законных интересов человека, общества, государства, в числе которых издревле была и остается необходимость обеспечить правопорядок и безопасность людей, своевременное реагирование на любые негативные изменения в состоянии, динамике и характере преступности, которые могут быть выявлены посредством широкого внедрения в практику правоохранительных органов оперативно-розыскного (сыскного) мониторинга криминологической и оперативно-розыскной (сыскной) обстановки.

Представляя авторское определение сыска, надеемся получить отклики, замечания и предложения по указанной ниже дефиниции.

Результаты многолетних исследований истории, теории и практики противодействия преступности позволяют заключить, что сыск – это исторически обусловленный диалектически оправданный и социально полезный вид юридической деятельности, являющийся одним из эффективных государственно-правовых средств защиты жизни, здоровья, прав и законных интересов граждан, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, осуществляемый гласно и негласно оперативными подразделениями правоохранительных органов на научной, законодательной и нравственной основе.

Список использованных источников

1. Басецкий, И.И. Роль оперативных подразделений и их должностных лиц в осуществлении процессуальной функции уголовного преследования / И.И. Басецкий, В.Ч. Родевич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2009. - № 2. – С. 165–167.
2. Родевич, В.Ч. Методологические основы, оперативно-правовые и этические проблемы института субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности / В.Ч. Родевич ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск, 2017. – 222 с.
3. Шумилов, А.Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации : в 3 т. / А.Ю. Шумилов. – М. : Изд. дом Шумиловой И.И., 2013. – Т. 1 : Оперативно-розыскная деятельность и формирование науки о ней. – 455 с.

I.I. Basetsky, *Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Belarus, Professor at the Department of Operational Investigative activity of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Editor-in-Chief of the journal "Bulletin of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus"*

ABOUT THE REAPPROCHEMENT OF THE DETECTIVE ACTIVITY AND CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION

The provisions of Chapter 30, included in the current CPC of the Republic of Kazakhstan, together with our proposals on the role of operational units and their officials during the implementation of the criminal procedural function of criminal prosecution

Keywords: detective and criminal procedural legislation, detective measures under the Law on Detective Activity of the Republic of Belarus, secret investigative actions under the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

УДК 343.85

А.А. Ескендиоров, кандидат юридических наук, начальник Института послевузовского и дополнительного образования Алматинской академии МВД Республики Казахстан
(e-mail: aidos.78@mail.ru)

ИНСТИТУТ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Анализируется формирование института ювенальной юстиции в Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). Рассматривается международная практика, ее положительная и отрицательная стороны. Мировая практика показывает, что реализация задач по защите прав ребенка невозможна без проведения всесторонних и глубоких исследований закономерностей и тенденций развития молодого поколения, без объективного анализа социальных условий и процессов, оказывающих влияние на формирование сознания и поведение детей и подростков, их жизнедеятельность. И особое значение в этом имеют инициативы государства и общества, должностных лиц и общественности в обеспечении здорового будущего детей. Акцентируется внимание на том, что государство должно направить все усилия на развитие основных положений законодательства в отношении несовершеннолетних во всех сферах их жизнедеятельности с целью формирования здорового поколения будущих граждан.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, национальная модель, планы и стратегии, омбудсмен, уполномоченный по правам ребенка, координация, эффективность, пресечение, нарушения.

Реформирование национальной модели ювенальной юстиции – комплексный, поэтапный и сложный процесс. Впервые национальные планы и стратегии в области ювенальной юстиции были приняты в двух странах Центральной Азии: на 2009–2011 гг. в Казахстане (Концепция развития системы ювенальной юстиции и План действий по ее реализации); на 2010–2015 гг. в Таджикистане (Национальная комиссия по правам ребенка приняла Национальный план действий по реформированию системы ювенальной юстиции).

Так, сегодня институт ювенальной юстиции расширяет свои горизонты, но при этом еще отмечаются отдельные моменты. Общими недостатками организационно-правового характера стран центральноазиатского региона, внедряющих институт ювенальной юстиции, являются следующие: отсутствие отраслевого закона, посвященного конкретно институту ювенальной юстиции; отсутствие межминистерского или межсекторального органа, координирующего социальные вопросы в сфере ювенальной юстиции.

Сложившаяся ситуация и отсутствие активности в других странах региона (Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан) объясняется рядом причин. Во первых, имеет место низкий уровень интереса к ювенальной юстиции как правовому институту. Во-вторых, характер принимаемых мер (в Кыргызстане законодатели ограничились лишь принятием постановления Правительства Кыргызской Республики «Об утверждении Положения о Межведомственном координационном совете по ювенальной юстиции при Правительстве Кыргызской Республики» от 3 мая 2013 г. № 232). В-третьих, в сфере ювенальной юстиции отсутствует единый координирующий орган. Так, в Туркменистане вопросами развития ювенальной юстиции занимаются Национальный институт демократии и прав человека и Межминистерская комиссия по выполнению международных обязательств по правам, однако ни одна из этих организаций не отвечает за координацию деятельности, касающейся ювенальной юстиции. В Кыргызстане Межведомственный план действий по реформированию системы защиты детей и развитию государственных со-

циальных услуг на 2009–2010 гг. предусматривал создание Национального координационного совета по вопросам ювенальной юстиции, который так и не был создан. В Узбекистане Национальную комиссию по делам несовершеннолетних возглавляет Генеральный прокурор Республики Узбекистан. В мандат данной комиссии входит координация деятельности министерств и других государственных органов по вопросам предупреждения правонарушений и защиты прав детей. Решения комиссии имеют обязательную силу, но она не имеет прямого мандата на координацию деятельности в области ювенальной юстиции как таковой. В-четвертых, профильные органы не желают делить с другими структурами контроль над юридическими и социальными вопросами, касающихся детей. В-пятых, министерства и другие государственные учреждения не желают подвергнуть внимательному изучению установившуюся политику и практику.

Ни в одной из стран региона, кроме Казахстана, нет специализированного независимого органа, имеющего установленный законом мандат по защите прав детей. В Узбекистане (с 1997 г.), Кыргызстане (с 2002 г.), Таджикистане (с 2008 г.) и Туркменистане (с 2017 г.) действуют исключительно институты Уполномоченного по правам человека. Региональные омбудсмены (уполномоченные по правам человека) заняты рассмотрением жалоб граждан и передачей их уполномоченным органам и должностным лицам. Однако оценка их деятельности показывает, что они пока не играют активной роли в защите прав детей, соприкасающихся с системой ювенальной юстиции, и эффективность их действий остается ограниченной. Ни один из них не является членом Форума национальных правозащитных организаций – международного органа, членство в котором обусловлено соответствием стандартам ООН в области независимости (Парижские принципы, принятые резолюцией Генеральной ассамблеи ООН 48/134 от 20 декабря 1993 г.).

В Казахстане Уполномоченный по правам человека действует с 2002 г. Его мандат и полномочия были расширены в 2004 г., а в 2006 г. создана специальная секция по правам детей. Позже в целях совершенствования национальной системы защиты прав ребенка и создания благоприятных условий для жизни детей Указом Президента Республики Казахстан от 10 февраля 2016 г. № 192 был создан институт Уполномоченного по правам ребенка в Республике Казахстан.

Именно в Казахстане система ювенальной юстиции выглядит наиболее компетентной. В ней кроме института Уполномоченного по правам ребенка действуют:

- региональные департаменты по охране прав детей;
- специализированные межрайонные суды по делам несовершеннолетних (так называемые ювенальные суды);
- ювенальная полиция местной полицейской службы ДВД;
- отделы прокуратуры по надзору за применением законодательства о несовершеннолетних;
- комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (при акимате города, района, области);
- специализированные ювенальные юридические консультации городских и областных коллегий адвокатов (так называемые ювенальные адвокаты);
- социальные службы (органы опеки и попечительства, детские психологи, социальные педагоги);
- специализированные учебно-воспитательные, лечебно-воспитательные и медико-социальные учреждения (центры адаптации несовершеннолетних, детские дома, организации образования для детей с девиантным поведением и с особым режимом содержания);
- органы и учреждения пенитенциарной системы (служба пробации, воспитательная колония).

В большинстве стран центральноазиатского региона сформированы компетентные органы по мониторингу прав человека, что является серьезным шагом к формированию основ национальной демократии и законности. Однако создание таких органов полезно только в той степени, в какой они способствуют пресечению безнаказанности в случае нарушений прав детей, особенно в контексте правоохранительной и пенитенциарной систем.

Открытая информация о фактах нарушения прав ребенка до сих пор остается мизерной, не позволяя объективно оценить степень безнаказанности виновных либо эффективности правоохранительных органов и суда. По фактам насилия в отношении детей и подростков, рассмотренных прокуратурой, полицией и уполномоченным по правам человека, необходима высокая степень прозрачности. Данные о количестве уголовных и административных дел, касающихся

детей, характере жалоб, выводах и принятых мерах должны публиковаться ежегодно, при этом необходимо обеспечивать защиту конфиденциальности действующих лиц, как потерпевших, так и правонарушителей.

Практика должна быть пересмотрена таким образом, чтобы несовершеннолетние не содержались под стражей, если не исчерпаны все возможные альтернативы и им гарантированы соответствующие условия содержания, если короткий период ареста является неизбежным. Реабилитационные программы в отношении несовершеннолетних осужденных должны быть усилены включением профессионального обучения, широкого круга культурно-просветительских и спортивно-развлекательных мероприятий, проведения психосоциальной оценки и оказания коррекционно-медицинской помощи.

Необходимо предпринять усилия по снижению практики помещения малолетних и несовершеннолетних в организации образования с особым режимом содержания либо перепрофилирования их в учреждения открытого или полукрытого типа. Специализированные организации образования должны ставить своей целью возвращение воспитанников в кратчайшие сроки и применять соответствующие методы работы с семьями воспитанников. Потребность в специализированных учреждениях для беспризорных и безнадзорных детей должна быть проанализирована с учетом мнения и опыта самих детей. Необходимо наращивать возможности оказания правовой и психосоциальной помощи детям и их семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Национальным омбудсменам не хватает юридической независимости, необходимой для решительной защиты прав детей, некоторые испытывают нехватку кадровых и материально-технических ресурсов. Тенденция к более тесному сотрудничеству с гражданским обществом – позитивный фактор, который вероятнее всего позволит омбудсменам стать более независимыми и повысить эффективность деятельности. Следует стимулировать участие гражданского общества в планировании и реализации правовой реформы, разработке политики и стратегии, оказании услуг в области профилактики преступности, правовой помощи, реабилитации и реинтеграции в общество.

Опыт стран Западной Европы свидетельствует о том, что эффективные координационные органы могут играть активную роль в развитии системы ювенальной юстиции. Вместе с тем было бы ошибочно делать вывод о том, что отсутствие таких механизмов является причиной медленных либо непоступательных темпов развития института ювенальной юстиции. Вероятнее всего, за исключением Казахстана, что отсутствие эффективных координационных органов является признаком относительно слабой политической воли в отношении развития данного правового института.

Таким образом, можно заключить, что приведение национальных систем ювенальной юстиции в полное соответствие с международными стандартами прав ребенка требует создания:

- всеобъемлющей системы, обладающей необходимыми ресурсами и укомплектованной квалифицированными специалистами;

- системы, позволяющей государственным органам и должностным лицам реагировать на противоправное поведение, обеспечивая тем самым права малолетних и несовершеннолетних правонарушителей с одновременным сокращением риска повторного нарушения закона и защищая права других членов общества;

- системы, деятельность которой должна быть направлена на эффективную консолидацию системы органов образования и социального обеспечения;

- системы видов и мер ответственности государственных органов, должностных лиц и граждан при неисполнении своих профессиональных и семейных обязанностей должным образом.

Страны Центральной Азии должны продолжать работу по развитию всеобъемлющих систем ювенальной юстиции, адаптированных к их потребностям и обстоятельствам, уважающих права детей и эффективно предупреждающих рецидив нарушения закона. Обоснованной видится проведение постоянной информационно-разъяснительной работы для усиления политической поддержки развития ювенальной юстиции. Сильная политическая воля на высшем уровне необходима для обеспечения эффективной координации, гарантии выделения достаточных ресурсов и пресечения безнаказанности в случаях насилия.

A.A. Yeskendirov, Candidate of Juridical Sciences, Chief of Institute Postgraduate and Additional Education of Almaty Academy of the MIA of the Republic of Kazakhstan
INSTITUTE OF JUVENILE JUSTICE IN CENTRAL ASIA

The article is devoted to the formation of the institution of juvenile justice in Central Asia (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan). An important role in this is given to the analysis of international practice, its positive and negative aspects. World practice shows that the implementation of tasks to protect the rights of the child is impossible without comprehensive and in-depth studies of the laws and trends of development of the younger generation, without an objective analysis of social conditions and processes that affect the formation of consciousness and behavior of children and adolescents, their livelihoods. And the initiatives of the state and society, officials and the public in ensuring a healthy future for our children have special significance in this. The state must make every effort to develop the basic provisions of the legislation on minors in all spheres of their life activities with a view to forming a healthy generation of future citizens.

Keywords: juvenile justice, national model, plans and strategies, ombudsman, ombudsman for children's rights, coordination, effectiveness, suppression, violations.

УДК 343.35

А.Н. Осяк, кандидат юридических наук, начальник кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России

(e-mail: ruimvdadmpravo@mail.ru);

Ю.В. Капранова, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России

(e-mail: ruimvdadmpravo@mail.ru);

Г.М. Овсянян, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России

(e-mail: ruimvdadmpravo@mail.ru).

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕРЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ

Рассматриваются приоритетные направления борьбы с коррупцией в международном и национальном масштабах. Анализируются эффективные методы борьбы с коррупцией на основе изучения современных методов измерения коррупционных проявлений в социологии, экономике, государственном управлении. Выявляется взаимосвязь приоритетных направлений борьбы с коррупцией и объективной системой показателей коррупции. Предлагается использовать для измерения коррупции технологию извлечения и обработки публично доступных данных: математическо-статистические методы.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное законодательство, направления борьбы с коррупцией, измерение коррупции, система показателей.

Коррупция подрывает конституционные основы любого государства, снижает эффективность власти, доверие населения к институтам государства, потенциал развития экономики и наносит вред национальной безопасности в целом. Как социальное явление коррупция трудноискоренима, присуща большинству стран мира, в том числе бывшим социалистическим странам, требует продолжения системного противодействия ее распространению и принятия мер по сокращению коррупционных проявлений, в том числе посредством дальнейшего совершенствования законодательства в области противодействия коррупции.

В Конвенции ООН против коррупции (1993 г.) в вопросах противодействия коррупции значительное внимание уделено именно вопросам предупреждения коррупционных проявлений. В рамках политики многих стран в соответствующих стратегиях борьбы с коррупцией осознана и воплощается практика, согласно которой необходимо воздействовать на источник данного явления: на причины и складывающиеся условия в сферах экономики и государственного управления; осуществлять профилактику данного негативного явления и предупреждать коррупционные проявления [1, с. 16–23]. В связи с указанным для каждого государства приоритетом вы-

ступает разрешение актуальных вопросов, связанных с определением основных направлений борьбы с коррупцией и измерением ее параметров.

Изучение мер антикоррупционного законодательства России, мер противодействия коррупции в Беларуси, Казахстане, Узбекистане, Таджикистане и ряде иных государств позволило выявить сходные закономерности проводимых разными государствами реформ в рассматриваемой сфере. К составным частям антикоррупционного механизма различных государств относятся: укрепление дисциплины и законности государственных служащих, ужесточение требований на замещение соответствующих должностей; усиление контроля за расходами должностных лиц; развитие института общественного контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства; проведение анализа следственной и судебной практик; совершенствование антикоррупционного законодательства и т. д. [2, с. 22–26].

К приоритетным направлениям деятельности по борьбе с коррупцией в России относятся профилактика (противодействие) коррупционных преступлений в случаях: незаконной передачи федерального имущества в иную собственность или пользование третьих лиц; незаконного завышения тарифов и вывода из оборота имущества предприятий сферы жилищно-коммунального хозяйства; землепользования; недропользования и оборота водных биологических ресурсов; проведения конкурсов на заключение государственных и муниципальных контрактов (лоббирования интересов коммерческих структур должностными лицами); выполнения предприятиями и организациями работ по инженерным изысканиям, архитектурно-строительному проектированию, строительству, реконструкции и капитальному ремонту; негосударственного сектора экономики, внебюджетных фондах и общественных организациях и ряда других [3, с. 229].

Научные исследования, связанные с разработкой системы показателей коррупции, позволяющей измерить масштаб этого явления, проводятся в социологии, экономической теории, государственном управлении и имеют свою специфику. Обобщая все известные подходы, можно условно определить, что коррупция – это злоупотребление властью с целью получения личной выгоды. Междисциплинарный характер коррупции как сложного социально-культурного явления обуславливает сложности определения ее основных параметров. Проблемы измерения коррупции в различных областях знания сталкиваются с принципиальными вопросами по их валидности (критерии измерения) и надежности (способы измерения).

В рамках социологических исследований вопросам измерения уровня коррупции в различных странах посвящена деятельность различных организаций (BEEPS, WEF, NIT и др.), в том числе одной из самых известных – Transparency International (неправительственная международная организация по борьбе с коррупцией и исследованию коррупции по всему миру), которая с 1995 г. составляет ежегодный рейтинг стран по индексу восприятия коррупции (по 100-балльной шкале). Традиционно самый высокий индекс и соответственно один из самых низких уровней коррупции отмечается в Новой Зеландии, Дании, Финляндии, Норвегии и Швейцарии. Однако в различные годы повышение индекса одних стран может быть напрямую связано с понижением индекса других, их исключением из списка, хотя существенно меры в сфере противодействия коррупции в поднимающихся по списку странах не меняются. Данный индекс часто является дискриминационным, отражающим политическую конъюнктуру, личным восприятием коррупции в различных государствах отдельных экспертов-политиков и предпринимателей западных стран. Вообще можно отметить, что в рамках социологических исследований критерии коррупции расплывчаты, субъективны, эксперты в целом оценивают общественное мнение, восприятие различными группами населения степени открытости правительства, обеспечения свободы прессы, гражданских прав и независимости судебной системы, степени распространения взяточничества и т. д.

По причине формирования коррупции в социально-экономическом поле ее измерение возможно и на основе синтеза основных парадигм экономической теории. В некоторых экономических исследованиях признается, что коррупция чиновников как разновидность форм рентоориентированного поведения должностных лиц в разных странах может порождаться легально и быть морально одобряемой антикоррупционной практикой, когда появляются правовые возможности извлекать рентно-должностные доходы не путем прямого нарушения закона, а, наоборот, путем использования легальных антикоррупционных методов для их создания и закрепления за определенными хозяйствующими субъектами. В рамках подобной теории количе-

ственные критерии оценки коррупции не разрабатываются. Основным критерием отграничения рентоориентированного легализованного поведения чиновника от коррупционного поведения признается наличие в последнем признака криминальности, способствующего формированию нелегальных доходов должностного лица, корыстному поведению, извлечению прибыли из служебного положения за счет всего населения, провоцированию населения на коррупционные действия, подрыву основ порядка и устойчивости экономики [4, с. 199]. В других экономических исследованиях на основе антикоррупционного законодательства, изучении административных процедур в вопросах измерения коррупции предпочтение отдается математико-статистическим методам определения системы показателей коррупционных проявлений, когда измеряются количественные показатели: размещенные заказы на официальном портале государственных закупок Российской Федерации, суммы по заключенным контрактам, жалобы на действия (бездействие) заказчика, оператора электронной площадки, конкурсной, аукционной комиссии, доля жалоб, признанных обоснованными по существу, и т. д. [5, с. 254–259].

В рамках институциональных исследований коррупцию предлагается измерять через публичную презентацию активности организаций, общественный контроль и безопасность заявителей о коррупции. В открытый доступ в интернет выкладывать планы, промежуточные результаты и итоги борьбы с коррупцией в министерствах, ведомствах, учреждениях [6, с. 22].

Следует отметить, что международные исследования по измерению коррупции, определению ее индекса в рамках социологических исследований из-за отсутствия объективных единообразных измерительных технологий несостоятельны. В рамках международного сотрудничества возможно создание единого органа, измеряющего индексы коррумпируемости стран на основании единого, доступного и прозрачного перечня показателей для расчетов, исходящего прежде всего из единообразного понимания коррупции и составляющих его проявлений, что должно быть поддержано едиными параметрами оценки коррупционных проявлений в национальных базах данных, статистическими методами количественного анализа коррупционных преступлений и т. д. Однако это труднодостижимо, так как имеют место существенные различия в национальных правовых системах. Изучение только количественных показателей, статистических учетов различных стран в сфере противодействия коррупции без сравнения их содержательного компонента не дает достоверной картины показателей коррупции в связи с национальными особенностями экономики, политики, теории и практики нормотворчества, правоприменения в сфере противодействия коррупции различных стран. И здесь видится необходимость гармонизировать национальные законодательства государств [7, с. 189–192].

Показатели преступности в России за 2015–2017 гг. говорят о том, что в России эффективно осуществлялась борьба с коррупцией и раскрываемость составляла 97 % (согласно данным МВД РФ). Однако исследование содержательных характеристик коррупционных проявлений, положенных в основу приведенной статистики, приводят к выводу о том, что такие высокие показатели были достигнуты за счет бытовой, мелкой коррупции, по степени ущерба это была лишь видимость активной борьбы с коррупцией по сравнению с крупными сферами коррупционных проявлений: кредитно-финансовой, жилищно-коммунальной, строительства, закупок, взносов в различные фонды и т. д. Погоня за количественными статистическими показателями в сфере бытовой коррупции не позволяла сосредоточиться на выявлении более крупных и опасных преступлений.

Указанные обстоятельства были осмыслены российским законодателем, вследствие чего в 2016 г. уголовное законодательство в сфере противодействия коррупции в России претерпело существенные изменения. Так, в УК РФ была введена ст. 291.2, предусматривающая ответственность за мелкое взяточничество, которое в настоящий момент отнесено к преступлениям небольшой тяжести и не требует производства предварительного расследования.

В этой связи в 2017 г. в субъектах Российской Федерации стала прослеживаться общая тенденция снижения показателей по борьбе с коррупцией (от 30 до 70 %). Так, в 2017 г. число преступлений, предусмотренных ст. 290 УК в России по сравнению с 2016 г. снизилось на 40,3 % в общей доле коррупционных преступлений (с 5 344 до 3 188). Число преступлений, предусмотренных ст. 291 УК, на территории РФ снизилось на 51 % (с 4 640 до 2 272) (согласно данным Генеральной прокуратуры РФ). Изменение параметров статистического учета противодействия коррупции в 2017 г. снизило количественные показатели, но позволило улучшить качественные, связанные с

организацией деятельности по выявлению тяжких преступлений в различных отраслях экономики, социальной сфере, совершенных в крупном и особо крупном размерах.

Таким образом, очевидно, что измерение коррупции обуславливает необходимость введения системы объективных показателей, например в сфере экономики, опирающихся на определенные маркеры коррупции при заключении государственных контрактов, закупок (лоббирование интересов, дискриминационные условия тендеров и т. д.), в условиях информатизации и публичности баз данных о государственных контрактах, расходовании бюджетных средств, которые возможно извлечь и математически обработать.

В сфере управления в условиях современной информатизации коррупцию также возможно измерить объективно на основе технологии извлечения и обработки публично доступных данных (законодательно предусмотреть и контролировать обязательное опубликование информации и размещение в сети Интернет): о доходах и расходах должностных лиц; данных о результатах общественного контроля; вынесенных судебных решениях по коррупционным правонарушениям; деятельности государственных и муниципальных органов по предоставлению услуг, принятию решений в сфере приватизации, выделения земельных участков, жилья и т. д.; финансировании политических партий в период избирательных кампаний; публичном обсуждении и проведении антикоррупционных экспертиз нормативных правовых актов и т. д.

Подводя итоги, важно отметить, что в настоящее время критерии измерения коррупции сложно сделать универсальными, они специфичны для каждой страны, должны рассчитываться согласно особенностям экономического уклада страны, степени влияния коррупционных проявлений на социальные и экономические сферы, нанесения вреда национальной экономике, эффективности управления, качества предоставляемых услуг населению. Вместе с тем важно подчеркнуть: чтобы показатели коррупции были эффективными средствами борьбы с коррупцией, они должны быть законодательно закрепленными и математически измеряемыми. Использование системы объективных показателей на основе математических и статистических методов измерения коррупции позволит с высокой степенью определенности выявить те сферы экономики и управления, в которых совершается наибольшее число нарушений, имеющих коррупционный потенциал, и определить приоритетные направления борьбы с коррупцией, совершенствовать законодательство, в перспективе снизить коррупционные риски, обеспечить прозрачность государственного управления, экономический рост.

Список использованных источников

1. Кабанов, П.А. Контрольные функции региональных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений / П.А. Кабанов // Мониторинг правоприменения. – 2016. – № 4. – С. 16–23.
2. Василевич, Г.А. Правовые аспекты борьбы с коррупцией в Республике Беларусь / Г.А. Василевич // Журн. рос. права. – 2012. – № 7. – С. 22–26.
3. Осяк, А.Н. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в России / А.Н. Осяк, В.В. Осяк, Ю.В. Капранова // Совершенствование деятельности правоохранительных органов с учетом современных реалий : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Актобе, 17 ноября 2017 г. / АЮИ МВД РК им. М. Букенбаева. – Актобе, 2017.
4. Барышев, А.А. Парадигматика и современные средства объективного измерения и теоретического моделирования коррупции в российских условиях / А.А. Барышев, Е.В. Щекотин // Институциональная трансформация экономики: пространство и время : сб. докл. V Междунар. конф. : в 2 т. / Кемер. гос. ун-т. – Кемерово, 2017. – Т. 1. – С. 196–202.
5. Фадеев, В. Математико-статистические подходы к измерению влияния и противодействию коррупции / В. Фадеев // Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. – 2012. – № 1. – С. 254–259.
6. Черняева, Т.И. Коррупция в институциональном измерении / Т.И. Черняева // Противодействие коррупции: государственная политика и гражданское общество : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 24–25 сент. 2015 г. / Рос. акад. народ. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации ; редкол.: В.Л. Чепляев [и др.]. – Саратов, 2015.
7. Левакин, И.В. Гармонизация антикоррупционного законодательства России и Беларуси / И.В. Левакин // Актуал. проблемы рос. права. – 2015. – № 10. – С. 189–192.

Дата поступления в редакцию: 10.09.18

A.N. Osyak, Candidate of Juridical Sciences, Head of the Department of Administrative Law of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia; Y.V. Kapranova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of

Administrative Law of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia; G.M. Ovsepyan, Candidate of Juridical Sciences, Lecturer at the Department of Administrative Law of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

THE PRIORITY DIRECTIONS OF FIGHT AGAINST CORRUPTION IN THE CONTEXT OF MEASURING CORRUPTION

The article examines the priority areas of the fight against corruption on the international and national scale. The authors search for effective methods of fighting corruption on the basis of the study of modern methods of measuring corruption in sociology, economics, public administration. The interrelation of priority directions of fight against corruption and objective system of indicators of corruption is revealed. It is suggested that corruption can be measured objectively based on the technology of extraction and processing of publicly available data. It is proposed to measure the main indicators of corruption with the help of mathematical and statistical methods, for which it is necessary to develop legislation, to place on the Internet and monitor certain indicators, then to summarize and analyze statistical data on compliance with legislation in the fields of economy and management, in order to identify those areas in which the greatest number of violations.

Keywords: corruption, anti-corruption legislation, directions of fight against corruption, corruption measurement, system of indicators.

УДК 342.951:351.82

В.А. Поникаров, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России;

Л.В. Павлова, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России

(e-mail: Lyupavlova@yandex.ru);

Н.Н. Мацуков, начальник отдела международного сотрудничества Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail: intercop-acad-mvd-rb@yandex.ru).

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ ФУНКЦИЙ УПРАВЛЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Затрагивается проблема классификации управленческих функций в административной деятельности в учреждениях и органах УИС России и Беларуси. Рассматривается один из компонентов функции управления – принятие управленческого решения, который является сердцевинной управленческого процесса, т. е. создает основу упорядочения деятельности исполнителей, определяет порядок их взаимодействия. Характеризуется элемент организации – принятие решения в сфере административно-правоохранительной деятельности УИС. Выделенные различные классификационные группы принятия управленческих решений находятся в тесной взаимосвязи друг с другом и составляют системное единство в административно-правоохранительной деятельности УИС.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, функции управления, управленческое решение, классификация.

До сих пор учеными в области административного права не рассматривались функции управления в учреждениях и органах УИС, и в этой связи интерес представляют конкретные функции управления в пенитенциарной системе России и Беларуси.

Административно-правоохранительная деятельность в УИС – закрепленная в нормах административного и административно-процессуального права государственно-властная, управленческая, правоприменительная, правоохранительная деятельность учреждений и органов УИС по разрешению административно-правовых конфликтов и осуществлению управленческой (позитивной) деятельности.

К основным функциям управления административной деятельностью в учреждениях и органах УИС в России и Беларуси следует отнести прогнозирование, принятие решения, организацию, контроль и надзор, оценку результатов. При этом каждый элемент процесса управления может переходить из одного состояния в другое [1, с. 7]. Как один из элементов управленческой функции принятие соответствующего решения в административно-правоохранительной деятельности УИС требует более пристального внимания.

В процессе государственного управления административно-правоохранительной деятельностью учреждений и органов УИС России принимается достаточно большое количество разнообразных решений. Принятие решения считается функцией (элементом) организации управления административно-правоохранительной деятельностью в учреждениях и органах УИС. Отдельные ученые к принятию решения добавляют еще и планирование [2, с. 71].

Как компонент функции управления управленческое решение является сердцевину управленческого процесса и представляет собой сознательный акт субъекта управления, связанный с выбором цели действия, путей, способов и средств их достижения. Основу принятия управленческих решений составляет информационно-аналитическая работа [3, с. 4].

В свою очередь, именно управленческое решение создает основу упорядочения деятельности исполнителей, порядок их взаимодействия. Теория управленческого решения разработана наукой административного права и управления, которой исследованы его назначение, формы закрепления, предложена классификация отдельных видов управленческих решений [4–8].

Принятие решения непосредственно в сфере административно-правоохранительной деятельности УИС можно рассмотреть на нескольких примерах.

В соответствии с ч. 3 ст. 28.1 КоАП РФ дело об административном правонарушении может быть возбуждено должностным лицом УИС, но только при наличии поводов и достаточных данных (оснований), указывающих на наличие события административного правонарушения. Следовательно, возбуждение дела об административном правонарушении должностным лицом УИС является элементом управления, а также компонентом принятия решения непосредственно в административно-правоохранительной деятельности УИС.

Например, в соответствии со ст. 29.9 КоАП РФ должностное лицо УИС по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении обязано принять решение о вынесении постановлений о назначении административного наказания и о прекращении производства по делу. Вследствие этого вынесение соответствующего постановления по делу будет являться элементом принятия решения в административно-правоохранительной деятельности УИС.

В специальной литературе дается достаточно детальная общая классификация (систематизация) управленческих решений, однако видовая характеристика принятия решений в административно-правоохранительной деятельности УИС до сих пор отсутствует.

Для того чтобы любая организация обладала научной ценностью и практической значимостью, прежде всего необходимо правильно определить ее классификационные признаки – объективно существующие критерии.

В рамках рассматриваемого вопроса, беря за основу объективно существующие критерии, обозначенные в действующем законодательстве, необходимо выделить соответствующие классификационные виды управленческих решений:

по масштабу решаемых задач – обобщенные и конкретные управленческие резолюции, принимаемые в границах административно-правоохранительной деятельности УИС;

по сфере управленческой деятельности – внутриорганизационные и внешние управленческие решения, принимаемые в области административно-правоохранительной деятельности УИС;

по форме изложения – устные и письменные управленческие решения, принимаемые в рамках административно-правоохранительной деятельности УИС;

по юридической силе нормативно-правового регулирования – законодательно кодифицированные, подзаконные и ведомственные решения, принимаемые в пределах административно-правоохранительной деятельности УИС;

по характеру индивидуально-конкретных дел – административные, дисциплинарные, исполнительно-судебные, материально-финансовые управленческие решения, принимаемые в сфере административно-правоохранительной деятельности УИС.

В свою очередь, групповые элементы предложенной классификации в границах анализируемой деятельности требуют подробного рассмотрения.

1. По масштабу решаемых задач. В рамках административно-правоохранительной деятельности должностные лица УИС в зависимости от размаха, «охвата» решаемых задач имеют право принимать следующие обобщенные решения:

возбуждать дела об административных правонарушениях (п. 2 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ);

рассматривать дела об административных правонарушениях и выносить по ним соответствующие постановления (гл. 29 КоАП РФ);

исполнять некоторые постановления, например о наложении административного штрафа (ч. 5 ст. 32.2 КоАП РФ);

рассматривать обращения граждан (Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращения граждан Российской Федерации»);

реализовывать дисциплинарное производство (Инструкция о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, утвержденная приказом Минюста РФ от 6 июня 2005 г. № 76);

осуществлять материальное производство (Трудовой кодекс РФ);

воплощать в жизнь согласительное производство (ст. 85, 12 ст. 40 Конституции РФ).

Кроме того, в пределах административно-правоохранительной деятельности должностные лица УИС имеют право принимать следующие конкретные управленческие решения:

составлять протоколы об административных правонарушениях (Перечень должностных лиц уголовно-исполнительной системы Минюста России, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, утвержденный Приказом Минюста РФ от 28 июня 2002 г. № 182);

применять материально-финансовые наказания (ст. 241–243 Трудового кодекса РФ).

2. По сфере управленческой деятельности. В зависимости от нее принятия управленческих решений могут быть:

внутриорганизационные (например, в виде привлечения сотрудника УИС к дисциплинарной ответственности);

внешние (например, привлечение гражданина к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ст. 19.12 КоАП РФ).

3. По форме изложения. Управленческие решения, принимаемые в рамках административной юрисдикции УИС, возможно подразделить:

на устные (например, в соответствии со ст. 2.9 КоАП РФ при малозначительности совершенного административного правонарушения должностное лицо УИС, уполномоченное решать дело об административном правонарушении, может освободить лицо, совершившее такое правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием);

письменные (например, должностное лицо УИС, рассмотрев дело об административном правонарушении, в письменной форме выносит постановление о назначении административного наказания либо о прекращении производства по делу об административном правонарушении (ст. 29.9 КоАП РФ)).

4. По юридической силе. В зависимости от нормативного акта решения, принимаемые в пределах административно-правоохранительной деятельности УИС, могут быть:

законодательно кодифицированные (например, должностное лицо УИС принимает решение, основанное на законодательно кодифицированном нормативном акте (КоАП РФ, Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращения граждан Российской Федерации»);

подзаконные (например, начальник учреждения УИС принимает решение на основе Положения об условиях содержания лиц, задержанных за административные правонарушения, с учетом нормы питания и порядка медицинского обслуживания таких лиц, утвержденных постановлением Правительства РФ от 15 октября 2003 г. № 627);

ведомственные (например, начальник управления ФСИН по субъекту России принимает решение о дисциплинарном наказании своего подчиненного сотрудника в соответствии с Инструкцией о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Минюста РФ от 6 июня 2005 г. № 76).

5. По характеру индивидуально-конкретных дел. В соответствии с данным критерием управленческие решения, принимаемые в сфере административно-правоохранительной деятельности УИС, следует классифицировать:

на административные (КоАП РФ);

дисциплинарные (Трудовой кодекс РФ);

исполнительно-судебные (Федеральный закон о порядке рассмотрения обращения граждан Российской Федерации);

материально-финансовые (Трудовой кодекс РФ).

В принципе, похожие полномочия существуют и у сотрудников ОВД Республики Беларусь, которые проходят службу в УИС.

Предложенная классификация в рассмотренной сфере деятельности не является исчерпывающей, она предлагается для более глубокого понимания анализируемой проблемы. Выделенные различные классификационные группы принятия управленческих решений находятся в тесной взаимосвязи друг с другом и составляют системное единство в административно-правоохранительной деятельности УИС.

Список использованных источников

1. Корнев, А.П. Основы управления в органах внутренних дел / А.П. Корнев. – М., 2000. – 87 с.
2. Сасыков, Т.П. Административная юрисдикция в органах внутренних дел / Т.П. Сасыков. – М., 2002. – 118 с.
3. Организация информационно-аналитической работы в органах внутренних дел : метод. пособие / И.Н. Зубов [и др.] ; под ред. П.Т. Маслова. – М., 1998. – 114 с.
4. Бачило, И.Л. Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации) / И.Л. Бачило. – М., 1976.
5. Основы управления в органах внутренних дел : учебник / под ред. А.П. Корнев. – М. : Щит-М, 1996. – 208 с.
6. Лебедев, М.П. Государственные решения в системе управления социалистическим обществом / М.П. Лебедев. – М., 1974. – 88 с.
7. Тихомиров, Ю.А. Управленческое решение / Ю.А. Тихомиров. – М., 1972. – 108 с.
8. Юсупов, В.А. Право и советское государственное управление / В.А. Юсупов. – Казань : Изд-во Каз. университета, 1976. – 82 с.

Дата поступления в редакцию: 21.05.18

V.A. Ponikarov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia; **L.V. Pavlova**, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head at the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia; **N.N. Macukow**, Head at the Department of International Cooperations of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

IMPROVEMENT OF CLASSIFICATION OF MANAGEMENT FUNCTIONS IN ADMINISTRATIVE LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM OF RUSSIA

The problem of classification of administrative functions in the institutions and bodies of the penal correction system of Russia and the Republic of Belarus is touched upon. One of the components of the management function-management decision-making, which is the core of the management process. The management decision creates a basis for streamlining the activities of performers, the order of their interaction. The element of the organization – decision-making in the sphere of administrative and law enforcement activities of the penal system is characterized. Highlighted the different classification groups of managerial decision-making are closely linked to each other and constitute a unity in the system of administrative law enforcement, the correctional system.

Keywords: criminal executive system, management functions, management decision, classification.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

Сопроводительные документы Договор неисключительной лицензии, заполненный согласно требованиям и подписанный автором, в двух экземплярах (форма договора размещена на сайте Академии: <http://academy.mia.by/index.php/nauka/vestnik-akademii>), внешняя рецензия, рецензия члена редколлегии журнала, выписка из протокола заседания кафедры о рекомендации статьи к опубликованию. Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена печатью учреждения.

Общие требования Текст представляется на бумажном носителе и в электронном виде. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. В имени файла указывается фамилия автора. Формат А4. Поля – не менее 2,5 см. Абзацный отступ – 1 см. Междустрочный интервал – полуторный. Страницы нумеруются. Гарнитура Times New Roman, кегль – 14 пт. Объем статьи – 8–10 страниц.

Структура статьи *УДК.*
Сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, телефон (служебный, домашний), e-mail.
Название статьи.
Аннотация (100–150 слов).
Ключевые слова.
Текст статьи.
Все аббревиатуры и сокращения расшифровываются при первом упоминании в тексте. Рисунки, схемы, диаграммы должны быть четкими. В тексте статьи должны быть ссылки на рисунки и таблицы, если их более двух (*рис. 1, табл. 1*).
Ссылки на использованную литературу обязательны. Список цитируемых источников оформляется по тем же правилам, что и в диссертации. Список размещается в конце статьи, ссылки располагаются по мере упоминания в тексте. Порядковые номера ссылок в тексте должны быть написаны в квадратных скобках (например, [1], [2]).
Английская версия сведений об авторе, названия статьи, аннотации и ключевых слов размещается после библиографических ссылок (ответственность за достоверность перевода несет автор).

**Редакция журнала оставляет за собой право не публиковать статьи,
не соответствующие предъявляемым требованиям,
а также не возвращает рукописи статей и электронные носители.**